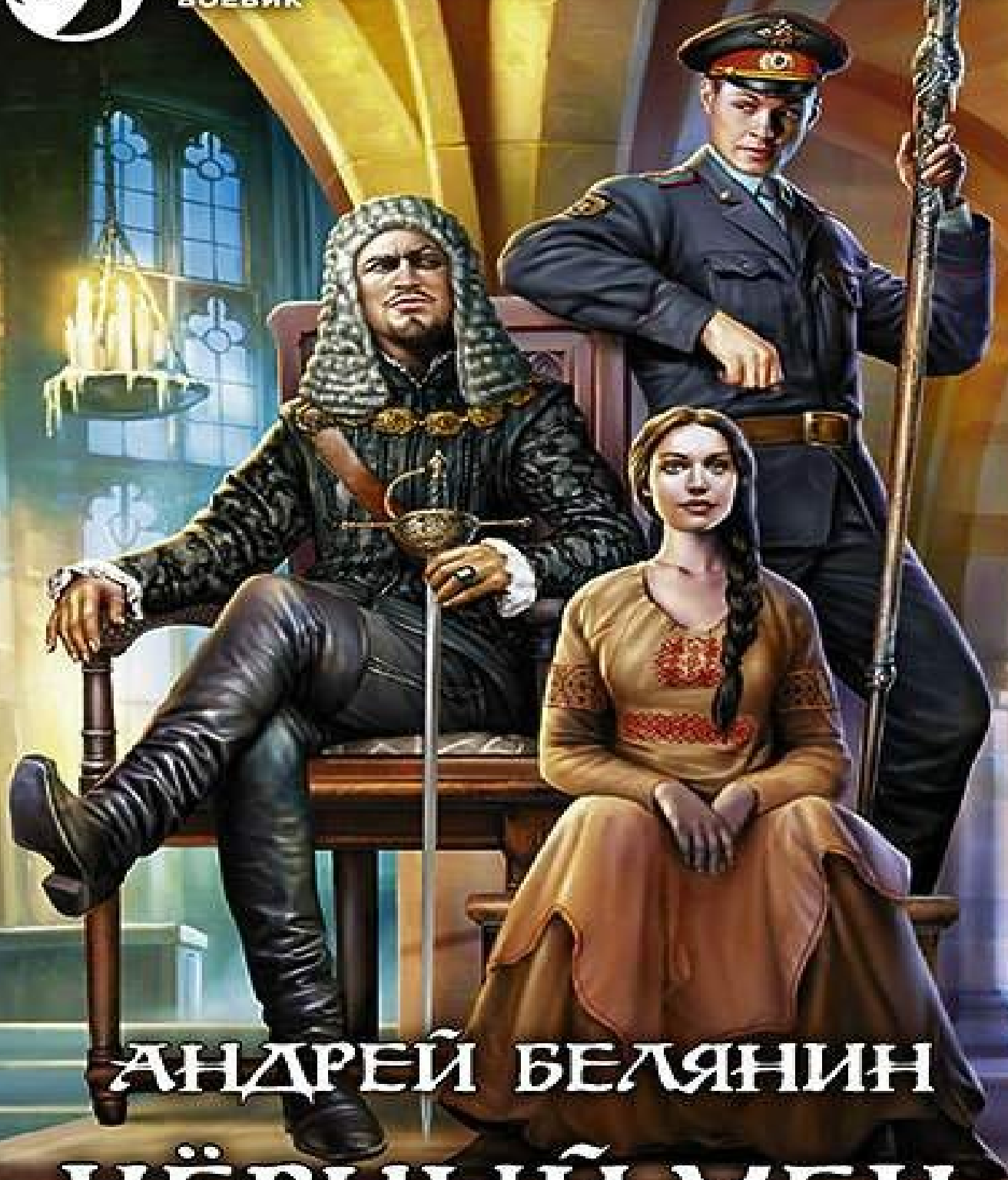

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ЧЁРНЫЙ МЕЧ
ЦАРЯ КОЩЕЯ

Annotation

На Руси всегда воруют. Только-только я успел жениться, как родное Лукошкино накрыло новое страшное преступление. В один миг неизвестной силой похищены: наша царица Лидия Адольфина, Митина невеста Маняша и... моя жена! Угадайте, кому за всё это братья? Тем более если Кощей найден мёртвым, Баба-яга влюбилась в подозреваемого, а мой верный напарник Митька стал Серым волком, с той же силой и неуёмной фантазией. Мне-то что делать прикажете? Собрать волю в кулак — и всех спасать.

-
- [Андрей Белянин](#)

-

Андрей Белянин
Черный меч царя Кощея

— Никита Иванович!

— Уволен.

— Ну-у, Никита Иванович, отец родной...

— Митя, если бы я был твоим отцом, я бы уже сто двадцать восемь раз

повесился, утопился или выпил яду. А если бы не помогло, попросил Еремеева расстрелять меня всем взводом у ворот!

— Никита Иванович, ну простите, за Христа ради-и-а...

— Митя, не приплетай сюда Господа! — окончательно взбесился я. — Из-за тебя всё наше отделение без Страшного суда прямым маршем в рай отправится! Если Бог любит милицию, то тебя дал нам во спасение и искупление! Как, как ты умудрился отца Кондрата за международный терроризм арестовать?!

— Дык как... — развёл руками на три метра в стороны наш младший сотрудник. — А чего, дело-то нехитрое... И главное, всё по уставу! С мордобоем, но не без вежливости, как вы и учили...

Следовательно, опять во всём виноват я, верно? У меня задёргалось левое веко, горло перехватило, и тот же заботливый Митяй остороженько усадил меня на чурбан для колки дров.

Позвольте представиться, Ивашов Никита Иванович, старший лейтенант Лукошкинского отделения милиции. Лукошкино — это такой столичный город, на тридцать тысяч душ населения. Стоит в сказочной Руси, у речки Смородины, среди лесов да полей, во времена славного царя Гороха.

Нет, кстати, царь у нас действительно неплохой. С закидонами, тараканами, натура холерическая, увлекающаяся, где-то самодурствующая, но вполне себе отходчивая. Его ещё, конечно, царица цивилизованным манерам учит. Лидия Адольфина у нас из Европы, бывшая принцесса Австрийского правящего дома, но за Россию на танки пойдёт, решительная женщина.

А я попал сюда прямо из Москвы, во время плановых учений. Влез в подвал в заброшенном деревенском домике, а вылез уже здесь, в тереме Бабы-яги.

Бабка у нас хорошая.

Это рекомендуется запомнить и повторять как мантру, а не то съест! Шучу...

Яга на редкость прогрессивная и понятливая старушка, глава нашего экспертного отдела. Мы без неё как без рук — здесь ведь в любом преступлении колдовства и чародейства порой как вшей, хоть горстями выгребай. Вот в этом смысле равных нашей бабуле нет, а ещё она мужское враньё насквозь видит, представляете? С женским у неё сложнее, ложная солидарность мешает.

За время моей службы нам удалось раскрыть ряд довольно громких дел, добиться уважения к милицейскому мундиру, определённого

законопорядка в городе, и если бы не Митька...

— Так вот, Никита Иванович, иду я, стало быть, по базару, — вдохновенно врал этот нахал, прекрасно зная, что свидетелей у меня нет и придётся верить ему на слово. — Всё чин по чину, никого зазря не обижаю, честь сотрудника органов берегу, а тут навстречу, эдак бочком, бочком, отец Кондрат. Подозрительно же, правда?..

Да, а ещё я женат! Недавно. Если честно, целых три дня. Пока мы вдвоём живём в моей комнате, на втором этаже терема Бабы-яги. Нет, финансы вполне себе позволяют снять отдельное жильё, просто негде и не у кого. Гостиничный бизнес в Лукошкине не особо развит. Все приезжие, как правило, селятся по своим: в Немецкую слободу, армянское подворье, азиатский караван-сарай, купеческие дворы, ну а кто победнее, те в доходных комнатах при трактирах и кабаках.

Антисанитария там, конечно, аховая, всех удобств — на пять квадратных метров четыре лавки с рогожей, туалет на улице, за забором, завтрак за свой счёт — горбушка хлеба да жидкий чай. Государь, конечно, сразу же подарил нам с Олёной терем в честь женитьбы, только его ещё построить надо.

— Я ж тётке Матрёне и говорю: «Пошто в капусте квашеной рябина вместо брусники залежалась?» Она в крик! Но ить тоже не по совести, верно? Задал тебе вопрос сотрудник милиции, так ответь и не кучевряжься! А тут из-за спины отец Кондрат эдак баском, дескать, не по-христиански на рабу божью голос повышаю. Ну я ему и...

Да, ещё у нас в отделении служит стрелецкая сотня под командованием Фомы Еремеева. Хороший мужик, немногословный, но дисциплинированный, своих ребят в кулаке держит и в субординации разбирается. Даже не вспомню, сколько раз мы с ним и лаялись, и спасали друг друга.

Шли долгие разговоры о создании конной полусотни, но пока с лошадьми напряг. В нашей конюшне места хватает только рыжей кобыле Сивке Бурке (та ещё скотина!) и одной, не нашей, корове. Это Митина знакомая из деревни привела. Я с ней сталкивался. И с коровой, и с Маняшей, обе яркие личности, нарисовались — не сотрёшь...

— Я ему резонно эдак: «Невкусная капуста с рябиною!» А он мне: «Нет, вкусная!» — и цельную горсть в рот кладёт, а?! Я пробую — нет, вкус-то не тот! А он пробует — тот! Ну, когда мы первый бочонок в споре на двоих приговорили, тётка Матрёна в обморок хлопнулась. Тут уж я и не стерпел...

В общем, на арест отца Кондрата сбежалась посмотреть половина

базара. Батюшка у нас собой не хилый, весом хорошо за сто кило и в излишнем смирении отродясь не замечен. То есть, судя по солидному синяку в щеку у нашего младшего сотрудника, священнослужитель оказал решительное сопротивление силам милиции. Сам был доставлен в отделение при помощи стрельцов, с пустым бочонком на голове, это уже Митя постарался.

А вот вытаскивать батюшку из поруба и с извинениями отпускать на свободу придётся, естественно, мне. Кстати, чем раньше, тем лучше. Разок было дело, к нам сюда целый крестный ход под арест попал — больше пятидесяти священнослужителей! Заодно и отделение освятили, почему нет...

— Митя, я тебя всё равно уволю.

— Да за что ж, а?!

— За всё, — многозначительно ответил я, прекрасно понимая, что он меня уже уболтал и шанс чрезмерно позверствовать упущен. — Марш территорию мести! И баню вытопи! И в конюшне приberi, лошади не чищены, сено лежалое, вода уже три часа как несвежая! Мить, ну это я, что ли, делать должен?!

— Слушаюсь, батюшка сыскной воевода!

Один миг, и его будто мышкой в корзину перетащило — был и нет.

Я присел на крылечке нашего отделения, устало кивнул Фоме, распекающему своих молодцов за участие в драке на базаре, и крепко задумался о жилищном вопросе. Тема, кстати, вполне себе актуальная, поскольку в данный момент на вверенном мне участке нас как-то быстро стало очень много.

Если помните, то терем и всё подворье Лукошкинского отделения милиции принадлежат Бабе-яге. Я у неё лишь квартирант, за моё проживание здесь платится из государственной казны.

Митя тут тоже прижился, но он, по крайней мере, выполняет всю домашнюю работу не хуже пушкинского Балды, а маленькое жалованье почти целиком отправляет мамёнке на деревню. Милейшая женщина, широкой русской души, разок виделись, ещё бы столько же не встречаться.

Я занимаю свободную комнату на втором этаже, Митяй ночует в сенях. А теперь ещё ко мне переехала бывшая бесовка Олёна, моя законная жена, а к моему напарнику завалилась в гости Маняша, дочь кузнеца, с коровой.

Нет, не дочь кузнеца с коровой, в их деревне о таких греческих штучках и слыхом не слыхивали. Просто с коровой. Дрессированная она у неё, в большом городе не была ни разу, Маняша её теперь по столице на познавательные экскурсии водит, достопримечательности показывает.

Вот сегодня упросила мою Олёну отвести их царский терем посмотреть. К чему я всё это? А к тому, что меня никто не понимает...

— Никита Иванович, там дьяк у ворот, — подошёл ко мне Еремеев. — Нам выгнать или ты своей ногой начальственной ему пинка дашь?

— Не искушай, — простонал я. За последний год идея пнуть возмутителя спокойствия в рясе и скуфейке была у меня почти навязчивой, превращаясь в болезненную потребность...

— Отца Кондрата требует, а тот в порубе сидит.

— Ну и суньте дьяка туда же, будем считать это посещением заключённого.

Сотник с пониманием отвалил, а я уныло поплёлся в терем. Уныло, потому что ничего хорошего меня там не ждёт. Метнувшись из горницы в сени, толстый кот Васька едва не сбил моё благородие с ног и, на секунду обернувшись, послал мне пылающий взгляд и выразительно провёл когтем по шее. Типа это я так довёл его хозяйку, и месть не заставит себя долго ждать.

Баба-яга сидела в светлице одна, за пустым столом, прихлёбывая настойку «от нервов» прямо из полулитровой бутылки. И это второй день...

— Русский метод лечения психики включает в себя не только алкоголь, но ещё и разговор по душам. То есть некий вариант исповеди на пьяную голову. Поговорим?

— Чего с тобой говорить-то? Изменщик ты и есть, — прокурорским тоном тихо пробормотала Яга.

— Да вы же сами хотели, чтоб я женился!

— Ну и брось меня, старую, одну-одинёшеньку. Собирай вон вещички да вали отсель с молодой женой в новый терем! Я-то вам на кой шиш сдалась?

Если женская логика просто ставила меня в тупик, то старушечья подразумевала ещё и кучу столь же безысходных ответвлений. В круглых глазах вернувшегося Васьки плескалась такая обида за любимую хозяйку, что было ясно — обгаженными тапками я не отделаюсь, он мне когти в нос запустит, как только усну. Коты... они на всё способны...

Из-под печки, там, где у нас живёт азербайджанский домовый Назим, вообще доносился ритмичный скрежет кавказского кинжала о точильный брусок. Зарежет, сегодня же зарежет и с чувством исполненного долга скроется где-нибудь в горах под Карабахом. Хренушки его потом с этой спорной территории Интерполом выкуришь...

— Бабуль, — я осторожно обошёл печку, вновь пытаюсь приобнять за плечи надутую старушку, — да что вы такое себе навывдумывали?

Отделение никуда не переезжает, я по-прежнему здесь целый день, а к Олёне только ночевать возвращаться буду.

— Врёшь, поди...

— Век воли не видать! — не хуже заправского уголовника поклялся я, цыкнув зубом и проведя ладонью по шее.

— Охти ж мне, доверчивой, — ворчливо сдалась бабка и по одному мановению её мизинца на столе мгновенно появились пироги, ватрушки, варенье трёх видов, забухтел самовар и даже открылась берестяная коробочка с подаренным немцами кофе.

— Сначала работа, — сглотнув слюну, решил я.

— Жену свою будешь учить, чё сперва, а чё потом, — пристукнула костяной ногой Баба-яга. — А в моём доме меня слушай! Покуда не поешь, никаких тебе дел служебных вершить не позволю. Глянь-кось, за три дня-то исхудал как, соколик...

Я махнул рукой, мою домохозяйку не переспоришь, но бабка пошла дальше:

— Ладно, участковый, я ить тоже совесть имею и не без сочувствия. Ты вона ешь давай, радуй старую женщину, а я те за то все заявления вслухчитаю.

— Компромисс, — согласился я, хватая ближайший пирожок с визигою.

Вкуснота нереальная! Если бы американцы Макдональдсы были знакомы с русской кухней, они бы навек прокляли свои гамбургеры, за которые горят в аду, и сделали ставку на бабулины пироги.

— «Челом бью, сыскной воевода, а тока нет у меня управы на соседку мою Ксению Собакину, что бельё моё с верёвки тырит бесстыже, а сама глазки мужику моему строит, хучь внешне — кобыла кобылой! — с выражением читала Яга, сдвинув очки на кончик кривого носа. — А вам скажу, что муж мой Макар как напьётся в хлам, так песни под балалайку орёт и самого царя хулит за внешнюю политику! Народ ему про те дела два раза морду бил, уж и голосок-то стал гнусавый, дак не будет ли ему за то от того же царя какой ни есть компенсации? А то у нас денюжки кончились...»

Я перешел на расстегаи с осетриной и на зачитываемые куски реагировал разве что поднятием брови или невнятным хмыканьем. Подобных заявлений от «законопослушных граждан» мы получаем до полусотни в день. Реального вмешательства милиции, как правило, они и не требуют, людям просто как-то надо высказаться.

— «Ты уж прости, сыскной воевода, а тока ежели война будет, так та

Немецкая слобода за нас пойдёт али за берлинцев? Мы тут, стало быть, их поим-кормим, а они нам, может, нож в спину? Дык я к чему веду-то, пострелять бы их от греха подальше, а уж на той земле я бы ещё пять лавок открыл. Надо ж своих купцов поддерживать, верно? А ежели что, дык мы с холопами и сами управимся, ты тока с милицией своей не лезь, куды не просят...»

— А вот это заявление отложите, — прокашлявшись, попросил я. — Пусть к этому умнику Еремеев с ребятами заглянет, проведёт разъяснительную беседу.

— С рукоприкладством али как? — уточнила Баба-яга.

— По ситуации.

— Стало быть, с рукоприкладством, — пометила бабка. — Оно и правильно, Никитушка, профилактика преступлений наше наипервейшее дело. Ох! Ты глянь в окошко, никак гонцы царские пожаловали?

Ага, действительно. Митя как раз пропускал их в ворота, и если вы помните, как у нас всё начиналось, то сейчас ситуация была прямо противоположная.

— Здрав буди, младший сотрудник милиции Лобов Дмитрий Васильевич, — в пояс поклонились двое молодых бояр нашему бугаю с метлой наперевес. — А не угодно ли будет тебе сыскаго воеводу побеспокоить, ибо дело у нас важное, царское? Но ежели настроения нет, так мы не в претензиях, перетопчется государь, не впервой...

— Заявлений много, работы выше головы, штат маленький, зарплаты кот наплакал, — в тон отвечал Митяй, но, разумеется, не перегибая палку. — Ждите здесь, тунейдцы, лихоимцы, кровопийцы народные! Небось упрошу Никиту Ивановича принять вас, сирых, без очереди.

— На том и в ножки поклонимся, храни господь нашу милицию! — радостно перекрестились гонцы.

Вообще-то со старыми, упертыми думцами такие финты не прокатывали, но молодёжь Митя выдрессировал. У парня оказались неплохие педагогические задатки, был бы украинцем, я б его в прапорщики произвёл! Умеет найти общий язык с гражданским населением.

— Никита Иванович, там энти...

— В курсе, видел. Зови. Что у них там?

— Говорят, по царскому делу государственной важности. Брешут, поди? Может, их взашей, а?

— Дык зови уже, балабол, — вмешалась Яга. — Совсем застращал мальчонок!

— Никита Иванович, у нас кто глава отделения: вы или Бабуленька-

ягуленька?

Ответить я не успел, да и не собирался, честно говоря. Со стола сам собой соскочил круглый пирог с капустой и торпедой полетел Митьке в физиономию!

— Благодарствуем. — Наш младший сотрудник успешно поймал кулинарное изделие и мигом скрылся с добычей за дверями.

— Поди, у Васеньки моего наловчился, — притворно вздохнула бабка, а чёрный кот под лавкой сделал вид, что спит и ничему подобному Митю не учил. Хотя кто бы ему поверил...

— Здравия желаем, батюшка сыскной воевода, — гаркнули двое молодых безбородых бояр, дружно шагнув в горницу. — Дозвольте приказ царский передать?

— Присаживайтесь, граждане, — вежливо предложил я.

Боярские сынки садиться отказались, молча положив передо мной на стол царскую грамоту. Судя по почерку и стилю письма, Горох писал сам, не диктуя писцам или тому же непотопляемому дьяку Филимону Груздеву.

«Никита Иванович, друг сердечный, бросай всё и дуй ко мне! Тема есть. Не придёшь через час, я те башку велю срубить. Ничего личного. Просто настроение такое...»

— Передайте государю, что я скоро буду. — Когда начальство вызывает на ковёр, лучше пойти.

Не то чтобы Горох у нас был так уж педантичен или кровожаден, нет, он скорее вспыльчивый, но отходчивый. Но, с другой стороны, совсем без дел не тормозит, а тут, видите ли, «тема есть». Это он у меня подхватил. Мы тут вообще друг дружку учим, и они современные словечки запоминают, и я скоро старые церковные архивы без переводчика читать смогу.

— Бабуль, у нас там в порубе отец Кондрат сидит. Ну, за драку на базаре.

— Выпустить, что ль?

— Выпустите. Внушение сделайте, и пусть себе идёт. Чем там ему заниматься положено — крещением, венчанием, отпеванием, церковными службами? Вот и пусть неустанным трудом искупает грех перед правоохранительными органами.

— Ладно уж, выпущу, — чуть капризно поджала губки Яга. — А ты тока к царю и назад?

— Да.

— К Олёнке своей не забежишь, что ль?

— Не забегу. До вечера времени нет. — Ложь наша «бабка-экспертиза»

видит на раз, а вот полуправду может и пропустить. — О, чуть не забыл! Еремеев к отцу Кондрату дьяка отправил. Так вот, его не выпускать. Опять лается, как собака...

— Охти ж мне, ничему его жизнь не учит, — завздохала моя домохозяйка, и мне удалось быстренько сбежать.

Телегу готовить долго, верхом на Сивке-Бурке тоже чревато, она у нас скотина с настроением, так что лучше пешком. Погодка хорошая, пройду с удовольствием.

— Митеньку с собой возьми! — прокричала мне вслед Баба-яга, высовываясь из окошка.

— Кстати, да, — подумав, кивнул я.

Если он увидит, как отец Кондрат выходит на свободу с чистой совестью, не миновать нам ещё одного мордобоя уже на территории отделения.

Я попросил Еремеева приглядеть тут за всем, свистнул Митьке, чтоб шёл за мной, и направился за ворота. Прогулки по шумному Лукошкину всегда полны экстрима, вот сколько раз ни иду через Базарную площадь, а скучать ещё никогда не приходилось. Народ у нас такой, всех не перевешаешь...

— Ба-а, гляньте, люди добрые! Идёт и в ус не дует, морда бесстыжая, — начала первой какая-то тощая тётка с корзинкой куриных яиц под мышкой. — И как тока бесстыдства хватает на улицу днём выходить да святого человека за бороду носом в квашеную капусту тыкать?!

Уф... это не про меня, это про Митю. Его косяк, пусть сам и огребаёт. Я чуть ускорил шаг, чтобы не подумали, что он со мной.

— И не говори, Евлампевна, — поддержал кто-то из скобяных рядов. — Недавно мужика моего заарестовать хотел, дескать, вожжи у него плохие, рвутся на раз. Да и порвал товару на пять рублёв с копейками! Чтёб его опосля этого громом убило, куды тока Господь смотрит...

Я с невольным уважением обернулся к нашему младшему сотруднику. Вожжи не каждая лошадь порвёт, а Яга всё ещё считает, что мы «парнишечку недокармливаем»...

— А у меня телегу перевернул, дескать, она в угоне числится. Я ить долго терпеть не стану, в иной раз кликну кумовьёв, мы ему ту же телегу на башку наденем!

— Вчерась свежего пива бочку выставил, так от этот охальник милицейский остановился, попросил нюхнуть для проверки крепости. Пить не пил, врать не буду, но нюхнул столь знатно, что пиво теперь не шибает

ни хрена! Весь дух спиртной в себя унюхал и ушёл, хоро-о-оший, вприплясочку-у...

— Ой и чё ж все так прям и напали на бедолагу-то?! С зятя моего, пьяницы, обещал самолично подписку о невыезде взять. Тот тока первое слово и понял, до сих пор в сарае сидит, правой рукой крестится, левой причинно место прикрывает!

Последнее, кстати, можно было даже записать в плюс нашему бармаглоту. Методы у него не всегда конституционные, энтузиазма порой через край, но если результат положительный...

— Митя, на тебя люди жалуются, — напомнил я, когда мы прошли базар и выбрались на относительно спокойную улицу перед царским теремом. — Мить, чего молчишь?

— А? Вы спросили чё? — Он наткнулся на мой взгляд и прекратил разыгрывать птицу глухаря. — Да кому вы верите, Никита Иванович? Мало ли чего, бабы глупые...

— Женщины.

— Женщины или бабы, не одно и то же?

— Нет.

— Ну нет так нет, — не стал спорить Митяй. — А тока языками и те и другие треплют одинаково. И вообще, вы ж сами учили: нет заявления, нет проблемы.

Хм, и на этого человека мне в неопределённом будущем придётся оставить отделение. Надеюсь, это произойдёт не скоро, и мы хоть чему-то успеем его научить.

Царские стрельцы, дежурившие у ворот, встретили меня застенчивыми улыбками.

— Здравия желаем, батюшка сыскной воевода!

— И вам не хворать, секьюрити, — козырнул я. — Прибыл по царскому приказу. Кто проводит или мне самому в терем подняться?

— Да чего уж там, идите, Никита Иванович, — так явно заулыбались стрельцы, что у меня невольно зашевелились нехорошие подозрения. Ну там спина белая или ширинка расстегнулась, не знаю уже...

— Мить, подожди во дворе.

— Слушаюсь.

— Ни к кому не приставай. Прав не качай. Жизни не учи. А самое главное, без меня никого из боярской думы не арестовывай!

— Скучный вы человек, Никита Иванович, — тяжело вздохнул он, но послушно сел у крылечка. — Песни печальственные орать тоже небось не позволите?

— Молодец, проявил логическое мышление. Не позволю. Но, если увидишь свою Маняшу с коровой, можешь поболтать о погоде, видах на урожай зерновых и, главное, уточни деликатно, когда она от нас съедет?

— Сам жду не дожуся, — побожился мой напарник, широко осеняя себя крестным знамением. От груди метр вправо, метр влево, полезной площади хватает...

Я бодренько взбежал на третий этаж. Всё так же таинственно улыбающиеся царские стрельцы в белых кафтанах и высоких шапках с соболиной оторочкой указали на маленькую комнатку Гороха. Его, так сказать, личные апартаменты. Раньше он там с новыми пассиями жизненным опытом обменивался, но теперь, женившись, остепенился, и надеюсь, надолго...

— Вызывали? — Я, деликатно постучав, толкнул дверь и шагнул в кабинет государя.

— Обижаешь, Никита Иванович, — тихо откликнулся он, задумчиво глядя в окно. — Не вызывал, а приглашал. Думаю, может, не побрезгует сам сыскной воевода, навестит друга старого, посидим задушевно, Высоцкого твоего споём, о поэзии покалякаем...

— Так вы, я вижу, без меня уже накалякались. — Я слегка кивнул в сторону початой бутылки французского коньяка. — Посольский или купеческий?

— Посольский. Вчерась принесли, торговых льгот для себя кланчат. А пуще всего, чтоб ныне всё, что алкоголем ароматизирует, на наш стол только Французский двор поставлял. Хитроморды картавые...

— Я на службе.

— А я те велю башку срубить, — безмятежно пообещал Горох, наливая две стопки.

— Тогда тем более не буду. Не люблю давление на органы.

— На какой орган я те давлю, участковый?! Прошу ить по-человечески, видишь, не в настроении государь, а ты мне перечишь...

— Да что у вас случилось-то? — Я наконец догадался шагнуть к окошку, пытаюсь понять, к чему он там прилип. А уже через минуту сам покраснел, как те же стрельцы у входа.

Сверху открывался отличный вид на задний двор, где стояла царская баня. Сквозь прорубленное оконце периодически были видны то плечи, то спины, а то и...

— Вообще-то подглядывать нехорошо.

— Так я за своей подглядываю, за женой законной, — резонно парировал Горох, протягивая мне стопку с ароматным напитком королей. —

Она в баню с твоей Олёной да подружкой ейной, Манькой вроде, час назад пошла. До сих пор мылятся...

Я выпил, не задумываясь, а потом самым бесцеремонным образом оттащил государя от окошка. За своей он смотрит, как же... А при виде двух других отворачивается, что ли?!

— Ну раз ты эстетизму и лицемерию культурному чужд, — ни капли не обиделся Горох, — тогда давай по делу. Утром гонец с границы прибыл, две заставы у них огнём пожгло...

— Шамаханы?

— Хуже. — Царь выдохнул, опрокинул стопку, занюхал рукавом и прошептал: — Сверху огнём полыхнули, а грозы-то и не было. Те, кто выжил, говорят, будто бы налетела ночью чёрная буря, дым столбом поднялся, шум да гром, аж уши закладывало, и полилися с небес прах, огонь да сера-а...

— Это вы сейчас Библию цитируете, что-то там про Содом и Гоморру? — припомнил я.

Горох отрицательно помотал головой.

— А что тогда? Змей Горыныч о двенадцати головах?

— О трёх.

Я не сразу поверил, что он говорит серьёзно. Ну, обычные реалии русских народных сказок — это нормально, к этому тут все привычны, насмотрелись, нанюхались. Но вот трёхголовый летающий птеродактиль на огненной тяге — это уже явный перебор...

— Не может быть. Их просто не бывает, это миф.

— Когда ты в первый раз в моё царство-государство попал, я тоже сначала думал — милиционеров не бывает, это миф, — передразнил меня Горох. — А вон теперича сколько вас по Лукошкину размножилось... Так что собирайся давай!

— Куда?

— Велю тебе ехать на восточную границу! Вот там сам всё поглядишь, расследуешь да и доложишь — есть такой Змей Горыныч али нет его.

Ответить я не успел. В ушах зазвенело, ставни едва не расшибло в щепки резким порывом ветра, царский двор резко заволокло едким дымом, а над крышей терема пролетела чья-то огромная тень! Прямо под окнами вспыхнуло пламя, зазвонил пожарный колокол, со всех сторон раздались истошные крики людей. Мать моя прокуратура, да что же это происходит? До армагеддона вроде ещё куча времени, да и календари майя не торопят...

Горох бросился вон из комнаты, куда-то побежал, на кого-то орал, раздавая приказы, а я так и стоял столбом у почерневшего подоконника.

Сердце остановилось, пальцы судорожно сжимали ни в чём не повинную серебряную стопку...

— Ты чего встал, куда zenки вылупил?! — прямо в ухо проорал мне царь.

Я молча показал пальцем вперёд.

— Ну и? — не понял государь. — Там же нет ничего!

— А была баня...

Когда до нашего царя-батюшки дошло, он дважды протёр глаза и только потом завопил, как белуга на нересте:

— Ли-душ-ка-а!!!

Мы бросились вниз по лестнице наперегонки, и я бы пришёл первым, если б он не по-спортивному не оттолкнул меня на финише. Детальное обследование места преступления тоже ничем не обрадовало. Резную и расписную царскую баню просто сорвало с места непостижимой силой и унесло в неизвестном направлении, выломав часть тесового забора.

Пока мы с Горохом тупо ходили туда-сюда по вычищенному периметру здания в чахлой надежде, что все три красотки успели покинуть помещение, сзади появилась бесчувственная скотина по имени Митя Лобов.

— Отмаялись, сердешные, — упав на колени, с чувством простонал он. — Уж не знаю, что мне теперь с Маняшиной коровой бодливой делать. А ить вам, вдовцам горьким, ещё и того почище, верно? Вы поплачьте, поплачьте по-мужски друг у дружки на грудях, а я покуда за самогонкой сбегаяю. Такое горе у нас всех, как же не отметить-то...

Горох с хриплым рыком кинулся душить Митьку, я — их разнимать, а на нас троих уже навалилась перепуганная толпа думских бояр во главе с недремлющим старшиной Бодровым. Сколько он мне крови попортил, литрами не сосчитать!

Боярская дума, если помните, с первого дня невзлюбила милицию, потому что они там все привыкли жить по схеме: сверху царь, за ним бояре, ниже всех народ. Господь Бог вообще не упоминался, разве что для плезиру, а того же самодержца частенько пытались сделать лишь марионеткой в опытных руках старинных боярских фамилий.

— Попался, ирод милицейский! — напустился на меня дородный бородач Бодров, опасно размахивая посохом. — Не уследил, не уберёг государыню нашу! Позволил в своём присутствии Змею поганому матушку царицу украсть! На кол преступника!

— На кол! — дружно поддержали пузаны в дорогих кафтанах и бобровых шапках.

— Э-э, граждане, я один, а колов у вас много, — пытаюсь разрядить обстановку, пошутил я (всё равно они не поймут).

Но они поняли. Не ожидал...

— Охальничаешь, сыскной воевода?!

— Ни в одном глазу, — соврал я, мгновенно меняя план. — Да чего вы сразу на меня бросаетесь? Вон государь Митю душит и никак не справится. Нет чтоб помочь...

Бояре мигом переключились на сторону и с не меньшим пылом всей толпой кинулись помогать Гороху душить моего младшего сотрудника. Естественно, образовалась жуткая куча-мала, из которой снизу попластунски первым выполз наш Митяй.

— Уф, Никита Иванович, до чего тяжёлый народ в боярской думе, и вес избыточный, и характер склочный. Как неродные все...

— Встань здесь, — быстро потребовал я. — Никого не пускай, мне надо осмотреть место преступления.

— Чё ж тут смотреть-то? — удивился он, но встал на пост, широко раскинув руки. — Я ить своими глазами видел, как налетела туча чёрная, баньку с вашими... государевыми... нашими жёнами... не, одна не жена, но... тьфу! Короче, были — и нет! Видать, Змей унёс.

— Уверен? А может, это колдовство какое-то, фокус, иллюзия? Или Кощей новую пакость придумал? Или Лихо Одноглазое на свободу выбралось? Или...

Я мог бы накидать ему ещё с десятков версий просто оттого, что мне надо было хоть что-то говорить. На самом деле в мозгу билась одна страшная мысль... Олёны нет!

Мою молодую жену только что, прямо на моих глазах, похитила неизвестная сила такого масштаба, с какой мы никогда раньше не встречались. Судя по жалким обломкам забора, толстые дубовые доски были переломлены в одно касание, как спички. Царскую баньку (почти сто квадратных метров!) сорвало с места и унесло в неизвестном направлении. Это дом! Не сарайчик, обшитый вагонкой, а добротный сруб из сосновых брёвен. Её и бульдозером было бы непросто сковырнуть, а уж унести...

На земле никаких следов не оказалось, зато у забора со стороны улицы обнаружилось нечто похожее на рыбу чешуйку. Только грязно-зеленоватого цвета, с зазубринами по краям и общим размером с тетрадный лист. Вполне могла подойти какому-нибудь доисторическому птеродактилю или ящерице. Если можно представить себе ящерицу, откормленную до параметров военного самолёта МЧС. Верить в то, что такой Змей действительно существует и он только что напал на Лукошкино, сознание

отказывалось категорически. Невзирая на самые упрямые факты!

Через пару минут ко мне сзади подошёл изрядно помятый, но подуспокоившийся Горох. Митя честно не подпускал к нам извиняющихся бояр...

— Дуй отсель, участковый, — напряжённо попросил государь. — Бабе-яге всё Расскажи, в ножки кланяйся, о помощи умоляй. Плахой грозить не стану, помочь прошу, сам всё понимаешь.

Мне нечего было ему ответить. В таком состоянии человек просто не осознаёт логики собственных поступков. Горох не так давно всерьёз рассорился с супругой. Не берусь судить, кто там у них был прав, кто виноват, но жила всё это время бывшая австриячка Лидия Адольфина не в Немецкой слободе, а у нас в отделении. Делом, а не на словах Лидушка умудрилась всем нам стать хорошей приятельницей. И её потеря — это ещё и удар по нашему милицейскому братству, мы же своих не бросаем...

Мне оставалось лишь молча козырнуть и покинуть территорию царского подворья. Митя, не дожидаясь, пока о нём вспомнят, припустил следом. По пути нас подхватили встревоженные еремеевцы. Огромную чёрную тучу, похожую на трёхголового Змея Горыныча видели многие. Народ на улицах, не выбирая выражений, старательно мешал сказку с былью...

— Ай, шайтан-гюрза полетел! Молодых ханум воровать будет, как у нас в Бухаре. Всех луноликих гурий с ресницами длинными, как хвост ишака, с глазами томными, как у священной коровы, с походкой грациозной, как у беременной верблюдицы, с грудями ароматными, как...

— Хоть тут-то чё человеческое скажи, удов персидский! Своих девок с домашним скотом сравниваешь, так хоть к нашим не лезь! Энто ещё надобно узнать у кого из начальства, не вы ли энтого Змея к нам на Русь запустили?

— Не, то прибалты! Они народ неспешный, но упёртый. Говорят, тридцать три года Змея уговаривали, пока он от их занудности не сдался...

— Православные, а чего ж змеюка перелётная царскую баню-то спёрла? Нешто ничего вкуснее не нашла? Да вон хоть соседа моего вниманием обидела, а у него и мясо в щах, на полквартила хруст в хрящах, и дочь — невеста, вся в прыщах, созрела...

— Найн! Ви есть гофорить глупость! Змий с крылиями не бывайт. Это мог быть неизфестный науке зверь! Фот в Швеции тоже летал один такой. Все думали, он к фрекен Бок на фаренье, а он к ней софсем с другими намерениями... Я, я! Дас ист фантастиш!

— Ты тут зазря языком не трепи, немчура проклятая. Мы вас били,

бьём и ещё не раз бить будем. А к чему я энто? Да кто ж меня, неопохмеленного, разберёт опосля вчерашнего-то...

— Бабоньки, дык в милицию доложить надо бы, а? Может, они ничё и не знают. Ну люблю я в отделение Никите Ивановичу заявления писать! Есть такой грех, прости господи...

— Да вон и сам участковый идёт! Сурьёзный какой... Видать, съел чего и животом теперича мается. Добежит до отделения, сердешный, али тут отмучается, под кустиком?

Я старался никого не слушать и ни на что не отвлекаться. Быть может, впервые за всё время моей службы в Лукошкине я вдруг понял, что столкнулся с превосходящими силами противника. Причём настолько превосходящими, что если нас поставить в разные углы ринга — то не факт, что он вообще меня разглядит. По такой зверюге надо бы палить из крупнокалиберной гаубицы, а у меня всего личного оружия — планшетка на плече да царская сабля на стенке в комнате.

Я её, кстати, брал в руки пару раз. Неправильно взялся левой рукой за ножны, слишком близко к эфесу, ну и нехило порезал указательный палец. Совсем не отрубил, уже спасибо...

Отделение во главе с Еремеевым встречало меня по команде «в ружьё». То есть все стрельцы собрались, готовы к походу, глаза горят, фитили дымятся, а длинноствольные пищали так и жаждут хоть в кого-нибудь пальнуть.

— Где Яга? — кротко спросил я.

— В нервах, — тихо ответил сотник.

Ясно, значит, опять мне огребать полной ложкой. А ведь вроде, когда уходил, бабка была в нормальном настроении...

— Ей там, в порубе, дьяк Груздев нагрубиянничал, — правильно растолковал мои сомнения командир стрелецкой стражи. — Уж не знаем, чего наплёл, а тока летела твоя бабушка от поруба ровно ошпаренная...

— Убью.

— Дак мы поспособствуем!

— Это была фигура речи, короткий эмоциональный всплеск, — скорбно вздохнул я. — Выведите его из поруба, дайте по шеям и гоните, чтоб духу этого либерала здесь не было!

— Рады стараться! — гаркнули стрельцы.

— Митя, проконтролируй.

На самом деле я зря прописал Филимона Митрофановича в либеральный лагерь. Он у нас, конечно, вечный оппозиционер, но притом же ещё и убеждённый монархист. Его хлебом не корми, дай пострадать за

царя и отечество. Просто милицию очень не любит. Хотя мы к нему — всей душой!

— Бабуль, — осторожно входя в сени, позвал я.

Тишина. Ни сопения, ни храпа, ни всхлипов. Я прошёл в горницу. Яга в самом простеньком сарафанчике, чёрном платочке на голове, стоя на коленях, истово молилась иконе Николы Можайского. В мою сторону она и головы не повернула, а умный кот Васька из-под лавки молча приложил лапку к губам. Я понятливо кивнул ему, тихо встав в уголочке.

Буквально через пять минут бабка закончила, с хрустом встала на ноги и тепло улыбнулась мне:

— Проходи, Никитушка. Как раз к обеду поспел, вот и откушаем чем бог послал.

Она цыкнула на высунувшего нос азербайджанского домового и сама быстро накрыла на стол. Церемонно перекрестила горшок со щами, а потом сложила ладошки и вновь улыбнулась мне:

— Что ж, Никитушка, поблагодарим Боженьку за хлеб насущный да с молитвою светлой и оттрапезничаем. Ты уж не гневись, а тока нынче щи постные будут, через недельку оскоромимся...

Я смотрел на Ягу круглыми от ужаса глазами. Кто нам подменил бабку?!

— Вообще-то у нас серьёзное дело. Произошло похищение целого здания, в котором находились...

— Царица Лидия, твоя Олёна да Митина гостья из Подберёзовки, — печально покачала головой Баба-яга, осеняя себя крестным знамением. — Слухом земля полнится. Что ж, на всё воля Божия. Мы за них тока молиться и можем...

— Что?!! — Я не поверил своим ушам.

— Видать, много нагрешил государь наш, да и ты, Никитушка, совесть свою спроси — чиста ли? Не прогневил ли чем Господа? Не оформлял ли на задержание невинных, не превышал ли полномочия, не забыл ли заповедь «не суди да не судим будешь»?

— Бабушка-а! Ау! Вернитесь на землю. Кто вам так по ушам проехался, что вы...

Я резко захлопнул рот. Стрельцы же говорили, что она из поруба как ошпаренная бежала. Дьяк! Всё, он доигрался. Так заболтать Бабу-ягу, чтоб она из лучшего сотрудника нашей опергруппы превратилась в упёрто-религиозную ботву, — это надо суметь! И ведь в то самое время, когда у нас такое страшное преступление...

— А я завтра поутру в монастырь пойду, послушницей проситься.

Терем-то продам. Деньги на богоугодные дела пожертвую. Но ты не горюй, Никитушка, я те своего петушка решила подарить. Не поминай худым словом старуху...

Я пулей вылетел из дома, растолкал удивлённых стрельцов и кинулся к порубу.

— Где дьяк, мать вашу?!

— Дык, как и велено, подзатыльник отвесили да за ворота его.

— Догнать, привести, расстрелять!

— Дьяка братъ — дело шибко опасное, — влез наш младший сотрудник. — Дозвольте пострадать? Самолично за бороду приволочь Филимона Митрофановича...

Я от всей души обнял Митю, расцеловал в обе щеки, развернул к воротам и указал коленом направление.

— А отец Кондрат тут ещё?

— Туточки, — подтвердили стрельцы. — Мы ж его выпустить хотели, а он не идёт.

— Не понял...

— Да вроде как схиму принять решил. Отшельником у нас в порубе сидеть, на хлебе и воде. Говорит, грешен зело, а для моления лучшего места нет, чем узилище милицейское.

Я почувствовал, что робкая мысль о том, что в бабкином перевоспитании виноват вовсе не блудный дьяк, настырно просилась дать ей право голоса. Гражданину Груздеву ни ума, ни фантазии не хватило бы на то, чтоб так запудрить мозг главе нашего экспертного отдела. А вот отца Кондрата даже сам Кощей боится, и я подозреваю почему. Воцерковленный, смиренный и принявший монашеский постриг, гражданин Бессмертный наверняка бы просто заставил свихнуться будущих исследователей мифологии и фольклора. Ну всё, батюшка-а...

— Я в поруб! Если услышите крики задержанного, не вмешивайтесь, производятся профилактически-воспитательные работы.

Стрельцы настороженно перекрестились. Видимо, спорить с опытным священником на теософские темы решались немногие. Фактически никто, ибо рука у отца Кондрата была тяжёлой, а страсти неуправляемые...

— Чего стоим, кого ждём? — вежливо поинтересовался я у четверых еремеевцев, стоявших в очереди у дверей поруба.

— На исповедь и благословение к новому отшельнику-схимнику, — охотно пояснили мне.

— Так, значит, у нас прямо тут, на территории вверенного мне отделения, свой святой нарисовался?

Стрельцы радостно закивали.

— Еремеева ко мне!

— Дык он же внизу, отпущение грехов получает...

И ты, Брут (то есть Фома!), туда же?! Сейчас я спущусь, и он от меня тоже полное отпущение получит! А грех сквернословия на службе, как помнится, не входит в разряд смертных.

— Слушай мою команду, орлы! — рявкнул я, привставая на цыпочки, поскольку самому невысокому едва доставал макушкой до подбородка. — Марш отсюда бегом, и, если ещё раз увижу, что вы в рабочее время помолиться решили, уволю всех к едрёной ёлкиной маме!

Рослых стрельцов как ветром сдуло. А из поруба высунулся их прямой начальник, без головного убора, прилизанный, смиренный и, я бы даже сказал, подавленный.

— Сотник Еремеев?

— Раб божий Фома...

— Прекратить блянье! Повторяю ещё раз: сотник Еремеев?

— Слушаю, батюшка сыскной воевода! — резко опомнился он, вставая во фрунт и нахлобучивая стрелецкую шапку.

— У нас в городе чепэ. То есть чрезвычайное происшествие. Похищены моя жена, Митина подружка и наша общая царица Лидия Адольфина в придачу. Предположительно все трое были захвачены Змеем Горынычем во время мытья в бане, вместе с этой же баней целиком. Есть улика. — Я достал из планшетки найденную на государевом подворье чешуйку и показал Фоме.

Тот побледнел, видимо сопоставив габариты.

— Поэтому приказываю прекратить религиозное одурманивание личного состава. Заняться поиском и опросом свидетелей. Выяснить, откуда мог прилететь Змей и куда он направился? Предпринять все необходимые меры защиты мирных граждан от возможного повторного нападения! Вопросы?

— Нет вопросов. Дело ясное, исполним, как велено.

— Тогда чего стоим?!!

Еремеева сдуло с места так, как, казалось, умеет только Митя, если ему от бабки огрести светит. А может, даже и с большей прытью — Фома у нас служака, каких поискать...

Я спустился по ступенькам вниз. Поруб — это такой вырытый подвал в земле. Небольшая комнатка, три квадратных метра, бабка раньше там припасы на зиму хранила. В порубе и летом температура ниже нуля, а уж зимой хоть тушами мясо храни, никакого холодильника не надо.

С того времени, как мы открыли отделение, этот морозильник сначала использовался как отрезвитель, потом как камера предварительного заключения. А сейчас тут со всевозможным комфортом расположился на двух тулупах тучный отец Кондрат в тёплой рясе, с хорошим провиантом, потрёпанной Псалтырью, медной иконкой в углу и стойким запахом алкоголя.

— Исключительно сугрева ради, — опережая мой законный вопрос, прогудел батюшка. — Без зелья адова голос посадить боюсь, а без голосу как грешников отмаливать...

— Собирайтесь и с вещами на выход.

— Дык я ж задержанный вроде? Покуда срок свой не избуду, вину перед Господом не искуплю, из скита сего не тронусь!

— Хватит демагогии! — зарычал я, потому что нервы ни у кого не железные. — Это наш поруб, а не ваш скит. Марш на выход!

— А ты на меня не ори, — приподнялся отец Кондрат, сразу заполняя собой почти всё помещение. — Мне сама хозяйка тут остаться дозволила, богоугодное дело свершив! Я твоих стрельцов на исповедь приглашаю, души их грешные спасаю, благодатью осеняю молитвенно, ибо место сие греховное есть. Гнать меня решил? Без ведома Святого Синода хрен ты меня отсель выковыришь, участковый! На-кася выкуси!

Я легко поймал его за руку с фигой и одним приёмом выкрутил запястье. Батюшка взвыл дурным голосом, бесцензурно помянул всех чертей и, падая, повалил меня на пол, едва не расплющив по причине элементарной разницы в весе. Поэтому, когда этот двустворчатый шкаф в рясе прижал меня всей тушей в угол, я просто боднул его лбом в нос. Что-то хрустнуло, и поруб зашатался от мата православного батюшки! Отец Кондрат от души замахнулся с ответным визитом, но ударить не успел...

— Зачём такой беззаконий тваришь, а? — Прямо из стенки вышел грозный азербайджанский домовый, легко останавливая пудовый кулак нашего «схимника». — Прылична сэбя ве́ди, да? Мой дом, мой двор, мэня тут оби́жать не на́да! Зарэжу, э...

Один миг — и отец Кондрат замер соляным столбом, сведя глаза к переносице.

— Участковый, ты эта... Бабку минэ верни, да? Савсэм плохая стала, с иконай ходыт, манты нэ ест, на минэ пилюёт! Гаварит, я нечисть языческая, да?!

— Нехорошо, — тяжело дыша, согласился я.

— Нехарашо, — серьёзно подтвердил Назим. — Я чэстный домовый, я слова держу. Ты у мэня хоть раз жёсткий долма ел? Я тебе несвежий

пахлава хоть раз подавал? Зачём меня нечистью абзывать, э...

— Понимаю.

— Я даже Ваську ей простил, — чуть не плача, шмыгал длинным кривым носом азербайджанский домовый. — Васька гаварит, сам её бояться начал. На хвост ему наступила, да! Зачём так сделала? Она гаварит, тёмный ты. Плахой кот! Нада бэлую кошечку завести, э?!

Да, переклинило бабку не слабо. Вот уж никогда бы не подумал, что она так уйдёт в религию, что даже на своего любимца руку поднимет. Ну или ногу, без разницы.

— Я попробую. А с отцом Кондратом как? Он, надеюсь, ненадолго здесь в прострации будет?

— Скока тибэ нада, стока будет, — широко улыбнулся Назим, обнажая лошадиные зубы. — По лбу одын раз щёлкни, снова нормальный станет!

Я протянул ему руку. Домовой (впервые!) пожал мне ладонь и исчез в стене так же неожиданно, как и появился. Что же тут произошло между моей милой хозяйкой на костяной ноге, котом и заигравшимся батюшкой?

Повторюсь, только теперь до меня в полной мере дошло, почему Кощей так опасался отца Кондрата. И дело вовсе не в каких-то там суперохранных молитвах, которыми настоятель храма Ивана-воина «запечатал» вход в город. Нет, гражданин Бессмертный реально боялся миссионерского дара нашего строптивного батюшки, способного в две минуты сделать из отчаянной главы экспертного отдела богомольную старушку!

Пересекись Кощей и отец Кондрат на узкой тропинке да сцепись языками, и ещё неизвестно, кто бы вышел победителем? Вполне возможно, что наш главный преступник и злодей до конца жизни носу бы не высовывал из своего монастыря под Южно-Сахалинском, двести километров в тайгу, два раза в год почта, едим от цинги шишки и молимся...

Выбравшись из поруба, я кликнул дежурных стрельцов.

— Вынесите отца Кондрата, погрузите в служебную телегу и отвезите к нему домой.

Парни послушно кивнули, а через минуту из-под земли донёсся встревоженный крик:

— Да он вроде как окаменевший?!

— Имеет место быть, — туманно согласился я. — Всё равно выносите и везите. Да, как доставите батюшку в его пенаты, дайте ему щелбана по лбу!

Стрельцы упёрлись рогом. Типа на такое немыслимое святотатство

они пойти не могут, хоть увольняй их из органов и первым же этапом на каторгу с песнями про Владимирский централ. И знаете, я на тот момент был совсем не против! Но меня осторожно цапнул за штанину бабкин чёрный кот. Мы обменялись понимающими взглядами, видимо, у него тоже имелся свой личный счёт к отцу Кондрату. А лапа у Васи тяжелая-а...

В общем, десять минут спустя из ворот нашего отделения выезжала скорбная процессия — рыжая кобыла влекла добротную телегу с надписью «милиция» на задке, впереди стрелецкий наряд, в телеге, пузом кверху, отец Кондрат, а на его груди здоровенный кот, чёрный, как мрак преисподней.

Для пущего эффекта Вася топорщил усы и гнусаво подвывал, щуря огромные зеленющие глаза. Конечно, это производило определенное впечатление — бабы охали, мужики крестились, дети плакали и просили сахарных петушков на палочке. Если вечером к нам не заявится всем парадом возмущённая делегация Святого Синода, это вызовет у меня нездоровое удивление...

— Теперь бабка. — Я улыбнулся своим чёрным мыслям, но другого выхода не было. — Эй, молодцы! Срочно передайте Бабе-яге, что в порубе беда, пусть летит на всех парах!

Двое молоденьких еремеевцев послушно кинулись исполнять приказ. Я же скромненько встал у поруба, неспешно загибая пальцы. Бабка выбежала на счёт раз-два-три.

— Ох, Никитушка, ежели ты тока святого отшельника-схимника чем обидел...

Я пожал плечами и молча прикрыл за ней дверь, щёлкнув засовом. Пусть охладит голову, это помогает. Хотя, конечно, при желании Яга эту дверь одним заклинанием в щепки разнесёт. Но тогда как раз и будет понятно — настоящая бабка вернулась. А это что ещё за шум?

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, а свобода
Мя встретит радостно у входа,
Где мне поставят и нальют! —

в полный голос орал дьяк Филимон Груздев, старательно предваряя будущее рождение бессмертного поэта.

— Волею своею вновь ввергаюсь безвинно в узилище милицейское, аки святой Максимилиан в печи огненные! Аккуратней заноси, ирод, в

третий раз скуфейку роняю.

Красный от обиды Митя подобрал головной убор дьяка, плюнул в него и вновь водрузил на макушку задержанного.

— А участковый ваш как есть дурачок, — мстительно и нелогично прокомментировал его поступок Филимон Митрофанович.

— Тащи его сразу в поруб, — попросил я. — Там сейчас будет весело.

— О-о, Никита Иванович, отец родной, — заметил меня старый прохиндей. — Как поживаете, как здоровьечко? А я так по вам молюсь каждый вечер перед сном — храни господь всю нашу милицию...

— В поруб, — твёрдо повторил я.

— За какие грехи наказуешь, сатрап ты бесчувственный?! Морда фараонская...

Спор грозил затянуться надолго, а у меня времени не было. Минутой позже мятежный дьяк-законоборец был вежливейшим образом, головой вперёд, закинут в поруб. А дальше мне лишь оставалось считать минуты. Одна — на мат во все стороны, вторая — на вопрос, что здесь делает Баба-яга, третья — а куда делся отец Кондрат? Ну и четвёртая-пятая — «палачи, навуходоносоры, филистимляне беспардонные, заперли безвинно с сумасшедшей старухой, которой Царства Божия не видать как своих ушей, ибо ментам ад и есть дом родной с шестью сотками, раком ходить на прополке, морковь зубами дёргать...».

— Спаси-сохрани мя, Царица Небесная-а-а! — торжественно пропел дьяк Филимон Груздев, вместе с дверьми вылетая из поруба.

Я ошибся ровно на минуту. Это простительно, не учёл бабкиной «религиозности», видимо, первое время она слушала его со смирением. Коротким, как чих...

— Проследить полёт. Найти, выкопать, отпустить с покаянием, — демонстративно перекрестившись, попросил я, и те же молоденькие стрельцы бросились по траектории перелёта дьяка.

— Сурово вы с ним, Никита Иванович, — удовлетворённо повёл плечами Митька. — А теперича что делать будем?

— Ждать.

— Долго ли?

Недолго. Потому что высунувшаяся из поруба Яга не имела ничего общего с той набожной старушкой, за которой я закрывал дверь. Платок был повязан по пиратскому образцу, в глазах плескались оранжевые всполохи, а с тонких губ срывались отнюдь не слова молитвы...

— Пришибу кобеля блудливого! Я тя научу, как лезть к милиции со христосованиями не в пасхальный день! Слюнявыми губами да прямо в

ухо, когда у нас таковое-то сложное дело о покраже царицы всех сил опергруппы объявилось! Никитушка?

— Да.

— Митенька?

— Здеся, Бабуленька-ягуленька.

— А где ж Васенька мой разлюбезный?

— Видать, хорошему коту в сентябре — март! — не задумываясь, соврали мы. — Поди, уж скоро будет, не замедлится.

— Пойдём-ка в горницу, сокол участковый, — подумав, определилась Яга. — Поговорить надобно.

Я, разумеется, не стал корчить обиженную недотрогу. Усадив меня за стол, бабка первым делом достала из заветного шкафчика полуторалитровую бутылъ настойки на рябине с мятой и чабрецом. Молча набулькала в стопку и кружку, стопку пододвинула мне. Сама выпила махом, в три глотка, занюхав одной ноздрёй через рукавчик, и уставилась на меня полным раскаяния взглядом...

— Чего, здорово я начудить-то успела?

— Умеренно, — признал я, чуть поморщившись.

Настойка оказалась крепкой, градусов за сорок. Но Яга выпила, даже не ойкнув, видимо, ей оно было надо...

— Тебя ругала?

Я кивнул. Бабка добавила себе ещё, вопросительно изогнув бровь в мою сторону. Я накрыл свою стопку ладонью, мне достаточно. Моя домохозяйка презрительно фыркнула, буркнула себе под нос что-то атосовское, типа «разучилась пить молодёжь», и уверенной рукой набулькала себе третью.

— Вам не много?

— А ты мне не указ. Изменщик коварный...

— Вы опять за старое?

— Да ладно тебе, участковый... Уже и понудеть нельзя, что ли? Ну и?!

Я вздохнул и отнял ладонь от своей стопки, наливайте. К чести Бабы-яги должен признать, что она моей слабостью не воспользовалась и налила не больше половины.

— Давай, сокол ясный, рассказывай! Что за дело, какая беда, почему мы опять за все в ответе и как силами одной опергруппы врага забарывать будем?

Я кротко вздохнул и ещё раз, без нервов, детально и поэтапно пересказал ей всё, чему был свидетель. Наша старейшая сотрудница выслушала меня самым внимательнейшим образом, а потом тихо спросила:

— Дык мы-то тут при чём?

— Мне повторить? Сидим мы с Горохом у него в кабинете, а наши жёны в это время у него в бане моются, ну и...

— Никитушка, ты мне прямо скажи, с какого боку тут мы? — резко осадила меня глава нашего экспертного отдела. — Ежели и впрямь Змей Горыныч трёхголовый баньку с тремя же бабами голыми похитил, дык при чём тут милиция-то?! По совести говоря, тут царю-батюшке войско сильно могучее собирать надобно да на Змея войной идти! Уж победит али нет, про то не нашей голове болеть. А тока органы охраны правопорядка в энтот деле никак не замешаны. Не наше оно, а государственное!

Честно говоря, я как-то даже не сразу нашёлся, что ей возразить...

По сути, бабка была права, как ни верти. Если только предположить (не более!), что некий летающий птеродактиль (дракон, динозавр, мифический персонаж) украл, похитил, захватил отдельно взятое помещение с заложницами, то это дело армии, а не милиции. Их много, а нас чуть больше сотни. Если уж совсем точно, то больше на целых три боевых единицы. И что из этого следует? Войско-то не меньше тысячи опытных бойцов, с конницей, дворянской дружиной, пушками плюс ещё и народное ополчение... Куда ещё и нам путаться под ногами...

— Я всё понимаю, но тем не менее у меня стойкое убеждение, что Горох повесит это расследование на нас.

— С какого же бодуна-то, ась?

— С широкого царского самодурства! Так вас больше устроит? Можно подумать, ему хоть раз логические обоснования нужны были?! Да и по совести говоря...

— Вот тока о жене твоей разлюбезной не надо, а? Болит, поди, душа по Олёнке-то?!

Я замолчал. Бабу-ягу не обманешь. Если она с первого взгляда определила, ради кого я участвую в этом расследовании, то дальше всё вообще шито белыми нитками.

Да, я не верю, что кто-нибудь вернёт мне любимую, если я сам за это не возьмусь. Никакая армия, никакое войско, никакие дипломатически усилия или попытка выкупа. Яга это тоже прекрасно понимала, поэтому махнула рукой, попросив посмотреть на улику. Я протянул ей змеиную чешуйку. Она помолчала, пожевала губами, без суеты прокомментировав результат экспертизы:

— А здоровенный змеюка-то будет. В полверсты да весом за шестьсот пудов! Шкуру такенную ни мечом, ни пушкой не прошибёшь. Огнём палит, слюной ядовитою брызжет, ну и зубья с когтями забывать не стоит.

Давненько я, старая, таких не встречала...

— Откуда он взялся? Зачем полез в Лукошкино? Если ему нужно было охотиться, разве по деревням и сёлам гуляет мало народу? Он же не мог целенаправленно лететь сюда с целью похитить царицу, Олёну и Маняшу...

— Поди пойми, мог али нет, — задумчиво пробормотала бабка. — Одно скажу твёрдо: не будет он их есть, не боись.

— Уф, — облегчённо выдохнул я.

— Он их за другим делом использует, — с намёком причмокнула губками моя домохозяйка. — Змей, они завсегда уж такие охальники — ни одну юбку не пропустят!

Я почувствовал, как сознание заволакивает багровая полоса ревности. То есть он их будет...?!

— А ты думал как? — без малейшей жалости добила бабка. — Нешто не помнишь, каким образом Ева в раю со своим Адамом-то согрешила? Змей её уболтал, соблазнил, за то ему в веках и форма такая оставлена...

— Какая? — сипло выдавил я. Фантазия и опыт проверок в секс-шопах быстро подсказали ответ.

— Такая! — уклончиво зарделась моя домохозяйка. — Соответственная мечтам женским. Потому Змей завсегда девиц ворует, к себе в высокий терем несёт, красным молодцем оборачивается да жениться уговаривает. А как своего добьётся, дык красавицу-жену со скуки-то и съест!

У меня немного отлегло от сердца. Получается, что этот гад не игнорирует букетно-конфетный период, а значит, у нас с царём есть хоть какая-то фора...

— Сколько времени Змей тратит на ухаживания?

— Да мне-то откуль знать, ко мне ни один не сватался.

— Час, день, два, неделю? Ну хоть приблизительно!

— Не ори, — обиженно отодвинулась в угол Баба-яга. — На Олёнку свою будешь глотку драть. Сказала же, не знаю!

— А кто знает? Давайте у него спросим. Ну, поколдуйте там что-нибудь, погадайте на свече или кофейной гуще. Кто у нас глава экспертного отдела? Надо же что-то делать!

— Про Змея гадать опасно, уж шибко непредсказуема тварь сия, — пошла на сотрудничество бабка-экспертиза, убирая настойку и хлопая в ладоши. Бдительный Назим в одно мгновение перенакрыл стол к чаю. — Садись, Никитушка. Непростое энто дело, и не один час нам с тобой думать, голову ломать. Хлебнём чаю свежего с мятой да мёдом гречишным, небось чего и насоображаем...

Я скрипнул зубами, но сел — в пустых спорах толку нет, а идти на принцип не из-за чего. Мы церемонно, молча, почти как японцы, выпили по первой чашке ароматнейшего чая, деликатно черпая ложечками мёд. Не буду врать, что на меня мгновенно снизошло буддистское просветление или состояние безмятежного покоя и душевное равновесие...

Наверное, нет, осознание того, что любимую похитил трёхголовый сексуальный маньяк с крыльями, как у летучей мыши, но под двести метров в размахе, не прибавляло оптимизма. Хотя если задуматься о том, какой характер и норов имеют все три похищенные...

Возможно, этот Змей ещё очень пожалеет о своём выборе.

— Всё. Больше не могу, лопну.

— Дык и шести чашек не выпил, соколик? А может, созрел уже и до супчика с потрошками?! Она горшок в печи томится...

— Никита Иванович, бабуленька, извиняйте, ежели что не так, — без приглашения вломился к нам наш младший сотрудник. — А тока не велите казнить, велите слово молвить. Не со зла, не в обиду, токма из любви задушевнейшей к родной милиции, уж небошь, небошь...

Митя, похоже, сам забыл, с чего начал и к чему клонит, у него такое бывает. Поэтому он просто уступил дорогу старому боярину Кашкину, который как раз протискивался в двери.

— Здрав буди, сыскной воевода! И ты, хозяйюшка, — от души поклонился гость, придерживая большую бобровую шапку. — Прислан к вам передать царёв указ!

— Да что вы так официально, — приподнялся я, пожимая ему руку.

Старина Кашкин, тощий, седой и не убиваемый никакими хворями, был одним из немногих бояр, лояльно относившихся к милиции. Более того, он не раз открыто вставал на нашу сторону на заседаниях боярской думы, заветной мечтой которой было сжечь всё отделение, землю засыпать солью и плясать на пепелище голыми по большим церковным праздникам и будним дням, пугая случайных прохожих.

— От чаю не откажусь, коли сама Ягуленька попотчует, — не чинясь, объявил Кашкин, ухмыльнулся в бороду и подмигнул бабке столь откровенно, что ревнивый азербайджанский домовый едва ли не до пояса высунулся из-за печки. — Вот бумага государева. Вслух прочесть али сами грамотные?

— Могу на спор, не заглядывая, угадать, что там написано, — предложил я.

— Вот и чаёк вам подоспел, гостюшка дорогой, — подсуетилась Яга, краснея, как девчонка.

— Из твоих белых ручек и уксус медовым покажется. А ежели ещё и ложечку варенья добавишь? Вон того, красного, как уста твои сахарные...

Моя домохозяйка глупо захихикала, быстренько обложив боярина со всех сторон всеми видами варенья сразу. Даже кизиловое на стол поставила, хотя Назим из-под лавки вцепился в крынку и не отдавал нипочем. Ладно, в конце концов, это их личное дело...

— Уверен, что в указе написано примерно следующее: пусть опергруппа срочно разыщет царицу Лидию Адольфину, приведёт на почестен суд Змея Горыныча, войска не дадим, злата-серебра самым мало, а не сможет сыскной воевода своими силами справиться, так в кандалы его и на плаху!

— Молодца, угадал, — кивнул Кашкин, одновременно аплодируя мне и подмигивая бабке.

— Сроку на всё про всё неделя?

— Три дня.

— Облом. А я-то надеялся...

— Ты ещё государю спасибо скажи, что он тебя от допроса с пристрастием спас, — весомо протянул наш гость, дуя на чай. — Подлец Бодров с подпевалами такой хай подняли, хоть всех святых выноси! Дескать, как могли государыню похитить, ежели милиция в тот момент при дворе была? Что ж не спасла, не защитила, не предотвратила преступление супротив царя-батюшки?

— Понятно. То есть то, что он рядом со мной стоял, в расчёт не берётся. Горох никогда ни в чём не виноват?!

— Светлая твоя голова, Никита Иванович, — тепло улыбнулся мне старый боярин и, отставив чашку, встал из-за стола. — За хлеб-соль благодарствую! Пойду-ка, пожалуй, по ветерку.

— Уже? — капризно надула губки Яга.

— Ничего, бог даст, красавица, и ты в мой терем заглянешь, дашь мне, убогому, тебя в ответ сладким пряничком угостить.

— Она пахлаву любит, э?! — ревниво раздалось из-под печки, но боюсь, что мнение маленького гордого домового уже никем в расчёт не бралось. Похоже, моя скромная домохозяйка решила на старости лет менять кавалеров, как перчатки.

— Бабуль, что это было?

— Ты об чём, Никитушка? — закрывая за гостем дверь, опустила глазки Баба-яга.

— Да вы же сейчас тут напропалую кокетничали с боярином Кашкиным!

— Ой, да будет тебе... Напридумаешь ещё глупости какие, в мои-то годы...

— Угу. Назима спросим, он свидетель?

— А ну вас обоих. — Бабка фыркнула, задрала нос и с видом оскорблённой невинности удалилась к себе в комнату.

— Надеюсь, вы ненадолго? — громко спросил я. — Вообще-то нам дали всего три дня срока. А потом казнить нас, как мне кажется, будут всех. Или по одному в день, растягивая удовольствие, нет?

— Придумала я, старая, как твоему горю помочь. — Из горницы практически сразу же вышла глава нашего экспертного отдела с большущей антикварной книгой в руках. — Тут, главное дело, правильно вопросы задавать и верный ответ угадывать. Давай-ка Митеньку зови, у него сердце отходчивое, душа чистая, а ежели его каким тяжёлым заклятием в ответ пришибёт, дык его и не так жалко, верно?

Я повёл плечами и кивнул. В вопросах колдовства нашей Бабе-яге равных нет. Эпический персонаж! Куда там чахлым, мокрым Ктулху...

Митя заявился по первому же зову, поперёк щеки у него алели две свежих царапины — следы ногтей (когтей? Тоже не удивлюсь...) драчливого дьяка Груздева. Кстати, не забыть бы потом уточнить у стрельцов, куда его вышибло с нашей дверью. Далеко ли долетел, не имеет ли претензий? Дверь бы вернуть, это ж служебное имущество.

Охнувшая Яга первым делом продезинфицировала раны нашего младшего сотрудника какой-то вонючей жидкостью из пузырька с надписью «Яд» и, отмахнувшись от моего взгляда, спешно усадила нас за стол. Меня во главе, Митю слева, сама села справа, а посерединке поставила здоровенное медное блюдо.

— Ну, теперича всё от вас зависит, товарищи боевые, — значимо, с нажимом на патриотизм, начала бабка. — Я слова чародейские нараспев читать буду да на блюдо вещи разные бросать, а вы, коли чего увидите, дык запоминайте, но руками не лазьте — шибанёт ещё... Сейчас всё принесу.

— А чего увидим-то, бабуленька? — заинтересованно вытянул шею Митька. — Надо ж загодя знать, к чему систему нервную готовить. А то ежели девок пляшущих, с чудесами какими соблазнительными, дак Никите Ивановичу нельзя, он человек женатый.

— Можно, — опроверг я. — Если по службе, то всё можно.

— Угу, как меня костерить за то, что дочку купца Поминкина из горящего сараю на своём горбу вынес, так, значит, и не по службе вроде?!

— Митя, — чуть повысил голос я, потому что ситуация там действительно была двусмысленная. — Во-первых, она сама этот сарай и

подожгла. От несчастной любви. Да, дура, согласен! Во-вторых, то, что ты её в одной рубашке из пламени вынес, — молодец, хвалю за усердие! Но какого лешего без протокола ты ей начал при всём народе искусственное дыхание делать?!

— Ошибся чуток... думал, как утопшей надо...

— А на грудь зачем давил?

— Вы сами рассказывали, непрямой массаж сердца...

— Митя, ты ей грудную клетку чуть не сломал!

— Переборщил слегонца...

— А она глаза открыла, тебя увидала и ещё вчера заявление подала — дескать, перевлюбилась без памяти, и, ежели я ей тебя не выдам, она уже избу подождёт!

— Дык я ж...

— У соседей!!!

Митя опустил голову и глухо пробормотал:

— Чё ж мне, за свою доброту да служебное рвение опять жениться придётся...

— Наговорились, сотрудники? — Баба-яга вернулась за стол с целой коллекцией разнообразных предметов и пузырьков. — Ну, коли про девок всё выяснили, давайте нашей царицей да её подружками займёмся. Ещё раз говорю: смотреть, запоминать, спросить чего захотите — спрашивайте, тока руками не лапать!

Мы прекратили цапаться и послушно кивнули. Опыт общения с бабкиным колдовством имелся у обоих. Митю в щенка и петуха превращали, меня — в барана, зайца и даже (стыд-позор!) в двоюродную сестру нашего Гороха, царевну Марьяну. Ныне, кстати, счастливо проживающую с законным мужем где-то на стыке польско-литовско-русской границы. А ведь помнится...

— Как в чистом колодце небо с водой сходится, так на дне болотца нечисть всякая водится, — распевно начала бабка, и мы притихли уже окончательно.

Митька из суеверного страха, а я по причине отчаянного любопытства. Вот выйду на пенсию, вспомню всё, возьмусь, обработаю, да и пущу в печать сборник лучших заклинаний старорусской прикладной магии от самой Бабы-яги. Тираж будут расхватывать, как горячие пирожки в новогодние гулянья...

— Три девицы под окном внутри бани голяком мылись, парились, разговаривались! Кто про что мечтал, кто про что молчал, отведи нас вода до начала начал! Хорс по полю прыскает, рысь по лесу рыскает. А ты дунь

горячо, а ты плюнь через плечо, раскрывай, вода, свои невода-а...

Середину я успешно пропустил, обидно, но Яга никогда ничего дважды не повторяет и записывать в блокнотик не позволяет. А над водной гладью в блюде действительно за клубился пар с явным запахом берёзовых веников. Из этого пара вполне себе слепились три женские фигуры со смазанными лицами, одетые в чём мать родила. Впрочем, опознать всех не представляло сложности: царица была самая высокая и широкоплечая, а Маняша ниже всех, но шире в бёдрах. Моя Олёна — идеальная золотая середина. Красивая-а...

— Чего губы раскатали, охальники, — беззлобно вернула нас в реальность глава экспертного отдела. И вовремя, потому что у Мити уже слюна побежала...

— Вы не на прелести девичьи облизывайтесь, а по делу ситуацию наблюдайте. Вона царица, кажись, на лавку легла. Жинка твоя ей спину мылит. Туда-сюда мочалкой водит. От затылку вплоть до...

— Ещё, бабуль! — не выдержал Митька. — До чего ж срамотища-то интересная!

Я несильно дал ему по шее, и в этот момент изображение затрясло. Фигуры словно бы задёргались, как при ускоренной перемотке фильма, и Яга быстренько плеснула на поднос синюю жидкость из пузырьёчка. Всё чудесное изображение вмиг стало ультрамариновым, зато чётким и без ряби.

— Смотрите-ка, стало быть, вот в этот момент Змей лютый баньку когтищами подхватил да и в небеса поволок. Бедные девки, а?

Ну не знаю... Митяй фыркнул первым. Я вновь поднял руку для подзатыльника, но, не удержавшись, хихикнул сам. Минутой позже мы уже все трое, не стесняясь, ржали как сумасшедшие, глядя на то, как смешно, нелепо и прикольно катаются внутри бани три девицы, поскальзываясь на мыльном полу, сбивая друг дружку и летая от стенки к стенке в тазиках. Нет, им там было горе, спору нет, но нам тут никакого кино не надо!

— Кобели вы все и есть! — отсмеявшись, заявила Баба-яга и добавила в тающее изображение пригоршню белого порошка.

Фигуры замерли, было видно, что они к чему-то прислушиваются. Потом вроде как открылась дверь, и в помещение вошёл мужчина. Причём вошёл меньше чем на пару секунд, потому что почти сразу же был атакован тремя деревянными тазиками и вылетел обратно. Да, наши девчата умели за себя постоять! А потом изображение резко пропало...

— Что, всё, чё ли? — обиженно надул губы наш младший сотрудник. — А продолжение где?!

— Видать, всё, — развела руками наша домохозяйка. — При сём деле тока вода и была в свидетелях. Чего не знает, врать не станет, чего не видела, не покажет...

— Значит, сразу после этого Лидия, Олёна и Маняша вышли из бани, — предположил я. — Это логично, чего им там сидеть. Наверняка они попытались разобраться с похитителем и вырваться на свободу.

— Из Змеева логова не сбежишь, соколик...

— Тогда надо готовить диверсионный отряд, идти туда и вызволять наших силой.

— Всё верно, да только туда — энто куда?

— Я думал, вы знаете.

— Не знаю, — повесила нос бабка. — Вот те крест, не знаю, не приходилось на узкой тропиночке сходитьсь. Однако мыслишка есть одна. Да тока опасная...

Можно подумать, хоть когда-нибудь было иначе. Разумеется, я сразу подтвердил, что ради спасения своей молодой супруги пойду хоть на край света. Ну и если до кучи надо спасти одну царицу и одну крестьянку без коровы, ладно, почему нет...

— Митеньку с собой возьмёшь.

— Дык я завсегда с радостью! Меня ж хлебом не корми, дай на задание опасное сходить с Никитой Иванычем. Когда ещё шанс появится буйну голову сложить?

— Под землю пойдёте, — предупредила Яга. — В царство тёмное, глубокое, куда живым с этого свету ходу нет. У меня там три сестрицы есть, покойницы...

Наш младший сотрудник без предупреждения ушёл с лавки в обморок, лбом в пол.

— Всё так же мертвецов боится, дурашка. Я тебе, Никитушка, вещицу заветную дам, рушник то исть, будешь умываться, завсегда им утирайся. Да тока смотри, в царствии подземном ничего не ешь и не пей! Иначе дороги назад не будет...

— Бабуль, вы не нагнетайте так уж, — попросил я, похлопывая Митьку по щекам. — Уже одного сотрудника потеряли. Куда я его в таком виде потащу?

— Дык он сам за тобой побежит, аки пёс верный!

— Протестую, — только и успел сказать мигом пришедший в себя Митя.

Саму суть протеста он озвучил нам уже возмущённым лаем. Передо мной сидел здоровенный дворовый пёс, бело-чёрно-рыжий, лохматый, и

только знакомые голубые глаза с длинными ресницами выдавали в нём младшего сотрудника нашего отделения.

— Бабуль, — строго попросил я.

Яга цыкнула зубом, и дворняга тут же превратилась в нашего прежнего Митю. Он показал бабке язык, нахально улыбаясь, попытался почесать себя левой ногой за ухом на собачий манер и...

— Чёй-то? Кажись, заклинило меня-а...

— Энто тебя Господь наказал, чтоб не издевался над старыми людьми, — фыркнула бабка.

— Никита Иванович... отец родной... ногу из-за башки вытащить поспособствуйте!

Я сдвинул брови, упёрся левой рукой ему в лоб, а правой потянул за лапоть сорок пятого размера.

— Ай-ай-ай!!! Сломали-и... али ничё так?

— В Индии йоги две ноги таким образом закидывают, и ничего, только духовный рост прёт. Собирайся, Мить, служба ждать не будет.

Наш умник встал, поизображал головную боль, хруст в шее, хромоту, растяжение связок, понял, что не прокатит, и быстренько метнулся во двор выпрашивать у стрельцов пищаль в долг до вечера, на задание.

Баба-яга неделикатно захлопнула дверь за двухметровым героем и обернулась ко мне:

— Слушай сюда, участковый. В царство подземное я вас самолично доставлю, но там, на месте, уж всё своим умом решай.

— Бабуль, вы за меня не пере...

— Цыть, — беззлобно попросила глава нашего экспертного отдела. — Дело одно тебе знать следовало, а как сказать, не ведаю. Стесняюсь-а...

— В смысле?

— Молодая была, глупая, нагрешила изрядно. А у ты чего, внебрачных детей ни разу не было, что ли?!

Честно говоря, после таких её слов мне понадобилось сесть. А бабушка-то у нас, оказывается, полна сюрпризов...

— Ничего тебе больше не скажу. Сам всё поймёшь, — твёрдо решила Яга. — Иди уже. Вона тока рушник с собой возьми.

— В смысле?

— Ох ты ж неуч! Ну, ширинку возьми!

— Чего???!!!

— Полотенце! — окончательно потеряла терпение моя домохозяйка, швыряя в меня широкую полосу плотной белой ткани с вышитыми петухами.

На минуточку мне стало стыдно: далеко не все древнерусские слова имеют такое же значение в моём мире. Ладно, как-нибудь справимся. Главное...

— Минуточку, а что я, собственно, должен сделать там, в Подземном мире?

— Дык скока ж можно твердить, Никитушка?! Информацию! Её, злодейку, раздобудь! Всё, что этого Змея касается: откуда взялся, где живёт, какую силу имеет, чего боится, где смерть свою прячет? Нам всё знать надобно!

Я козырнул, вытянувшись в струнку. Хотя начальник отделения никак не эта милая старушка с кривым зубом и бородавкой на носу, но именно бабка порой натягивает вожжи так, что с ней спорить — проще застрелиться. И это ещё самый безобидный вариант. Провести остаток жизни превращённым в табурет или лапоть, по-моему, куда хуже...

...Мы вышли во двор. К вечеру уже похолодало, но, покуда осень не взяла своё, можно было насладиться последним теплом улетающего лета.

— Фома, пригляди за порядком, — на всякий пожарный попросил я, и без того прекрасно зная, что могу на него положиться.

Еремеев молча кивнул, он умел не задавать лишних вопросов.

Митя топал за мной, как дрессированный медведь. У меня складывалось впечатление, что он не то чтоб так уж боится, а скорее как-то отлынивает, что ли... Неужели всё это из-за той девицы Маняши, дочери кузнеца, из его же родной Подберёзовки?

— К колодцу подойди, Никитушка. И ты, орясина дуболомная, рядышком становись.

— Как на расстреле, — задумчиво буркнул Митяй, но тем не менее послушно встал слева от меня.

— Ну что ж, сотрудники верные, соратники надёжные, товарищи бессменные, — поочерёдно перекрестила нас бабка, — на святое дело идёте, девиц безвинных да жён законных из плена вражьего вызволять. А я покуда тут вас ждать буду, дела решать экспертизные...

— Договорились, — кивнул я, не чувствуя подвоха. — Ваше полотенце у меня. Куда и как выдвигаться?

— Дык туда.

— Куда? — не поняли мы.

— Туда, туда. — Яга указала узловатым пальцем на колодезный сруб.

Мы с Митей автоматически глянули внутрь. Холодная синяя вода плескалась внизу на глубине пары метров. Это в смысле нам туда?! Нет, конечно, я очень люблю Олёну, но...

— Батюшка сыскной воевода-а! — окликнули меня от ворот дежурные стрельцы. — Куды дьяка прикажете складировать?

Я обернулся на миг, и это меня сгубило. Короткий толчок в грудь. Чирикнуть не успел, полетел головой вниз, пятками вверх, так что только булькнуло. В себя пришёл, лёжа на мягкой траве, в висках слегка гудело, но вроде ничего не сломал, и одежда была сухая.

— А... Митя где? — неизвестно у кого спросил я.

Тут же раздался мат-перемат, и туша моего младшего сотрудника рухнула сверху. По счастью, я хоть как-то успел откатиться в сторону, и Митька брякнулся на нагретое место.

— Никита Иванович, вот что она творит, оглоедка старая?! Рази ж можно так вот, без предупреждения, в прыжке, пяткой в лоб?! Я ить в следующий раз могу и сдачи дать, с меня станется, вона скока раз на голову ушибленный...

Учитывая, что наш младший сотрудник может изливать душу на эту тему и час, и два, и три, пока не остановят, я предпочёл отключить слух и оглядеться. Место, в которое мы попали, не имело ничего общего с классическим понятием о Подземном мире. Никаких тоннелей, пещер, сводов, мрачных потолков, сырой земли, темноты и грязи. Скорее прямо наоборот — светло как днём, солнца не видно, но небо над головой есть, под ногами зелёный газон, с трёх сторон шумный лес, а на горизонте крепенькая крестьянская изба, окружённая невысоким забором. Как по мне, так вроде всё вполне себе прилично, но неугомонный Митяй и тут испортил всю малину.

— Ох ты ж мне, сироте, безвинно брошенному! Вижу, вижу домовину страшную, избу ужасную! Как вокруг той избы тын тесовый, а на тыне том черепа скалятся-а! А два кола голы стоят, так небось по наши головушки-и...

Я приподнял его за шиворот и встряхнул:

— Мить, ты чего несёшь? На фольклорный фестиваль в Мюнхен собрался?

— Дык черепа же!

— Мить, они мышинные, — пригляделся я. — Самый большой, у ворот, кажется, птичий. Ворона какая-нибудь сдохла. Человеческих ни одного нет.

— Наши первыми будут?

— Не нагнетай. Приказываю сию же минуту прекратить слезоразлив до подбородка и соплеразмаз до ушей как поведение, недостойное сотрудника правоохранительных органов. Разберёмся...

Орать он, естественно, прекратил сразу, но за мной не пошёл. Выждал,

пока я дойду до ворот, постучу, и только тогда осторожненько засеменил следом.

Раздался скрип отодвигаемого засова, и ворота распахнула очень милая девушка лет восемнадцати — двадцати, хорошо одетая, но почему-то с парой перьев в голове.

— Хау, скво! — не задумываясь, ляпнул я. — Пусть Великий Маниту будет благосклонен к твоему вигваму и дарует твоей семье много бизонов.

— И вам не хворать, добры молодцы, — ни капли не смутившись, ответила девушка. — Дело пытаете али от дела лытаете?

Я на миг ступил, потому что пытки в отделении не практикуются, это вам скорее к царским палачам надо. А слово «лытаете» я вообще не понял. Выручил подоспевший Митя. Он скорчил жалобное выражение лица и заканючил, как профессионал на паперти:

— Ох ты гой еси, красна девица! А пусти нас в дом, тихих странничков! Тихих, скромных да богобоязненных. Ибо ножки наши притомилися, ручки опустилися, белы лица пылью припорошены...

— Хм... он у вас всегда такой?

— Нет, первый день, — признался я. — Сам удивлён. Но вообще-то мы сверху упали, мог и ушибить не то полушарие мозга.

— Сверху, говоришь? — вскинула чёрные брови девушка. — Ну тогда заходите, гостями будете. А если мой муж прилетит, так я вас спрячу, уж больно он сердит...

В какой-то момент я почувствовал себя телегероем мыльной оперы на древнерусский манер. Если Баба-яга действительно закинула нас в настоящую сказку, то стоило хотя бы предупредить. Я же тут ничего толком не знаю. На Митяя надежды мало, он из себя юродивого корчит, а время не терпит: где-то там наверху три пленницы ждут помощи от милиции. И одна из них моя жена!

— Мы можем и не заходить в дом, чтобы не нервировать вашего супруга. Просто скажите, вам что-нибудь известно о Змее Горыныче?

Девушка вздрогнула, прошептала «чур меня!», сплюнула через левое плечо и метнулась к избе. Собственно, нам ничего не оставалось, как проследовать за ней. Ладно, я смирился с тем, что в этом времени все вопросы разрешаются либо за накрытым столом, либо в бане. Куда нас, я надеюсь, не поведут?! Не то чтоб я так уж против, но ситуация не та...

— Отведайте сперва хлеба-соли, гости дорогие, — в пояс поклонилась нам хозяйка. — А уж потом я вам всю правду расскажу. Угощайтесь!

Мой двухметровый напарник только сглотнул слюну, глядя на здорового печёного гуся, лежащего на глиняном блюде посреди богато

накрытого стола. Я же, вспомнив совет Яги, демонстративно отодвинул каравай хлеба и повторил вопрос:

— Ещё раз, пожалуйста: что вам известно о Змее?

Ответить девушка не успела. Она собиралась, честно, но в ту же минуту изба явственно вздрогнула, за окошком зашумел ветер, послышался отдалённый раскат грома, и хозяйка сделала испуганные глаза:

— Муж возвращается! Прячьтесь скорее, а то уж больно он строг — съест вас, и не помилует!

— Э-э... — Двусмысленность нашего положения не позволяла задавать более внятные вопросы.

— В шкаф, — мигом определила девушка.

Я бы даже отметил, что сказала она это каким-то профессиональным тоном, словно бы заученно повторяя одни и те же слова уже в сотый раз. Нас с Митькой практически запихали в старый допотопный шкаф, стоящий в углу. Хотя вроде бы в русской сказочной реальности шкафы не использовали, там всё больше сундуки были, как помнится, но нас сунули именно в шкаф. И, кстати, жутко неудобно сунули, мы с Митей оказались сплюснуты в таких позах...

— Заходи, друг любезный, муж мой верный! Как летал-гулял? Чего на свете божьем видывал? — раздался елейный голосок запершей нас хозяйки.

— Много я летал-вылетал, по всему свету гулял-гуливал, изголодался-стосковался весь, — ответил незнакомый мужской голос.

Мы с Митькой затаили дыхание...

— Ох, какой гусь! Какой стол! Какая жена моя красавица, хозяйюшка! А что... что-то тут русским духом пахнет?..

— Митя?! — сквозь зубы зарычал я.

— Ни-ни, Никита Иванович, — упёрся он. — Не я энто! Мне хучь и страшно, но воздух не испортил, держуся!

— И что ты, мил-дружочек, — вплелась девушка, явно пытаясь нас защитить. — Это ты, поди, по святой Руси гуливал, вот тебе русский дух повсюду и чудится...

— Ой, а не врёшь ли, не лукавишь мне, свет Авдотьюшка?

— Вот, стало быть, как её кличут, — прошептал поверх моей фуражки вспотевший Митя. — Дунька, значит. А Дуньки, они хитрые-э...

— В смысле?

— Небось отмажет, — пояснил он, но не прокатило.

— Чую, чую дух русский, — громко вскричал мужской голос. — Не хочу более мяса гусиного, хочу человеческого!

— Мама-а! — в один голос простонали мы с Митькой.

— Так, стоп. Ещё раз! Да, поди, ты, милый, на Руси-то летал-полётывал, русским духом надышался, вот он тебе и мерещится, — почти слово в слово мягко повторил женский голос, и вслед за этим раздался долгий звук поцелуя.

— Я ж говорил, что отмажет, — чуть ли не со счастливыми слезами протянул мой младший сотрудник.

— Ох ты ж мне, жена коварная, девица лукавая, баба обманная! — тут же взревел мужской бас. — Опять за старое взялась да в шкафу любовничков прячешь?! Вот я вам всем ужо задам!

Чего «ужо» он нам задаст, думать как-то не хотелось. Поэтому, как только неизвестный шагнул к шкафу, мы, не сговариваясь, ударили плечом в створки. Эффект превзошёл все ожидания...

— ...ять! — только и успел чирикнуть утерянную букву русского алфавита невысокий усатый мужичок в чёрной рубашке и штанах с люрексом.

Авдотьян, как я понимаю, муж перелетел через стол, сбил герань на подоконнике и замер у стены лаковыми сапогами вверх. Господи, да в нём полезного росту метр с кепкой в прыжке! Стыдоба-то какая-а...

— Грех на вас, Никита Иванович, — удовлетворённо отметил мой напарник, вежливо выпихивая меня пузом из шкафа. — За что пришибли недомерка женатого? Хозяюшку нашу, ласковую, вдовой оставили? Эх, провалиться мне со стыда как сотруднику милиции...

Я даже не стал на него отвлекаться, в следующий раз дам по башке, сейчас были дела поважнее.

— А-а-ай, и на кого ж ты меня покину-ул?! — скрестив руки на груди, привычно заголосила Авдотья.

Я отодвинул её в сторону, перевёл мужичка в вертикальное положение, похлопал по щекам и начал обмахивать бабкиным полотенцем. Сморчок с усиками отказывался приходить в сознание, зато хозяйка мигом перестала орать. Резко, как будто её колонки просто отключили от питания.

— Матушкина ширинка?

— Э-э... это полотенце, — поправил я на всякий случай.

Однако Авдотья выхватила у меня из рук бабкин подарок.

— Откуда у вас энто?

— Баба-яга дала. Мы с Митей живём у неё на квартире. В смысле там, наверху, в Лукошкине, первое отделение милиции открыто именно в тереме Яги.

— Матушки моей, — тихо склонила голову хозяйка, а её побитый муж резко перестал притворяться и, бодро хлопнув в ладоши, заявил:

— А не выпить ли нам по сему редкому случаю? Уж больно нечасто к нам в избу гости от любимой тёщи заглядывают, а?!

Ну, как вы понимаете, вскоре мы сидели за общим столом, успешно забыв о наказе «ничего не есть», и после подробного рассказа о жизни нашей эксперт-криминалистки с бородавкой на носу я наконец смог перейти к делу. Далее сухо и по существу.

Тесть Бабуленьки-ягуленьки, явно полукриминальный элемент, носил воровскую кличку Ворон. Как я понимаю, он умел оборачиваться этой самой птицей, летал в Верхний мир и тырил там всё, что был в силах унести. Правда, подобное поведение больше приличествовало сороке, но не мне судить их семейку. Тем более что тот же Ворон честно пытался нам помочь...

— Про Змея лютого мне известно мало, на разных высотах мы с ним парим. Да и небезопасно мне к нему близко подлетать, ещё в штопор завертит...

— Законы аэродинамики, — пояснил я любопытному Митяю. — Воздушный поток от большего объекта создаёт вихревую воронку, в которую может быть затянута более мелкая посудина.

Ворон, кстати, ни капли не обиделся на сравнение с «посудиной» и продолжал, закусив грибочком:

— Летает он, гад, быстро. Крылья вострит на запад. Далеко ли, близко — не ведаю.

— То есть может и менять курс?

— Энтот всё может. Бывает, летит себе, никого не трогает, а бывает, и огнём в кого плюнет. Не по делу, а так, шутки ради али от настроения поганого...

— Почему раньше мы его не видели?

— Змей своим умом живёт, никому не служит. Может в своих хоромах спать, да не ночь, не две, а хоть целых сто лет! У него с того сна только силы прибавляется...

Я взял этот момент на заметку. Быть может, злодей потому и меняет женщин, что те попросту не дают ему выспаться?

— А более мне про того Змея ничего и не ведомо, — развёл руками хозяин, привстал, сунул руку в штаны, пошарил сзади и вытащил нам здоровенное воронье перо. — Надо вам, гости милицейские, к моему брату названому идти. Он на Дунькиной сестрице женат, так что по-любому, раз тёща одна, стало быть, родня. Да тока там ширинка вам не поможет.

— Это полотенце, — зачем-то упёрся я.

— Перо моё держи. Как пред братцем моим названным махнёшь, так и

проси у него, чего хочешь.

Я понял, что нам деликатно указывают на дверь. Пока прямо не послали по известному маршруту, оставалось лишь поблагодарить за содействие, быстро собраться и, утянув за собой напарника, покинуть дом супругов Воронов.

Митяй, кстати, упирался изо всех сил, ноя, что хозяйка якобы делала ему из-под стола тайные знаки интимного характера, показывая то на веник, то на ухват, то на скалку. Лично я бы интерпретировал это как «выметайтесь, не то схлопочете», но у парня были какие-то иные ассоциации...

До жилища второй дочери Яги дошли довольно быстро, поднялись на пригорок, а уже там, за перелеском, виднелся сизый дым из печной трубы. Пошли, что делать...

— А какая бабуля-то у нас таинственная, а? Это ж надо, скока времени в одной опергруппе служим, а она ни разу и словом о дочерях своих не обмолвилась. Врала, дескать, всю жизнь ни детей, ни плетей! С чего бы так, Никита Иванович? Нешто она их стыдится али они от неё нос воротят?..

Я молча пожимал плечами. Сколько помню русские народные сказки, личная жизнь Бабы-яги всегда была покрыта тайной. Кто-то считал её дочерью или даже бывшей женой Кощея Бессмертного. Но мы-то точно знаем, что это не так. Видели их вместе — антагонисты круче, чем Куба и США...

Кто-то писал, будто бы наша Яга была первой языческой богиней и занималась безотказным сексом в бане с каждым заезжим гостем во имя плодородия и разнообразия кровей. Повтори этот умник свою версию в лицо нашей бабушке, и хоронили бы потом лишь обугленные подошвы от ботинок теоретика. И то не факт, может, даже и пепла бы не осталось...

Кто-то искренне почитал бабулю людоедкой, специализирующейся в основном на женщинах и детях. Уверен, что и это враньё. Да, характер моей домохозяйки порой как гвоздь в табурете — раз сядешь и с воплем вверх на полметра, но!

Детей бабка любила, даже на самых хулиганских уличных мальчишек голос не повышала, а девчонкам так ещё и петушка на палочке дарила не задумываясь. И дети соседские к ней тянулись, чувствовали её доброту, хотя родители, конечно, пугали: вот не будешь слушаться, придёт Баба-яга — костяная нога и заберёт тебя в милицию!

Про версии типа «само имя Баба-яга произошло от татарского Бабай-Ага, то есть старый хан, забирающий в плен русичей во времена татаро-

монгольского ига...» — я умолчу. Назвать бабушку дедушкой и не поморщиться — это уметь надо...

— Вернёмся в отделение, сам у неё спросишь. А пока, — я постучал кулаком в добротные тесовые ворота, когда мы добрались до места, — доставай воронье перо, будем перед хозяином махать.

— Энтю, что ли? — Он протянул мне чёрное перо, брезгливо держа его двумя пальцами. — А вы видели, откуда он его выдернул?

— Подозреваю, что из гузки, — скрипнул зубом я. — А что, у нас есть другие варианты?

— Нетути, — вынужденно признал Митяй и так грохнул кулаком по воротам, что пара досок хрустнула.

— Ой, бегу, бегу, гости дорогие! — раздался счастливый женский голос, и буквально через минуту ворота нам открыла грудастая девица лет двадцати пяти, с румяными щеками, в обтягивающем сарафане и с бутылью самогона в руках.

Интересно здесь встречают гостей...

— А я уж и притомилась в ожиданьице, — тараторила, как я понимаю, средняя дочь Бабы-яги. — Мужа-то дома нет, а одной скукота, и словом перекинуться не с кем. Я уже и стол накрыла, и бутыль из поруба достала, думала, одна буду слёзы лить, а тут вы! Радость-то какая, а?! Праздник, праздник!

Собственно, мы ещё с прошлого угощения проголодаться не успели, а нас уже усаживали на второй раунд. На этот раз во главе стола красовался целиком запечённый кабан с большущим ножом в боку.

— Кто у нас супруг? — несколько нервно поинтересовался я.

Ответить гостеприимная хозяйка не успела, потому что в тот же момент грохнул гром, в лицо ударил горячий ветер, а в горницу через распахнутое окно влетел здоровый ястреб с самым недружелюбным выражением лица. Лица, морды? Ну чего там у птиц, а?

— Митя, перо покажи.

А смысл?! Рыжий ястреб клювом вырвал воронье перо у перепуганного Мити, в мгновение ока разодрал его (перо!) в клочья и кинулся на моего напарника. От тяжёлого удара грудь в грудь Митя улетел через стол, сбив блюдо с кабаном. Ястреб пикировал на меня сверху, но я чудом успел подставить бабкино полотенце и, держа его за оба конца, поймать голову хищной птицы в тиски. После чего завернул сплеча вниз. Ястреб дёрнулся и клюкнулся клювом в пол.

Всё. Надеюсь, не насмерть?

— Ох и спасибо тебе, добрый человек, что меня, жену замужнюю,

горькой вдовой обернул, — с тихим присвистом, сквозь зубы, протянула хозяйка, выдёргивая из кабаньего бока полуметровый нож.

— Извините. Не хотел. Но он же первым начал! — принимая боксёрскую стойку, напомнил я. — А мы, кстати, из милиции. В смысле от вашей...

— Энто что у тебя в руках, добрый молодец? Никак ширинка матушкина...

— Ширинка у меня на брюках, — устало упёрся я. — А это полотенце. В крайнем случае рушник, по-вашему.

— Матушка-а родна-а-я, — сентиментально выдохнула хозяйка и, присев в уголок, без предупреждения залилась слезами.

Мой напарник меж тем пытался аккуратно снять с себя бессознательное тело крепкого мужчины с рыжей бородой, в красных одеждах и коричневых сапогах. Неужели все дочери Бабы-яги выходили замуж за каких-то ненормальных птиц-оборотней?!

— Никита Иванович, куда прикажете психического складировать?

— Да вона на лавочку положь, — на миг отвлеклась хозяйка и вновь обернулась ко мне: — Откуль у вас ширинка матушкина? Ежели по добру делу пришли — помогу вам, а коли уж воры да разбойники — пощады не ждите... Убью сковородкою на том же месте!

Ну и далее, как вы понимаете, мне пришлось по второму кругу объяснять, кто мы, зачем пришли, наши отношения с Бабой-ягой и цель нашего пребывания в Нижнем мире. Грудастая девица с шолоховским именем Аксинья выслушала внимательно, пару раз задала уточняющие вопросы (внешность Яги, особые приметы, имя кота и т. д.), после чего милостиво признала, что я не вру.

— Верю тебе, участковый. А только ежели ты думал от моего мужа про Змея узнать, так то напрасно. Шибко горяч он у меня. Чуть что не по его, так сразу в драку лезет, сил не соизмеряючи. За тем делом и мозг себе птичий отбил преизрядно...

— Понимаю, — кивнул я. — Но что же делать? Мы до сих пор не знаем точного места жительства этого проклятого Змея. А у него в плену моя жена и Митина невеста.

— Насчет невесты не преувеличивайте, Никита Иванович, — тут же вмешался Митяй, но Аксинья не обратила на это внимания, занятая своими мыслями.

— Добро. Помогу, чем могу. Многого не знаю, однако ж слыхала от мужа, будто бы летал он на восток, а оттуда на север, а с севера на запад и там видел Стекланную гору. Вот на той горе и стоит дворец Змея

Горыныча!

Я обхватил голову руками. Восток, север, запад. Стеклянная гора, дворец, шиза полная...

Аксинья меж тем, не замечая, как воодушевлённый Митя пялится на её грудь, продолжала грузить нас совершенно невнятной информацией. Типа победить Змея нельзя, ибо он божество древнее, индусско-скандинавское, силы немереной, красоты неопишуемой, куда там Баскову, и никакой ржавый меч царя Гороха ему не помеха. Собственно, это и было единственно полезным фактом. Даже если мы вновь вытащим легендарный меч Бовы-королевича, то всё равно на всей Руси не нашли бы богатыря, способного управляться с ним в реальном бою. Оптимизма это не добавило...

— Может, ещё у вашего мужа спросим?

— Ага, ежели он к завтраму в себя придёт, — с уверенностью хмыкнула хозяйка. — Пьёт же, зараза. Как свинья нажирается! А потом же бросается на людей без спросу, без повода. Мне уж и стыдно, и больно, а что поделать — терплю, раз жена... Куды деться-то?

— Никуда, — уныло вздохнул я.

— Да вы уж не огорчайтесь так, Никита Иванович, — приобняла меня средняя дочь Яги, жарко дыша в ухо. — Помогу я вам, добрым молодцам! Как из дому нашего пойдёте, левой руки держитесь. Долго ли, коротко ли, а увидите на холме высокий терем. Там сестра наша старшая живёт, уж она-то всё про Змея знает. А не она, так муж её верное слово скажет...

Насчёт «верного слова» я, конечно, крепко сомневался. Мы уже две семьи опросили по интересующей нас теме, а толку ноль. Какие-то сказки про восток, север, запад, Стеклянную гору, сон по сто лет и прочая невнятная фигня.

Хотелось бы чего-то более серьёзного, а не панических воплей о том, что Змея по-любому одолеть нельзя. Мы же и самого Кощея Бессмертного арестовывали! Не то что перелётную ящерицу с креном на сексуальной почве...

— Вот, на, участковый. — Хозяйка, не стыдась, запустила руку мужу в штаны на заднице и протянула мне рыжее в крапинку перо. — Ежели перо энто в том тереме покажешь, так тебе всё мёдом мазано будет. А коли где потеряешь, так уж на себя пеняй, моей вины в том уж нет...

В общем, как вы понимаете, ушли мы несолоно хлебавши. Это если выражаться на местный манер. Я бы просто написал — облом. Можно даже так: облом-с...

Митю я вытащил за шиворот, он явно попал под обаяние объёмистой в

нужных местах красавицы Аксины. Мне же никаким боком не улыбалось дожидаться прихода в сознание второго тестя Бабы-яги. Мы вышли за ворота и, как было указано, пошли по тропиночке, ведущей налево.

Я молчал. Митя нёс несусветную пургу, он это любит и умеет...

— И чего мы от них так скоро рванули-то, а? Ну вы, понятное дело, человек окольцованный, а я парень молодой, холостой, невенчанный! Ежели вам Маняша чего и наплела, дык Христом-Богом клянусь, не было у нас ничего! То исть в смысле, чтоб ей потом ко мне в Лукошкино в гости ездить, точно не было! Тем более с коровой! Да вы ж её видели, дуру рогатую. Нешто я там, в Подберёзовке, каждой корове обещания раздавал?!

Насчёт той домашней скотины он, конечно, был прав. Мы с этой коровой встречались пару раз на узкой тропиночке, впечатления на всю жизнь, и далеко не самые радужные.

— Так я к чему речь-то веду, Никита Иванович, отец родной, может, вы к третьей сестрице сами заглянете, а я покуда к гражданке Аксины с ответным визитом наведуясь? Ну, покуда её муж спит! По делу, не просто так, может, она чего полезного для следствия сообщить подзабыла? А со мной-то враз припомнит, верно?

— Митя, уймись.

— А хотите, я вам под это дело историю жалостливую деревенскую поведаю?

— Опять Шекспира пересказывать будешь?

— Да тьфу на вас, Никита Иванович! И на Шекспира вашего в придачу. Другую историю расскажу. Печальственную-у...

Я махнул рукой, потому что отвязаться всё равно никакой возможности не было. Ну вы же его знаете, значит, и меня поймёте, правда? Сюжетную канву я уловил где-то к середине текста...

— Стало быть, дружбаны и уговорили Одеську на разборки идтить. Он бы сам и не хотел, у него жена молодая, да и сын подрастал. К тому же дорожка ихняя затянулась, ой затянулась-а-а... То пьянка, то драка, то на мужика одноглазого нарвались, то не по тем звёздам в море пошли! Однако ж возвратился он домой после десяти лет странствий, так его тока собака и узнала. Старый, небритый, одет, как пугало деревенское, а на двор его уж и женихи богатые съехались. К евонной «вдове» толпою сватаются, а она ни сном ни духом, что Одеська-то как есть живой! И взял он...

— И взял он лук да пострелял всех претендентов без суда и следствия, — на автомате продолжил я. — Милиции на твоего гражданина Улисса не было.

— Улиткина, — поправил Митя. — Одеська Улиткин его звали вроде

как...

Спорить с ним и приводить в пример мифы Древней Греции не было ни смысла, ни желания. Во-первых, бесполезно, во-вторых, всё равно не докажешь, откуда эта деревенщина знает гомеровскую Одиссею...

— Никита Иванович, а вы уверены, что нам вот прямо туда и надо? — неожиданно встал Митя, так что я по инерции въехал носом ему в спину.

На косогоре чёрным силуэтом выделялся высокий терем, окружённый бревенчатым забором. И вот на этом заборе, у ворот, действительно висели человеческие черепа. Без нижней челюсти, выбеленные временем, наверняка очень старые...

— Тут ни птица не пролётывает, ни зверь не прорыскивает, а добру молодцу со конём и подавно лютая смерть, — крестясь, забормотал мой напарник.

— И кто у нас конь? — почему-то задело меня. — Идём уже, достал меня этот ваш сказочный квест. От младшей сестры к старшей, от одного зятя к другому, а толку — ноль. Единственно, что выяснили, так это непреложный факт — победить Змея невозможно!

— Адресок ещё, — напомнил Митяй.

— Ах да. Стеклянная гора где-то на востоке, юге, севере, всё время направо, и так, пока лбом не упрёшься. Мить, да они над нами просто издеваются!

— Дык с чего же?

— Дык не знаю! Может, в своё время с маменькой из-за птичек своих не ладили, а теперь на нас отрываются.

Я закусил нижнюю губу. Что-то нервы шалят, на своих без дела голос повышаю.

Это из-за Олёны. Точнее, из-за её отсутствия. Вот ведь только-только всё стало налаживаться — не в личных отношениях, там у нас всё супер. А в смысле чисто бытовых условий: осознание себя женатым человеком — некая основательность и, я бы даже сказал, устойчивость в жизни.

С Бабой-ягой мы бы по-любому как-то договорились, переезд — дело не скорое, всё бы устаканилось, я уверен! Но без Олёны чему устаканиваться?! Уж поверьте, возврата к прежней холостой жизни я не хочу, поэтому мы ещё поборемся...

— Чё делать будем, Никита Иванович?

— Стучать.

— В ворота, что ль?

— Естественно.

— Кулаком али ногой?

— Головой, — прорычал я.

— Как прикажете. — Митяй не задумываясь долбанул широким русским лбом по тесовым воротам. Те даже не скрипнули.

Мой напарник стиснул зубы, сурово нахмурил брови, собираясь взять разбег, я ему не препятствовал, но в последний момент ворота резко распахнулись. Митяй так и влетел во двор на полной скорости, словно бык мимо тореодора. Или правильнее, мимо прекрасной тореодорши, да?

Нас встречала рослая кустодиевская девица с румянцем во всю щёку, с широким размахом плеч, с монументальной фигурой, в опрятном платье и ниткой красных бус на шее.

— Фу-фу-фу! — томным грудным контральто почти пропела она. — Сколько лет русским духом и не пахло, а нынче русский дух сам пришёл...

— Как же меня достали эти полунамёки, — честно признался я сам себе, потом сунул руку в планшетку, достал бабулино полотенце и протянул третьей сестре. — Идентифицируйте!

— Чего? — опешила она.

— Ну, опознать можете?

— Тебя али олуха стоеросового твоего? — Девица кивнула в сторону выползающего из курятника Мити. Судя по всему, он не только сломал там дверь, перепугал кур, перебил яйца, но ещё и словил за всё это безобразие от храброго петуха!

— Гражданочка, у вас это полотенце никаких ассоциаций не вызывает?

— Ширинка, что ль? — Хозяйка наконец поняла, чего от неё добиваются, и, внимательно приглядевшись к узорам на полотенце, воскликнула: — Дак то ж маменькина!

— Вот именно, — сухо подтвердил я.

— Упёрли, что ль?!

Я почувствовал, что моё терпение резко подошло к концу. Судя по всему, старшая дочка нашей Яги весь ум передарила сёстрам. Причём добровольно, но неравномерно, младшей досталась большая часть.

— Я живу у вашей мамы.

Румяная девица смерила меня недоверчивым взглядом:

— С маменькой живёшь? Хорош щегол...

— Не с ней, а у неё, — краснея до ушей, прорычал я. — Мы вместе с Митей (да, вот этим самым!) в комплекте, одним флаконом, живём в тереме вашей мамы, которая является главой экспертной службы Лукошкинского отделения милиции. Так понятней?

Увы, похоже, вся моя речь ушла куда-то в китайскую Поднебесную. Хозяйка зависла, словно компьютер в бухгалтерии, и только облизывала

губы, пытаюсь понять, кто мы, чем занимаемся с её маменькой, а главное, зачем пришли сюда? Видимо, последний вопрос казался ей самым важным.

— А чего вы ко мне пришли?

— Если точнее, то мы к вашему мужу. — Я вытащил перо ястреба и помахал им в воздухе.

— Не ко мне? — неожиданно обиделась девица, да так, что глаза её мгновенно наполнились слезами. — Обидеть хотели-и?!

Я сжал виски руками, потому что в тот же момент, словно реагируя на её слёзы, загрохотал гром, поднялся ветер, и минуту спустя во двор приземлился орёл. Не маленький...

Примерно на две головы выше чёрного африканского страуса. Жёлтые круглые глаза легко оценили нас с Митькой на вес, рост, сопротивляемость, свежесть мяса и метод лучшего приготовления. Лично мне показалось, что нас склюют сырыми.

Митя, не раздумывая, пополз обратно в курятник, и хрен с ним, с драчливым петухом. А мне ничего не оставалось, кроме как поднять руки вверх. В левой — ястребиное перо, в правой — бабкина ширинка (ну, раз все так говорят, что же мне, драться с ними, что ли?!).

Орёл, обладая орлиным (прошу простить за «масло масляное») зрением, в один миг грохнулся грудью о землю и принял облик широкоплечего русоволосого дядьки в богатой одежде, с бородой лопатой и плешью на затылке.

— Не бойсь, мужики, тут все свои. А ты цыть, Акулина! — сурово прикрикнул он, тем не менее довольно заботливо обнимая жену за плечи. — Заходите в дом, гости дорогие. И ты, родная, перестань глаза сухие тереть. Гости у нас! Всё, что есть в печи, на стол мечи!

Я тихо выдохнул. Неужели в первый раз мы сталкиваемся с нормальным человеком? В смысле птиц. Оборотнем? Да какая, к лешему, разница?! Если припомнить ранее встреченных нами зятьёв Бабы-яги, то этот гарантированно был наиболее вменяемым.

Я за ногу выволок Митю из курятника, дал пинка под хвост мстительному петуху и, послав младшего сотрудника бдиль за воротами, сам шагнул в дом Орла. Есть или пить не хотелось совершенно, но поговорить было о чём...

— Знаю я сволочь эту перелётную, — выслушав меня до конца, вздохнул Орёл, выдернул из запечённого (целиком!) быка широкий нож, одним махом откромсал себе на тарелку кусман килограмма на полтора, принял от супруги большую кружку чёрного пива и неторопливо продолжил: — Стало быть, что я тебе скажу, сыскной воевода... В честном

бою Змея вам не одолеть. Дюже быстр он в полёте да увёртлив, ни стрелой, ни ядром пушечным его не проймёшь. Силы у него великие, огнём палит нещадно, а ежели до когтей и зубов дойдёт, так они у него харалужной стали крепче!

— Ядерное стратегическое оружие?

— Не поможет, — отмахнулся мужик, но быстро понял, что не в теме. — А что энто за хрень басурманская? Мы об энтой заразе ядерной отродясь не слыхивали, но говорю ж тебе, ядром его шкуру не прошибёшь. Однако единая хитрость есть...

— Какая? — Я без извинений отхлебнул из его кружки, но хозяин не обиделся, даже наоборот.

— Говорят, те, кто из одной посуды пьёт, братьями названными становятся.

— Хотите иметь родственника в милиции?

— Добрые люди завсегда друг дружке помогать должны. Ныне я тебе, а глядишь, в какой беде и ты за услугу верностью расплатишься.

— По рукам, — согласился я. — Так что за хитрость?

— Думаю, что знаю я про слабость его. На женский пол гад энтот дюже падок!

— И чем нам это поможет в плане его задержания? — неуверенно пробормотал я. — Нет, конечно, можно хоть всю стрелецкую сотню Фомы Еремеева переодеть в девичьи сарафаны и выстроить по росту на Базарной площади. Но что, если Змей просто не прилетит? Есть гарантии, что мы его заманим этим конкурсом красоты «Мисс лукошкинская милиция в бикини»?

— Энто проблема, — важно признал Орёл, за время нашего диалога уже дважды наполнивший мясом тарелку. — Однако ж если среди девиц похищенных хоть одна найдётся, которая ножа в руке не боится, то... Как после утех сладких уснёт Змей в образе человеческого, сей же час ему голову и руби! Аки в писании библейском об Юдифи и Олоферне указано...

Вот тут я серьёзно призадумался. Пиво было крепким, шибало в ноги, но голова вроде бы пока оставалась трезвой. И эта трезвая голова весьма недвусмысленно пыталась определить для себя, кто же готов спать со Змеем ради его последующего умерщвления. Ответ упрямо не находился.

Царица? Ну, Лидия Адольфина убить, конечно, может. Австрийский королевский дом пролитием крови никогда не гнушался и, как утверждал тот же Горох, охотничий нож — хиршфангер государыня всегда носит под юбкой, прикреплённым ремешками к бедру. Другой разговор, что в бане

она его гарантированно сняла. Успела ли забрать, пока летели, — вопрос открытый. И самое главное, я не мог быть уверен, что она согласится отдаться похитителю. Это не в её характере, да и чувство долга не позволит. Так что вряд ли...

— Девица Маняша из села Подберёзовки? — продолжал теоретизировать я, видимо, уже вслух. — Ну, что тут скажешь... Рука у дочери кузнеца тяжёлая, это факт. Способна ли она убить? В запале, в горячке, при самозащите да против тех же шамахан — запросто! А вот после первого сексуального опыта... Не знаю, не знаю, не уверен. А вдруг он, в смысле Змей, наоборот, после ночи любви ей очень даже понравится? Сельские девушки, они существа непредсказуемые...

— А твоя? — напомнил Орёл.

Я протянул руку, поймал его за грудки и тяжело выдохнул прямо в лицо:

— Моя может. Убить. Но спать с ним не станет. Скорее умрёт.

— Да я ж не за-ради обиды, братец названный, — легко отцепляя мои пальцы, повинился хозяин. — Хочешь, путь-дорогу к дворцу змеиному на Стекло́нной горе нарисую?

— Да, — согласился я. — Извиняться не буду. Нарисуй, братец названный.

Бородач взял чистую глиняную тарелку и просто ногтем начал царапать на ней вполне себе профессиональную топографическую карту. Я узнал схематичную линию стен Лукошкина, полосу речки Смородины, Кощееву Лысую гору, а дальше за ней, через лес и большое озеро, появились очертания неприступной крепости в европейском стиле. Не знаю, можно ли было назвать это той самой Стекло́нной горой, но на какой-нибудь рыцарский замок времён Войны Алой и Белой розы было очень и очень похоже.

— Держи, Никита Иванович. — Орёл пододвинул мне исцарапанную тарелку. — Ну а сам чего не ешь, не пьёшь? Али гостеприимством моим брезгуешь?!

— Вообще-то Баба-яга просила в ваших краях ничего не есть, а то назад не вернёмся. Но... я уже перехватил у вашей родни. Так что... ох!.. не знаю даже...

— Ешь, не бойся! А как я вволю поем-попью, так и вас на свет божий вынесу.

Мне оставалось лишь пожелать ему приятного аппетита, сделать себе бутерброд с говядиной и тихо выйти вон. Судя по страшному клёкоту за моей спиной, от запечённого быка вряд ли что-то останется. В сених я был

задержан хозяйкой. Дородная Акулина с двухлитровой бутылкой мутного самогона в руках легко прижала меня бедром.

— Слышь-ко, добрый молодец, а мой муженёк не обещался тебя на свет божий вынести?

— Была такая тема, — не стал врать я.

— Вот и ладушки! Так, ежели ты не против, я бы матушке своей любезной подарочек малый с тобой передала, а?

Мне оставалось только развести руками. Старшая и самая недалёкая дочь Яги оказалась единственной, кто подумал хоть что-то передать в Верхний мир маме. Получается, она была лучшей дочерью? На мгновение мне показалось, что я в чём-то понимаю свою бессменную сотрудницу...

— Да, разумеется. Всё, что надо, передам.

Акулина радостно засуетилась и буквально через пять минут вынесла мне корзинку, набитую всякой домашней снедью.

— Вот тут вареньице, окорока кусок, булка, плюшки, ну и бутылочка настойки ядрёной.

— Сам не выпью и Митьке не дам, — клятвенно пообещал я. — А вы не в курсе, как нам вернуться?

— Дык муж мой до места доставит! Уж ему-то, поди, не впервой, — беззаботно отмахнулась хозяйка и, не прощаясь, ушла в дом.

Я вышел во двор с корзинкой в руках, встал перед курятником...

— Никита Иванович, а чё, всё кончилось, чё ли?

— Чё ли нет, — вздохнул я. — Сейчас хозяин выйдет и отправит нас домой, в родное отделение.

— А энто как?

— Энтого не знаю, — передразнил я. — Однако если сюда нас закинули через колодец, то, видимо, обратно доставят так же.

— Ну тады не страшно, энто быстро же, да?! — С надеждой вытянув шею, мой напарник помахал рукой выходящему из дома Орлу.

Мужик шёл вперевалочку, держа под мышками два берестяных короба. Весьма объёмных, надо признать...

— Всё, полетели, парни. Как я птицею обернусь, садитесь ко мне на спину и короба держите. Коли я налево голову поверну, бросьте мне в клюв мясо, а коли направо — хлеб. Бог даст, подниму вас до Верхнего мира, а там уж сами, своим умом, своими ножками...

Я на автомате проверил короба — в одном куча буханок хлеба, в другом жареные курицы. Ну, в принципе всё понятно, справимся.

Мужик отошёл подальше, подмигнул нам и всем телом ударился оземь. В тот же миг перед нами встал огромный орёл. Вот тут, естественно,

и началась вся трагикомедия...

— Я не полечу! Ни за что! Как Бог свят, нипочём на птицу эту страшную не сяду! Лучше прямо тут расстреляйте-э-э!

— Митя, успокойся.

— А я спокойный! Как слон спокойный, я его в цирке видел. Вы за моё спокойствие не беспокойтесь, вы меня на птицу эту не сажайте — хуже будет!

— Это угроза?!

— Это вопль души! Я высоты боюсь-а! А ну как ему в перелёте мяса или хлеба не хватит и он мою ногу склюёт?! Левую!

— Почему не правую?

— А хоть бы и правую, мне оно без разницы! Кому я, к лешему, безногим нужен буду?! Опять сироту обидеть хотите, грех ваш, ой гре-эх...

Я только улыбнулся, когда, распалённый истерикой, Митя совершенно потерял контроль над ситуацией и не заметил, как орёл неторопливо повернул свою горделивую голову и одним движением страшного клюва цапнул нашего младшего сотрудника за воротник, закидывая себе на спину.

Бедный Митяй настолько обалдел, что даже не дерзнул оказать сопротивление. Сел, где посадили, молча, как побитая котом мышь, тихий и послушный. Лишь только глаза круглые, как царские пятаки...

Я же вскинул вверх короба и корзинку для Яги, а потом сам полез по подставленному крылу. Устроился позади Мити, сунул ему тару с курятиной и дал отмашку.

— Первое Лукошкинское отделение милиции, старший лейтенант Ивашов и младший сотрудник Лобов к полёту готовы!

Орёл покосился на нас, удовлетворённо клекотнул и без разбега взмыл вверх. Утирающая сентиментальную слезу Акулина махала нам платочком из окна. Митька сгрёб правой рукой пук орлиных перьев так, что аж хруст костяшек послышался. В левой, как вы понимаете, у него был «неприкосновенный запас» кур-гриль.

Я, в свою очередь, вцепился зубами в его рубаху сзади, потому что обе руки были заняты. Через пять — десять минут сумасшедшего подъёма в стиле вечно пьяной «Аэрофранс» мы скоординировали курс и поднимались уже по спирали всё выше и выше плавно, без рывков и воздушных ям.

В принципе полёт был нормальный, я понял, как сунуть ноги под перья на спине Орла: и тепло, и надёжней посадка. Мой напарник молчал, лица его мне видно не было, но, судя по тому, как быстро намокла от пота рубашка на спине Митяя, удовольствия он от перелёта получал мало.

Примерно через полчаса орёл повернул клювастую голову вправо.

— Оп! — Я поспешно вытащил какую-то булку и метко швырнул её в распахнутый клюв.

Орёл почти сразу же повернул голову влево.

— Митя, кидай курицу!

— Чёй-то? Зачем-то?

— Дозаправка в воздухе! Кидай, тебе говорят!

Он дрожащей рукой пульнул жирную курицу, ухитрившись залепить орлу в глаз. Тот дёрнулся так, что мы едва не свалились, но всё-таки ухитрился подхватить тушку.

Мы облегчённо выдохнули. Через пять минут операция кормления повторилась. Орёл жрал в полёте так, словно его дома не кормили. Только и успевай швырять: курица — булка, курица — калач, курица — батон какой-нибудь. В общем, меньше чем за час-полтора вся провизия у нас кончилась.

А громадная птица, устало махая крыльями, с возмущённым клёкотом требовала ещё.

— И чё делать-то, Никита Иванович? Энтот гусь кривоклювый на ногу мою целится!

— Брось ему чего-нибудь.

— Короб пустой остался, бросать? — Митя, не дожидаясь моего ответа, запустил берестяной коробкой в голову орла.

Тот вовремя успел повернуть направо, увернувшись от удара. В другой раз ему уже не так повезло, потому что наш младший сотрудник, вырвав у меня второй короб, с размаху залепил орлу поперёк клюва!

— Ага, не нравится?! Не видать тебе, твари поднебесной, длиннокрылой, почём зря кусачей, тела моего белого, богатырского!

Орёл вновь издал требовательный клёкот, и меня осенило. Я протянул младшему сотруднику корзинку:

— Держи, кидай, пусть жрёт, зараза!

— Дык энтэ ж вроде как гостинец Бабуленьке-ягуленьке от дочки ейной старшенькой...

— Митя, не надо дебатов. Кидай, и всё!

— А ежели Яга осерчает, так на кого вы стрелки переведёте?

— На тебя, естественно, — начал было я, но тут орёл повернул голову и так клацнул клювом у самого Митинога лаптя, что тот больше не раздумывал.

— Подавись ты, ирод ненасытный! Чтоб тебе лопнуть в небесах, чтоб у тебя в полёте живот пучило, чтоб ты под ёлкой сел, а тебя ворона сверху по башке обгадила! Чтоб... чтоб... Ну, Никита Иванович, подскажите же и

от себя какое ни есть подходящее проклятье, а?

— Митя, мы снижаемся.

— Чего? Куды?! Не смей! Я те снизюсь, — рявкнул он и с великого перепугу дёрнул орла за перья, словно бы натягивая удила.

— Упс... — И в Митиных пальцах остались два здоровущих пера. — Сами выдернулись как-то... А я больше не буду-у!

Я бы на месте пилота, бесплатно доставляющего нас по указанному маршруту, не слабо обиделся и посадил самолёт. Орёл был благороднее, он поступил иначе — задрал нос и резко пошёл вверх. Мы с Митей, не успев сказать друг другу последнее «прости», скользнули по спине птицы вниз. Потом был короткий крик, падение на жёсткие перья хвоста, тяжёлый удар тем же хвостом, словно плёсом кита, и...

В себя мы пришли, сидя у бабкиного колодца, плечом к плечу, мокрые, как котята, но, кажется, живые и даже целые. Ну, почти целые. Митя продемонстрировал мне правую ногу без лаптя и портянки. Я быстро пересчитал — все пять пальцев на месте. Во дворе отделения была тишина, никого не видно, никто нас не встречает.

— Бабуля! Еремеев! Есть кто-нибудь?!

Бесполезно. Родное отделение милиции словно вымерло. Мы переглянулись и кинулись в разные стороны: я в дом, а мой напарник в баню. Дверь была заколочена крест-накрест двумя свежестругаными досками. Я попытался отодрать их, но прибили надёжно. Да что же у нас тут опять творится-то?! Ни на минуту их оставить нельзя...

— Никита Иванович, гляньте-ка начальственным взглядом, — тихо подошёл ко мне Митя, протягивая лист гербовой бумаги. — Я ворота распахнул, а тама... вот! Прибито!

— «Царский указ», — быстро вслух начал читать я. — «По совету Боярской Думы и собственному их решению, в заботе о городе моём, землях и всех честных людях, повелеваю! Милицию лукошкинскую распустить!»

— Что?! — взвыл Митя.

Я схватился за сердце, с трудом овладел языком и продолжил:

— «Понеже сыскной воевода и помощник его беспутный Митька Лобов в колодце утопи, за их смерть Бабе-яге ответ держать! Сотню стрелецкую еремеевскую в войска возвернуть. Пущай на поле брани свою храбрость доказывают. А коли у кого какие жалобы на милицию имеются да на проступки их лиходейские, тому к дьяку Филимону Груздеву идти надобно. Челом бить, справедливости требовать, на подарки не скупиться. Всё божьей волей и содеется, понеже всех люблю, целую, обнимаю и в

беде не брошу. Вы мне — дети, я вам — отец! Добрый, но строгий и справедливый! Всегда ваш, Горох». Что за хрень?

— Опередали, Никита Иванович, я первый то же самое спросить хотел.

— Спрашивай.

— Спрашиваю: что за хрень?! Нешто государь наш в здравом уме и твёрдой памяти такое мог написать?

— Не мог, — уверенно подтвердил я. — И слог не его, и манера речи, да и вообще всё. Митя, у нас тут, похоже, государственный переворот произошёл. Царя либо опоили, либо грохнули, либо подменили на брата-близнеца, как в «Железной маске»...

— Что за история занимательная? Про кузнеца-маньяка, поди? То-то мне Маняшин отец сразу подозрительным показался. И корова ихняя дрессированная, прямо носорог какой-то, а не домашняя скотина!

— Му-у, — тянуче раздалось сбоку.

— Назови чёрта по имени, он тут как тут, — простонал наш младший сотрудник, прячась за мою спину. — Может, Шмулинсона пригласить? Он её в прошлый раз дюже напугал рассказом про кошерную говядину.

— Глупости. — Я протянул руку, и корова, подойдя поближе, доверчиво подставила лоб под мою ладонь. Не знаю, чего они с Митей так невзлюбили друг друга — с любым животным всегда можно найти контакт. Помнится, в деревне мне тоже от этой рогатой прелести досталось, но в городе она вела себя вполне пристойно.

— Нам надо разобраться, что тут происходит.

— Да уж, по всему видать — неладное творится, — всё так же из-за моей спины пробормотал Митька. — К царю пойдём али покуда поосмотримся?

— А чего смотреть-то, — пожал плечами я. — Пойдём напрямую к Гороху и выясним всё у первого лица государства. Открывай ворота.

— Му? — вновь подала голос корова.

Видимо, она своим неглубоким умом как-то всё-таки сообразила, что мы уходим, а ей тут одной куковать не упёрлось рогом. В фигуральном смысле. То есть попросту подвинула нашего младшего сотрудника костлявым плечом и заняла место по левую руку от меня, словно служебно-розыскная овчарка. Все мои попытки лаской или обманом уговорить её остаться разбивались о любовно-непробиваемый взгляд коровьих глаз. Короче, в результате пошли втроём.

Главный город нашего маленького государства, скромная столица — милое сердцу моему Лукошкино выглядело столь же пустым, как и

территория нашего отделения. На базаре никого, все лавки закрыты, ставни заперты, дети по улицам не бегают, собаки сидят в будках, и даже вороны не каркают, молча вцепившись когтями в самые высокие ветки деревьев. Разве что перекасти-поле по пустым перекрёсткам не перекачивается, а так чистая картинка из вестернов с видом запуганного города под квакающую музыку и стук копыт в стиле кантри...

За Базарной площадью мы наконец натолкнулись на стрелецкий наряд под руководством какого-то боярского сына. Сначала он дважды протёр глаза, а потом, не сказав «здрасьте», проорал:

— Хватайте государевых послушников!

Двое стрельцов осторожно уточнили:

— Дык они же покойниками объявлены. Чё ж теперь, и Ягу на свободу выпускать?

— Взять их, дурачье, а уж в пыточной разберёмся, кто покойник, а кто виноватый!

— Эй, парень, — повысил я голос, попытавшись выглядеть как можно строже во всё ещё мокром мундире, — я Ивашов Никита Иванович, сыскной воевода, начальник Лукошкинского отделения милиции! И если меня сию же минуту не проводят к государю...

— Хватит! — заорал молодой боярин, первым выхватывая дамасскую сабельку и бросаясь на нас.

Более опытные в этом деле стрельцы, наоборот, отступили на шаг назад. Парнишка драчливым петухом налетел на меня, взмахнул клинком и... был отправлен по параболе за ближайший забор одним движением рогатой головы нашей спутницы.

— Упаси господь с милицией связываться и коровой ейной, — в едином порыве перекрестились стрельцы.

— Минуточку, граждане. Не соблаговолите ли объяснить мне, что происходит?

— Дык... мы-то люди подневольные, — виновато поклонился самый старший. — Нам ничего не ведомо. А тока как ты с парнем своим в колодце самоутопился, дык на другой день всё вперекосяк пошло. Царь пропал, в Лукошкине всем бояре хороводят, Ягу твою в тюрьму посадили, милицейскую сотню пешим строем на границу отправили, а всем законом теперь дык Груздев ведаёт. Как его левая пятка захочет, так и будет...

— Сколько нас не было?

— Почитай трое суток.

«Охренеть...» — попытался произнести я.

Из горла вылетел неопределённый жалкий писк. Я вздрогнул, поняв,

что от шока потерял голос. Вот только этого ещё и не хватало для полного счастья...

Митя громко хлопнул себя ладонью по лбу, дождался, пока стихнет эхо, и выдал полноценную порцию новых матерных прилагательных на тему нашего недавнего перелёта.

Стрельцы мотали на ус, корове тоже понравилось. Однако ведь вроде по прошлым условиям считалось, что Горох обычно даёт нам три дня на любые расследования, как и положено в русских сказках. Бывает, мы укладываемся быстрее, бывает — наоборот.

Но тогда, конечно, следуют всякие объяснения, согласования, взаимные уступки, новые договорённости, и государь сам держит руку на пульсе следствия. Иногда мы даже позволяли ему лично участвовать в погоне при задержании. И что с ним творится сейчас, когда за трое суток он не имел никакой информации о планах опергруппы, о деталях расследования, можно только гадать.

А уж что ему напела в уши за все эти дни добросердечная боярская дума, даже представлять не хочется...

— В царский терем тебе ходу нет, участковый, — невесело подтвердил старший. — Схоронился бы ты от беды, а там, глядишь, утро вечера мудренее.

Я молча кивнул. Голос так и не вернулся. Мимикой и жестикой показав что-то вроде «Спасибо вам, добрые люди! Если что понадобится в милиции, всегда милости просим!», я развернул Митю за плечо.

— И куды мы, Никита Иванович?

Я пожал плечами. В общем-то куда угодно, лишь бы подальше от бояр и мстительного дьяка.

— Нешто думаете, нам тут в каждом доме рады будут?

«Не думаю», — молча покачал головой я. Нет, народ в Лукошкине к милиции относится с уважением, но покрывать попавших в опалу оперативников тоже не каждый кинется. Тем более что три дня тут наверняка формировали негативное общественное мнение. И, возможно, в том, что Змей будет залетать в город ещё не раз, воровать девушек и рушить жилища, есть и наша вина. Частично, но есть...

— Может, тады к маменьке, в деревню?

Я посмотрел вдоль улицы, прикинул маршрут и быстро пошёл вперёд. Митяй кинулся вслед, всё поняв, а потому кудахтая, как перевозбуждённая курица:

— Энто куда вы намылились-то? Туда нельзя! Куда угодно, а не туда! Вы ж сами говорили, что немчура — они люди вежливые,

законопослушные. Они ж нас первыми повяжут с бантиками и в боярскую думу сдадут! Нет им моей веры! У них и сказки страшные, и пиво горькое, и сосиски вредные, и рульки жирные, а глинтвейн... глинтвейн?! Не, глинтвейн немецкий дюже хорош! Идёмте побыстрей, может, и нальют кружечку напоследок-то...

Я мысленно сделал себе пометочку проверить у немецкого посла эту информацию. Меня, например, в Немецкой слободе только кофе угощали, а тот же Митька, получается, уже отлично знает, что такое глинтвейн и с чем его едят. В смысле пьют.

Не суть принципиально, но выяснить надо. Будут они мне ещё младших сотрудников спаивать. Воодушевлённый Митя развил буквально крейсерскую скорость, так что мне было достаточно лишь крепко держаться за его рукав и до ворот Немецкой слободы почти не перебирать ногами. Корова даже не поняла, куда мы исчезли, и её далекий вопль мычащего отчаяния долетел до моего слуха уже едва слышимым стоном...

— Заперто. — Митяй тормознул, подняв облачко пыли. — Постучать или поскрестись?

Знаю я, как он стучит, может и поломать на фиг. А если скрестись, так это несолидно, мы всё-таки милиция, а не каких-нибудь два приبلудных кота с соседней улицы. Я жестом попросил парня отойти в сторону и сам постучал. Дежурный охранник открыл практически сразу.

— Кнут Гамсунович дома? — подал голос Митяй.

— Я, я, герр Шпицрутенберг всегда готов помочь арбайтен полиции, — пропуская нас, чуть склонил голову откормленный белобрысый немец в зелёном сюртуке охранника. — Битте шён, следовайт за мной, я?

Кнут Гамсунович, посол, дипломат, умница-человек, которого я всегда глубоко уважал и который не раз словом и делом доказывал своё расположение, был представлен нам в дупель пьяным!

— Не, ну что ж за день-то такой, — всплеснул руками Митька, когда вежливая улыбчивая фрау в длинном баварском платье провела нас в личный кабинет немецкого посла.

Я тоже ничего не понимал. В резном немецком кресле, в домашнем халате, без парика, развалился Кнут Гамсунович, глаза его были красными, а судя по количеству пустых бутылок под столом, пил он не для поднятия настроения, а чтоб реально забыться.

— О майн гот! — Посол сфокусировал взгляд и перекрестился на католический манер. — Друг мой, вы ли это? Если же ваш неупокоенный дух пришёл что-то мне поведать, то я готов и... и?

Видимо, что именно он готов сделать в этом случае, старый немец ещё не решил. То есть говорил-то он без пьяного спотыкания, а вот доведение мысли до логического конца не гарантировал.

Чтобы показать ему, какой я живой, мне пришлось взять полупустой штоф со стола и сделать хороший глоток. Водка была наша. Крепкая, забористая, государственного производства. В башку не слабо ударило, но зато ко мне вернулся голос!

— Правильно говорят, что клин клином вышибают, — прокашлялся я, стуча себе в грудь. — Митя, кыш! Убрал руки от бутылки! Ты мне сегодня трезвый нужен.

— Ну вот, опять извечная несправедливость российская — всем можно, мне нельзя!

— Вам нельзя, Димитрий, — строго поддержал меня посол. — Пойдите к фрау Мюллер, она вас накормит. Яволь?

— Вперёд. — Я практически вытолкал нашего младшего сотрудника из посольского кабинета и сел на табурет у окна.

— Кнут Гамсунович, я не призрак. Просто был на спецзадании и, кажется, слегка задержался. Очень надеюсь, что вы как дипломат в курсе всех событий. Пожалуйста, расскажите мне, что произошло за эти три дня?

— Капут, — без тени улыбки ответил он.

Я отхлебнул ещё раз и приготовился слушать. Переписывать весь наш диалог в лицах и деталях не вижу смысла. Скажу лишь, что к концу повествования я как-то незаметно вылакал оставшиеся грамм двести, на нервах и без закуски.

Если вкратце, то всё началось с нашего прыжка в колодец. Я прыгнул сам, нашего здорового обалдую Баба-яга столкнула следом. Всё это видел дьяк Филимон Груздев, вырвавшийся из лап еремеевцев и совершивший успешный побег прямо в боярскую думу.

Горох самолично заявился за объяснениями, ждал нашего возвращения два дня, потом разуверился, плюнул и, сев на добра коня, отправился изображать королевича Елисея из бессмертных сказок Пушкина. Власть осталась в руках боярской думы, и меньше чем за день сотню Еремеева сплывили куда подальше, отделение закрыли и опечатали, Ягу под стражей осторожно сопроводили в тюрьму, а болтливый дьяк выбил себе статус «народного защитника и страстотерпца». То есть попросту собирателя жалоб и взяток...

За всё это время Змей в город не прилетал, но простые лукошкинцы на улицу выходить всё равно побаивались. Никто не знает, когда этот гад любвеобильный снова к нам пожалует и кого выберет. В целом всё тихо,

благопристойно, паники да бунтов нет, к мятежу никто не призывает, но и организовывать хоть какой-нибудь отпор Горынычу тоже дураков не оказалось.

Пока царь в походе, всем правят бояре, это нормально. Но что делать, если Горох так и не вернётся? Судьба одиноких странствующих рыцарей хорошо складывается лишь в книжках. Вот и всё...

— А я тут пью. Почему нет? Разве не так все русские глушат боль души? — резюмировал Кнут Гамсунович, взглядом ища новую бутылку. — Я немец, но у меня тоже есть душа. И она болит за Лукошкинбург...

— А как же ваш фатерлянд?

— О, мой милый, милый фатерлянд так далеко отсюда, что я почти забыл холодный воздух альпийских лугов, свежее мюнхенское пиво и добрые руки моей старенькой гроссмутер, причёсывающей мои непослушные кудри. — Посол расчувствовался, коснулся седой стриженной макушки и пустил слезу. — Герр Ивашов, мы с вами оба гости в этом мире, отправленные сюда не по своей воле, но... Но если мой король Фридрих потребует от меня вернуться ко двору, я сложу полномочия, подам в отставку и приму подданство России.

Я быстро огляделся по сторонам, нашёл в угловом шкафчике маленькую бутылку французского коньяка и честно разлил по стопкам.

— За Лукошкино!

— Яволь!

Мы чокнулись и опрокинули. Все наши дальнейшие действия объяснялись нарушением одного русского правила — «закусывать надо!». Ну а поскольку я был нетрезв слегка, а мой хозяин — преизрядно, то последующий диалог носил крайне конструктивный характер:

— Мне нужна ваша помощь.

— Располагайте мной, дорогой друг!

— Это может оказаться опасным.

— От тюрьмы и сумы не зарекаются. Так говорят у вас в народе. Ферштейн?

— Я, я, натюрлих, — на автомате буркнул я и уж не помню на каком языке ввёл тёпленького посла в курс дела.

Бутылка французского переходила из рук в руки. Кнут Гамсунович прихлёбывал, уточнял детали, вносил коррективы, и примерно через час у нас готов был план бессмысленного и беспощадного русского бунта в законопослушной немецкой обработке. Он был очень простой, доступный и состоял всего из трёх пунктов.

Первое, мы идём на царский двор и спасаем Бабу-ягу. Второе, едем в

чисто поле и при помощи нашей досрочно освобождённой эксперт-криминалистки находим блудного Гороха. А на третье каким-то чудесным образом поочередно бьём морду (морды?) Змею Горынычу, спасая наших украденных жён и одну девицу из деревни. Приблизительно, в общих чертах, как-то вот так!

В чрезмерной щепетильности к деталям и посекундной проработке хоть одного из трёх вышеперечисленных пунктов нас тоже никто бы не упрекнул.

Пушкинское «авось», помноженное на шиллеровский романтизм, дало волю фантазии, и уже через полчаса территорию Немецкой слободы покинуло двое молодых фройляйн под опекой морщинистой, строгой фрау бонны. Не берусь судить о себе, ну, кроме того что в длинной юбке реально прохладнее и ноги покрываются гусиной кожей, а вот Митька был хорош. Этому подлецу всё к лицу.

— Эх, тока и жаль одна, что никто меня такую красивую не видит, — вздыхал он, смачно похрустывая капустным листом.

— Руку из декольте вынь, извращенец, — уже в третий раз попросил я.

Митяй вздохнул, в последний раз оторвал ещё по листочку от двух здоровенных кочанов, имитировавших ему грудь, и продолжил:

— А тока мне всё равно не ясно, как мы Бабуленьку-ягуленьку вызволять будем?

— У нас есть план.

— Ознакомиться бы хотелось...

— Хороший немецкий зольдат не задаёт вопросов, он выполняет приказ! — строго напомнил Кнут Гамсунович, печатая шаг, так что только кружева чепчика вздрагивали.

— Да знаю я, знаю, просто поговорить хотелось. А то чё интересного? Капусту есть нельзя, юбку задирать нельзя, спину чесать нельзя, парик снимать нельзя, а у меня под ним вся макушка вспрела...

— Митя, не капризничай, ты не девушка!

— Уже?!

Я забодался с ним препираться, а пинать коленом болтливую «подружку» нордической внешности, арийского роста, с широкой славянской мордой мне не позволял строгий взгляд Кнута Гамсуновича. Он ещё не протрезвел, но и, возможно, поэтому искренне наслаждался игрой в бабушку. Ему вся эта дешёвая театральщина явно нравилась, и, когда мы дошли до царского двора, где на нас вылупились трое дежурных стрельцов, немецкий посол начал первым:

— Гутен морген, мои храбрые друзья! Дас ист фрау Немец-перец-

колбаса. Принесли передачу соседке Бабе-яге на гауптвахт. Эти цвай юные, скромные арийские фройляйн со мной!

— Э-э... дык в тюрьму, что ль? — неуверенно переглянулись трое бородачей.

Мы дружно кивнули. Стрельцы осторожно улыбнулись, мы с Митей тоже. Мужики чуток подуспокоились, нервозность ушла: в конце концов, две девушки и одна неагрессивная старуха в капоре — это ж не страшно, правда?

— Вы нас проводить, я? — подкрашенными губками улыбнулся посол, поправляя на носу круглые очки.

— Не, нам пост покидать нельзя.

Мы с Митей усилили улыбки. Стрельцы пошушукались и приняли компромиссное решение: старший ведёт «старушку к подружке», мне разрешили её сопровождать («вдруг по пути рассыплется?»), а Митя останется у ворот двух оставшихся стрельцов капустным бюстом номер восемь радовать.

Всё-таки простой у нас народ, невзыскательный. Юбка есть, талия есть, титьки по пуду, на лицо уже никто и не смотрит. Хотя, честно говоря, всё равно девушка из нашего младшего сотрудника получилась вполне себе симпатичная, голубоглазая, румянец во всю щёку, и ресницы густо сажей унавожены. Вечерняя косметика, непробиваемый стиль, всегда работает.

— Вы побыстрее там, — тихо прошептал он мне на ухо.

— Ты тоже тут... не перекокетствуй, — напутствовал я, и Кнут Гамсунович твёрдой рукой повлёк меня через царское подворье за старшим стрельцом. Тот оказался человеком солидным, обстоятельным, мы за ним были как за каменной стеной. Единственное, что как-то очень уж навязчиво расписывал, как тяжко мужику жить без бабы...

— Сам-то я ужо, поди, шестой год как вдовец. Непьющий, то есть умеренного потребления, по святым праздничкам, а так ни-ни. Дом-то в порядке содержу, попривык, служба вольностей не позволяет. Баловства сам не люблю, возраст не тот. Детишки-то взрослые уже, из родительского гнезда давно улетели, а я так думаю, что всё одно негоже мужику без женской ласки. Так оно вроде по-божески будет, да и жалованье у нас хорошее. А в Немецкой слободе, поди, бабы пообразованней наших будут, верно?

Наивная душа, Кнут Гамсунович активно поддерживал разговор, не видя, что его банально «клеят». Хотя, в отличие от Митькиного образа, ни груди, ни длинных ресниц, ничего примечательного — сухая, строгая, военизированная немецкая «фрау» солидных лет и не без фантазии.

Особенно когда выпьет, как оказалось...

— Вот подвалы тюремные. — Стрелец остановился у входа в подземелье.

Охраны не было, там двух здоровущих цепных псов по уши хватало. Настоящие волкодавы, с такими и на медведя можно.

— Гут пёсики? — осторожно пробормотал немецкий дипломат, всей трезвой частью мозга догадываясь, что верить умильным собачьим мордам не стоит.

— Да ты иди, не бойсь, женщин не трогают, — с улыбкой приободрил бородач. — Опять же хозяйство у меня хорошее. Так к чему речь-то...

Доверчивый Кнут Гамсунович рискнул-таки сделать шаг вперёд и едва успел спасти своё «хозяйство». Страшные челюсти лязгнули вхолостую, не дотянувшись на какие-то считанные сантиметры. Псы разочарованно переглянулись и, жалобно скуля, попросили дать им второй шанс. Посол молча выдвинул меня на своё место.

— Майн киндер отнесёт передачу моей подруге, яволь?

Стрелец даже тихо обрадовался, а я к псам подошёл спокойно. Мы с ними не первый день знакомы, они меня в любом костюме узнают. Страшные собаки сразу завиляли хвостами, стали лизать мне руки, ластиться и подставляться под поглаживания.

Я ещё раз оглянулся, подмигнул Кнуту Гамсуновичу и сдвинул засов на двери. Разумеется, настоящих тюрем на царском дворе не было. Государевых слушников сажали вот в эти самые подвалы, где раньше у деда нашего царя действительно была пыточная. Я там сам сидел и Митька тоже, да и вообще кто только не отметился. Теперь, видимо, наступила очередь сотрудницы нашего отделения. Надеюсь, ненадолго...

— Бабуль, вы в порядке? — У меня дрогнул голос при виде маленькой сгорбленной фигурки в чёрном, тихо сидящей на охапке несвежей соломы.

— А что ж со мной делается, Никитушка? — ровно ответила бабка, на раз просекая мой маскарад. — Один пришёл?

— Нет, с Кнутом Гамсуновичем. А Митька у ворот стрельцов отвлекает.

— Не стрельцов бояться надо, не они нам враги, не их решением меня, заслуженную оперативницу, без суда, без следствия под замок посадили...

— Бояр не было, — припомнил я. — Вообще весь двор пустой. Похоже, что после отъезда царя они резко расслабились и преспокойно пьянствуют по домам.

— Ну тады грех случаем не воспользоваться. Побег так побег, — решительно привстала Баба-яга. — Дай тока мне до дому добраться, а уж

оттуда я им всем такую кузькину мать покажу! И Кузьку, кстати, тоже!

— Не возражаю. Только «за». Меня пригласите полюбоваться?

Бабка улыбнулась столь чарующей улыбкой, что у меня сердце похолодело от страха. И не то чтоб я её боюсь, да? Мы же не первый год работаем вместе, она меня за внука держит, и как бы ни ссорились, но всерьёз руки на меня она никогда не поднимала. Мы вышли из подвалов плечом к плечу, пылающий взор Яги был полон мести.

— Ну слава богу, — встретил нас возрастной стрелец. — Покидаете нас, бабушка? А двери-то закрыть не забыли?

Я хлопнул себя по лбу и кинулся назад, закрывать. Правильно, если завтра сюда кто-то из бояр сунется, пусть лучше думает, что узница просто исчезла. Испарилась, улетучилась колдовским способом — в конце концов, кто ж не знает, на что способна Баба-яга...

Он с почётом проводил нас обратно до ворот, где двое молодых стрельцов уже почти дрались из-за девичьей Митиной улыбки. А улыбался он лишь потому, что капустные кочаны вниз скользили, и ему приходилось постоянно их ловить и поправлять. Одно движение к «грудям» — одна улыбка, стрельцам нравилось.

— Уходим, — быстро бросил я, не сбавляя шага.

Митя послал парням воздушный поцелуй и, качая бёдрами, пустился за Ягой и Кнутом Гамсуновичем. А меня на минутку перехватил за рукав бородач:

— Ты, энто дело, участковый, не серчай на наших, мы люди подневольные.

— Хорошо.

— И там... ежели что... замолви словечко фрау немецкой. Уж больно видная баба, приглянулась, аж сил нет...

Я только тут и понял, что собственно мой маскарад никого особенно не обманывал. Даже обидно чуточку. Как по моему личному мнению, так я играл по системе Станиславского, старался проникнуть в образ — непросто выглядеть настоящей девицей из Немецкой слободы, но и... тьфу! Какая, блин, разница, если даже у пьяного немецкого дипломата это получилось лучше! Позор на мою милицейскую голову...

К воротам отделения мы добрались уже хорошо затемно. На воротах сидел чёрный бабкин кот, освещая нам дорогу направленными фарами зелёных глаз.

— Его не арестовали? — тихо спросил я у Яги.

— Пытались, лапы восьмером крутили, не дался Васенька мой, — гордо ответила бабка. — Шестерым боярам морды расцарапал на

британский флаг, да и утёк! Я сама, своей волей пошла — чего мне одной-то в пустом отделении делать...

— Я и удивился. Вы же могли простеньким заклинанием всю боярскую думу в мухоморы превратить.

— Могла. Раньше. Сейчас силы уже не те. Да и поумнела, без крайней нужды чародейством не разбрасываюсь, — горько усмехнулась она. — А потом ты ж вернуться должен был. Думаю, вот скоро придёт свет-Никитушка да и спасёт меня, старую, из темницы лютой...

Я в очередной раз искренне удивился её непробиваемому оптимизму и вере в ближнего. Дальнейший разговор продолжили уже у нас дома. Митька, даже не снимая платья, просто подоткнув подол и выбросив капусту, быстренько вытопил баню. Первым заходом отправили, разумеется, Ягу.

Осторожно выглянувший из-под печки Назим дал мне один рулетик из баклажанов с орехами и вкратце рассказал об особенностях ареста бабки. Наша заслуженная сотрудница слукавила, сопротивление аресту она таки оказала будь здоров!

Далеко не только кот Вася отметил бояр когтями, двоих самых невежливых Баба-яга, бормоча сквозь зубы, намертво склеила носами. Бедолаг так и увели неразлепленных, хотя едва сдерживающие гогот стрельцы предлагали решить проблему одним взмахом сабли. Потом бабка действительно позволила себя увести.

Но это после того, как горячий азербайджанский домовый бомбардировал незваных гостей всем, что попало под руку, а под конец выскочил из-за печи с хевсурским кинжалом в зубах. Он порезал бы кучу народа, не уйми его Яга. Назим скрепя сердце согласился остаться и следить за домом, пока его любимая хозяйка «сходит в гости до царёва двора со слугами его верными об жизни да правопорядке потолковать». Когда бабулю увели, бояре заколотили дверь. На двор домовый традиционно не выходил, не его это вотчина, поэтому мы с Митей его и не видели.

Когда вернувшаяся из баньки Яга, свежая, улыбчивая, в новеньком сарафане и платочке, впорхнула в горницу, мы все приветствовали её стоя и аплодисментами. Всё-таки, что ни говори, а бабка у нас красавица и прелесть, каких поискать...

— Как же я вас всех люблю, — даже всплакнула она, пытаясь махом обнять всех нас, вместе взятых: меня, Митю, господина Шпицрутенберга, кота и домового. Это трудно представить, но у неё получилось... — Дуйте в баню, ясны соколы. А мне ещё стол накрывать, друзей верных потчевать.

Разговор-то у нас до-о-олгий будет...

Мы с напарником быстро взяли полотенца и чистую одежду, а вот бедный Кнут Гамсунович до бани не дошёл. Два дня безоглядного употребления крепкого алкоголя на голодный желудок, переодевание, афера, участие фактически в противоправных действиях, а главное, перенасыщение эмоциями свалило честного немца прямо на выходе в сених. Митя осторожно перенёс его на лавку, укрыл тулупчиком, сунул свою подушку под ухо. Намаялся человек за сегодня, понимаем...

Мы же с наслаждением окунулись в расслабляющее тепло русской бани. Всё-таки это нечто сакральное, тайное, на глубоко духовном уровне. Не просто мытьё тела, а полное очищение души. Чакры надо чистить берёзовым веником, с парком и квасом, уж поверьте! На этот раз я сам взял в руки веник и, хорошенько макнув его в кипяток, примерился к Митькиной спине.

— Тока не со всей силы, Никита Иванович! Прибьёте ещё ненароком-то...

— Не бойсь, — выдохнул я, с мясницким хэканьем опуская тяжёлый веник ему на поясницу. — Ага! Ещё?!

— А чего, уже было, чё ли?

— Не понял, — именно что не понял я, в одну минуту хлестанув его со всей дури.

Митя пикнул и обернулся с самым недоуменным выражением лица:

— Никита Иванович, отец родной, дык вы парить-то будете али как?

— Я тебя уже парю.

— Да ладно вам, энто ж какая-то кроха трёхлетняя меня веничком гладит. Покрепче нельзя ли?

Я обиделся и взял веник двумя руками. С начальством так не разговаривают. Ей-богу, клянусь чем хотите, но бедный берёзовый веник я измочалил об Митькину спину до трёх голых прутиков! Сопутствующий этому делу разговор смело можно было ставить саундтреком под любой фильм для взрослых, но толку...

— Ещё, ещё! Поддайте, Никита Иванович! Не жалеите меня, молодого!

— А вот так? А так? А двойным с закрутом и перехлёстом?!

— Ох слабовато будет, ох вяло, ох и не пробирает до косточек, а тока так, скользит себе мимо...

— А я тебя вот так, с разбега! Проняло?

— Ничего не чувствую... Да вы жарьте меня, жарьте!

— Всё, не могу больше...

— У-у, да вы не мужик, что ли?!

— В каком смысле?

— А давайте-ка я вас!

В общем, как вы, наверное, догадались, я сдался первым. Лёг на полку в полном изнеможении, и Митька от души отхлестал меня новым веником так, что из бани я не шёл, а летел, чуть касаясь грешной земли кончиками пальцев ног. Душа парила где-то в небесах, под Полярной звездой, чистая, светлая и незапятнанная, как в детстве...

Баба-яга уже накрыла стол, Назим расщедрился на долму в виноградных листьях, тушёные бараньи потроха, шашлык с помидорами и болгарским перцем, салат из фасоли и лука, а на десерт свежую пахлаву с орехами, буквально сочащуюся мёдом. Покосившись на меня и на с надеждой вытянувшего шею Митьку, Яга покачала головой, порылась в шкафчике и достала бутылку настойки.

Аккуратно разлила на три стопки, выпрямилась во весь маленький рост и тихо произнесла:

— За нас, за братство наше милицейское!

Мы дружно поднялись и чокнулись. Бабка нашла самые нужные слова! Сколько помню себя в Лукошкине, по большому счёту доверять я мог только им, своим верным соратникам по службе, которая, как известно, и опасна, и трудна. И то, что не всегда видна на первый взгляд, тоже правильно: люди должны чувствовать защиту закона, а не его контроль над их жизнью.

Митя занюхал рукавом, быстро закусил долмой и вдруг рухнул как подкошенный прямо под лавку за столом.

— Спит он, Никитушка, умаялся, сердешный. Ну и настойка, ясное дело, поспособствовала.

Я недоуменно покосился на свою стопку. Ни малейшего алкогольного опьянения не чувствовалось, более того, мою голову словно бы провентилировали изнутри. Разум был ясным, мысли кристально чистыми. То есть на меня это действовало иначе, что ли?

— Догада, — насмешливо хмыкнула Яга. — Настойку-то я из одной бутылки наливала, а вот в каждую стопку, на доньшко, своё лекарство капнула. Кому для крепкого сна, кому для бодрости, кому от радикулиту. До утра у нас время имеется, вся ночь впереди. Так уж давай рассказывай, что да как в Подземном мире вызнал? Где Змея искать будем? Как в жилище его пойдём? Каким средством верным злодея бить станем?

— Может быть, сначала вы мне расскажете, почему всё время скрывали факт рождения у вас трёх дочерей?

— Нет уж, сокол участковый, я первая спросила. Так что дела служебные нам ныне поважнее личных будут. Да и дело-то прошлое...

Я внимательно посмотрел ей в глаза. Бабкин кот мягко тронул меня лапкой за штанину, словно бы намекая: не дави, в свой час сама расколется, ей, поди, тоже не в радость столько лет такой груз в одиночку на сердце волочить. Я опустил руку вниз, погладил Ваську меж ушей и уступил.

— Хорошо. Буду докладывать по порядку. Во-первых, отдельное спасибо за полотенце.

— Ширинку, что ль? Да ты её не потерял ли?

Я выдохнул через нос, мысленно досчитал до десяти и начал свою короткую повесть о двух милиционерах в подземном царстве. То есть об одном милиционере и одним даже не знаю, как его назвать. Митька! И этим всё сказано, в детали можно не углубляться, все всё поняли.

Рассказывал я довольно бодро, наша домохозяйка пару раз даже хихикнула. На том моменте, когда дверца шкафа шибанула её зятя поперёк клюва, бабка вообще торжественно пожала мою руку.

Орла она, как я понимаю, всё-таки уважала, хотя и считала безбожным проглотом, прибить которого легче, чем прокормить. Информацию о месте жительства Змея Горыныча восприняла с энтузиазмом — в отличие от меня она про эту Стекланную гору не один раз краем уха слышала. И да, это действительно где-то на востоке. Пешком не дойдём, но на ступе долететь можно. С одной пересадкой, чартером, через Лысую гору Кощея Бессмертного.

— Э-э, секундочку, — споткнулся я, потому что любое упоминание о местном преступном авторитете было чревато плавным перетеканием одного уголовного дела в два, а то и в три. — Вы уверены, что нам надо останавливаться именно на Лысой горе? Мне там, мягко говоря, не рады...

— А меня, стало быть, думаешь, цветами встретят?

— Думаю, оружейным салютом из всех стволов! Бабуль, да он расшибёт нас в воздухе раньше, чем мы зайдём на посадку. Вам Митю не жалко?

— Жалко, молоденький парнишка, — без малейшего оттенка скорби в глазах признала Яга. — И тебя жалко, и царя, и себя, старую, тоже. Однако что ж делать-то? Служба есть служба. И никуда нам от долга перед Отечеством не деться...

— Не слишком пафосно?

— Ай, да сама знаю, что слишком. — Бабка выдохнула и опрокинула вторую стопку. — Не бойсь, чистая валерьянка. Вона как кот уши наострил. Иди отсель, Васенька, тебе нельзя.

— Мяу?

— Нельзя, говорю!

— Мяу-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

— На, подавись. — Моя домохозяйка щедро плеснула в подставленную миску, и кот отвалил на крыльях валерьяновой эйфории.

— Понимаешь, Никитушка, без Кощея нам Змея поганого нипочём не одолеть, — развела руками Баба-яга. — Силой нам его не взять, колдовством не свалить. Ящеры, они ещё с древнейших времён землёй правили. Ещё до Перуна и Даждьбога под небом власть держали, и все им покорялись...

— Вы на динозавров намекаете? Так это ненаучно. Легенды легендами, но никто пока не доказал, что во времена Древней Руси на земле ещё водились тираннозавры и птеродактили.

— А тогда кто твою супругу ненаглядную украл? Али и тут врут сказки?!

Я сжал виски руками и крепко задумался. Олёна, Маняша и наша царица были похищены летающим змеем. Это я видел собственными глазами, приобщил чешуйку к делу, опросил свидетелей, спустился за доказательствами в Подземный мир и могу чётко заявить — их унёс Змей Горыныч!

Возможно, фамилия его происходит как раз оттого, что живёт он на Стекло́нной горе. Но называть его динозавром?! Он же, по общему уверению, в человека превращается! А факт наличия птеродактилеобразного хомосапиенса ещё не подтверждён даже фантазиями альтернативных историков. И как тут быть...

— Лететь надобно, Никитушка! Ужо с Кощеюшкой-то я и сама переговорю. Не в его интересах, чтоб на святой Руси какая-никакая сила левая без его преступной воли разбойничий промысел вершила. Не попустит он такого безобразия...

С этим тоже не поспоришь. Гражданин Бессмертный у нас признанный авторитет, и практически каждое второе преступление, совершённое в Лукошкине и окрестностях, тянется корнями всё к тому же Кощею Кирдыкбабаевичу. И это факт, с ним не поспоришь...

— Хорошо, я согласен. Теперь ваша очередь рассказывать.

— А я чёй-то устала, кости ломит, в спину отдаёт, да в боку стреляет эдак нерадостно, — с победной улыбкой развернулась Яга. — Утро вечера мудренее, иди-ка спать, Никитушка! Об моей личной жизни мы-то всегда потолковать успеем...

Я почувствовал, что меня банально кинули. Однако спорить с моей

домохозяйкой не стал, одного взгляда на выгнувшего спину кота хватило, чтобы понять последствия излишнего любопытства. Оно, как известно, губит не только кошек, но и милиционеров.

— Спокойной ночи, — приподнялся я.

— И тебе, сокол ясный, — поклонилась бабка. — Вот тока Митеньку из-под стола вытащи, да и в сенях хоть на солому скинь. Пущай тоже на мягком выпится перед дорогой дальней.

Тому, как я тащил на своём горбу тяжеленного Митяя, можно было бы посвятить целую главу. Два раза он у меня падал, один раз головой, и серьёзно. Три раза мы рухнули вместе, потому что тащить этого бегемота и не надорваться нереально по-любому.

В сенях он у меня просто соскользнул с плеч и на автомате пополз к своей лавке, где на тот момент, как вы помните, спал Кнут Гамсунович. Мите это было фиолетово, но я успел вовремя развернуть его в противоположном направлении. Митя дважды пытался пробить головой стену, потом влезть на нее же спать, потом плюнул и засопел на соломе в углу.

Уф, теперь и я мог дотопать наверх, до своей старой кровати. Уснул, едва коснувшись головой подушки. Просто как будто бы провалился не только в Подземный мир, но ещё на пару уровней ниже. Довольно глубоко, короче. Снов практически не было, только уже под утро, буквально за полчаса до рассвета, я увидел мою Олёну.

Она была очень грустная и почему-то сидела в нашей московской «Шоколаднице», перед ней стоял остывший капучино с опавшей пенкой. Я подошёл к ней, пытался обнять, заговорить, но она всё отстранялась от меня, всё смотрела на дверь, словно кого-то ждала, а я ей был абсолютно неинтересен. Всё становилось сложнее, запутанней, я окончательно перестал понимать, что к чему, когда в двери вошёл сам Леонардо Ди Каприо, бритый наголо, как баклажан, в спортивном костюме с лампасами, и моя жена вдруг бросила на него самый любящий взгляд. Я протянул руку, чтобы встать между ними, и в этот момент меня разбудил петух.

— Ку-каре-ку-у-у! — на совершенно истерической ноте проорал за окном пернатый ангел-хранитель.

Я подскочил на кровати и, может быть, в первый раз в жизни был ему благодарен, а не хотел придушить. Петух надрывался изо всех сил, насколько ему позволяло лужёное горло и его личные понятия о социальной справедливости. Ну, в том смысле, что если петуху взбрело в голову орать в четыре утра, то ничто на свете этого не изменит. Ну, кроме кастрюли, наверное...

— Бабуль? — Я спустился вниз умытый и одетый к завтраку.

— Иду, иду, Никитушка! Вот уж и кашка крупы гречневой поспела, оладьи с мёдом ждут. А самовар пыхтит, как медведь в берлоге, нас чаем напоить хочет!

— А остальные где? — поинтересовался я, садясь за стол.

— Посла немецкого я ещё до рассвета домой отправила. Нечего ему тут у нас торчать, мало ли чем за то бояре грозить станут, вдруг да у человека хорошего вся карьера коту под хвост пойдёт?

— А Митька?

— В сенях кашу уплетает, — фыркнула Яга. — Он же деревенский, до первых петухов вставать приучен, как бы поздно ни лёг.

Тоже верно. За общий стол нашего увальня бабка пускает редко. «Субординация» в её понимании вещь серьёзная, раз уж царь со своими конюхами за одной скатертью не обедает, так и сыскной воевода до одних щей с младшим сотрудником опускаться не должен.

— По-моему, Митя у нас уже сто лет как член семьи. Без него никогда ничего не происходит. Может, хватит его прессовать?

— Тю на тебя, Никитушка, непонятно чего бормочешь. Энто всё для его же блага! А ты вона не тяни, за ложку берись, дорога-то у нас впереди дальняя-а...

У меня разом пропал аппетит.

— Отправляемся на Стекланную гору?

— И вот в кого ты такой догадливый, соколик, прям ума не приложу. Я ещё тебе и сказать ничего не успела, а ты уже сам всё знаешь, — всплеснула руками глава нашего экспертного отдела.

У меня появилось лёгкое подозрение, что она надо мной издевается, но глаза Бабы-яги были такими искренними. Я придвинул к себе тарелку и не стал спорить. Бабка, подперев голову руками, присела напротив. Свойственной многим женщинам малопонятной страстью смотреть, как мужчина ест, она не страдала, значит, просто хочет поговорить.

— Ешь, ешь, Никитушка, не отвлекайся. Я сама те всё расскажу. В путь-дорогу дальнюю нас избушка повезёт.

Ага, мысленно отметил я, логично, в ступе мы все трое не поместимся — перегруз.

— К тому ж ещё нам с собой по пути царя-батюшку захватить надобно. Да в случае исхода благоприятного ещё и трёх девиц здоровых. Однако ж и ступу с собой возьмём, она для разведки с воздуха вещь незаменимая.

Тоже разумно. К примеру, надоест мне в избушке бегущей трястись,

так всегда можно просто плавно полететь на бабкиной ступе. Управлять я умею, да и на свежем воздухе быть полезно. Осень уже, последние тёплые деньки захватить надо...

— За домом Васенька да Назимка присмотрят. А в городе нам сейчас ловить нечего, придётся на выезде всей опергруппой преступное дело распутывать.

— Согласен, — наконец смог вставить слово и я, отодвигая пустую миску. — Вы выяснили, как нам победить Змея Горыныча?

— Нахожусь в процессе, — неопределённо покривила губки глава экспертного отдела, булькая мне в чай три ложки варенья. Ясно. Я только-только хотел сказать, что такой сладкий не буду, как в горницу вломился Митя.

— Тревога! Вражьё-о!

— В ружьё? — на автомате поправил я.

— Нет, Никита Иванович, именно что вражьё! От слова «враг», «ворог», — обстоятельно пояснил он и продолжил опять на той же истеричной ноте: — Враги наступают, с улицы идёт войско боярское! Четыре дружины, а поперёд всех сам Бодров на белом коне с дьяком Груздевым!

— Оба на одной лошади?

— Да тьфу на вас, Никита Иванович! Чё вы к словам-то цепляетесь? Нешто не понятно, что отделение сей же час лютым штурмом брать будут?

— Бабуль, собирайтесь, нам пора. — Я прекратил пустую болтовню, встал из-за стола, надел фуражку и поправил ремень. — Мы выйдем, разберёмся.

— Тока там уж без драки, глядите у меня!

— Дык как получится, — с надеждой развёл руками Митька и уволок меня во двор.

Как вы помните, единственной охраной нашего отделения была стрелецкая сотня Фомы Еремеева, на данный момент в полном составе откомандированная из Лукошкина. Поэтому, глядя с приставленной к воротам лестницы на грозно брякающие доспехами ряды боярского воинства, я понял, что наш младший сотрудник вопил не зря.

При лобовой атаке мы удержим нападающих минуты на три-четыре максимум. И то благодаря крепости забора и Митиной оглобле. У меня, конечно, есть подаренная царская сабля на стене в спальне, но я об неё уже два раза резался, пусть и дальше висит. Однако и сдаться вот просто так, без малейшего сопротивления, тоже было невозможно. Кто после такого вообще милицию уважать будет...

Боярские дружины остановились в десяти шагах от отделения, в полном боевом порядке, с пищалями, зажжёнными факелами и даже с четырьмя пушками в обозе. Глава думцев, гражданин Бодров, известный своей неуправляемой «любовью» к милиции, поднял вверх правую руку и громко крикнул:

— Отворяй ворота, сыскной воевода! Пробил твой час, пора и ответ держать!

— Приём заявлений граждан с девяти ноль-ноль, — спокойно ответил я. — То есть через кучу времени! И проходите по одному, не толкайтесь, становитесь в очередь, как положено.

— Он чего ж, издевается над нами, что ли? — Боярин склонился к стоящему у седла дьяку.

— Шутки шутить изволит, — гаденько поддакнул Филимон Митрофанович.

— Я шуток не люблю!

— Дык всем же ведомо, что Никитка-безбожник завсегда над добрыми людьми изгаляется, — сокрушённо покачал бородёнкой дьяк. — Уж скока я от него натерпелся, кто бы знал...

— Вона оно как?! Ну так мы ему быстро укорот дадим, верно, молодцы?!

— Уря-а... — нестройно ответило боярское войско, на всякий случай смыкая ряды.

Поверьте, им было чего опасаться. На шум и бряцанье железа со всех улиц потянулся встревоженный народ. Общеизвестно, что, насколько бояре не любят милицию, настолько же простой люд не любит бояр. Банальное уравнение равенства неравных. Я понятно объясняю?

— Грех не воспользоваться, — весело подмигнул мне Митяй. — Небось ежели лукошкинцы поддержат, дык мы их аж за городскую стену вышибем! Вот ужо заживём тогда...

— Ни царя, ни власти, всё можно?! — холодно осадил его я. — Митя, наша задача сохранять мир и закон в городе, а не раздувать искры революционно-братоубийственной войны. Потом не разгребёмся на пепелище...

— Да мы чуток побунтуем, и всё!

— Нет! — рявкнул я и, обернувшись к Бодрову, продолжил: — Граждане бояре, напоминаю вам о том, что нападение на сотрудников милиции карается уголовным сроком от двух до пяти лет. Есть желающие на каторгу?

— Не убоюсь я печи огненной, не убоюсь геенны адской, не убоюсь

казней египетских, не убоюсь и тебя, аспид-участковый! — истерически начал петь дьяк Филимон и уже спокойно добавил: — Запугивает, знамо дело! Вы уж, с божьей милостью, пальните по воротам из пушечки, чё тянуть-то?

Действительно, промедление было смерти подобно. Где-то далеко ударили в колокол, к отделению со всех концов бежали люди. И если простые лукошкинцы испытывали страх перед Змеем Горынычем, то боярское войско особым авторитетом не пользовалось. А уж если дойдёт до драки, так я бы на думцев и пустую пивную банку не поставил. Не хватало одной искры. Всего одной...

— Митька беспутный, энто ты опять бузотёришь? — Из толпы выбралась дородная бабка Матрёна. — Дык чё ж стока силы на одного оболтуса нагнали? Поди, я и сама его отшлёпаю.

— Пушки к бою! — грозно приказал Бодров, но поздно...

Тётка Матрёна встала перед нашими воротами, скрестив руки на груди.

— Ну виноватая я! Ну погорячилась, наорала на парнишку. А кто б не наорал, коли он завсегда в мою капусту граблями немывтыми лезет?! Да тока не за такую вину по нему из пушки палить...

— Я больше не буду! — тут же взял правильную ноту наш младший сотрудник.

Народ поддержал его дружным ворчанием, типа всё, вопрос решён, мирное урегулирование состоялось. Но, видимо, глава думской фракции считал иначе. Его холопы быстро выкатили вперёд маленькую мортиру, засыпали порох и стали брать прицел.

— Отойди в сторону, дура! Не твоего бабьего ума в энто дело лезть. Щас мы от его гнезда паучьего и мокрого места не оставим.

Горожане замерли в шоке. Кто-то пригнулся, кто-то крестился, в руках пушкаря появилась палка с фитилём, и тут прямо к пушке беззаботным пританцовывающим шагом направился лукошкинский юродивый Гришечка. Тот ещё персонаж, но на Руси к ним и цари прислушивались...

— Пошто злые люди тётеньку обижают? Не по-божески так-то. — Он бесстрашно заглянул прямо в жерло пушки и рассмеялся. — Не догонишь, не поймашь, меня Никита-участковый убережёт, я за него Богу молиться буду, а не за тебя, дурачка...

— Цыц! — Лицо боярина пошло красными пятнами, но он взял себя в руки. — На вот тебе копеечку, купи орехов-пряников!

Гришечка ловко поймал брошенную монетку и тут же выронил её, дую себе на пальцы:

— Больно-о! Жжётся-а! Плохой человек копеечку дал, ему её черти на огне раскалили. Больно сделал Гришечке, ай больно-о...

— Да что ж мы стоим, православные? — во весь голос возопила тётка Матрёна. — Юродивого обидели-и-и!!!

Это была первая недостающая искра. Народ опомнился, сдвинул брови, засучил рукава и пошёл в кулаки. Вторая искра упала с фитиля, и точнёхонько на пороховое отверстие. Мортира рывкнула, и чугунное ядро, перелетев через наши ворота, едва не разнесло угол конюшни. После секундного замешательства спасти боярскую думу уже не смог бы никто...

— За Гришечку! За тётку Матрёну! За отделение милицейское живота не пожалею! Навались, народ, накупело-о!

Огромная толпа со всех сторон захлестнула боярские дружины, и уже кто, почему, за кого и зачем, понять было невозможно. Люди отводили душу от всей широты русской души! Если, конечно, так можно выразиться. Поскольку участвовали в этом безобразии и армяне, и немцы, и азиатские торговцы, и все, кто успел добежать, а там уж...

— Никитушка, чё вы там застряли-то? Ехать пора, — поймала нас бабка в тот момент, когда мы оба, не сговариваясь, полезли через ворота поучаствовать по мере сил. — Не-не, сотруди́чки, вам туды нельзя. У вас другая служебная задача. Поехали, поехали, покуда все заняты...

Мы с превеликой печалью, выражаясь высокопарным литературным слогом, покинули трибуны. Вмешиваться и разнимать кого-то там было просто нереально. Все на нервах, всем надо выпустить пар, вот вернём сотню Еремеева, тогда и будем разбираться.

Баба-яга, одетая в тёплую походную кофту поверх сарафана и невысокие женские сапожки, подгоняя клюкой, затолкала нас с Митькой в избушку, нетерпеливо царапающую землю куриными лапами на заднем дворе.

Думаю, сама идея создания этого гибрида архитектуры и животного могла бы свести с ума любого серьёзного учёного. Изба была настоящей, деревенской, маленькой, однокомнатной, с печкой, столом и лавками, сверху крыта соломой, на крыше конёк изящной резьбы по липе или берёзе. Ноги у неё тоже настоящие, куриные, крепкие, без целлюлита, покрытые мозолистой жёлтой кожей с чешуйками. Яиц изба не несла, но бегала со скоростью ополоумевшей хохлатки от лисы, быстро, вёртко и хрен поймаешь.

— Все на месте? — пересчитала нас по головам Баба-яга, втягивая за нами приставную лесенку. — Вроде все. Держись крепче, Никитушка! Митенька, от окошка отойди — не вылетишь, так закупоришь. Всё. Пошла,

что ль, старая?!

Повинуясь то ли её словам, то ли мысленному приказу, избушка вздрогнула, скрипнула всеми брёвнами и двинула напрямик через двор, на главную улицу. Ступу, как я потом отметил, мы успешно забыли. Но, может, и к лучшему, она тяжеленная, как рояль...

А избушка, легко перемахнув ворота, сбила с ног едва ли не половину думцев, на миг задержалась, словно бы любуясь произведённым эффектом, а потом бодренько потрусилась в сторону Базарной площади.

Люди орали, свистели, улюлюкали вслед, но в погоню никто не кинулся. Боярской гвардии точно было не до того, а простой народ только радовался нашему спасению. До крепостных стен тоже добежали довольно быстро, главные ворота города стояли нараспашку под охраной десятка скачущих стрельцов. Так те нам ещё и честь отдали...

— Эх, пошла опергруппа на выезд! Вот жизнь у людей! А нам за ними тока пыль глотать...

Так что за город мы выбрались практически без проблем. Я говорю «практически», потому что одна проблема дала о себе знать примерно через час-два. Мы только приспособились к тряской рыси избушки, научились пить чай на ходу и ловить сбегущую по столу посуду, когда Баба-яга поманила меня пальцем:

— Сокол ясный, у тебя случайно ничего царского при себе не завалялось?

— В смысле? — Я похлопал себя по карманам и открыл планшетку. — Если вы имеете в виду какую-нибудь вещь, принадлежащую нашему Гороху, то, увы, нет. Он мне, кроме сабли, ничего не дарил.

— Плохо дело... — суксилась бабка. — Как узнать, в какую сторону он лыжи-то наострил?

— Ну в какую, к Стеклойной горе на востоке. По идее, маршрут у нас один.

— Так энто мы знаем, что Змей на Стеклойной горе гнездо своё свил. А царю-то откуда сие известно? Он мог на все четыре стороны за ветерком припустить и в ус не дуть!

— Тоже факт, — согласился я. — Ваши предложения?

— Ты у нас начальник, ты и предлагай.

— А можно я скажу? — подал голос Митя.

— Потом скажешь, — отмахнулись мы с Ягой.

— А кто-нибудь видел, в какую сторону он направился?

— Какая разница, из города одна дорога идёт. Вот куды он с неё свернул, энто вопрос...

— Давайте искать перекрёсток. Что у вас там обычно стоит — столб с табличками или камень с указателями? Ну там направо пойдёшь — коня потеряешь, налево пойдёшь — жена убьёт...

— Дозвольте же и мне слово молвить?

— Помолчи, Митя, — ещё раз попросили мы, нервно продолжая спор и невзирая на чьи-то далёкие крики о помощи. Такое бывает...

— Нет у нас на дороге таких камней. Они, поди, тока в сказках и остались. А тока думаю я, Никитушка, далеко наш самодержец не ушёл. Остановился в ближайшем кабаке коня напоить, так до сих пор сам протрезветь не может.

— Бросьте, Горох — нормальный царь, а не законченный алкоголик!

— Скажешь, не пьёт?

— Пьёт. Но только по серьёзному поводу.

— Дык у него жену похитили, повод-то и есть серьёзней некуда!

— Никита Иванович, Бабуленька-ягуленька, — взмолился Митяй, махом закрывая нам рты ладонями. — Мне одному кажется, что снизу кричит кто-то, али энто глюки головного мозга?

Мы переглянулись и прислушались. Действительно, сквозь топот куриных ног слабенько доносились жалобные обрывки стонов, причитаний и мата.

— Нешто избушка моя во что-то вляпалась? А ну стань по-старому, как мать поставила!

Изба остановилась с армейской чёткостью, на раз-два. Мы открыли дверь, Митяй быстренько спустил вниз приставную лестницу. Я сунулся первым и ахнул! На левой куриной ноге, привязав себя поясом, сидел принципиальный борец с милицейским произволом в скособоченной скуфейке...

— Гражданин Груздев, а вы-то, извиняюсь за выражение, какого хре... тут делаете?!

— Не своим желанием, а токмо волей подцепившей меня сей курятины ввергаюсь в тьму фараонову, — клацая зубами, начал он. — Пустите, ироды милицейские, хоть на минуточку, ножки распрямить да отогреться. Опять же место филейное отбил напрочь, и вся борода в репейниках. Гнала ж, зараза, по буеракам да кустам, дороги не разбираючи...

— Бабуль, у нас тут заяц безбилетный, — крикнул я наверх. — Вести в дом или гнать в три шеи?

— Тащи его сюды, сыскной воевода, — сурово подтвердила Яга, мстительно потирая ручки. — А я-то, старая, думаю, кого мне в супе

сварить, на чьих косточках покататься?!

Дьяк побледнел, обмяк и молча рухнул с куриной ноги, потеряв сознание. Бросить его там, посреди чистого поля, мы, естественно, не могли. Я кивнул Мите, он спустился, привычно вскинул тощего скандалиста на плечо и потащил в избу. Мне оставалось только в очередной раз глубоко задуматься: почему в каждом нашем расследовании всенеизбежно всплывает дьяк?!

Что бы мы ни делали, чем бы ни занимались, какое бы расследование ни вели — Филимон Митрофанович Груздев будет торчать в нём, словно в каждой дырке затычка! Я не знаю, почему так происходит. Наверное, надо просто принять это как данность и не париться, и пошло оно всё...

— Ну, что со свидетелем делать будем, соучастнички? — сурово спросила Баба-яга, когда мы смогли продолжить путь.

— Предложение имею. — Митя первым поднял руку. — Вот уж как будем чащобу лесную проезжать, дык Филимона Митрофановича там и оставим! Святое дело, никто не обидится. Пусть его ночью волки съедят, не подавятся...

В принципе почему бы и нет? Лично я бы только пожелал им приятного аппетита.

— И ведь вроде как не слишком жестоко, — согласно покивала бабка. — С учётом степени вины энтого вредителя даже милосердно получается. Ить и не припомню даже, где я так нагрешила, чтоб мне каждую ночь дьяк снился? А ведь снится, зараза...

— Это вам к Фрейду, в осознание бессознательного. Нет, убивать гражданина Груздева нам нельзя. Не то чтоб я был против, но мы милиция, а не суд. Вынесение приговора и приведение его в исполнение не в нашей компетенции.

— И чё ж, не с собой же его тащить, Никита Иванович?

— Хорошо, Мить, тогда отведи Филимона Митрофановича обратно в Лукошкино.

— Пешком, что ли? — не понял он.

— Пешком, естественно, а мы дальше поедem. Нам задерживаться нельзя.

Пока Митька долгое время собирался с нематерным ответом, глава нашего экспертного отдела за рукав оттащила меня в сторону:

— Нешто нам и впрямь его с собой на дело брать? Ох, Никитушка, всё понимаю, а тока ить намучаемся мы с ним...

— Других вариантов всё равно нет. Высадить не можем, возвращаться в город поздно, оставить его где-нибудь на перевалочном пункте, а на

обратном пути подобрать?

— Энтэ ежели тока у Кошцея на Лысой горе, — скрипнула зубом бабка. — Дык милосерднее будет здесь же подушкой придушить!

— Душить будете вы или Митя?

— Тьфу на тебя, участковый, — надулась Яга, а лежащий пластом дьяк наконец-то подал голос:

— Не убивайте меня, злыдни милицейския-а! Я вам пригожусь!!!

Мы трое почти синхронно хлопнули себя по лбу. Судьба-индейка вновь взяла в руки краплённую колоду, а мы вынуждены играть выпавшими картами. По идее, пригодиться гражданин Груздев мог только для одного — неравноценного обмена на любую из пленниц.

Правда, для того чтобы прельститься тощим дьяком, Змей Горыныч должен был бы быть полным идиотом, но с богатой фантазией. Учитывая, как мало мы о нём знаем, случиться может всякое. Вдруг он как раз таки любит сгрызть тощего немолодого мужчину под пиво, вечером, со скуки?

— Митя, свидетель поступает под твою охрану. Беречь, но не лелеять. Кормить, но не баловать. Трясти, но не взбалтывать. Выгуливать только на поводке. Вопросы?

— Может, мне потом за работу энту адову какая-никакая премия в конце года будет?

— Не наглей.

— Понял, исполняю. — Обиженно поджав губки, наш младший сотрудник рывком поднял дьяка с лавки. — Вставай, арестант, чего разлёгся?! Метлу в зубы и давай вона порядок наводи. Чтоб через полчаса у меня вся изба блестела!

— Со всяческим моим смирением диктату Навуходоносорову подчиняюсь, — мелко перекрестился наш незванный гость, с хрустом выпрямил спинку и бодренько приступил к уборке.

Кстати, это правильно, эффективность трудотерапии ещё никто не отменял.

Пока мы с бабкой строили хотя бы приблизительные планы возможного диалога с Кошцеем, наш младший сотрудник впервые ощутил весь кайф полноты власти над безотказным подчинённым!

Дьяк буквально порхал по всей избе, наводя такой лоск, что просто не нарадоваться. Задним умом я прекрасно понимал, как всё это он нам десять раз припомнит в своё время: и жалобу напишет, и счёт выставит по полной программе. Но это же потом когда-нибудь, если ещё доживём, правда?

А сейчас пусть трудится, не всё ему милиции кровь портить, пусть отработывает свой проезд и кормёжку...

— Сколько нам ещё до Лысой горы?

— Дык не особо далеко. Думаю, до заката на месте будем.

— Бабуль, а как вы вообще представляете наш визит к Кощею? Глава Лукошкинского отделения милиции пришёл к главе самой крупной преступной группировки с предложением посотрудничать...

— Чего ж сразу нет? Ить когда его Карга-Гордыня достала, так он тебе первым в ножки поклонился. И ничего, не сломалась спина. Так вот и нам надобно гордость в карман упрятать да и перетереть по теме.

— Вообще-то это уголовное выражение.

— Так мы к уголовнику и идём! Стало быть, придётся тебе, соколик, на его языке разговаривать.

Я криво улыбнулся и ушёл в прострацию. Отношения с гражданином Бессмертным у нас были не особо дружественные. С одной стороны, по-моему, не было вообще ни одного преступления, где хотя бы косвенно не был замечен Кощей. Один раз нам даже удалось его арестовать и отправить на каторгу, откуда он, впрочем, сбежал в рекордно короткие сроки.

Да, действительно, разок мы работали с ним в паре. Или даже два раза, если вспомнить о заговоре Чёрной Мессы, он тогда ещё пообещал не пускать к нам иноземную нечисть. И должен признать, что, пока мы разбирались с Вельзевулом, действительно ни один злобный гном, бешеная фейри, чёрный эльф, злобный тролль или ещё кто-нибудь в этом роде Лукошкино не посещали.

Возможно, это Кощей поставил кордон, возможно, они и сами не собирались. Туризм в России во все времена сродни экстриму, так что выполнил гражданин Бессмертный свою часть договора или нет, до сих пор вопрос открытый. Да мы уже практически и позабыли об этом, честно говоря...

Избушка на курьих ножках мерно бежала по указанному маршруту. Дьяк, наведя порядок и старательно отдраив вверенное ему помещение, гнусаво пел псалмы, что неслабо убаюкивало. Митю срубило первым, Бабу-ягу второй, я крепился дольше всех. Но тем не менее в какой-то момент всё равно рухнул в сновидения, как в омут с головой. Что снилось, толком и не вспомню: какие-то обрывки, невнятный сумбур из моей прошлой жизни в Москве, лицо Олёны, почему-то очень злое и раздражённое, царь Горох, пьяный, недобудимый никакими средствами, Орёл, поглощающий бабкины пироги с Митькиной скоростью...

— Помогите-э, Никита Иванович, измена-а!

Я открыл глаза так резко, словно будильник под ухом прозвенел. Дьяк Филимон как раз заканчивал затягивать узел у меня на щиколотках. Не

раздумывая, на автомате я врезал ему с правой в ухо так, что подлец отлетел аж к печке, где ещё получил по маковке выпавшей заслонкой. Развязав узлы ногтями и сбросив путы, я поднялся на ноги.

Икры тут же отдались острой болью тысячи иголок. В левом углу на лавке полулежала связанная Яга, в правом углу — Митька. У обоих во рту были обрывки тряпок вместо кляпа. Ай да дьяк Филька! Один, без посторонней помощи, практически всю опергруппу обезвредил! Это достойно как минимум уважения и как максимум отдельной камеры с последующим торжественным расстрелом у забора и последней выкуренной сигаретой.

— Вот, значит, каким образом вы платите за наше доброе отношение?

Я развязал своих сотрудников, пригласив всех на короткий, но значимый суд над подлым Филимоном Митрофановичем.

Митяй и Яга не стеснялись в выражениях, парламентские вежливости были отправлены пешим ходом в задницу, и самое мягкое наказание Филимону Митрофановичу выглядело примерно так. Он встаёт в чистом поле, наклоняется ромашку понюхать, а избушка со всей дури лупит ему куриной ногой так, что дьяк летит аж до самого Лукошкина! Кстати, может, и дальше, как повезёт с погодой, если лётная, то запросто...

Но, увлечшись праведным судом над этим гадом в скуфейке, мы как-то не сразу обратили внимание на то, что изба-то давно стоит. То есть по идее мы прибыли. Или попали...

— Тук-тук! — Кто-то громко постучал в дверь неприятным костяным стуком. — Кто в теремочке живёт, чей дух чую, кто нежданно-негаданно сам собой в гости пожаловал?

Баба-яга замерла, быстро прикрыв ладошкой рот. Митя потянулся за табуретом. Я отрицательно покачал головой: не надо, не спасёт. Единственное, что нам оставалось, это говорить правду.

— Гражданин Бессмертный? — Я распахнул дверь и встал на пороге.

Увиденное не обнадеживало. У самых куриных ног на огромном чёрном коне восседал главный преступный ум современности. Кошечей Кирдыкбабаевич был одет в боевые доспехи немецкого образца, на бедре здоровенный меч с волнообразным клинком, забрало опущено, а в прорези только глаза пылают, как оранжевые угли.

За его спиной развёрнутым строем два десятка конных рыцарей-зомби в воронёных доспехах. А за ними ещё и неорганизованная толпа шамаханов, размахивающих копьями и кривыми саблями. Значит, до Лысой горы мы успешно добрались согласно утверждённому маршрутом времени.

— Ага, попалась, ищейка милицейская! — не веря своему счастью,

возопил Кощей. — А кто энто у нас там внутри? Яга-изменница! Митька беспутный! Да что ж за день-то сегодня такой?! Щас в пляс пойду от радости!

Он действительно заёрзал в седле, не удержал равновесия и брякнулся навзничь.

— Чёй-то злодей наш вытворяет? — высунулся Митя.

— Брейк-данс, — неуверенно предположил я, глядя, как гражданин Бессмертный размахивает руками и ногами, лёжа на спине.

В принципе мне понравилось, Яга тоже пару раз осторожно хихикнула. Чёрные рыцари не двинулись с места, они же наверняка всё делают по приказу. Шамахань, наоборот, возмущённо загомонили и уже практически были готовы броситься на нас, когда мы с Митькой спустились вниз по лесенке.

— Руку!

— Чего? — не понял Кощей. — Предложение, что ли, делаешь?

— Руку давайте. — Я помог ему встать и пояснил: — Перетереть надо. Тема есть.

К моему немалому удивлению, наш вечный враг тут же закивал, похлопал меня по плечу и, кое-как взгромоздившись на лошадь, махнул нам рукой.

— Идём, Никитушка, что зря стоять-то, — подроспела бабка. — Или велишь мне опять свою избушку к лесу задом поворачивать?

Я поискал в её словах какую-нибудь подозрительную двусмысленность, вроде с первого раза не нашёл, а на второй было уже неинтересно.

— Никита Иванович, а дьяка куда денем?

— Не знаю, Мить. С собой тащить не хочется. Не хватало, чтоб он у Кощея спёр чего-нибудь или скандал закатил.

— У печки его оставим, — вмешалась Яга. — Небось оттуда не сбежит, да и некуда ему. Разве в лес, к волкам, али в степь, к шамаханам. Я б на его месте и носу за порог не высовывала.

Мы пожали плечами и не стали дискутировать. А зря, кстати...

— Фараоны проклятые-э... — тихо донеслось из окна избушки. — Хучь под кустик по-маленькому пустили бы, а?

Я было дёрнулся, но Баба-яга, мстительно ухмыльнувшись, подхватила меня под локоть и повела вслед за Кощеём. Митя шмыгнул носом, показал язык чёрным рыцарям и поспешил за нами. В первый раз я спускался по ступенькам Лысой горы как гость и, быть может, даже союзник. Что, впрочем, абсолютно не гарантировало личной безопасности

всей нашей опергруппе.

И самое трогательное, что на данный момент это никого из нас не волновало. Я доверял Яге, Митя мне, а у бабки были свои далеко идущие многоходовые планы. Ну то есть я, конечно, наверняка об этом не знал, но очень хотелось, чтоб были. Жизнь-то ведь только начинается...

Мы прошли через знаменитый коридор страхов. Это была первая фишка Кощеева жилища: идёшь себе подземным коридором по ступенькам вниз, а из стен на тебя всякие монстры бросаются. Причём именно те, которых вы больше всего боитесь. Ничего личного, чистая психология.

Я тут был не раз и уже ничего не боялся, а особо настырных ужасиков просто щёлкал по носу. Они морщились, обижались и исчезали. Баба-яга шла, погружённая в собственные мысли, и, похоже, ни одного монстра, способного её напугать, в природе просто не существовало. А вот Митя со своими комплексами боязни мертвецов (убей бог, не помню, как это правильно по-научному называется, кажется, некрофобия) успел повеселить всех.

— Ой, мертвец страшный! Боюсь, боюсь! Ой, с него уже шкура сползает и кости наружу! Ой, он меня щас укусит, а то и ногу отгрызёт! Ой, храни господь раба своего, и чего ж я, дурак, в церкви плохо молился? Ой, спасите, помогите, Никита Иванович, отец родной, явите такую милость, дайте вон тому скелету ползучему поперёк лба ногой милицейскою! Ух ты, спасибо, хорошо-то как получилось... И вон того, пожалуйста. И вон этого! А ну, нечисть поганая, кто на нас с участковым?!

Как вы понимаете, никто особо не рисковал. Митя развлекался, показывал язык, вертел задом, оттопыривал средний палец, строил рожи, и никто из монстриков даже плюнуть на него в ответ не смел. Потом были живые металлические ворота с шипами и змеями, но тут уже нас хозяин провёл. В его интересах. Мы гуськом прошли в небольшую залу, более похожую на офисный кабинет для свиданий. Кощей жестом указал нам на четыре свободных кресла.

— Ну что ж, враги извечные, опергруппа лукошкинская, ныне вы все в моей власти. Знать желаю, что мне мешает сей же момент всех вас лютой смерти предать?

— А плюху по уху?! — мгновенно завёлся расхрабренный Митяй.

Гражданин Бессмертный сухо щёлкнул пальцами, и наш младший сотрудник замер египетской мумией.

— Ибо злодей я и поступки мои злодейские. Пока паханы да начальники речь ведут, бывшим петухам вступать нечего. А тебе, участковый, милость окажу великую, второй раз ответить позволю. Чего

надо, короче?

— Есть тема, — покосившись на Ягу, начал я.

— А ещё короче можешь?

— Могу. В два слова: Змей Горыныч.

Кощей взял долгую паузу, потом, скрипя доспехами, достал из ящика письменного стола пузатую бутылку портвейна, отгрыз пробку вместе с частью горлышка и сделал большой глоток.

— Уверены?

Глава нашего экспертного отдела молча провела себе большим пальцем под горлом и выразительно клацнула зубом.

— Когда?

— Порядка трёх дней назад. Прилетел со стороны восточных границ. Украл трёх девушек. — Кого именно и в каком виде, я пока уточнять не стал.

— Проснулся, стало быть, братец старший, — меланхолично кивнул Кощей, делая ещё один долгий глоток. — Триста лет о нём ни слуху ни духу, а теперь нате вам, нарисовался. И главное дело, чуть что, сразу за старое, девок воровать!

Я недоуменно обернулся к Яге, та пожала плечиком. Действительно, если нашей бабушке сколько-то там за сто, а Змей выходит на охоту раз в двести — триста лет, то выходит, что этот доисторический дельтаплан с огнемётом на тысячи лет старше самого Кощея! Наш главный мафиози от одного упоминания имени «старшего брата» заметно нервничает. С чего бы?

— Гражданин Бессмертный, расскажите, пожалуйста, о...

— А я не у тебя на допросе, чтоб ты меня «гражданином» обзывал, начальник, — раздражённо оскалился хозяин дома, отхлебнул ещё и, глядя на меня сквозь бутылку, попросил: — Кощеем зови, запросто, без церемоний, случай не тот. Выпьешь?

— Немного, — согласился я.

Баба-яга чуть заметно кивнула, хотя в мужской разговор не вмешивалась. Значит, пока всё идёт как надо, своим путём. Кощей смёл какие-то бумаги со стола, достал рюмку, дунул в неё, протёр платком и, булькнув граммов тридцать, пододвинул мне.

— За что пить будем?

— Каждый за своё, участковый.

Я коротко кивнул, и мы опрокинули не чокаясь. Кощей вновь взялся за бутылку, но я, поймав предупреждающий взгляд Яги, накрыл свою стопку рукой.

— Мне достаточно.

— Не уважаешь меня?

— Это не имеет отношения к делу.

— Любить не прошу, но уважать как наипервейшего злодея — обязан!

— Не напирайте. Мы здесь не в гостях, а по службе.

Кощей перебрал указательным пальцем все морщины у себя на лбу — от бровей вверх, потом вниз, и кивнул. Выпил ещё, потом, не спрашивая разрешения у бабки, закурил длинную вонючую сигару и, вытянув ноги под столом, продолжил:

— Откровенность за откровенность. Ты первый, сыскной воевода. Рассказывай, как всё началось, что сложилось, каким чудом вы живы остались, какую информацию секретную о братце моём сводном нарыть сумели?

Я тоже понимал, что сейчас не время лукавить, строить какие-то хитросплетённые версии или интриги. Проще всё рассказать как есть, а дальше разберёмся. Хотя всё ещё можно попробовать до времени утаить имена.

— Начнём с того, что в Лукошкине, во время мытья в бане, были похищены сразу три девушки. На этот раз я сам был свидетелем преступления. Видел из окна соседнего здания. Правда, ни предотвратить его, ни задержать злоумышленника возможности не было...

Мне пришлось рассказать о панике в городе, о нашем походе в Нижний мир, об отсутствии государя, уехавшего изображать Рыцаря печального образа, обо всём, что нам удалось узнать, и, самое главное, о причинах, по которым мы явились сюда за помощью.

Гражданин Бессмертный прикончил бутылку, достал вторую. Пил он, как я понимаю, практически не пьянея, что при его сухопаром телосложении казалось странным.

У нас в милицейском училище в Москве был один прапорщик, азербайджанец Мусаев, весом, наверное, за сто пятьдесят килограмм. Так вот, он на спор выпивал без закуски три бутылки коньяка и без запинки зачитывал по памяти любой пункт устава постовой службы, разъезжая по учебному треку на служебной машине. И ни фига ему за это не было! Наоборот, даже начальству на спор показывали.

Так вот Кощей тоже пил тяжёлый алкоголь как воду, без закуски, и ничего, прямо Джеймс Бонд какой-то. Ну, может, икнул пару раз, не более...

Меланхолично допив в одно рыло вторую бутылку, Кощей прикрыл глаза и начал свой рассказ:

— Змей этот — тварь древняя, реликтовая. В те времена не тока святой Руси не было, но и сами людишки по пещерам жили, на медведей с дубинками бросались. До сей поры кости в земле находят разных змеев да ящеров, тока память о них в былинах да мифах живёт...

— Динозавры? — предположил я.

Наш хозяин кивнул:

— А это дети Змея нашего. Он силой мужеской от рождения наделён был сверх меры, потому и плодился где ни попадя. Да и с кем, тоже не выбирал особо. Кого встретит, того и отметит!

— То есть?

— Не пингвин, и ладно! А со скуки может и пингвин сгодиться, — со скрипом пожал плечами наш негостеприимный хозяин. — Как на всех женится да супруги детишек наплодят, так он с трудов великих спать ложится. Когда на год, когда на два, а когда и лет на сто — двести.

— То есть научно это никто не подсчитывал?

— Люди ленивы и живут мало. По сей причине сказания о нём в разные времена у разных народов по-разному всплывают. Потомство его тоже всяким было: у кого только пасть да зубы, а мозгу с ноготок, кто цельные города захватывал, с богатырями да царевичами ратился, но — все! завсегда! — на плоть девичью падки были...

— Думаете, этот наш Змей и есть отец-прародитель?

— Может, да. А может, и нет. — Кощей задумчиво поскрёб лысый череп. — Вдруг это кто-то из сыновей его, братьев или племянников? На моей-то памяти уже лет шестьсот — семьсот таких гадов к нам не залётывало...

Я припомнил бабкину сказку о Бове-королевиче и ржавом мече царя Гороха. Возможно, после того эпохального боя Змей действительно затаился.

— Скажите, а почему вы называете его старшим братом?

— Потому что он меня младшим назвал. — Наш собеседник потянулся было за третьей бутылкой, но передумал. — Бились мы как-то за красавицу одну, имени уж и не упомню. Молодой я был, дерзкий, силой бахвалился, в честный бой лез. В общем, в том честном бою одолел он меня за две минуточки. В глаза заглянул, посмеялся да и отпустил: дескать, иди, младший братец. Иди, да помни-и-и...

Кощей одним движением скинул кирасу, порвал на груди кольчугу и развернулся к нам. От ключиц вниз белел старый отпечаток четырёхпалой лапы с когтями. Более всего это походило на след от раскалённого железа. Господи, с каким же чудовищем нам придётся иметь дело...

И тот, кто нанёс Кощею такую метку, сейчас держит в плену мою Олёнушку?! Я непроизвольно сжал кулаки, так что ногти врезались в кожу. Баба-яга успокаивающе погладила меня по плечу, шепча на ухо:

— Тока не делай глупостей, Никитушка.

Я молча кивнул. То, что Кощей сейчас перед нами разоткровенничался, ещё ничего не значит и никак не помешает ему под шумок избавиться от нас.

— В глаза смотреть, правду говорить!!! — неожиданно взревел гражданин Бессмертный, сбрасывая маску библейского мученика. — Зачем вы ко мне пришли? На кого работаете? Ты кого крысой сделать хочешь, вертухай в погонах?!

— На Никитушку голос не повышай, — тихо попросила бабка, и в её глазах загорелись нехорошие огоньки. — Мы к тебе, ироду, своей волей пришли, своей и уйдём. А покуда зубы спрячь, не то с ноги выбью! Коли сам боишься Змея, так нам свой страх не навязывай!

— Ах ты, изменница старая...

— Можно подумать, сам кобель молодой, — равнодушно откликнулась Яга. — Не тебе изменила, не перед тобой и оправдываться буду, упырь костлявый!

— Да я вас обоих... прямо тут... сей же час...

— Змея с нами бить будешь?

— Буду! — не раздумывая, согласился хозяин, застенчиво пряча кривой нож за спину.

— Тогда присядьте, пожалуйста, — рискнул взять слово я. — И давайте спокойно обсудим все предложения. Нам известно направление, адрес, сила и возможности противника. Однако мы по-прежнему даже не предполагаем, в чём его слабость.

— А ты ещё не догадался, ищейка участковая? — Кощей подмигнул порозовевшей Яге и постучал себе по лбу. — К женскому полу он слабость имеет. Не задаром же невест себе крадёт? И ест-то не сразу, а тока как наскучит дурында синеокая слезами да ласками...

— Допустим, — вынужденно согласился я, вспоминая слова Орла. — Хотя это заставляет серьёзно задуматься о том, какие у него комплексы.

— Да, поди, как у всех мужиков, — окончательно смутилась глава нашего экспертного отдела. — Уж я-то этих комплексов, прости господи, навидалася-а... Как кто к избе ни подъедет, сразу — накорми, напои, в баньке выпари да спать уложи! И, главное дело, в мою же постелю со своими комплексами тычутся! Тьфу, срамота-а...

Я почувствовал, что разговор уходит в другую плоскость. Кощей,

видимо, тоже, поскольку привстал, щёлкнул плюснами, и по его приказу безмолвные слуги быстро накрыли для нас невысокий круглый столик на колёсиках.

— А ну жрать, ищейки милицейские. — Подчёркнуто ласковый тон гражданина Бессмертного резко контрастировал с его словами. — Не бойсь, не потравлю, покуда сие не в моих интересах.

Я посмотрел на Бабу-ягу. Она, не раздумывая, развела руки над блюдом с рыбным пирогом, миской красной икры и кувшином пива.

— Навердь чисто. — Бабка на всякий случай перекрестила еду. Вверх взлетело чёрное облачко пыли. — Ага! Вместо рыбного пирога пирог с мертвечиной нам подсунул, морда бандитская...

Повинуясь невнятному импульсу, я поднял тарелку с печевом и надел её Кощею на голову. Моя домохозяйка только охнула, хватаясь за сердце...

— Ох и приятно же с тобой дело иметь, Никитка-участковый, — широко разулыбался Кощей Кирдыкбабаевич и ещё раз щёлкнул пальцами. Подбежавшие слуги протёрли его череп до зеркального блеска и быстренько заменили нам обед. Теперь наша эксперт-криминалистка только удовлетворённо кивнула — есть можно, всё кошерное.

— И Митю расколдуйте, пожалуйста.

Гражданин Бессмертный встал, раздражённо передёрнул плечами и что-то пробурчал, не разжимая зубов, после чего без объяснений покинул комнату. Наш младший сотрудник хлопнул глазами, чихнул и, не задав ни одного вопроса, набросился на пирог!

— Изголодался, бедненький, — всхлипнула бабка.

— И не подавится, — завистливо поддержал я.

— Ой, — опомнился Митяй, когда на большой тарелке не осталось ни крошки. — Чёй-то увлёкся я, да? С товарищами верными не поделился, гадом себя показал, толку от меня никакого, только деньги на прокорм сквозь карман улетают. И нет мне ни дна ни крышки?

Мы с Ягой переглянулись и кивнули.

— Стыд-позор маменьке на деревне, раз такого сына беспутного произвела! Чё уж тут скажешь, правы вы, все правы, я один, сиротинушка, горькой судьбой вдоль хребта ошарашенный, во всём виноват. Меня и казните по всей строгости!

— Митя, закрой рот и ешь.

— Энто как? — удивился он.

Я подумал и решил не углубляться.

— На тарелке ещё что-нибудь осталось?

— Нет.

— Ну и... приятного аппетита. Мы с Бабой-ягой как-нибудь перебьёмся до ужина. В конце концов, у нас в избушке целый дьяк есть. Сможем его на продукты обменять, если что?

— Отчего ж не смочь, Никитушка? — почесав бородавку, ответила бабка. — У Кощея слуг немного, но и тех, кто есть, кормить-поить надобно. А Филимон Митрофанович для борща хороший навар даст, энто я тебе как опытная домохозяйка говорю...

— Вообще-то я шутил.

— Дык и я тоже, соколик. — Яга подмигнула мне, тихо прошептав на ухо: — Правильную линию гнёшь, участковый, не надо Митеньку зазря пугать. А дьяк уж и впрямь зажился, хватит ему небо коптить...

Я уставился на неё, как на мать Терезу в маскхалате с автоматом Калашникова наперевес. Бабка у нас хорошая, это просто нахождение в таком злачном месте так на неё влияет. Вот вернёмся в Лукошкино, она сразу опять пойдёт...

— Сыты ли, пьяны, гости милицейские? — Дверь в кабинет снова распахнулась, и на пороге появился Кощей, одетый уже по-домашнему.

Длинный персидский халат почти до пола, подпоясан широкой алой лентой на испанский манер, восточные тапки с загнутыми носами на босу ногу, на голове турецкая феска, а в зубах длинная трубка с гнутым чубуком в турецком стиле.

— Гламурненько, — признал я.

Гражданин Бессмертный кокетливо улыбнулся от уха до уха и предложил:

— Покуда я думаю думаю, как бы половчей вас всех под корень извести, не изволите ли по домику моему ничтожному с экскурсией прогуляться?

— Отчего ж ноги не размять? — с готовностью вскинулась Яга.

Мне тоже было небесполезно посмотреть, что у него тут и где. В те наши короткие, несанкционированные визиты мы, разумеется, даже не пытались осмотреть весь дворец. Цель была иная — навести шороху только в кабинете и паре прилегающих помещений. Оказалось, что дворец у Кощея Бессмертного несколько больше, ну то есть примерно раз в пять-шесть, чем царские палаты.

Правда, размещалось всё на одном этаже, зато разветвлённо, кучей комнат во все стороны. И, уж поверьте, посмотреть там было на что. И не мне одному...

— Никита Иванович, а можно мне вон ту бабу мраморную пальцем в пузо ткнуть? Уж больно на живую похожа. — Бедный Митя метался как ужаленный от одной картины или статуи к другой. — А ежели фавна вот

этого за шерсть на спине дёрнуть, он меня по-человечески пошлёт али по-козлиному?

Кощей шёл впереди, вальяжно пуская клубы дыма из трубки, но было видно, что простодушное восхищение нашего младшего сотрудника такой галереей искусств явственно льстило его самолюбию. У бандюганов такое бывает.

Баба-яга больше крестилась да плевалась, у неё «развратное Возрождение» вызывало скорее тихую зависть за бесцельно прожитые годы. Пару раз бабка даже проворчала сквозь зубы, что уж она-то в молодости ещё стройнее была, но всех желающих ейные красоты голыми изобразить без сомнения в печь отправляла, вместе с холстом и кисточкой!

Я же ещё со школы был приучен к Пушкинскому музею и Третьяковской галерее, поэтому в экстаз не впадал, пока не увидел полотно со святым Георгием на разноцветном коне с шестью ногами. Лицо драконоборца было просто разделено на две половинки жёлтым и синим, копьё изогнулось в радугу, а змей скорее походил на полосатый бабкин носок с зубами.

— Новичков! — безошибочно угадал я.

— Он, он самый, — довольно подтвердил Кощей. — Прикупил по случаю пару картин, поддержал художника копеечкой. На перспективу взял, потом втридорога продам.

Получается, не одни мы в Лукошкине оценили творчество иконописца-авангардиста. На миг я даже проникся симпатией к культурному уровню гражданина Бессмертного, хотя и знал — верить ему нельзя. Ни в чём, ни на миг, особенно в вопросах союзничества и гостеприимства.

А Митька меж тем продолжал беготню по залу, издавая совершенно неконтролируемые вопли и стоны...

— Ой, гляньте-ка, лошадь полосатая! А это что ж за зверь невиданный, с карманом на брюхе? А вон то чудо в перьях, с ногами лысыми, как дьякова маковка?

— Бабуль, у нас что, младший сотрудник милиции элементарной зоологии не знает? Страуса с гражданином Груздевым ассоциирует?

— Откуль, Никитушка, — смутилась Яга. — Они ж тока грамоту и прошли. Да и в той одни обзывательства неприличные, как тока у дьяка язык не отсохнет сочинять...

Это, кстати, да. Это серьёзно. Было дело, когда наш непримиримый борец с милицией пришёл в наше же отделение с жалобой на самого отца Кондрата, который запретил ему Евангелие в детские стишки переводить. Для лучшего начального образования!

Как сейчас помню:

Говорит Адаму Ева:

— А я без одёжи.

А Адам ей отвечает:

— Я, как видишь, тоже.

— Хочешь яблочка отведать?

Я уж откусила.

Съел тут яблочко Адам,

Чует, прёт в нём сила!

...Ну, дальше, наверное, не надо, там уже полный беспредел пошёл, даже для взрослых. Фантазия у нашего дьяка богатая, а личная жизнь бедная, вот он и компенсирует творчеством.

— А это что у вас? — невольно дёрнулся я у одной полуоткрытой двери.

— Зеркало волшебное, — скрипнул зубом Кощей. — Купил по случаю, взамен того, что вы в прошлый раз испортили!

— Извините, — попытался припомнить я. — Одно разбилось случайно, причем по вашей же вине. Второе... Ну, мы включили, посмотрели, и всё.

— И всё?! А кто мне там настройки сбил, что оно теперь только девиц на купанье и показывает?!

Митя покраснел до ушей и попытался спрятаться за бабу.

— Шестерых мастеров извёл, ни один заразу эту выковырять не может! Пришлось венецианское брать, а оно со мной только на итальянском и разговаривает! Забодался уже: «Си, синьор Коцценти! Бонджорно! Грацие милле! Пер фаворе!» Пошли уже отсель...

— Дяденька Кощей, а позвольте с вопросом домогнуться? — осторожно начал наш младший сотрудник, когда мы прошли по галерее дальше. — Вот вы хоть и злодей, каких свет не видывал, но всё ж таки где-то в глубине души...

Митины слова были прерваны громким лязгом упавшей стальной решётки. В одно мгновение мы всей опергруппой оказались заперты в полупустой комнате, а этот лысый гад в халатике хладнокровно выпустил трубку из зубов и без улыбки заключил:

— Вот вы и попались, менты поганые. Лютой казни я вас завтра предам, как придумаю каждому из вас смерть страшную, муку

нестерпимую, боль жуткую...

Я рванулся было ответить, но Баба-яга мягко удержала меня за рукав. И правильно. Всё, что я мог бы и хотел ему сказать, он сто раз слышал от других пленников. В любой ситуации стоит сохранять достоинство.

— Ну а покуда вы тут втроём с жизнью прощаться будете, я, пожалуй, пойду вздремну. — Кощей Бессмертный повернулся к нам спиной и, уже уходя, бросил: — И это, Яга, подружка старая, ты уж колдовать-то не вздумай. Иначе и до утра не доживут сотруди́чки твои разлюбезные...

Размеренный грохот его шагов ещё долго раздавался в гулких коридорах, а я чувствовал, что вот-вот расплачусь от обиды. Мы же ему поверили! У нас реально был и есть общий враг! Он мог нам помочь разобраться со Змеем, а уж потом строить свои... тьфу!

Господи, как же всё наивно и глупо...

Я прислонился спиной к каменной стенке. Яга, не чинясь, присела прямо на пол в уголке, вытянув ноги в дорожных лаптях. Митя поочерёдно посмотрел на меня, на неё, подёргал решётку (надёжная ли?), пнул плечом дверь, через которую мы вошли (крепка ли?), убедился, что силой тут не взять, и начал приставать с глупостями. В смысле с вопросами, но в его случае это, как правило, одно и то же.

— Это что ж, мы теперича в плену, а не в гостях, получается? А что он там непонятное про казнь лютую на заре придумывал? Я ить категорически возражать буду! Нет такого закону, чтоб преступники над честной милицией верх брали, верно, Никита Иванович? Чего молчите, пугаете сироту деревенскую...

Видя, что ничего вразумительного от меня ждать не приходится, Митя бросился с тем же к моей домохозяйке:

— Бабуленька-ягуленька, уж сотворите такую милость, избавьте меня от злой смерти образом расчудесным! Заставьте по гроб жизни за вас Богу молиться. А не то двор более мести не стану и за котом прибираться! Ишь, нашли самого молодого...

— Митенька, — ласково откликнулась бабка, — отвались в сторону, не то башку откушу.

— А не посмеете при Никите Ивановиче...

Яга так страшно цыкнула зубом, что двухметровый балабол мигом нашёл себе уголок и уселся там по древнерусскому обычаю — «повесив буйну голову ниже плеч». Я же рискнул подойти к бабке.

— Есть идеи?

— Мыслишка имеется, — туманно откликнулась она.

— Превратить Митю в петуха, чтоб он здесь всех матерно

обкукарекал?

— Не пройдёт, соколик. Я и двух слов в заклинании связать не успею, как Кощеюшка здесь будет. Слыхал, поди, его предупреждение?

— Естественно.

— Так вот, супротив него я ровно кошка домашняя супротив медведя-шатуна, — честно признала Яга. — И нет нам отсель выхода, ежели тока-а...

— Мм...?! — многозначительным мычанием уточнил я.

Ответ пришёл с другой стороны запертой двери, и не от Бабы-яги.

— Живы ли, аспиды милицейские?

Дьяк! Мать его за ногу, да кто бы поверил, что неугомонный гражданин Груздев будет послушно сидеть в избушке на курьих ножках и никуда не попытается влезть?!

Дьяка Фильку надо знать! Без него у нас в Лукошкине ни одно дело не обходится, ни хорошее, ни плохое. Если помните, даже на каникулах в деревне он нас нашёл! Оказывается, в любом расследовании можно обойтись без кого угодно — без Еремеева, без царя, без бояр, но не без дьяка!

— Живы! — бодро откликнулась Яга. — А вот не сподобитесь ли дверь открыть?

— Недопонял. Вы заперты ли? Дык энто ж радость-то какая, милость господня!

— Не заперты мы, — повинуюсь взгляду бабки, нагло соврал я. — Просто дверь открывать не хотим, нам и тут не дуется...

— А ежели я в гости напрашусь?

— Митя, прячь копчёную севрюгу и водку «Президент»!

Ну, после таких слов гражданин Груздев просто не мог не купиться. Лязгнул стальной засов...

— Примите во компанию, фараоны негостеприимные! Ибо изголодался я весь в избушке вашей, ажно ногу куриную грызть пробовал, да та сдачи дала! Зараза несознательная...

На этом откровении Филимон Митрофанович резко заткнулся, поскольку ничего похожего на богато накрытый стол не обнаружил. Пока он справедливо не решил, что его кинули, мы все трое в едином порыве бросились на выход. Митя успел удачнее всех, потому что ещё подхватил под мышки нашего невольного спасителя. Дьяк был не очень рад, что его головой выбивают дверь, но с учётом того, что она была уже открыта, разрушения оказались минимальными. Он просто потерял сознание...

Мы же наконец вырвались на свободу! Кстати, совершенно не зная,

что с этой свободой делать. Куда бежать? Каким образом строить взаимоотношения с вполне себе нужным нам Кощеем?!

— За мной, — тихо приказала бабка, — пора нам отселя дёру давать!

— Филимона Митрофановича тут оставим? — по ходу уточнил Митя. — Он своё отслужил, вину искупил честно, и гражданину Бессмертному какое-никакое утешеньице...

Искушение было столь велико, что мы с Ягой, не сговариваясь, кивнули. Мгновением позже нам стало стыдно, и бессознательный дьяк продолжил бегство на Митином хребте. Забегая вперёд, честно скажу, что потом мы ещё не раз об этом пожалели...

— Никитушка, скока Кощея помню, спит он — пушками не разбудишь, — пустилась в подозрительные откровения глава нашего экспертного отдела. — Слуги его верные, и дрыхнут столь же верно, тут их не упрекнёшь. Так что ежели я колдовать не стану, так, глядишь, и выберемся на волюшку...

— Может, хоть зеркало волшебное, венецианского стекла, злодею негостеприимному во второй раз расколотим? — от всей щедрости души предложил Митька. — Вона у Филимона Митрофановича лоб твёрдый какой, хоть в стену им бей, а без дела пропадает!

— Я супротив, — чётко предупредил дьяк и тут же вновь потерял сознание.

Пришлось цыкнуть на обоих и продолжить путь за бдительно озирающейся по сторонам бабкой. К моему немалому изумлению, Яга ориентировалась в незнакомом помещении так, словно отлично знала тут все ходы-выходы. Сколько же ещё секретов таит прошлая, долукошкинская, жизнь нашей бабули, приходилось только гадать...

Задавать уточняющие вопросы не имело смысла, всё равно не скажет. Перед какой-то маленькой дверкой после бесчисленных поворотов и коридоров она остановилась, перевела дыхание и посмотрела мне в глаза:

— Беги, Никитушка. Выводи остальных, там, за дверью, выход в лес будет. А я задержусь на минуточку, похулюганю чуток.

— Митя, слышал приказ? Марш вперёд, ищи избушку, занимай круговую оборону. Каждого, кто полезет без пароля, гаси кочергой!

— А вы?

— А мы тут героически оторвёмся, — успокоил я. — Ничего не бойся. Мы просто скажем «спасибо» хозяину и догоним.

— Ежели до рассвету не заявитесь, я сюда мстить приду, — насупившись, пообещал он, и даже хитрозадый дьяк поднял вверх большой палец. — А ежели я мстю, так держите меня семеро-о...

Далее я его просто вытолкнул — сколько можно? Яга покосилась в мою сторону, что-то прикинула, но особо брыкаться не стала. Поняла, что вдвоём мы способны на большее. Да и настроение у обоих было подходящее...

— Ну, участковый, держись! Сам за мной следом увязался, теперича не жалуйся — я на преступную стезю ступать буду.

— Ещё сам Шерлок Холмс говорил, что хороший сыщик всегда умеет поставить себя на место преступника, — подмигнул я, хотя меж лопаток змеился предательский холодок. — Что будем делать?

— Красть, грабить, рушить, ломать, громить, — пустилась загигать пальцы наша эксперт-криминалистка. — Ну, в общем, ежели без лишнего шума, то «гуляй, братва, за всё уплачено!». А я так, чисто по-женски, повредничаю...

Мы обнялись, как два партизана перед рейдом в гитлеровский тыл, и разошлись в разные стороны. Если бабка сказала, что Кощей спит крепко, значит, так оно и есть. Слуг и прихлебателей я тоже не боялся, живых душ во дворце мало, а скелеты-рыцари держат охрану по внешнему периметру. Значит, внутри нас никто не ждёт и надо сделать всё, чтобы гражданин Бессмертный не сразу пустился за нами в погоню.

— А что у нас в этом крыле? Хм, хозяйственные помещения. То, что доктор прописал!

Передо мной открылся широкий коридор с рядом дверей и табличками: «Конюшня», «Кладовая», «Сортир домашний», «Ванная по-французски», «Гардеробная», «Оружейная», «Гримерная» и что-то ещё. Я ощутил давно забытый азарт семилетнего мальчишки, подкладывающего кнопку на стул вредной соседке по парте. Разумеется, красть или ломать что-либо мне было не по душе, но мелкое хулиганство отнюдь не шло вразрез с моими моральными принципами. По крайней мере, на данный момент..

— Сначала конюшня, — почему-то решил я.

Осторожно сдвинул засов и заглянул внутрь. В довольно большом помещении, прикованный к четырём каменным столбам, стоял огромный чёрный конь со злыми глазами. При виде меня он прижал уши и оскалил зубы, свирепо захрапел.

— Хороший мальчик, добрый мальчик, хочешь сахару? — дико жалея, что вообще сюда влез, пропел я, пятясь задом.

Чёрный конь Кощей, показав, что слова «добрый» и «хороший» — это не о нём, так кинулся в мою сторону, что один из столбов даже покачнулся.

— Вот сволочь. — Я выпрыгнул за дверь, потом сунулся обратно и

предупредил: — Я ещё вернусь. Мы не закончили.

Страшный зверь лошадиного племени послал мне пылающий взгляд, говорящий, что он только и мечтает, чтоб я подошёл поближе. Ну ладно. Думаешь, сила есть, ума не надо? Я тебя удивлю...

— Пойдём другим путём. Сначала кладовая, туалет и ванная. По крайней мере, там я точно знаю, что делать.

Минут десять — пятнадцать мне хватило на всю диверсионную операцию. Кошечев сортир представлял собой богато отделанную мраморную комнату с высоким тронem посередине. В сиденье дырка, под ней ведёрко. В ванной комнате всё то же, только вместо трона большая ванна из чистой меди. Что со всем этим делать — ума не приложу. Слив не забьёшь — нет его, набок перевернуть — скучно, плюнуть туда — мелко...

— Ага-а, — обрадовался я, когда решение нашлось в кладовой. Помимо всех и всяческих продуктов там обнаружилось несколько горшков сливочного масла и три-четыре бочонка гречишного мёда плюс мука и батарея иностранного алкоголя.

— Наверняка несертифицированный товар, — сквозь зубы сплюнул я. — С контрабандистами у нас строго. Ай-ай-ай, гражданин Бессмертный. Нарушаете?!

Первым делом я вернулся в конюшню и, невзирая на опасность, вылил две бутылки элитного шотландского виски в ясли коню. Чёрный жеребец принялся, лизнул и не поверил своему счастью! Когда я вернулся с мукой и мёдом, он был уже практически ни-ка-кой...

— Дизайнерский окрас волос, — оповестил я, старательно обливая страшную скотину мёдом, а потом ещё осыпая мукой. Конь балдел и не брыкался.

— Через пять минут на выход, — предложил я. — Поймаешь меня — укусишь. Не поймаешь — сам дурак. Так честно?

Кошечев конь пьяно кивнул. Я нашёл ключи на стене, отомкнул замки на его цепях, ещё раз напомнил про пять минут и рванул за дверь. Половина коридора уже блестела от подсолнечного масла. Подхватив ведро, я быстренько залил и вторую половину, пятясь назад.

Всё. Надеюсь, когда этот четвероногий гангстер бросится в погоню, он проведёт время так же весело, как любая корова на льду. А мне пора. Баба-яга тоже не станет хулиганить дольше положенного времени. С туалетом и ванной заводится не буду, не успею. Полчаса на всё про всё нам достаточно, пора и честь знать...

— Никитка, ты, что ль? — Из-за угла выпорхнула совершенно чёрная фигура тощего андерсеновского трубочиста. Только почему-то в женском

платье и с характерным бабкиным носом.

— Я. С заданием справился. А где, собственно, вами пол мыли?

— Поязви у меня ещё, — беззлобно погрозила пальцем бабка и едва успела отскочить в сторону, как мимо нас проскользил не хуже бобслеиста чёрно-белый конь гражданина Бессмертного. Взгляд безумный, язык набок, все четыре копыта в стороны, едет на заднице, и довольный как не знаю кто...

— Спаси господи, такое-то чучело ночью приснится, — перекрестилась Баба-яга. — Ить не каждый до горшка добежать успеет, а?

— Давайте эту деликатную проблему обсудим по дороге? Нам явно пора. Не хочется видеть благодарные глаза хозяина дома, уйдём не прощаясь, по-английски?

— И то дело. Вона держи-ка. — Она вытащила откуда-то из-под кацавейки сложенные листы бумаги. — В избушке поглядим да обсудим. А теперь давай ноги в руки, покуда не рвануло...

Я даже не стал уточнять, что она имеет в виду. Если ей нельзя здесь колдовать, то это не значит, что бабка не нахимичила как-то по-другому. Ума и фантазии у неё хватит, а диверсионная работа в тылу противника — просто её призвание! В конце концов, именно на пакостях в своё время она и сделала себе имя...

— Йя-а-го-го! — Счастливый конь в муке прокатился мимо нас на крупе в обратную сторону.

Мы тихо вышли, аккуратно затворив за собой маленькую потайную дверь. Низкий подземный ход, отделанный кирпичом, довольно быстро вывел нас в самую чащу леса. Где, в какой стороне осталась верная избушка на курьих ножках, оставалось только гадать. Хорошо ещё из темноты вдруг вышло что-то огромное, как Кинг-Конг, и, схватив нас за шиворот, заорало Митиным голосом:

— Пришибу обоих лбом об пенёк! Где сотрудники мои отважные, Бабуля-ягуля да Никита свет-Иванович?!

— Тута, — пискнули мы с бабкой.

Гигант мгновенно прижал нас к груди и расплакался...

— Не надо, Мить.

— Надо! Слёзы сами рекой текут. Не позволили вы мне с вами остаться, дак я уж и решил, что вы в норе Кощеевой смертью храбрых сгинули. А мне, сироте, куда без начальства любимого да хозяйки тихой?! Утопиться в какой-нибудь луже, и вся недолга...

— Пусти, ирод, косточки уже хрустят с подозрением, — сипло взмолилась Яга, но Митя не слушал.

— Да я за-ради вас, за-ради милиции любимой, за-ради отделения Лукошкинского, я ж...

Всерьёз опасаясь поломки бабкиного позвоночника, я, не целясь, пнул Митю коленом между ног.

— Упс! — сообщил нам наш младший сотрудник и, разжав объятия, рухнул ничком.

— Спасибо, Никитушка, — отдышавшись, поблагодарила глава экспертного отдела и с развороту пнула Митю лаптем под рёбра. — Ить вся жизнь перед глазами промелькнула, от детства босоногого до работы оперативной! С такими-то друзьями за каким хреном нам ещё и враги сдались?!

— Согласен, — подтвердил я и протянул стонущему напарнику руку, помогая подняться. — Спасибо, что дождался. Ты в порядке?

— Ещё не знаю, — фальцетом откликнулся он, подумал и уже нормально ответил: — Жить буду, а вот насчёт женитьбы да детишек не уверен...

— Я те потом, когда надо будет, средство чудодейственное дам. Мажь не желей! — осторожно пересчитывая старческие рёбрышки, пообещала Баба-яга. — А счас... Ой!

— Что? — дёрнулись мы с Митей.

— Дык спросить его хотела. Вспомнилось вдруг. Дьяк-то где?

В общем, как вы, наверное, и сами поняли, гражданин Груздев, пользуясь случаем, резко пришёл в себя и сбежал без малейших проблесков совести. Искать его в тёмном лесу, в непосредственной близости от Кощеева жилища, мы не рискнули. Просто пошли в дремучий лес куда подальше, вышли на широкую поляну и уже почти перед самым рассветом, замёрзшие и голодные, кое-как развели костёр.

— Как думаете, куда он мог пойти?

— Дьяк Филька-то? Да куда угодно! Рази ж кто предугадает, в какой момент ему что в голову стукнет! Может в Лукошкино вернуться, может к Кощею пойти, а может и просто так по лесу тёмному круги наворачивать, лешего веселить.

— Так леший здесь?! Мы с ним вполне контактим. Давайте я...

— Энто образное выражение, — обрезала Яга, подёргивая плечами. — А ты, Митенька, чего на меня уставился? Неумытая бабушка, да?

— Черней эфиопской царевны Тамтамбы Мумумбы, — честно признал наш младший сотрудник. — Боюсь даже спросить, где вы так личико изгваздали-то?

— В печь кухонную к Кощеюшке лазила, — не особо охотно

призналась хмурая старушка. — Все документы важные, книги ворожейные, планы записанные ему туда ухватом упаковала. И гореть долго будет, и Кощеюшка в тепле поспит.

Мы с Митей уважительно кивнули.

— Да ещё углем древесным на картинах евовных всем усы подрисовала, а на скульптурах неприличные места стрелками пометила с указанием, чего как по-простонародному называется.

На этот раз мы с тем же Митькой столь же дружно покраснели, но бабку уже было не остановить.

— А то что ж, он тут бесстыдство всяко-разно выставить будет, а я, значит, молчи?! Не бывать тому! Да я, может... в молодости-то... и то не выставлялась! А он, паскудник эдакий, уже сам лысый, а туда же?! Себя, стало быть, красотой окружать, а всему Лукошкину — шиш, а не картинная галерея?!

Яга ещё долго распалялась по этому поводу. Причём так громко и страстно, с явной обидой, что я ещё раз крепко задумался, какие же на самом деле отношения связывали её с Кощеем. И по моему скромному разумению получалось, что никак не рабоче-деловые...

— Ну что, если все отдохнули, — привстал я, — то, может быть, мне и Мите стоит отправиться на поиски избушки? А вы пока здесь посидите.

— Ну найдёшь ты её, и что? — скептически покривила губки бабка-экспертиза. — Избушка за тобой не пойдёт, твоих приказов слушать не станет, а оттого что ты парнишку отправишь ночной лес частым гребнем чесать, тоже толку на грош. Ещё потеряем друг дружку волкам на радость...

— А тут и волки есть? — радостно подскочил Митяй. — Ой, пустите подраться, кровь кипит, душа праздника требует! Я ж ещё крохой пятилетним у волков хвосты отрывал да девчонкам дарил, сзади на сарафан привесить для индивидуальности стильной...

— Сядь, балабол, — даже не улыбнулась Яга. — Если ты слов умных, корня латинского, по верхам нахватался, дак энто ещё не значит, что умным стал. Сейчас отдышусь ещё минуточку, да и сама сюда избушку вызову. Небось Кощей на Лысой горе моего чародейства и не почует. Всё ж таки не у него дома колдую...

Данный план всех устраивал. Я, признаться, тоже быстро пожалел о своём скоропалительном решении рваться в глухую чащу в неизвестном направлении, пытаюсь найти передвижную однокомнатную квартиру на курьих ножках. Ну а нашёл бы, так что дальше?

Баба-яга права, слушать меня она не станет, и где потом в лесу искать

всех наших и ещё раз найти тропинку к избушке, вообще непонятно. Я не Зверобой и не какой-нибудь там Дерсу Узала, так что без компаса просто пропали бы поодиночке, и всех делов...

— Вообще-то рассвет скоро, — как бы промежду прочим напомнил Митя.

Действительно, стало как-то заметно попрохладнее, и вокруг нас поползли серебристые волны тумана.

— Пора, — приподнялась бабка, но тут же ойкнула: — Охти ж мне, нога проклятушая, как на сырость-то в колене прострельнуло-о...

— Сей момент, бабуленька, — рванулся с поводка наш герой-спаситель. — Дозвольте только ножки вашей докоснуться, и я её, заразу, в один миг выпрямлю! Забудете, что вообще когда-никогда болела!

Раньше мне не доводилось видеть, с какой скоростью уважаемая глава лукошкинского экспертного отдела лазит по деревьям. Ей позавидовала бы любая кошка, спасающаяся от собак...

— Слезайте, я его держу!

— Не слезу, Никитушка, ох не слезу-у...

— Не бойтесь, Митя больше не будет, — громко пообещал я, отвечивая нашему младшему сотруднику заслуженный подзатыльник. Он у нас без них, как без пряников.

— Ловите, сотруднички! — Бабка разжала пальцы и с высоты трёх-четырёх метров бухнулась в наши подставленные руки. — В смоле изгваздалась, липнуть теперь буду, как банный лист к округлостям впечатляющим.

— Просто не стоит всё так близко принимать к сердцу. Ну подумаешь, Митя предложил помассировать вам больное колено. Что уж тут такого, в конце концов?

— А ты знаешь ли, сокол участковый, скока лет меня мужские руки за коленку не лапали? — с тяжёлым придыханием заявила бабка, краснея, как краснознамённый хор им. Александрова. — А что, ежели не удержуся, а?! Не заводите без дела, сотруднички, мало ли чего...

Я стиснул зубы, чтоб не заржать в голос, Митя понял не сразу, но когда и до него дошло, так сразу включил заднюю передачу и ретировался, подняв руки, на три шага назад.

— Помню, было дело лет эдак десять назад. Напал на меня по ночи за огородами...

— Маньяк?

— Ой, мама, да если бы?! Так, хвастался больше. Еле-еле потом уполз, горемычный. Говорят, откачали его...

Не дожидаясь продолжения скользкой темы, я напомнил Бабе-яге об избушке. Наша бодрая старушка вернулась в реальный мир, сунула два пальца в рот и издала протяжный разбойничий свист.

С ближних сосен и ёлок посыпалась хвоя, кусты пригнулись, туман развеялся так, словно его и не было. А уже через каких-то пять-шесть минут в лесу раздался треск веток, и протискивающаяся бочком-бочком избушка на курьих ножках встала перед нами, как Сивка-Бурка! Нет, лучше как лист перед травой, потому что Сивка-Бурка та ещё капризная скотина. Ну вы помните...

— Избушка-избушка, стань к лесу задом, ко мне передом! — топнув ногой, приказала Яга.

Бревенчатая старушка, бодро сминая мхи и лишайники, остановилась на ать-два, высоко, по-гренадёрски поднимая куриные ноги. Бабка полезла по лесенке к дверям. Стукнулась лбом. Выругалась. Извинилась за несдержанность, пнула дверь ещё раз, убедилась, что заперто изнутри, и обернулась к нам:

— Это чёй-то? Нешто опять дьяк пархатый на чужой печи как у себя дома устроился?

Да кто бы спорил, гражданин Груздев и не на такое способен. Если он от нас сбежал, то кто ж ему запретит влезть через окно в бесхозную избушку и задряхнуть там, как дома...

— Позвольте, поспособствую, — решился Митяй, деликатно снял Ягу с лестницы и, примерясь, шибанул ногой в тот самый момент, когда из-за двери устало спросили:

— Кто там?

Ответ был очень красноречивым. Вопрошающего снесло внутрь вместе с дверью и половиной косяка. Проход был свободен, вся наша опергруппа в едином порыве ломанулась на штурм избушки и успешно овладела зданием. Ну, в том плане, что мы стояли плечом к плечу посреди горницы, сопя через нос, а из-под упавшей двери безнадёжно пытался вылезти наш всеми любимый царь...

— Ёксель, — дружно выдохнули мы, потому что все остальные вопли души были исключительно матерными. И не иначе...

— А он-то что тут делает?

После недолгих выяснений, объяснений, расспросов, слёз и душещипательных деталей откристаллизовалось следующее. Да, напоминаю, это всё со слов самого Гороха! Пока не получим опровержение, других вариантов нет...

Короче, его царское величество, в скорби о пропавшей жене и в мечтах

о мести её похитителю, оделся, как подобает русскому витязю — меч на пояс, копье в руки, шлем на голову, — сел верхом на коня и с крейсерской скоростью отправился в дальний путь. Традиционно, по русским сказкам, не куда надо, а куда глаза глядят!

Ибо никакого вменяемого маршрута у него на тот момент не было. Да и впоследствии тоже. На фига оно ему сдалось, если он странствующий витязь?! Их само Провидение ведёт! Ага...

В общем, как вы уже догадались, особо далеко он не уехал. Так, пять-шесть вёрст от города до ближайшего придорожного кабака. Где был соответствующим образом напоен, обобран, разут, раздет, без коня, без оружия, в одном нательном белье с крестиком на шее отпущен пьяным в дальний путь с молитвою за Христа ради! Живой — и то уже огромное спасибо от лица всего нашего царства-государства...

— Понеже и бит бывал, голод да холод терпел, аки заповедано, со смирением да без богохульств, хоть и подмывало порою, сами понимаете, — на надрыве закончил Горох или, правильнее сказать, то бородатое чучело в драных лохмотьях, в котором мы почему-то уверенно опознали царя.

— По идее мужика следовало бы отмыть, переодеть и проверить документы, — на всякий случай перестраховался я. — А то придёт вот такой к одинокой пенсионерке в дом, жалобных историй понараскажет, потом бабка хлоп себя по карманам, а пенсия-то тю-тю!

— На кол посажу за измену Отечеству, — опустил голову, пообещал надёжа-государь. — Бабуленька, вы его не слушайте, вы добрая, я же знаю. У вас выпить есть?

— Чёй-то и у меня, старой, сомнения всколыхнулись, — подумав, взяла мою сторону Баба-яга. — Наш-то царь и высокий был, и видный, ликом бел да прекрасен, а уж разуму-то какого светлого! Нешто он бы попёрся из себя витязя сказочного строить, чтоб жену любезную в первом же грязном кабаке искать?

— Да ладно вам, достали уже, — пустил большую слезу Горох, лихорадочно ища в наших лицах хоть какое-то сочувствие. — О! Митя. Как тебя там по фамилии? Не важно. Митя, слушай меня, помоги государю — напои, накорми, в баньке выпари, в постелю уложи, а уж утром и...

— Не царь, — чётко добил наш младший сотрудник, засучивая рукава. — Я так кумекаю, что шпион энтю. Далёкой, но недружественной державы, заслан к нам, чтобы саму систему милицейскую разлагать морально. Мы ему — кто таков? А он нам — сначала пои, корми, парь, а уж утром и познакомимся. Так, что ли?!

— Да и пёс с вами! — неожиданно легко согласился государь. — Ну виноват, сглупил. Сам поспешностью своей всё испортил. Думал... ну... Эх, да ничегошеньки я и не думал! Пустите меня, обратно в лес пойду. Не вас своим визитом, так хоть волков порадую...

— Митя, достань его царское величество из-под двери, оно уже поумнело и раскаялось.

— Слушаюсь, Никита Иванович!

— Только руки после него вымой.

— Это уж само собой, разумеется!

— И дверь на место присобачь.

— Уже исполнено!

Баба-яга в полторы минуты развела огонь в печи, согрела воду, порылась по каким-то закуткам и достала достаточно просторную нижнюю рубаху. Женскую, естественно. Откуда в бабкиной избушке взялась бы мужская одежда? За окном уже нежно розовели далёкие верхушки сосен...

Не знаю, во сколько обычно пробуждается Кощей Бессмертный, но мне кажется, что нам бы стоило к этому времени быть подальше от Лысой горы. А учитывая, что мы там ему устроили внутри, то скрываться лучше где-нибудь в Мексике. Так далеко он не пойдёт. Хотя, после того как закончит уборку галереи и отмоет лошадь, то... почему бы и нет?..

Пока стыдливая Яга с абсолютно бесстыдным Митькой приводили государя в какой-никакой благопристойный вид, я тихо сел у окошечка и попытался прогнать из головы мысли об Олёне.

Не буду врать, что это получилось у меня сразу, но я справился. В первую очередь потому что ей там, на Стеклокляной горе, у страшного похитителя, моё горе никак и ничем не поможет. А вот если мне удастся сконцентрироваться, понять, куда мы влипли и что нам всем с этим делать, то, быть может, появится и логичное разрешение ситуации. Надо просто подумать.

— Пункт первый, — тихо бормотал я себе под нос, стараясь не слушать строенный мат, плеск воды и хлесткие удары помела. — Кому это выгодно? Задавать подобный вопрос маньяку с тысячелетним стажем, который одним махом удовлетворяет и сексуальные и гастрономические потребности, — бессмысленно. Он не ответит, просто потому что не поймёт. Пункт второй: почему именно царица, жена начальника отделения и крестьянская девушка, не имеющая никакого веса в политике? Хм, но зато имеющая просто хороший вес. Тьфу, даже думать об этом жутковато... Пункт третий: что со всем этим делать? Ответ наличествует. На данном этапе, при данных условиях, данных обстоятельствах и возможностях —

ничего. Ровным счётом. И...?

Разумные мысли кончились, оставалась тоска по любимой и чувство безнадёжности. Которое, впрочем, быстро сменилось здоровым мужским раздражением. Как там у Достоевского в школьной программе? «Тварь я дрожащая или право имею?» Право у меня одно — всеми силами поддерживать закон и порядок, а за тварь — отдельно ответишь!

— Упс...

По тому, как резко все замолчали, я запоздало сообразил, что, видимо, последние слова прозвучали вслух. Неудобно, право...

— Ты это, сыскной воевода, не обижайся, если я чего лишнего сболтнул, а?

— Никита Иванович, вы мне только пальцем в обидчика ткните, а уж я его научу башкой булыжники в мостовую заколачивать!

— Цыть, мужское племя! — резко оборвала верноподданнические речи Мити и царя наша эксперт-криминалистка. — Нешто не слышите, как в дверь стучат?!

Мы не слышали, это верно. Но в оправдание скажу, что отреагировали все мгновенно, вооружившись чем попало и встав стеной навстречу нежданному гостю. Особенно грозно выглядел наш самодержец в коротком стареньком сарафане (или нижней рубашке?), с ухватом наперевес.

— Кого нечистая принесла? — осторожно, с опасным распевом спросила Яга, прижимаясь спиной к уцелевшей части дверного косяка.

— Смилуйтесь, окаянные! Это ж я, раб божий Филимонушка-а... — так же песенно донеслось снаружи.

— А чё те надо, гость надоедливый?

— Информацию для вас полезную имею. Вы ж ещё не знаете ли, что Кощей-то помер?

Повисла нехорошая тишина. Даже Баба-яга не сразу нашла нужные слова:

— Дык он же Бессмертный!

— А вот, поди ж, огонь-то таковые мелочи не разбирает...

— В дом его, — тихо приказал я.

Ситуация менялась на корню, даже с учётом того, что дьяк известное трепло и распространитель непроверенных сплетен. Царь приоткрыл дверь, Митя рыбкой метнулся вниз и через полминуты появился на пороге, крепко держа смиренного и даже не лающего на милицейский произвол гражданина Груздева.

— Один?

— Один, более никого не заметил, — чётко доложил наш младший

сотрудник. — А как с задержанным быть? Вы ему самолично палец дверью сломаете или мне какое ни есть экспериментальное членовредительство доверите?

Я поднял руку для подзатыльника.

— Стало быть, сами, — всё же понял он. — Тока разрешите ухи ватой заложить и ведёрко с водой принести, чтоб уж кровь сразу замыть, а то бабуленька ругаться будет...

— Вы чё? — мигом проснулся дьяк. — Я ж сам с повинной пришёл! Я ж, можно сказать, по доброте душевной и желанию сердешному милиции любимой содействие добровольное оказываю, а вы — сразу пытки! Не надо! Ужо небось и так всех сдам...

Ускорим перемотку, убрав лишнюю болтовню и красочную описательность момента. Если по существу, Филимон Митрофанович рассказал следующее. Как вы помните, от нас он успешно сбежал и, после того как мы скрылись в лесу, пошёл в прямо противоположном направлении.

По его словам, он дважды убегал от волков, один раз наступил на ухо спящему медведю («Хоть кто-то за Митеньку отомстил!» — не к месту вставила Яга) и в конце концов вышел на ту же Лысую гору. К его изумлению, главный вход был открыт, там мелькал свет и тянуло дымом.

Любопытство сгубило кошку, и не одну, но не Филимона Митрофановича, которому повезло пройти внутрь через прокопчённый проход и обнаружить у смятой медной решётки обуглившийся скелет в чёрных латах и оплавленной золотой короне на лысом челе!

Деликатно пощекотав труп под мышкой (а не притворяется ли?), наш дьяк добился того, что тело рассыпалось вонючим пеплом и мелкими металлическими детальками. Однако сам череп, без нижней челюсти, вполне себе уцелел, откатившись в сторону. Именно по нему искателем приключений на две тощие ягодичные мышцы и был опознан несчастный Кощей Кирдыкбабаевич Бессмертный...

— Бабуль?

— Сама не ведаю, Никитушка, чему верить, а чему нет. Одно скажу: в лицо дьяк Филька его знал. Не раз встречались, так что...

— Митя?

— Чё сразу я?!

— Не сразу, а по порядку.

— Э-э, тады ладно. Тады моё мнение такое: надоть нам самим туда сбегать да и посмотреть. Ежели и впрямь Кощей дуба дал, так на его могилке и спляшем!

— А если нет?

Митяй философски пожал плечами.

— Что ж моего царского слова не спросишь, участковый?

Тут мне даже отвечать не пришлось, поскольку дьяк наконец-то каким-то чудом осознал, что перед ним стоит царь в нижней рубашке, и добрых две-три минуты ржал, как степной жеребец, невзирая на уговоры, тычки и даже побои. Думаю, это у него уже просто нервное — в обычной жизни большего государева подхалима и днём с огнём не сыщешь...

Когда все чуточку успокоились, я предложил признать речь нашего младшего сотрудника планом действия. Согласились все, даже Баба-яга, хотя и после непродолжительного ворчания.

— Тут ить, сокол ясный, что получается. Ежели я колдану проверки ради, а Кощеюшка жив-здоров, дык он в единый миг нашу избушку выследит. А ежели без проверки на Лысую гору попрёмся, так и тут без гарантии, что нас там со сковородой не ждут!

— И что же делать?

— Куды ни кинь — всё клин! Тогда уж пошли, сотруднички, поглядим, может, я чего полезного у черепа выпрошу...

— А-а! От ить ещё чё сказать-то забыл, — хлопнул себя по лбу гражданин Груздев, всё ещё зажимающий рот при взгляде на Гороха. — Там перед самым входом-то полно деревьев поваленных и борозды в песке страшные! Ровно зверь какой землю когтями рыл...

Вот тут мы с бабкой тревожно переглянулись.

Пару минут спустя избушка быстро несла нас к Кощееву жилищу, ловко пробираясь под вековыми соснами и лавируя на узких лесных тропинках с серьёзным креном на оба борта. Не знаю, чем уж наша скромная старушка добилась таких олимпийских результатов (наверное, пригрозила сделать из неё суп с щепками и лапшой), но неслась избушка, словно перепуганная курица!

До Лысой горы мы долетели быстрее, чем Митя успел толком почесаться. После недолгих споров дьяк был оставлен на печке «до выяснения», царь с тем же ухватом назначен в конвойные, а мы опергруппой направились на расследование.

— Честно говоря, было бы легче, если бы гражданин Груздев нам соврал, — пробормотал я, опускаясь на одно колено. В свете разливающегося утра на холодном песке были чётко видны четыре глубоких борозды, пропаханные когтями огромного зверя. Или доисторического динозавра, или...

— Ой, а я вот чего нашёл. — Митя протянул мне чёрную костяную

пластину.

Не узнать чешуйку Змея Горыныча было невозможно. Я сам не так давно держал в руках точно такую же.

— Не чую колдовства обманного, — задумчиво поведя носом, оповестила бабка. — Настоящим огнём изнутри горы тянет, и земля взрытая, и слуг Кощеевых не видно ни одного. Кабы и впрямь не наш перепел крылатый тут от всей души расплевался...

— Дык чё плохого-то? — не сразу въехал мой напарник. — Рази ж нам какое горе, ежели наш наиглавнейший враг спалился? Коли один гад другого угробил, милиции работы меньше!

Если бы всё было так просто...

Я молча поскрёб подбородок. Вообще-то, с одной стороны, наш туговатый мыслитель был прав. Да поцелуй меня маньяк в уголовный кодекс, на все сто — прав! Нет Кощея, нет проблемы. Он же за всю мою службу, с первого же дня, у меня столько крови выпил, сколько на целый взвод лейтенантов хватит! И всё-таки, всё-таки, всё-таки...

— Покуда труп Кощеюшки своими глазами не увижу, нипочём не поверю, — чётко заявила глава нашего экспертного отдела, вернув нас из мира сладких грёз на холодный песок Лысой горы. — Митенька, ты б поленце али брёвнышко какое потяжелей подобрал, мало ли...

— Будет исполнено, Бабуленька-ягуленька!

— А ты, Никитушка, чего землю роешь?

— Ищу следы оплавления песка.

— Плюнь, — уверенно попросила Яга. — Плюнул? Вот и молодец. У нас с тобой задача иная. Ежели труп есть, тады и вопросов нет. А ежели труп не обнаружим, тады... молись, участковый!

— Слова подскажете? — учтиво согнув руку кренделем, улыбнулся я.

Моя домохозяйка, привычно кокетничая, подала мне ручку, и мы чинно-благородно шагнули в обугленный проход. Митяй, грозно помахивающий свежееобломанным сосновым суком, двигался на шаг позади, подозрительно зыркая добрыми голубыми глазами по сторонам...

Страх не было, скорее какая-то нервно-весёлая эйфория, наполняющая вены неудержимым адреналином, прыгающим вверх не хуже легендарных мишек Гамми. То, что мы увидели на входе, подтвердило самые худшие опасения...

— Всё спалено, ровно струёй огненной плюнули, — сдвинув брови, пробормотала Баба-яга, смахивая незаметную слезинку. — А ить я к злодею нашему какую-никакую, но жалость имела. Хоть он меня отродясь и на миг бы не пожалел, изменщик коварный!

— Вы о чём?

— Да так, о своём, девичьем, Никитушка, — даже не глядя в мою сторону, протянула моя домохозяйка. — Ты тока глянь, что с воротами медными приключило...

Ну, тут любые слова были бы лишними. От некогда живых, шипастых и зубастых ворот, бросающихся с оскаленными зубами на каждого нежданного гостя, остались лишь оплавленные прутья, замершие в изуродованном декадансе. Не уверен, что правильно использую это слово, но кто меня тут поправит...

— Дальше пойдём?

— А то! Дьяк-то брехал, будто скелет Кощеев сразу за воротами видел.

— И я вижу, — радостно откликнулся Митя. В тот же момент между мной и Ягой вытянулась сосновая дубина, указующая направление. — Вона череп в короне золотой валяется!

Мы повернули головы в нужную сторону. Действительно, не так далеко, фактически у самого порога, чернела высокая горка пепла с торчащими во все стороны погнутыми железными пластинами.

Доспехи, как я понимаю. В углу, на боку, сиротливо лежал голый череп. Его лоб схватывала скособооченная полоска золота. Кощей, мать его за ногу и об стенку...

Простите. О мёртвых либо хорошо, либо никак. Хотя что можно хорошего сказать о Кощее?! Вопрос риторический...

— Мить, принеси череп сюда.

— Да ни в жисть! Никита Иванович, вы же знаете, как я мертвяков боюсь...

— А ты его ногой или дубиной прикати.

Наш младший сотрудник тяжело вздохнул, собрался с духом и отправился исполнять.

— Ты зачем мальчонку-то отослал? — тихо спросила Яга.

— Хочу прямо спросить: вы уверены, что это Кощей?

— Сама не знаю, чему и верить... А тока думаю, что Змей как-то прознал про наш вневедомственный (ох и мудрёное словечко-то!) договор и первым удар огненный нанёс! Кощеюшка, поди, вышел посмотреть, кто у его дверей безобразничает, да и...

— Понятно. А нам теперь что делать?

— Энто в каком смысле «что делать»?!

— Не в смысле «снимать штаны и бегать», — на тон повысил голос я. — Вы же не хуже меня оцениваете наши шансы по отношению к тому, кто на раз-два уничтожил Кощея Бессмертного!

— Уймись уже, Никитка! Я сама в сомнениях...

— А вот и череп, как просили, — появился расхрабренный Митяй, пинающий пустую черепушку, словно футбольный мяч. — Натё, экспертизируйте, не жалко. Но ежели по мне, так в профиль как есть вылитый Кощей!

Что бы он там ни нёс насчёт своего значимого мнения, но серьёзно проверку мы произвести не успели, поскольку пол задрожал, стены начали трястись, и тот факт, что в последний момент мы все трое умудрились вырваться наружу, можно объяснить лишь чудом. Ну или тем, что кто-то на небесах всё-таки по-своему любит милицию...

— Все живы? — запоздало спросил я, пересчитывая членов опергруппы по головам.

Раз, два, и обчёлся. Хорошо. Значит, считая меня, все тут. От высокого входа в Кощеев дворец осталась гора почерневшего песка, пыль до небес, запах пороховой гари и... ну и больше ничего, наверное.

К избушке на курьих ножках шли молча. Думаю, каждый задавал себе всего один-единственный вопрос: как можно победить того, кто победил Кощея, к тому же Бессмертного? Вопрос не новый, согласен, лично я его вроде бы с десятков раз уже задавал, но ответа-то всё равно не было...

— Мить!

— Я... тьфу, песку наелся...

— Тогда прожуй, а потом бери нашу почётную сотрудницу и веди в избушку.

— А вы, Никита Иванович?

— Я кое-что для себя проверю и догоню.

Баба-яга ворчала что-то по поводу того, что уж искать тут более точно нечего, и без экспертизы всё ясно, а дворец Кощеев после смерти его сам собою схлопнулся, так про то во всех сказках наиподробнее сказано, и нечего тут ещё чего-то вынюхивать...

На самом деле я ей верил. Если внутри и были какие-то не замеченные нами улики, то теперь они погребены под землёй. И это так удобно во всех отношениях, как говорится — нет тела, нет дела!

— Почему же всё так расчудесно складывается? — сам с собой разговаривал я, идя за Митей и Ягой на расстоянии десяти шагов. — Змей Горыныч впервые прилетел в Лукошкино и с первого захода украл баню вместе с царицей, Олёной и Маняшей. Если бы он хотел, как тут все уверяют, своровать себе новую невесту, то почему не выбрал любую красавицу на улице? У нас в Лукошкине такие крали через одну попадают! Как он вообще мог знать, что в бане есть кто-то женского

пола?!

Бабка развернулась и притормозила. А говорила, плохо слышит...

— В результате город остался без царицы и без царя, милицейскую сотню отправили куда подальше, нашу опергруппу пытались запереть в тюрьме, а вся власть перешла в руки боярской думы. После нашего бегства и временного союза с Кощеем Бессмертным тот просто погибает в огне! Припомним, что внутри, под падающей крышей, нас не оказалось просто чудом...

Митя тоже наострил уши, поэтому последний мучивший меня вопрос я произнёс уже громко, для всех:

— Кому это было выгодно? Кто остался в финансовом или политическом выигрыше от всех этих событий? Кто сумел провести такую сложную многоходовую операцию, разом избавившись и от свидетелей, и от жертв, и от всех возможных противников?

— Понимаю тебя, соколик, — поджав губки, развела руками Баба-яга. — А тока ответить тебе нечего. Нет у нас в Лукошкине таких хитромудрых злодеев. Бояре тока задним умом крепки, а все прочие Кощеюшке покойному и в подмётки не годятся. Кабы не нового преступного гения нам искать пришлось...

— Чё тут думать-то? — резонно влез Митя. — Раз во всём Змей летучий виноват, стало быть, его, поганого, и привлечём к ответу! Всё одно больше пока некого...

Я промолчал. Оба мнения были правильными, но ни одно меня не устраивало.

Это плохо. Это значит, что я не вижу очевидного, чего-то настолько простого, что и прятать не надо, само бросается в глаза. А мой взгляд сейчас затуманен мыслями о спасении Олёны...

Мы не спеша дотопали до избушки на курьих ножках. Слава богу, хоть она стояла на месте, после взрыва не испугалась и не убежала, а из распахнутого оконца доносился нестройный дуэт дьяка и царя:

И ехал из ярмар-ки-и ухарь-купец!

Ухарь-купец, у-у-далой мл-дец!

— Настоялку за печкой нашли, — философски присвистнула бабка. — Там крепости вдвое супротив государственной, на меду с хреновым листом настаивала. Ну и пчелиного яду туда же, от радикулиту шибко помогает...

— У вас любое лекарство обязательно на спирту?

— Я ж для личного пользования, Никитушка, не алкоголизму ради, — лениво повинилась Яга, но факт оказался фактом: двое мужчин нашли чем себя занять. В хорошем смысле. То есть не в худшем.

— Никита Иванович, а они ещё и заперлись изнутри, — удивлённо обернулся ко мне наш младший сотрудник, подёргав дверь. — Опять ломать прикажете?

— Я те поломаю, ломаная уже, — беззлобно рывкнула наша домохозяйка. — Единую минуточку погодите. Раз уж пить начали, сейчас и захрапят оба. Потом меня в оконце пустите, я стройная, пролезу. Небось не впервой...

Предложение было принято большинством голосов, хотя Митя, как вы понимаете, отстаивал свою позицию: «Щас сломать всегда проще, а уж потом починить, ежели на то свободное время будет». Но наша домохозяйка оказалась права: буквально через пару минут голос Гороха перешёл в громкие посапывания, видимо, и дьяк рухнул следом, так и не допев куплет до конца:

Девкин отец это дело сме-экнул,
Он ста-арую чертовку-у ногою оттолкнул!!!

Всё, готовы оба. А это значит, что дальнейший путь к Стеклойной горе нам придётся вести уже впятером. Ни государя, ни гражданина Груздева в лесу не выкинешь, не высадишь, не оставишь, вот и получается, что всё у нас опять наперекосяк. Слов нет, даже матерных...

Как мы запихивали бабку в окошко, вообще отдельная песня. Ну то есть необходимо было как-то закинуть её на высоту двух — двух с половиной метров. Сначала Митя так и предложил:

— Садитесь, Бабуленька-ягуленька мне на ладонь широкую, колечком сворачивайтесь, ножки поджимайте, голову меж коленей прячьте, дык я вами прямо в оконце и запую! Небось не промахнусь с пяти шагов без разбегу...

Яга прикинула, что с ней будет, если этот дискобол подберёзовского разлива всё-таки промахнётся, и отказалась напрочь! Типа не к лицу в её возрасте внешнюю стену избушки неясным отпечатком портить. Обиженный таким недоверием Митя тут же насобирал пять шишек и на спор кинул их в окно. Три раза попал, но главу экспертного отдела это всё равно почему-то не убедило.

— Хорошо, давайте он вас просто поднимет, и вы заберётесь

внутри, — предложил я более щадящий вариант.

Наш младший сотрудник встал спиной к избушке, сложил ладони лодочкой на уровне... мм... ниже пояса и кивнул Бабе-яге. Та довольно бодро полезла на Митьку, а потом вдруг резко прыгнула вниз.

— Не могу, Никитушка, — краснея, шепнула она. — А вдруг он, охальник, мне под юбку заглянет?

— Да с чего вдруг?! Фу-фу-фу...

— Да уж с того, знаю я вас, мужиков! Хучь из чистого любопытства одним глазком да подсмотрит...

— Митя, закрой глаза, — приказал я.

— И повернись к нам задом, к избушке передом, — добавила наша стыдливая эксперт-криминалистка. — Вот теперича полезу!

Митька отключил задницу, послушно упёрся лбом в бревно и не возражал, пока бабка карабкалась по нему, цепляясь когтями, как кошка на дерево. Она успешно добралась до подоконника, подтянулась, до половины даже влезла и...

— Ой! Батюшки-светы, кажись, застряла-а! Ой, помогите, сотруднички-и!

Мы молча отошли в сторонку, любуясь застрявшей в окне бабкой. Яга смешно дёргала ногами во все стороны, яростно вертела всем, чем могла вертеть, и всё равно не могла продвинуться ни вперёд, ни назад.

— Никитушка-а... Митенька-а... спасите бабушку, не доводите до греха, ироды! Я ить потом чисто по-женски мстить буду!

Это, кстати, факт. Хозяйка у нас злопамятная и долгих планов мести не вынашивает, карает прямо в день обиды!

— Никитка! Митька! Вы жить хотите али нет?

Хотим, переглянувшись, решили мы.

— Разрешите пострадать? — спросил у меня мой простодушный напарник, перекрестился, взял разбег и, высоко подпрыгнув, хлопнул бабку по тощему задку! Баба-яга, словно баскетбольный мяч в корзину, пропихнулась в узкое оконце, оставив на левой створке рамы оконного проёма свою юбку. Видимо, за какой-то сучок зацепилась.

Минутой позже из оконца выглянула наша смущённая старушка:

— Ничё, навродь на мягкое приземлилась. Вот разбужу гостей, одёжу заберу и...

Сдвоенный мужской вопль из избушки заставил нас присесть. Дверь распахнулась, и с крылечка кубарем покатались царь с дьяком. Похоже, вид Бабы-яги неглиже вызвал у обоих панический страх и разом вверг в шоковое состояние. Но уж по крайней мере, протрезвели оба!

— Заходи, участковый. — В дверном проёме показалась чуть смущённая бабуля в той же многострадальной юбке. — И Митеньку бери, пущай не пугается, я уже душу-то отвела. Давненько от меня мужики с такой прытью дёру не давали. Впечатлительные-э...

Мы улыбнулись. Царь с дьяком глядели нам вслед круглыми глазами, что-то бессвязно мыча, но в дом идти не захотели. Надо будет их потом на щиприманить. Проголодаются и сами прибегут.

Некоторое время пришлось потратить на уборку внутри, расстановку табуреток, вынос пустых бутылок (вообще-то одной, но даже запаха из горлышка лично мне хватило, чтоб голова закружилась) и всё прочее по мелочи.

Митяй послушно сгонял в лес за дровами и набрал ведро воды из ручейка. Баба-яга растопила печь, поставив вариться кашу, а мне вдруг пришла в голову мысль. Не самая глупая, кстати...

— Бабуль, скажите, а нельзя как-нибудь связаться с похищенными? Ну, я имею в виду установление звуковой или визуальной связи посредством вашего чародейства.

— Дык почему ж нет? — Бабка почесала бородавку на подбородке, что-то прикидывая в уме. — Вот ежели б вещичку какую ни на есть твоей Олёнки али царицы Лидии, да хоть бы и Маняшки, кузнецовой дочери, на руках иметь. Тады можно было бы.

— У меня с собой нет, — искренне огорчился я. — У Гороха что было, так наверняка отобрали. А если в Лукошкино повернуть?

— Смыслу нет. Только время потеряем, да и с боярами бодаться радости мало, своих дел полно. Митенька, соль подай!

— Чё? Я? Не, у меня нет. — Резко дёрнувшись, он обеими руками закрыл карман старенького кафтана. — Откуль у меня-то?! Я ж с ней ещё и не... вообще не женат, не венчан, не сосватан!

— В обратном порядке, — поправил я. — Что у тебя там?

— Где?

— В кармане, балабол, — грозно пристукнула ухватом наша тихая домохозяйка. — Вынимай что ни есть на стол, а не то вдоль спины ухватом тресну! У меня сегодня нервный день, так что не застрянет...

Он скорбно вздохнул, в глазах блеснули слёзы жадности, и на столешницу лёг замызганный петушок на палочке. Самое дешёвое детское лакомство из жжёного сахара. Гребешок был изрядно обсосан, к хвосту прилипли хлебные крошки... И как такие вещи можно было таскать в кармане — ума не приложу. Растает же и...

— Вот. Маняшка свой не догрызла, мне отдала, когда в баню

собиралась. А я и не успел...

Баба-яга ласково потрепала Митю по щеке, обещая всенепременно вернуть ему конфетку, как только закончит с заклинанием. Парень чуток подуспокоился.

Избушка широким мерным шагом выбралась из леса, взяв известный ей курс. Царь Горох и дьяк Груздев трусили следом, но внутрь не просились. Видимо, всё-таки наша домохозяйка умеет, когда надо, произвести неизгладимое впечатление.

Мне и Мите было предложено по миске горячей каши. Есть на ходу оказалось несложно, к тряскому бегу куриных ног вполне себе можно было подстроиться, главное, дуть хорошенько и не спешить, как на детских соревнованиях, кто быстрее съест.

Сама же Яга, крепко держа сладкого петушка на палочке, начала быстрым речитативом нашёптывать новое заклинание:

— Леденцовый петушок, лизанный гребешок, грызена головушка, кусана бородушка. На семи ветрах, у семи дорог, за синим морем твой куриный бог. Его волей, его указом, его словом и приказом обернись — замри, отомри — говори! А иначе не взыщи, попадёшь как кур в ощи́п...

Должен признать, что сразу леденец на палочке не сдался. Бабке пришлось его добрых минут пять уламывать, а может, и дольше, по крайней мере, мы с Митькой уже доели кашу и, скучая, постукивали деревянными ложками. Наконец, под рифмованной россыпью уговоров и угроз, петушок сдался, размяк, склонил голову набок и хитро подмигнул коричневым глазом:

— Что угодно, барыня-сударыня?

— Про хозяйку твою бывшую спросить хочу, — столь же вежливо кивнула Баба-яга. — Где она сейчас, ведаешь ли?

— Отчего ж не ведать. Да тока говорить с ней не хочу, она меня чуть не съела.

— Ты уж добрых людей не смеси, конфеты леденцовые, поди, для того и созданы, чтоб их ели. Так где, говоришь, хозяйка твоя прежняя?

— Чтоб ей пусто было, — с чувством ответил упёртый петух. — Вона, хороший человек сидит, меня у ней отобрал, к себе в карман сунул да и забыл. Спас, стало быть...

— Я те башку сахарную об стол разобью, — начала терять терпение бабка. — Где Маняша, говори!

— А вот не скажу! Ишь, тоже мне барыня-сударыня выискалась... Я, может...

— Митя, — обернулась наша грозная домохозяйка, — велю открыть

рот и сосать петуха до полного изничтожения!

Петушок мигом припух, нахохлившись и вжимая голову в плечи. Наш герой безропотно раззявил пасть и сделал страшные глаза. Попытался лизнуть и взвыл...

— А-а, бабуль, он меня в язык клюнул!

Видимо, леденец попался не из пугливых. Яга скрипнула зубом и обернулась ко мне.

— Нет, — сразу замахал руками я. — Во-первых, сладкое портит фигуру, а во-вторых, пытки свидетелей у нас в отделении категорически запрещены!

— Никитка! — истерично взвизгнула наша эксперт-криминалистка. — Не заводи меня, лизни птицу в хвост, раз спереду она клюётся! А не то мы сей же час с осколками этого свидетеля чай вприкуску пить будем!

— Дозвольте я за Никиту Ивановича ещё раз лизну, — подал голос Митя. — А ну, подь сюды, сволочь леденцовая...

Он так страшно клацнул зубами, что петух уже практически попрощался с хвостом, как вдруг распахнул клювик и заговорил прекрасно знакомым нам девичьим голосом:

— Ой-й! И чё нам делать, он всех нас съест! Ой-ёй, ну не сразу, а по одной, конечно, и меня, младшую, напоследок! Ой-ой-ой, а чё я тады реву-то, как корова?! А-а, вспомнила. Дык вас жа-ле-ю-чи-и, подружки дорогие-э-э!

— Душевно завывает, по-деревенски, — сентиментально улыбнулся мой непробиваемый напарник. — Как на похоронах, аж за сердце берёт...

— А чё сразу заткнись? Чё я затыкаться-то буду? Чай, не царица какая приказывает... Ну а даже и царица, допустим, и чё?!

— Девушка на нервах, возможно, ПМС, потому и нарывается, — значимо предположил я. — В обычное время Маняша вполне себе воспитанная девица. И неконфликтная, и неборзеющая.

Что и кто ей отвечал, мы не слышали, но, судя по тому, что дочь кузнеца без коровы быстренько сменила тон, Олёна и Лидия Адольфина быстро навели порядок, погасив бунт демократических ценностей ещё в зародыше.

— Дык я чё, против, чё ли?! Я ж за государыню нашу и за супругу сысканого воеводы любому глаза выцарапаю! Будь даже он из себя и такой красавчик...

И вот тут мы все услышали отголосок дружного девичьего вздоха. Петушок икнул, поперхнулся и без предупреждения отключил аудиосвязь, вновь превратившись в простой замурзанный леденец.

— Издох, — резюмировала Яга. — В сахаре большой силы нет, ить он же продукт производный, сам по себе в живой природе не растёт, потому и жизни долгой не имеет. На, Митенька, грызи смело!

Наш младший сотрудник, счастливый, что петушок ему всё-таки вернули, с видимым наслаждением лизнул его пару раз и так же запасливо убрал в кафтан. Бог ему судья, лично мне бы и в голову не пришло таскать всякие липкие сладости в кармане мундира. Брр...

— Ну, что я могу сказать, сотруднички дорогие... — Глава нашего экспертного отдела, сложив руки на груди (или что она этим словом называет), подняла на нас победный взгляд и подмигнула. — Все девки живы! Энто на сей момент главное. Ну и конечно, нам бы поторапливаться стоило, ибо сердце женское не камень, а Змей, судя по всему, не такой уж и проклятуций. Кабы до нашего приезда у царя Гороха ветвистые рога не выросли. Да, да, Никитушка, про твою Олёну вообще молчу...

— В смысле? — напрягся я.

— Дык она уж, как ни верти, а из всех трёх самая красивошная будет, — виновато развела руками бабка. — Так что если о мужском взгляде речь вести, то и получается, жена твоя для похитителя — всех прочих желаннее будет!

Мать моя прокуратура, весь следственный отдел внутренних органов...

Я поймал себя на жгучем желании задушить Бабу-ягу только за то, что она абсолютно права. Наша всеми любимая царица всё-таки обладала внешностью и характером на любителя. Маняша — дочь кузнеца, девушка свежая, яркая, но с явно выраженной крестьянской фигурой. То есть всё есть, всё крепкое, сбитое, надёжное, приспособленное рожать в поле, не отрываясь от жатвы.

Если сравнивать царицу с моей Олёной, то это как лошадь с ланью. А если Маняшу, то, может быть, как лебедь с домашней гусыней. Ничего личного, без обид?

Как ни верти, а получается, что Яга всё верно сказала. С её-то жизненным опытом не знать, какая особа понравится мужчине больше — царственная, деревенская или неприступная? Ответ на поверхности. И как же он меня не радует...

Думаю, все эти мысли слишком явно отразились на моём лице. По крайней мере, Митя тут же пожал мне руку, преданно заглядывая в глаза, как будто прощаясь перед штурмом рейхстага. Моя домохозяйка тоже поняла, что сболтнула лишнее и, какие бы у неё ни были отношения с Олёной, всё-таки стоит учитывать и моё какое-никакое мнение законного

мужа...

— Что делать-то будем, соколик?

— Атаковать.

— Втроём? На избушке, без пушки?

— Впятером, — напомнил я. — Кроме нас троих есть ещё царь с дьяком. Так что вполне тянем на партизанский отряд...

— ...с предателем, — значимо напомнила моя домохозяйка. И кто бы с ней, по сути, не согласился.

Гражданин Груздев Филимон Митрофанович, повсеместно известный своей непримиримой борьбой с милицейскими органами, гордо реюший буревестник в скуфейке, нетрезвый геморрой во плоти, Че Гевара лукошкинского разлива, был настолько ярким персонажем, что ни на день, ни на час не оставлял своим вниманием наше тихое отделение.

Более того, иногда мне казалось, что такого преданного фаната надо ещё поискать, а этот всегда рядом, под рукой и готов на всё! То есть абсолютно на всё, как на хорошее, так и на плохое.

На второе чаще. Но тут уж ничего не поделаешь, это дьяк! Его надо знать и принимать без иллюзий таким, каков есть. Мы к нему привыкли. Он к нам тоже. И вы привыкнете...

— Едем на Стекланную гору, — твёрдо определил я, хлопнув ладонью по столу. — Там, на месте, будем действовать по обстановке. Не знаю, как поступили бы в похожей ситуации ваши богатыри, но лукошкинская милиция похищение граждан не прощает, и ответить этому залётному Змею Горынычу придётся по всей строгости закона!

— Вплоть до расстрела, — весомо добавил Митя, поскольку до сих пор считал бабкиного кота заслуживающим именно этого наказания, и не иначе.

У Мити с Васькой в последнее время вообще ведётся тайная война вспышками, то затухая, то вступая в активную фазу. Это, наверное, даже полезно, поскольку всех бодрит...

— А с этими двумя клоунами что делать будем? — Моя домохозяйка скептически указала взглядом на пыхтящих за окном царя и дьяка.

От былого чинопочитания, а также уважения государственной власти «помазанника божьего» давно не осталось и следа. Если Яга хоть как-то и побаивалась царя, то скорее по укоренившейся привычке и разово.

— Ну, что могу сказать, — на секунду призадумался я, — по крайней мере, они оба в хорошей спортивной форме, уже скоро час, как за нами трусцой бегут. Да и Горох, как ни верти, мужик неплохой, к тому же лицо заинтересованное — жена у него там. Придётся взять.

— А Филимоном Митрофановичем волков со следу собьём, — радостно предложил Митяй, но под моим взглядом притих. — Дык я так, приятное всем хотел сделать. Можно подумать, его хоть кто-нибудь любит...

— Скандалист, прощельга, провокатор, мелкий вымогатель, подлец, предатель, кулацкий подпевала — это ещё не преступление, — не очень уверенно решил я. — Оставим одного в лесу — пропадёт человек. Так что увы, но без вариантов, будем брать на борт обоих.

Баба-яга цыкнула на избушку, та сбросила скорость. Мы спустили вниз лестницу, и двое взмыленных марафонцев кое-как на четвереньках вползли внутрь помещения.

— Водички бы... — сиплым шёпотом взмолились оба.

— Пить вам сразу нельзя. Просто умойтесь и прополощите горло. Гражданин Груздев поступает в распоряжение хозяйки избы — мыть посуду, мести полы, отгонять мух, стирать тряпки и всё прочее. Царь Горох...

— Ну...?! — набычился государь в женском сарафанчике.

— Вы приглашаетесь на военный совет, — кивнул я. — Избушка идёт на Стекланную гору. А там живёт тот самый похититель наших жён. И кое-чьих невест...

— Ещё не факт, — поспешно напомнил наш младший сотрудник. — Энто она сама так решила, а меня, сироту, никто и не спросил ни разу...

Баба-яга отвернулась к печке, дьяк сделал вид, что его тошнит, царь — что у него болят виски, я просто стиснул зубы и кулаки, поскольку Митино нытьё по этому поводу всех уже преизрядно достало. Не знаю, как ему в сотый раз объяснить очевидное?

Это Спарта! Тьфу, это Лукошкино! Здесь если потрогал, то женись! Иначе неприятные последствия не заставят себя ждать...

Пока мы с Горохом от нечего делать обсуждали возможности штурма ни разу не виденной нами крепости Змея Горыныча (я, конечно, попытался по памяти изобразить тот рисунок Стекланной горы, что Орёл ногтем начертил на блюде, но не уверен, что всё запомнил детально. Да и старший зять Яги тоже, честно скажем, не профессиональный картограф, а блюдо мне не отдали...), меж тем бабка успешно припрягла к домашней работе всех не занятых в военном совете лиц.

По-моему, её скромное жилище и с прошлой груздевской уборки еще блестело, а уж в этот раз наводился просто полный лоск! Тем более что Митя как «старослужащий» быстро взял в оборот запуганного дьяка, беззастенчиво спихивая на него всю грязную работу. Да и чистую, по

совести говоря, тоже. Так сказать, тренировал командирский голос:

— А вот тут недоскребли, Филимон Митрофанович! А тут недочистили! А энто что за пятнышко в углу за печью, на половице?!

— Да то сучок от дерева, ирод...

— Ничего не знаю, чтоб отмыто было!!!

Я же набирался военного опыта от царя Гороха. В конце концов, хотя бы в военном деле он должен был получить серьёзное образование и практические навыки?! Самодержец всё-таки...

— Что скажу тебе, Никита Иванович, друг сердешный. Выпить есть?

— Нет.

— Точно нет? Ой, не лги царю...

— Точно нет. А если и есть, то Баба-яга по-любому не даст. Вы у неё и так без разрешения пригубили...

— На сухую штурм городов вражьих обсуждать не принято. Не комильфо, говоря по-французски...

— Уж вы постарайтесь.

— Ладно, рискну. — Горох откинулся на лавке, прижавшись спиной к бревенчатой стене избушки. — Что я тебе сказать могу, сыскной воевода... Коли слухам верить, то на Стекланную гору въезда нет. Всяк, кто на неё ступал, в тот же миг вниз соскальзывал. Тока залететь и можно...

— Ну, без ступы залететь у нас даже Яга не может, возраст не тот. Однако какой-то способ подняться на гору должен быть, иначе смысл нам туда ехать?

— А царицу-матушку из плена вражьего спасти — это тебе не смысл?!

— Давайте без высоких слов. Подобные акции всё-таки не входят в сферу профессиональных обязанностей простой милиции. Брали бы войско, и вперёд!

Минут пять мы шумно препирались по уже истоптанной теме — милицейское это дело или нет. Сошлись на том, что если не милицейское, дык чего же я самолично за своей Олёнушкой попёрся, а не стал мобилизации всех государственных войск дожидаться?

— Итак, чтоб я ждал, пока всё войско с лошадьми, палатками, обозом, провиантом и полевой кухней выдвинулось бы в поход? Да мы только к зиме бы на место и прибыли — вокруг Стекланной горы новогодние хороводы водить!

— Так чего ты от меня-то хочешь?

— Тактики и стратегии!

— Этим воеводы да бояре опытные занимаются, а я царь! Подумать надо, умных людей спросить, грамоты разослать во все концы...

— Отлично! — всерьёз разгорячился я. — Может, ещё написать ноту протеста в какую-нибудь беззубую ООН? А пока они собираются с резолюциями, попытаться взять неприступную вершину силами одной опергруппы, одного царя и одного дьяка?!

— Способ есть, — туманно, с намёком откликнулся государь, поправляя лямки сарафанчика (или ночнушки?) на широких плечах. — Где силой не возьмём, там хитростью пробьёмся.

— То есть вы от большой хитрости витязем нарядились?

— Энто от пыла душевного... Верить надо в себя и в Провидение! Вера, она, брат участковый, горы сворачивает. Нешто вас в школе милицейской таким вещам не учили?

— Нас учили вызывать специалистов. Есть же логичное разделение труда: кто занимается уголовными делами, а кто чисто физическим освобождением заложников и всеми прочими акциями, где требуется стрельба, взрывы, слезоточивый газ, штурм и минимум жертв.

— То есть на стену не полезешь? — вопросительно выгнул соболиную бровь царь-батюшка.

— Полезу. Но обучен этому не был. Вы хоть как-то учитывайте специализацию — расследование уголовных дел и штурм укреплённых зданий.

— Трус...

— А в ухо?

— Царю?!

Вот, собственно, и весь конструктивный разговор. Дальше как хотите. Я действительно не представляю, что мы будем делать, прибыв на место, и самое главное, что будет делать тот самый Змей Горыныч, видя нас на пороге своего жилища. Лично я бы просто прыснул дустом...

Хотя, с другой стороны, все выпустили пар, и за разговорами время прошло незаметно. Яга пригласила всех на ужин, а уже к закату впереди замаячила розовая вершина, блистающая гранями. Верх скрывался в тумане и облаках, но всё равно очертания высокого готического замка угадывались в дымке перистых облаков. Значит, Змей всё-таки был европейским...

— Не русский терем и не арабская архитектура, — небрежным тоном опытного искусствоведа пояснил я. — А вот, судя по острым крышам башен и специфическому разрезу зубцов стен, мы имеем дело с западногерманской готикой. Сказки братьев Гримм?

Мне никто не ответил. И не потому, что замерли, раскрыв рты в изумлении от научности моей речи, — меня вообще никто не слушал. Все

были слишком заняты.

Дьяк бился лбом об пол в углу, бормоча что-то вроде «спаси и сохрани, Царица Небесная, раба своего верного Филимонушку от зубьев Змея лютого проклятущего да от статей уголовных Никитки-участкового безбожного...».

Царь Горох пыхтел в другом углу, старательно пытаюсь привязать к рогам ухвата два стареньких кухонных ножа. Видимо, всерьёз намеревался идти на Горыныча, как на медведя, с вилами наперевес.

Баба-яга погрузилась в мечтательное состояние древнерусской медитации, то есть, закрыв глаза, приплясывала в одном ей слышимом ритме, кружась по избе, время от времени делая маленькие глоточки из зелёного пузырька.

Нет, слава богу, не алкоголь. Судя по яркому запаху, тройной настой валерьянки. В последнее время, если вы заметили, у бабули серьёзные проблемы с нервами...

И только верный напарник поднял на меня собачий взгляд:

— А саму сказку этих ваших братцев Гриммов расскажете?

— Потом, — по зрелом размышлении пообещал я. — Да, честно говоря, какие уж там сказки. Подозреваю, что уж они-то точно всё у ваших деревенских спёрли. Фольклористы же...

— Мать их за ногу, — поддержал Митя. — Хуже Шекспиру!

Тоже не поспоришь. И не потому, что повода нет, а просто бессмысленно.

Иногда мне кажется, что великий английский драматург стал для нашего младшего сотрудника вторым заклятым врагом после тётки Матрёны. По крайней мере, я не мог вспомнить ни одной пьесы Шекспира, которую бы он, по уверению нашего правдолюбца из Подберёзовки, не украл у местных жителей четырёх близлежащих сёл! Спойл всех чохом британским виски, разговорил, записал, издал за рубежом, да и живёт себе на чужом горбу без малейшей совести...

Мои размышления прервала Баба-яга, как-то по-особенному топнувшая костяной ногой. Избушка остановилась, словно по приказу прапорщика, на ать-два, стой, грудь колесом, пятки вместе, носки врозь! Глава нашего экспертного отдела чуть сощурила левый глаз и незаметно кивнула в сторону двери. Понятно, хочет поговорить без лишних ушей.

— Митя, остаёшься за старшего. Мы с бабушкой Ягой — на разведку. До нашего возвращения сидеть тихо, ничего не предпринимать. Паникёров, дезертиров и камикадзе — расстреливать на месте. В твоём случае просто бить по маковке веником. Вопросы?

— Помолиться бы перед смертью... — мяукнул дьяк.

Я сурово кивнул — дозволяется, молитесь, гражданин. Государь молча пожал плечами, но пылающий взгляд, сверкнувший из-под бровей, предупреждал: не вернёмся через полчаса, он оседлает моего младшего сотрудника и сам на нём поедет Змея воевать! Вот хоть кол ему на голове теши, а толку...

Яга повязала платочек, поправила тёплую душегрейку, тоскливо огляделась по сторонам, явно в поиске любимого кота, не нашла, взяла с собой помело и махнула рукой мне:

— Идём, что ль, Никитушка?

Мы вышли из избушки и, приказав ей встать чуть левее, в густом орешнике, тихо пошли какой-то звериной тропкой к поблёскивающему невдалеке полупрозрачному склону.

Минут через десять — пятнадцать, я смог воочию убедиться в том, что Стеклянная гора действительно существует. Окружённая с трёх сторон вековыми лесами, а с четвёртой чистым полем, прямо перед нами высилась не слишком высокая гора — с девятиэтажный дом, не более.

Думаю, в глубине она была каменная, гранитная, а вот поверхность некогда покрывал толстый слой земли и песка. И именно он, сплавленный под страшной температурой в неровную стеклообразную массу, и дал этому месту название Стеклянная гора.

Где-то высоко, на самой вершине, темнел таинственный замок...

— А я, старая, думала, врут сказки, — с уважением постукивая кулачком по стеклу, пробормотала наша эксперт-криминалистка. — Крепко, надёжно, и не подкопаешься ниоткуда. Тропинки наверх нет, пытаться влезть... дык скользко же, как на льду. Думаю, тока взлететь и можно.

— Логично. Боюсь, что тот, кто здесь живёт, именно так всё и планировал. Тут любым войском можно хоть день, хоть месяц, хоть год стоять, а до замковых стен никак не добраться.

— И что ж мы делать-то будем, участковый?

— Договариваться, — неопределённо пояснил я.

Бабка повертела пальцем у виска, думая, что я не вижу.

Зря, благодаря отражению в мутном стекле, мне всё было отлично видно. Не скажу, что у меня в голове уже сформировался более-менее чёткий план действий, но зато я отлично помнил теорию борьбы с террористами: если не можешь спасти заложников силовым решением, то засунь свою гордость куда подальше и иди договариваться с похитителем. Тяни время, прощупывай оборону, выискивай слабые места, выжидай и, когда придёт твой час, — бей наверняка...

— От тебе в лоб! — грозно выкрикнула бабка за моей спиной, резко оборачиваясь и влепляя кому-то помелом по башке. Помело треснуло, а Митя даже обидеться не успел.

— Чё вы сразу драться-то? Я к вам на помощь спешил: Филимон Митрофанович говорит, дескать, на стенах замковых чёй-то шевелится...

— Младший сотрудник Лобов, кто позволил вам оставить свой пост?!

— Да какой пост, куды они из избушки денутся?! — раздражённо отмахнулся он. — Я ить говорю, на стенах шевеление подозрительное. Ровно зверюга какая громадная чешуёй поблёскивает. Вам-то снизу не видеть, а нам из окошка...

— Держись, Никита Иванович, друг сердешный, помощь близка! — громогласно раздалось на весь лес, и взмыленный царь Горох со своей импровизированной рогатиной выскочил из-за ближайшего кустарника.

— Как нам вас не хватало, — с чувством протянул я.

— Правда? — разулыбался государь в сарафанчике. — А за дьяка пленённого вы не бойтесь, я с него слово честное-благородное взял — до нашего возвращения за порог ни-ни!

Баба-яга шумно хлопнула себя по лбу, потому что слов у неё просто не было. Я тоже был готов к нецензурным выражениям, но не успел — на поляну выскользнул гражданин Груздев, упал на колени и завопил благим матом куда-то в небеса:

— Вот они! Здеся! Вся милиция беспросветная тута! А меня не ешь, твоё змеиное величество! Я первый их сюда заманил, небось постарался! И впредь служить тебе буду, живота не жалеючи-и!

Наверное, все мы на какую-то минуту обалдели от столь неприкрытой подлости, но в этот момент ужасный рёв резанул по ушам — и день превратился в ночь...

Мы ничего не успели сделать. Невероятная сила прижала меня к земле, вдох перекрыло горячим воздухом с резким запахом серы. Куда и как раскидало остальных, не знаю, лично я пришёл в себя уже на холодных каменных плитах неизвестно где, один-одинёшенек.

Я попробовал перевернуться на бок. Руки и ноги не были скованы, но всё тело отозвалось тупой болью. Похоже, меня изрядно приشلёпнуло об пол и покатило по нему же не слабо.

Кое-как сев, я попробовал осмотреться. Увиденное не обрадовало и не огорчило. Низкий потолок, маленькая камера, одно окно размером с дырку из-под кирпича. То есть опять тюрьма. Не лучшее место для милиционера, но — увы и ах! — и не такое уж непривычное.

Сидеть мне уже доводилось, хотя должен признать, условия в

темницах у Гороха были не в пример лучше. Поскольку делать было особенно нечего, я попытался проанализировать произошедшее, провести, так сказать, работу над ошибками и хотя бы приблизительно определиться со своими действиями на будущее.

Мысли о Яге, Мите, царе и дьяке даже в голову не приходили. Честное слово! Просто если я в тюрьме, то, видимо, и они тоже, поскольку накрыло нас всех и одновременно. Так и смысл париться раньше времени, орать, звать на помощь, долбить лбом стены? Предположим лучшее: мы все живы-здоровы, но сидим по разным камерам.

Что ж, в любом случае вопрос о том, как попасть в замок Змея, решён сам собой. Штурмовать Стекланную гору не придётся, переквалифицироваться в немецких альпинистов «Эдельвейса» тоже, а это уже приятно. С Бабы-яги станется превратить и меня, и Митьку в каких-нибудь гусей-лебедей и пинком под хвост отправить в высокий полёт гадить Змею Горынычу на голову. Богатым будет...

Собственно, вот примерно на этом всё моё ёрничество и кончилось. Мысль о том, что моя любимая рядом, а я сижу тут в плену и ничем не могу ей помочь, застилала разум. Какой-то смазливый гад, меняющий внешность с динозавра на красавчика в золотых кудрях, может, прямо сейчас подкатывается к моей Олёне, а она, бедняжка, и знать не знает, что я тут! Совсем рядом!

Если, конечно, мы в плену именно у Змея, а не где-нибудь ещё. Нет, нет, о чём я говорю, конечно, у Змея — в воздухе плотно стоял запах серпентария... И вскоре, минут через десять — пятнадцать, раздались чьи-то гулкие шаги, скрипнул несмазанный засов, и дверь распахнулась. На пороге стоял чей-то скелет. Ходячий, чтоб его...

— З-здравия желаю, старший лейтенант милиции Никита Ивашов, — на автомате представился я, потому что ничего более подходящего в голову не взбрело.

Скелет изобразил улыбку. В смысле раскрыл рот пошире, — наверное, моё пожелание здоровья показалось ему забавным. Потом он кивком предложил мне выйти. Я охотно подчинился.

В своё время, ещё когда только-только формировалось наше Лукошкинское отделение, мне довелось биться с зомби, с ожившими трупами, с полусгнившими мертвецами на кладбище, и в этом смысле хоть как-то удивить меня шагающим скелетом было уже непросто.

Вся моя служба здесь, в этом мире, проходила среди различных мифических существ, я много чего насмотрелся, и уж поверьте, в большинстве случаев лучше просто принимать всё как есть и ни с чем не

спорить. В конце концов, какая мне разница, почему этот скелет ходит? Никакой! Вот если он на подотчётной мне территории совершит какое-либо правонарушение, тогда другое дело — руки за спину и в поруб, а далее по решению суда!

Сейчас же приходилось сетовать только на тот факт, что скелеты, как правило, безмолвные. Языка-то у них нет. Хотя, с другой стороны, это не помеха разговору...

— Как я понимаю, вас послали только за мной?

Скелет кивнул, пропуская меня в узкий каменный коридор и аккуратно запирая дверь.

— А остальные пленники, видимо, сидят где-то в другом месте?

Скелет вновь кивнул. Уже спасибо, товарищ попался общительный. Я подавил в душе искушение проверить, насколько крепко его жёлтая черепушка держится на позвонках шеи, и вежливо продолжил:

— Вы ведёте меня к вашему хозяину? Змею (не знаю его отчества) Горынычу? Как я понимаю, он желает меня видеть, но, судя по тому, как старательно вы закрыли дверь, совсем не обязательно, что я вернусь в камеру, верно?

Мой сопровождающий кивал не переставая, как китайский болванчик. Мы прошли довольно длинный сводчатый коридор, по пути я успел насчитать восемь дверей. Если наши там, то...

Нет, бить скелет лбом о стену, распахивать тюремные камеры и выпускать всех, пытаясь захватить замок, пока рановато. Если меня чему и научила служба в сказочном мире, так это терпению. Сначала узнаем планы противника — не съест же он меня при первой встрече, в самом деле?

О, как я ошибался...

— Мне сюда?

Мы остановились у больших железных дверей. Скелет кивнул.

— Могу войти без стука?

Он кивнул ещё раз. Надбровные дуги на миг сошлись над переносицей, а зубы зловеще клацнули. Я, не удержавшись, похлопал его по плечевой кости и толкнул указанную дверь.

Она подалась не сразу, внутрь мне вообще пришлось протискиваться боком. Попал в довольно большую, очень тёмную комнату, размером, наверное, со школьный спортзал.

Сходство усиливалось свисающими с потолка цепями, какими-то лавками, кольями, противотанковыми ежами и развешанным по стенам холодным оружием: топорами, мечами, копьями. В дальнем углу, видимо, горел камин — оранжевый отблеск пламени был единственным

источником света во всём помещении. Жутковато, но не так чтоб до дрожи...

Железная дверь за моей спиной захлопнулась с самым зловещим лязгом, как в кино.

— Вызывали? — громко спросил я, пытаюсь разрядить обстановку.

Чаще, конечно, вызываем мы, повесткой по месту жительства, и редко кто отказывается прийти, когда Митя вручает бумажку лично. Потому что в противном случае он сам заглянет сопроводить, а это мало радует...

— Заходи, гость, — пророкотало пламя в углу, и я только сейчас понял, что там был не камин...

Сумрак дрогнул, приобрёл очертания и пустил длинную струю пламени в потолок. Огонь поджёг тележное колесо, утыканное факелами, всё помещение мгновенно озарилось тёплым, оранжевым светом. Вот тогда я наконец увидел его...

В дальнем углу комнаты возлежал чёрный дракон (или Змей, как тут принято говорить), более всего похожий на игуану с перепончатыми крыльями. Общей длиной от носа до хвоста, думаю, метров шесть. То есть с коровой справится, но чтоб утащить целую баню с тремя девушками сразу... Очень сомневаюсь.

— Я голоден, — проговорил Змей, пуская дым из ноздрей и демонстрируя треугольные акулы зубы.

— Честно говоря, даже не знаю, как вам ответить, — смутился я. — У вас холодильник где? Могу пельмени сварить или яичницу сделать, но вообще-то у нас по кухне главная Баба-яга и домовый. Да, он азербайджанец, работает, конечно, без прописки, но готови-и-ит, как бог...

— Я могу убить тебя медленно, — не обращая внимания на мои слова, пояснило чудовище. — А ты можешь продлить свою жизнь, если будешь бегать быстро. Бери любое оружие.

— Минуточку, гражданин. Тут в ваши гладиаторские игры никто играть не намерен. Я требую, чтобы...

Последнюю фразу мне договорить не удалось, да и предыдущие две были не особенно удачными. Змей бросился на меня с весьма приличной резвостью, какую на первый взгляд было трудно ожидать от такой солидной туши. Если бы он случайно не зацепился о валяющуюся на полу цепь, то на этой странице и могло бы оборваться наше повествование, на всплеске трагической ноты, на середине текста, но так далеко от конца, что просто облом для любого читателя. Хотя кто и когда будет читать архивы нашего Лукошкинского отделения, тоже ума не приложу...

Будь на моём месте Митя или хотя бы царь Горох, так они бы,

наверное, чем-нибудь вооружились для отпора этому гаду. Меня, как вы понимаете, искусству владения мечом, палицей и рогатиной никто не обучал. Зато обучали самбо. А толку с него сейчас...

— Торо, торо! — мигом сняв китель и размахивая им перед носом Змея, со страху запел я. — Сердце красавицы склонно к изме-эне и к перемене, как ветер мая-а!

— Дурак какой-то, — сочувственно пробормотал голодный зверь и вновь ринулся в атаку.

Я же боковым кувырком ушёл в сторону, ловко накинув милицейский китель ему на морду. Пока ослеплённая рептилия пару секунд соображала, кто выключил свет, я уже сидел на нём, крепко сжимая коленями шею и размахивая над головой обрывком цепи.

— Как там говорила наша эксперт-криминалистка насчёт Сивки-Бурки? Вроде бы если хочешь на ней ездить, то бей ей нещадно плетью промеж ушей, — с наслаждением процитировал я и прямо с каким-то неземным удовольствием врезал гаду по башке.

Рёв обиженного в лучших чувствах чудовища сотряс стены! А потом началось техасское родео...

— Йих-ха! — в полный голос орал я, крепко держась левой рукой за какую-то часть его затылочного гребня и сжимая коленями шею. Веселуха-а!

В правой руке была зажата толстая собачья цепь, которой я нещадно охаживал гада по голове. Змей прыгал козлом, размахивал крыльями, плевался огнём во все стороны, но никак не мог меня стряхнуть. Опрокинуться на спину крылья не позволяли, дотянуться зубами тоже никак — шея короткая, а по протянутым лапам я просто лупил цепью!

— Будешь ты, невежа, знать, наше солнце воровать, — почему-то втемяшилось мне, хотя вроде бы в воровстве небесных светил конкретно этот Змей никем не обвинялся.

Ну и ладно, всё равно он гад во всех смыслах, украл мою жену вместе с предбанником, неизвестно куда дел моих друзей, а меня самого прямо здесь пытался сожрать со всеми потрохами! Рука не уставала, грудь распирало от праведной ярости, и не примени он подлый приём, так неизвестно бы ещё, кто кого...

— А ну, прекратили оба! — грозно раздалось на всю комнату, когда побитый Змей исхитрился-таки в прыжке шибануть меня об стену с оружием.

Я полетел вниз головой, получил сверху упавшим щитом, запутался в своей же цепи и был бы стопроцентно съеден, если бы не новое лицо,

вмешавшееся в ход событий. В дверном проходе стоял высокий молодой красавец в одежде немецкого фасона.

— Опять ты, братец младший, моих гостей пугаешь? Ну-ка, марш к себе в подземелье и чтоб носу не высовывал!

— А он... а он же меня цепью больно побил и дрался нечестно, — попытался оправдаться Змей, но под строгим взглядом поджал хвост и уполз, не дожидаясь повторения приказа.

— Я всё видел, — обратился ко мне парень, пропуская «младшего братца» на выход. — Уж прости дурака, сыскной воевода, любит он с едой баловать, до сих пор детство в одном месте играет...

— С кем имею честь? — приподнялся я, ища взглядом отлетевшую фуражку и китель. Без них мне трудновато было сохранять приличествующее милиции достоинство.

Молодой человек, на вид даже младше меня, не чинясь, подал мне мой головной убор и слегка поклонился:

— Дракхен, или фон Дракхен! По-вашему просто Змей. На приставке Горыныч не настаиваю. Сам до сих пор не разберусь — это фамилия, отчество или намёк на место жительства.

— Приятно слушать речь образованного... человека? — на всякий случай уточнил я.

— Если вам так проще, — вежливо кивнул Змей. — Лично для меня пребывание в обоих обликах является совершенно естественным и нормальным. Но, как я понимаю, вы ведь сюда пришли отнюдь не ради сомнительного удовольствия чайной беседы с убийцей, маньяком и похитителем, верно?

— Да. Вообще-то у меня было две программы, минимум и максимум. Первая — вернуть украденных вами девушек, вторая — арестовать вас для передачи справедливому суду за выше озвученное преступление.

— Никита Иванович, как мне говорили?

— Совершенно верно.

— Так вот, Никита Иванович, боюсь, вы стали жертвой серьёзного заблуждения. Если не сказать, прямого обмана. Назовёте меня убийцей, и я вам охотно прощу, но уж титул «маньяк» и «похититель девиц», право слово, перебор...

В бархатном голосе фон Дракхена впервые прозвучали холодные металлические нотки. Так ведут себя люди, которые уже едва сдерживаются под напором постоянных и абсолютно необоснованных обвинений.

— Буду рад, если вы раскроете мне глаза, — совершенно серьёзно

попросил я.

Он помолчал, словно бы задумчиво оценивая мою искренность. Потом коротко вздохнул и сделал приглашающий жест рукой, указывая мне дорогу. Уф, так же коротко и тихо выдохнул я.

Вроде бы хоть какой-то диалог налаживается. Даже если после получения всех ответов на все вопросы этот гад на пару со своим братцем сожрёт меня, всё равно это будет маленькая победа милицейской дипломатии. Мы прошли двумя широкими коридорами, попали в небольшой уютный кабинет-библиотеку с камином, двумя креслами, бутылкой шотландского виски на маленьком столике и продолжили разговор, как два английских джентльмена.

В смысле с выпивкой, но без наездов.

— Никита Иванович, будете ли вы столь любезны уточнить, в чём именно обвиняется бедный фон Дракхен на этот раз?

— Хороший виски, — покачав бокал, сообщил я.

— Благодарю, получаю по франчайзингу. Итак?

На секунду я поймал себя на идиотской мысли, что сижу тут и веду аристократические разговоры с похитителем моей жены, а также всей лукошкинской опергруппы! Не говоря уж о царской чете...

— Что ж, надеюсь, вы не воспримете это как личную обиду и соблаговолите выслушать меня до конца, прежде чем предпримете хоть какие-то скоропалительные действия. — В своё время я тоже насмотрелся фильмов про Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро, а значит, знал, как себя вести. — Буду краток. Некоторое время назад, в городе Лукошкине, столице суверенного русского государства, была похищена баня, в которой находились три девушки. Свидетели и улики прямо указывают на ваше участие в этом ужасном преступлении. Вы меня понимаете?

— Продолжайте, — задумчиво кивнул Змей, разворачиваясь к каминному огню чеканным арийским профилем.

— И не далее как сегодня, когда я и подчинённая мне группа милиционеров с двумя добровольцами подошла к Стеклойной горе, мы были атакованы неким огромным, страшным и, как я понимаю, огнедышащим существом. Согласитесь, что не подумать в первую очередь на вас было бы наивно и даже невежливо...

— Вы достойный человек, господин участковый, — после минутного размышления протянул хозяин, сделал большой глоток, долил себе виски и выгнул левую бровь. — Что, если я буду настаивать на своей полной невинности?

— Это ваше право. Но меня интересует правда, и ничего кроме

правды. Поэтому уточним ещё один момент. Подземный дворец Бессмертного Кощея Кирдыкбабаевича (если, конечно, это его настоящее отчество, но другого мы не знаем) буквально вчера был сожжён целиком. От самого домовладельца осталась кучка золы, почерневший череп и оплавленная корона. Перед входом на Лысую гору весь песок испещрён следами огромных когтей...

— Обвинения серьёзны, спору нет. Однако не всё так явно, как кажется.

— Вы готовы дать показания? — Я полез в карман за блокнотом.

— Почему бы и нет? — с лёгкой зевотой откликнулся фон Дракхен. — В конце концов, съесть вас всегда успеется. Надеюсь, на этот счёт вы не строили иллюзий?

Я кротно кивнул. В сравнении с Кощеем этот типаж закоренелого преступника выглядел гораздо более воспитанным и обаятельным, всё-таки европейское образование, но не был от этого ни менее жесток, ни менее коварен. Так итальянский мафиози соотносился бы с ростовским братком...

Его мнимая готовность к «диалогу» проистекала скорее всего от банальной скуки. Любые, даже абсолютно чужие преступления, приписываемые ему, лишь повышали его социальный статус, работали как «чёрный пиар», лишь укрепляя его страшную, злодейскую славу.

— На мне много так называемых грехов, — неторопливо начал Змей, пытаясь добавить виски и в мой бокал. Я поднял ладонь — достаточно, без закуски не пьём, свалюсь на фиг...

— И вы абсолютно правы, я вполне способен совершить всё то, в чём меня готово обвинить ваше следствие. Более того, мне даже выгодно признать свою вину!

Я кивнул, значит, мои рассуждения об этом типе были верными.

— Но, честно говоря, пара моментов в этих преступлениях выглядит настолько топорными, что мне это несколько оскорбительно. Начнём с вашей столицы Лукашкинбург...

То, что он рассказал дальше, заставило мою спину покрыться холодным потом. Всё было не так, всё неправильно, все наши версии, доказательства и улики рухнули в один миг, как картонный домик.

— Три девушки действительно у меня. Но я их не крал. Они просто сами собой появились в гостевом крыле. Уверяю вас, у них есть всё необходимое, домой они не рвутся, и ни к какому браку их никто не принуждает. Возможно, вы даже успеете их повидать, прежде чем я проголодаюсь. Теперь о Кошее. Редкостный мерзавец был, не находите?

— Не могу с вами не согласиться! — с чувством подтвердил я. —

Именно поэтому вы его убили?

— Такое искушение имело место быть несколько столетий назад. В этот мой визит в ваши края я бы о нём и не вспомнил...

По словам Змея, выходило, что большинство известной нам информации о нём либо построено на неточных сведениях, либо просто высосано из пальца. Сам фон Дракхен (имеющий, впрочем, несколько имён), по его же словам, выводил свою родословную от легендарного скандинавского змея Йормунганда. А никак не от динозавров!

Якобы он лично участвовал в битве со святым Георгием, был повержен, долго лечился в Карловых Варах и основное время своей бессмертной жизни проводит в Европе, а вовсе не спит где-то в горах. Тут меня банально обманули, да и смысл спать столько лет?

Слабость к юным девушкам разных национальностей и темпераментов действительно имеет место быть, но до уровня банального воровства он не снисходит. Девиц ему поставляют младшие братья-Змеи, дети, племянники, кузены и внуки, коих у господина фон Дракхена имеется великое множество. И даже в его российской резиденции на Стеклойной горе этих родственников обитает сотен семь-восемь. Разновозрастных, разнохарактерных, но имеющих общую склонность к преступному образу жизни. Это просто какой-то преступный синдикат!

— То есть если всё это сделали не вы, то, возможно, мне стоит допросить ваших...

— Увы, моя любезность не простирается столь далеко, — лениво поморщился глава змеиной мафиозной группировки. — Я не могу позволить вам допрашивать, арестовывать и предавать суду никого из своей родни. Ферштейн?

— Понимаю, — согласился я, сам налил себе виски, опрокинул, занюхал рукавом и уточнил: — Даже в том случае, если кто-то из них попытался подставить вас?

— Поясните...

— Элементарно. Положим, кто-то из ваших братьев, например, тот малопрятный тип, что получил от меня по ушам, решил занять ваше место и возглавить семейный клан. По сути, ему достаточно повернуть ряд громких преступлений, в которых обвинят вас.

— И что? Разве я против?

— Вот именно. Вы — «за»! Однако этим вы невольно создаёте себе имидж уставшего вождя, охотно приписывающего себе заслуги других. В один прекрасный момент семья решит, что дорогу пора уступить молодому и перспективному.

— И кто же посмеет бросить мне вызов?! — От громкого хохота фон Дракхена полупустая бутылка из-под виски разлетелась на тысячу осколков.

— Допустим, все. Абсолютно все! Сколько вы сказали их тут, шесть-семь сотен?

Змей резко оборвал смех, недобро уставившись на меня.

Я спокойно выдержал его взгляд. Глаза красавчика изменили форму зрачков с круглых на вертикальные. На миг мне показалось, что в кабинете стало заметно жарче и вроде бы даже пахнуло горелым мясом. Не знаю откуда, это личные ощущения...

Я реально понял, что эта допотопная тварь в любой момент может сожрать меня вместе с планшеткой, а фуражку выплюнуть и повесить на стену как сувенир. В его взгляде плескалась какая-то межгалактическая тьма без единой искорки света. Ни милосердия, ни ненависти, просто застывшая вулканическая лава, чёрная и страшная...

— Штаны в порядке?

— Что? — не сразу сориентировался я. — А-а, да. Всё в норме. Испугался, конечно, но не до такой степени.

— Молодец, — холодно одобрил Змей. — Другие послабее были. А так спасибо, уважил, не люблю жрать перепачканное...

— Давайте сменим тему, — решительно предложил я, отставляя стакан и мгновенно трезвея. — Мы с вами цивилизованные люди, надо же искать хоть какой-то компромисс.

— Ваши предложения?

— Дайте мне найти того, кто вас подставил.

— Ну а взамен что попросишь?

— Отпустите девушек, мою опергруппу, царя и... дьяка Груздева тоже.

— Девушек неволить не стану, захотят уйти, пусть идут, — равнодушно повёл плечами хозяин Стеклоанной горы. — Про царя и дьяка знать ничего не знаю. Честное слово. Если их кто и взял, то не я.

— А мои сослуживцы?

— Старушка и парень? Забирай.

— Значит, они у вас, — обрадовался я.

Фон Дракхен кивнул, щёлкнул пальцами, и каминная стенка с двумя шкафами книг плавно отъехала в сторону. К моему немалому удивлению, в комнату шагнула чернокудрая красавица с изящно изогнутым испанским носом. Традиционный русский сарафан облегал спортивную фигуру, и если что её и портило, так кокетливая родинка на подбородке. Вру! Родинка даже придавала ей какой-то неуловимый шарм. Рядом на задних лапах

сидел... волк?!

— Никитушка, сокол ясный, живой! — Девушка без предупреждения кинулась навстречу и повисла у меня на шее.

Я не сразу осознал весь кошмар происходящего, а поняв, просто впал в нездоровое остоленение...

— Бабуль?

— Узнал, узнал, участковый. — Молоденькая, как яблоневый цвет, Баба-яга от всей души расцеловала меня в обе щеки. — Жив-здоров, да ещё и нас с Митенькой нашёл!

— Э-э...?!

— Митя, иди сюда, дурень невежливый. Лизни ручку начальству любимому!

Здоровущий серый волк размером с лошадь Пржевальского тяжело оторвал свой зад и, неуверенно помахивая хвостом, потрусил ко мне. У меня не слабо закружилась голова, и кабинет фон Дракхена поплыл перед глазами...

— Думаете, мне легко? — Волк мигом встал на задние лапы и поддержал меня. — Да чтоб его, гада ползучего, при смене шкуры в три погибели скрючило в ракообразной позе! А ручку всё ж таки позвольте, лизну, не погнушаюсь. Тока за ухом не чешите, не привык ещё — на спину валюсь сразу и живот подставляю неприлично...

— Что это значит? — Я обернулся к безмятежно покачивающему ногой хозяину замка.

— Я лично даровал каждому то, о чём они мечтали. Старушка скорбела по ушедшим годам, а парень дрался за неё, как верный пёс, и хватка у него была поистине волчья. Шестерых скелетов мне в щебёнку измолотил! Герой! Ну и... как-то вот так получилось...

— Верните мне мою опергруппу!

— Ягу-красавицу вернуть не могу, самому нравится. Если уйти к тебе захочет, так я ревновать буду, — очень неприятно улыбнулся фон Дракхен. — Парня можешь забирать, ему препятствий не чиню. Однако, пока дело не исполнишь и виновного не найдёшь, быть ему в образе волчьем.

Я задумался ненадолго. Как вы уже догадались, Змей Горыныч особой долготерпимостью не отличался, и попытки тянуть время с ним не прокатывали.

Во взгляде молоденькой бабки чётко читалось: Никитка, соглашайся на всё, не спорь с ним, окаянным, глядишь, потом все вместе и выкрутимся...

— Хорошо, согласен, — прикусив губу, подтвердил я, безоговорочно

сдавая все позиции, но пытаясь выторговать себе хоть какие-то льготы. — Что мне нужно сделать?

— В смысле?

— Я помню ваши слова о том, что вы не позволите мне проводить расследование на вашей территории.

— Верно, — ухмыльнулся фон Дракхен, повёл бровью, и бутылка с виски вновь стала целой, наполнившись дорогим алкоголем янтарного цвета. — А вот говорят, у царя Дормидонта, в землях византийских или греческих, есть волшебная птица в золотой клетке. Сумеешь её принести, будет тебе за то награда.

— Мы перешли на «ты»?

— Желаете брудершафт?

— Предпочту прежние нейтрально-вежливые взаимоотношения.

Змей Дракхен примиряюще поднял руки вверх.

— Псину эту можете взять с собой. Бабу-ягу я вам не отдам, это не обсуждается. А вот если на столе моём будет птица чудесная в клетке петь, то, возможно, и девицы русские без проблем домой вернутся. Всё по-честному?

— Минуточку, — засомневался я. — То есть вы предлагаете мне совершить банальную кражу взамен поиска настоящего преступника и считать это честным?

Он подумал и молча кивнул. Да, именно так. Милиционер обязан стать преступником.

Прекрасная Яга бросила на меня такой умоляющий взгляд, что я даже на секунду задумался: а не поспешил ли с женитьбой? Но в тот же момент тёплые глаза Олёнушки вернули меня в реальный мир, и я так же молча подтвердил своё полное согласие.

В конце концов, кто, как не сотрудник милиции, способен провернуть любое, самое изощрённое преступление? Не припоминаю, чтобы мне хоть когда-то приходилось хоть что-то воровать, но, по сути, разница между преступлением и его раскрытием не слишком велика.

Фактически это разница между «да» и «нет», не более. Хорошо, партия начата, карты брошены, фигуры расставлены на доске, и таинственный противник уже сделал первый ход. Я готов играть по его правилам. Если, конечно, они вообще существуют...

— Мне будет позволено поговорить с Бабой... с красавицей-Ягой?

Змей великодушно кивнул.

Моя омолодившаяся домохозяйка тут же потащила меня за рукав в дальний уголок. Первый же вопрос бабки поставил меня в тупик.

— А хороша я стала, Никитушка, верно?

— Я привык к вам другой.

— Так привыкай заново. — Роковая красавица без предупреждения кинулась обниматься и, прижав меня грудью к стенке, страстно зашептала в ухо: — Выручай, Никитушка, всё моё чародейство супротив него бессильное! Зуб даю, энтó он Кощеюшку извёл, да тока не признаётся, гад...

— Сделаю всё, что смогу, — прошипел я. — Да отлежьте уже от меня, гражданка Яга! В конце концов, это неприлично — я женатый мужчина!

— Ой-ой-ой, какие мы нежные стали! — Бабка (тьфу, девушка) заговорщицки подмигнула мне и повернулась к Змею, капризно надув губки. — Ну, дальше ваши дела, я в мужские разговоры нос совать не приучена.

— Решено, — так же спокойно уговорив ещё один стакан виски, решил хозяин дома.

Наша эксперт-криминалистка ещё раз помахала мне ручкой, крепко обняла серого волка на прощанье, и ушла из кабинета, скрипнув дверью.

— Где находится царство этого Дормидонта?

— Налево, — кивнул фон Дракхен.

— Митя, за мной!

Не размениваясь на лишние любезности («до свиданья, не хворайте, скоро будем, не скучайте без нас, хорошо посидели, есть повод повторить» и т. д.), мы просто вышли вслед за Ягой, повернули налево по коридору, и пол под нашими ногами (лапами) вдруг резко сменил угол наклона под сорок пять градусов.

С дружным визгом, в обнимку, мы покатались куда-то вниз по железной трубе и буквально через минуту вылетели к подножию Стекло́нной горы почти в том самом месте, где нас поймали. Мне повезло, я упал спиной на Митьку. Мой мохнатый напарник взвыл, попытался в отместку цапнуть меня за ногу, но промахнулся.

Слава богу, нам обоим хватило ума не переляться в такой ситуации. Мы сумели взять себя в руки (лапы) — видимо, уточнять придётся всегда — и трезво оценили обстановку.

— Митя, это точно ты?

— Сам ещё не понял, Никита Иванович. А можно вопрос?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не Красная Шапочка — с волками разговаривать...

— И чё? — всерьёз заинтересовался он, старательно махая хвостом.

— Итак, мы с тобой должны отправиться в чужую страну, к некоему царю Дормидонту, у которого находится какая-то редкая птица, — не вдаваясь в лишние объяснения, пробормотал я. — Та, которую нам непременно нужно взять без спроса и доставить заказчику, так?

— Так, а чего париться-то, батюшка сыскной воевода? — безмятежно зевнул во всю пасть серый Митя. — Можно подумать, вы в детстве никогда курей у соседей не воровали?

— Знаешь ли, нет!

— А яблоки в чужом саду?

— Тоже нет. Насчёт всех других возможных краж скажу заранее — нет! Увы и ах, дорогой друг, мне никогда и ничего не приходилось красть, у меня было очень чистое и не замутнённое мелкими преступлениями детство.

— Тады, считай, не было его...

— Дело вкуса, меня оно вполне устраивало. — Я решил остановиться, пока не поздно. — Хорошо, положим, у меня нет такого опыта. У тебя он есть?

— А то! Каждый деревенский мальчишка подворовывает, ежели может. — Волк с гордостью выпятил широкую грудь и начал загибать пальцы. — Яблоки зелёные в чужом саду сорвать — это ж наипервейшее дело. Картошку с соседского огорода выкопать да в ночное в костре запечь — без этого как?! Ну а уж опосля десяти годков курицу в другой деревне спереть, мамке подарить, а коли придут, всё на цыган проезжих свалить — вот оно где удаль да лихость зарождается! А вы... скучно...

— Я тебя уволю.

— По какой статье?

— По уставу. Не положено, чтоб в отделении милиции волки служили.

— Дык... я ж не по своей воле?!

— Вот об этом и речь, — мягко закругляя разговор, напомнил я. — Раз ты такой спец по мелким кражам у трудового населения, то, пожалуйста, помоги мне украсть... тьфу, спасти томящуюся в плену у деспота и тирана бедную птичку!

— О, можно, выходит, и так наше задание обернуть?

— Обернуть можно как угодно, главное — сделать.

— Это службишка, не служба, — философски ответил Митяй, нагло плагиатя русские народные сказки. — Служба будет впереди! Садитесь, что ль, поедем...

— Э-э, я тебе спину не сломаю?

— Держитесь крепче, — насмешливо фыркнул он и чуть присел,

чтобы мне было удобнее вскарабкаться. До этого случая мне ни разу не приходилось ездить на неосёдланных (впрочем, и на осёдланных тоже) волках, но жизнь и не такому научит...

— Дорогу знаешь? — на всякий случай уточнил я.

— Знаю. Даром, что ли, меня Бабуленька-ягуленька на прощанье обнимала...

Я удивлённо уставился на Митю. Он задрал морду вверх, гордо демонстрируя синюю ленту с бантом на могучей шее. Как ошейник не годится, как украшение тоже, скорее какому-нибудь котёнку подошло бы, а вот зачем наша эксперт-криминалистка повязала это здоровенному волку? Ответ нашёлся довольно быстро, и вовсе не благодаря моим или Митиным усилиям.

— Никитушка, соколик, слышишь ли? — прямо из синего банта донёлся тихий голос бабки.

Уж простите, но иначе её называть не могу, и всё тут!

— Да, мы на связи! — откликнулся я, быстро спрыгивая наземь.

— Митенька с тобой?

— Разумеется. Бабуль, как вы там?

— Как сыр в масле, — придушенно выдохнула она. — Колдовать не могу, с родным домом в разлучении, девки глупые истерят да меж собой цапаются, а меня на старости лет белкой молодой обернули — смех и грех!

— Я думал, вам нравится...

— Не доводи, участковый! Старый ум в молодом теле не к великой радости. Как вспомню, какое мне на всё Лукошкино уважение было, аж сердце заходится. А теперь даже ты за дуру мокрохвостую держишь...

— Бабуль, не надо, ну что вы, — смутился я, слыша на той стороне явственные всхлипы. — Всё будет хорошо, мы разберёмся, я найду эту птицу, а потом мы что-нибудь придумаем.

— Ох, Никитушка, прости старую, не сдержалась. Я ить что сказать-то хотела: ты как птицу красть станешь, её саму бери, а клетку не трогай!

— Про этот сюжет я знаю...

Связь оборвалась.

Характер у Бабы-яги остался прежним, властности ей не занимать, поэтому мои уверения в том, что я тоже в детстве читал сказку про Ивана-царевича и Серого Волка, её не волновали. Ну и пусть, как-нибудь сами справимся.

Правда, каким образом везти обратно на Стекланную гору маленькую птичку без клетки? В карман её не засунешь, в руках держать тоже рискованно — сведёт пальцы от усталости, так и выпустишь пернатую

егозу на вольную волю. Честно говоря, опыт обращения с птицами у меня был небольшой и в массе своей отрицательный.

Я про свою ежедневную войну с бабкиным петухом, если кто не в курсе...

— Поехали, что ль, Никита Иванович?

— Поехали, Мить. — Я вновь влез на спину волка, уже не в пример ловчее. — За шерсть буду держаться, не больно?

— Навердь покуда не очень, — милостиво разрешил он, прошёл пару шагов, убедился, что я не упаду, и перешёл на мерную волчью рысь.

Сначала я держался неуверенно и скованно, словно бы ожидая подвоха от своего же сотрудника. Ну типа резко остановится, сбросит меня, перекинув через голову, и всё такое. Каждому, кто хоть раз ездил на своём лучшем друге (это я о Мите Лобове?!), знакомы подобные ощущения. Ну, в крайнем случае попробуйте вспомнить те минуты розового детства, когда отец брал вас на плечи. Лично я это помню. Вот по-моему, всё было так же легко и весело...

Митя шёл на всех четырёх с хорошей скоростью призовой чистокровной лошади на каких-нибудь скачках Дерби. Если я правильно помню это название, поскольку сам никогда на скачки не ходил, на лошадей не ставил и вообще мало что об этом знаю. Дело в ином...

Волчья рысь не в пример мягче и легче лошадиной, ездить на Сивке-Бурке куда сложнее. Митя хоть и стал волком, но внутри, в сознании, ощущал себя человеком, поэтому по-человечески относился к тому человеку, которого нёс на спине. Уж извините за «масло масляное», трудно соблюдать высокий литературный стиль, когда едешь верхом на волке.

Я крепко вцепился в его густую серую шерсть на загривке и уже через пять-шесть минут поймал себя на том, что думаю только о своей Олёнушке. И ни о чём больше! Ни о Бабе-яге, ни о царе Горохе, ни о царице, ни о нашей службе и всех этих передрягах. Все сиюминутные проблемы отступили, всё стало не важно. Смысл не в этом. А в том: что бы ни случилось, главное — будем ли мы вместе?

Милиция не пропадёт, даже если я навсегда исчезну из этого мира, всё равно Яга, Митя, Еремеев, лукошкинская сотня при отделении не дадут городу пропасть и грудью встанут на защиту правопорядка. Они уже никуда не денутся, они справятся, когда меня не станет...

— А почему, собственно, меня не станет? — громко спросил я, с каждым словом поражаясь собственным паническим настроениям. — Мить, далеко ещё?

— И полчаса не проскакали, Никита Иванович! Нешто так уж

невтерпёж?

— Я не в этом смысле. Просто хочу знать: обернёмся ли мы до вечера?

— Ежели по уму прикинуть, — сбавляя обороты, предположил он, — дык мне кажется, на закате будем.

— На закате — это хорошо, — пробормотал я, поскольку, честно говоря, никак не мог привыкнуть к этому их местному времяопределению: на закате, в обед, на рассвете.

В разные времена года закат и рассвет приходятся на разные часы, и каждый раз это необходимо учитывать. Сказать «встретимся в шесть утра» нельзя! Надо непременно «на рассвете»! Про такое чудесное уточнение «приходи после обеда» вообще молчу. Обед у нас в Лукошкине у каждого свой, в свои часы, в зависимости от рабочей нагрузки и образа жизни. К примеру, у нас в отделении обед с часу до двух, у мастеровых людей с двенадцати до часу, а у царя — да как ему заблагорассудится!

Если поздно встал после вчерашнего, у его величества обед может быть и в четыре, и в пять, и в шесть вечера, по настроению. А может, и сразу ужин! Ему всё можно, он же царь...

— Митя! — резко взвыл я, пытаюсь его притормозить. — Вспомнил! Царь! Где у нас Горох-то?

— А он разве не с вами был? — игнорируя все мои попытки управления транспортным средством, откликнулось это самое «средство». — Когда нас к Змею поганому доставили, дак тока мы с бабулей и были. Я даже думал, что и вы померли, грешным делом...

— Ты понимаешь, что произошло или нет?

— Не-э, а чё?

— У нас царь-батюшка пропал! Надёжа-государь, помазанник божий, гарант конституции, высший законодательный орган власти!

— А чё, без него никак нельзя? — не поверил Митя, и мне пришлось добрых пять минут читать ему лекцию по социологии и общественным отношениям, для простоты восприятия переложенную на образный народный язык. Ну то есть матом...

В подобном объяснении до него быстро дошло, что без Гороха всем будет плохо, а революционные реформы в сказочном царстве-государстве приведут к полному уничтожению оногo как такового. Без вариантов!

— Это что же нам теперича всех побоку и нет наиглавнейшего дела, только как в Лукошкино царя Гороха возвернуть?

— Боюсь, что да, — не особо охотно признал я.

Мысль о том, что из-за моего дурацкого рыцарства спасение Олёны отходит на второй план, была, конечно, патриотична, но не радовала...

— Может, ты дьяка видел?

— Видеть видел, да тока по рогам ему дать не успел, — сокрушённо покачал лобастой башкой серый волк. — Когда он про предательство своё орать начал, я рукава закатал, вот, думаю, сей же час он у меня свою скуфейку съест, рясой занюхает и бородёнкой козлиной подавится! Да тут ровно кувалдой по затылку бряк... и всё... темнота. У вас такое было?

— Кувалдой по затылку? Нет.

— А у меня было. Отец Маняшин, кузнец, больно на руку спор... Я ить из-за энтого и в город сбежал. Чё, придёшь с его дочкой в лопухах покалякать, тока разлакомишься, а он и раз! Подкрался незаметно...

С этой стороны я Митино появление в Лукошкине не рассматривал. Да и, по совести говоря, вообще мало что знал о своём подчинённом, напарнике и друге. Как-то всё время не с руки спросить было, всё на потом, а когда оно будет? Да и будет ли...

— Всё, кажись, прибыли, — честно отрапортовал Митя, резко тормозя всеми четырьмя лапами.

Я кубарем полетел через голову с полными руками линиялой волчьей шерсти. Приземлился носом в холодную траву и, кстати сказать, совсем не обиделся. Просто замер, поражённый открывшимся передо мной зрелищем...

— Не ошиблась Бабуленька-ягуленька с направлением, — удовлетворённо прорычал волк Митя, не выказывая ни малейших признаков усталости. — Вот оно, поди, и есть царство Дормидонтово...

— Ты издеваешься? — на всякий случай уточнил я, оглядывая небольшое поместье, куда меньше тех же дач на Рублёвке. Невысокий плетень, крепкий одноэтажный терем с чердаком и деревянными коньками, слева и справа лес, сзади болото, спереди чисто поле, во поле — мы! Где царство?!!

— И что, вот это вот «дворец царя Дормидонта», где в палатах чудесная птица в золотой клетке сидит? Её бери, а клетку не трогай?! Убью...

— Да что ж вы на меня-то орёте, Никита Иванович? Чем вам сирота недокормленная, ласки лишённая, всеми обижаемая не угодила?! А вот укушу, будете знать...

— Не надо, — вовремя увернулся я. — Слушай, там в окошках свет горит. Пойду-ка я на разведку. Прикину, что и как. Может, хозяева вполне себе адекватные люди и согласятся оказать содействие милиции...

— Может, и согласятся, — не стал спорить он, а даже как-то стыдливо сощурился и попросил: — Тока идите побыстрее, а? Мне тут... лапку вон

на то неопиcуемой красоты дерево задрать бы надо, а я при вас стесняюсь...

— Э-э... да, понимаю. Я быстро.

— Быстро не надо, там вон ещё и забор есть.

— Понял, не спешу. Пометь всё, что сочтёшь нужным, мешать не буду.

— Спаси вас Господь за вашу доброту, — с чувством откликнулся серый волк и умёлся к облюбованной берёзке, а я широким шагом направился вдоль забора прямо к тесовым воротам.

Очень вежливо постучал, дождался в ответ собачьего лая и хриплых голосов разбуженных сторожей, а уже через пять минут, минуя лишний пересказ в два обыска и одну попытку отобрать служебную планшетку, меня чинно-благородно поставили пред светлые очи (это общая фраза) царя Дормидонта.

Пожалуй, и слово «царь» по отношению к этому типу в простой рубахе и серых подштаниках как-то чрезмерно льстиво. Бледный пожилой мужик размытой прибалтийской внешности, с отвисшим пузом и бегающими глазами. То есть царственности ни на грош...

— Стал быть, гришь, чё те птаха нужна?

— Да, ваша волшебная птица, — второй или третий раз терпеливо пояснял я.

Дормидонт победно оглядывал свою челядь, домашних, слуг и всех, кого мой визит застал дома, шумно сморкался в подол рубахи и продолжал изгаляться.

— Стал быть, птаху те? За просто так, да? А может, она чё, денег стоит? У тя деньги-то есть, убогий?

— Участковый.

— Один хрен. Дай деньгу, дам птаху! — логично предложил Дормидонт. — А коли деньги нетути, так и... Вона ворону лови! Небось она энто, забесплатная...

Все неуверенно похихикали. Я для вежливости тоже, хотя мне-то было абсолютно не смешно.

— Ваши предложения?

— Дык деньгу давай!

— Сожалею, но... — Жалованье мы должны были получить в конце недели, тот же дьяк Филимон Груздев и выдавал зарплату всему нашему отделению. На данный момент у меня в карманах действительно было пусто, но разве можно не доверять милиционеру, честно просящему товар в кредит?

— Нетути монеты, нетути и птахи! — развёл руками «царь»

Дормидонт.

По его знаку трое самых здоровых парней попытались взять меня в кольцо и заломить руки за спину. Естественно, я обиделся и раскидал их по углам в воспитательных целях, после чего, чуть запыхавшись, внёс ответное предложение:

— Может, договоримся?

— А чего, и давай! — без малейших раздумий включился владелец поместья, елозя на скромном табурете, изображающем трон, так, словно у него были глисты. Не у табурета!

В общем, если вы помните старые сказки так, как помню их я, вынужденный в этой древнерусской фантасмагории жить, то уже наверняка догадались о развитии сюжета.

С меня был затребован конь златогривый из табунов соседнего царя Тимура. (Нет, не того мальчика в шортиках, что стерёг сады бабулек, чьи сыны героически погибли за советскую власть.) Учитывая, что он жил где-то на юге, в степи широкой, его следовало вообще-то именовать ханом, а не царём. Но тут уж литературные традиции, ничего не поделаешь, приходится принимать на веру...

— И чё, Никита Иванович? Где птичка-то?

— Митя, вот... не умничай, ладно? — попросил я, садясь на него верхом. — Поехали!

— Куда? Я ж тут ещё не все столбы... деревья... и до ворот не дошёл, не успел просто...

— Митя, нам в ту степь! — как можно яснее и доходчивее показал я. — Да, прямо вон туда, мне так сказали. Приведём коня, и сознательные граждане с радостью передадут нам в руки искомую птицу. Красть не надо, грабить не надо, нарушать закон не надо, сплошной кайф! Не находишь?

— Ох, чую, ежели не найду, дык и дубиной вдоль хребта огребу ласки ради...

— Ну ты уж совсем зверя-то из меня не делай.

— А то! Ить это ж я зверь! А вы как были, так и есть — гражданин участковый, батюшка сыскной воевода, — поспешно поправился Митя. — Вам и карты в руки. Чего изволите, короче?!

— К царю Тимуру вези!

— Далеко ли?

— Не очень. Как я понял, они тут все соседи. Живут едва ли не забор к забору. Двигай куда-нибудь на юг, по кругу. И это... хотел спросить. У тебя опыт конокрадства есть? А то кража кур у меня как-то не задалась...

Волк обернулся ко мне так, что позвонки на шее хрустнули, и старательно лизнул мой лоб.

— Навердъ и не горячий, а такую глупость сморозили. Конокрад — энто ж злодей страшной поджигателя! И ежели ловят их, то бьют смертным боем без малейшей жалости! Не тока ногами бьют, а и оглоблей, обухом, осью тележной, наковальной, да кому что под руку попадѣт. А ещѣ потом и потопчут всем селом до кучи...

— Можешь без лишних подробностей, но на ходу? — взмолился я. — Время идѣт, мне ещѣ каким-то образом коня златогривого увести надо. Перекрасить, копыта перебить, хвост подстричь, гриву завить бигудями и... И что ещѣ там надо сделать с лошадыю, чтобы никто не понял, что она в угоне?

— Сам ничего не знаю, — заранее предупредил серый волк, опуская морду к земле и беря разбег. — Но от цыган гулящих слыхал всякое, и выходит, что перво-наперво надо лошадку чужую заветным словом успокоить...

Если бы я мог, я бы записывал. Но при скачке на Мите надо держаться руками и ногами, поэтому пришлось запоминать так.

— Милая коняшка, добрая коняшка, умная коняшка, ай-ай, ай-нэ-нэ... И всё, она за вами на край света пойдѣт на цыпочках, чтоб хозяев не разбудить.

Я не перебивал. Пусть Митя нѣс полную хрень с точки зрения науки и логики (да тьфу, с любой точки зрения!), но пусть говорит. Кто знает, вдруг и сболтнѣт хоть что-то полезное...

— А уж шерсть красить лучше чернилами дубовыми: и цвет приятный, и смывается плохо, и блеск даѣт. Вонюче, правда... Ну да лошадей ить показывают, а не нюхают, верно?

С этим я, возможно, и поспорил бы: запахи в расследовании преступления играют очень важную роль. Духи, перегар, трудовой пот, запах профессии («Пахнет маляр скипидаром и краской...») и многое-многое другое способно немало рассказать хорошему сыщику. Короче, впредь при покупке лошади всегда буду её нюхать.

— Гриву и хвост лучше всего стричь наголо! Даже ежели поймают, не каждый владелец в том чучеле стриженном свою животину опознает. Вот вас бы, к примеру, обрить да чернилами выкрасить и по Лукошкину голым пустить, много ли народу в вас сыскного воеводу признают? Ага?!

И ведь знаете, я на минуту всерьѣз задумался: а сколько? В следующую минуту до меня дошѣл полный идиотизм поставленной задачи. Ну, по крайней мере, той роли, которую мне уготовил мой младший

сотрудник. И, прежде чем я собрался как следует его пнуть, он резко затормозил, быстро наклонившись вперёд. Куда и как я полетел, объяснять, наверное, не надо...

Отплевавшись, найдя фуражку и вытряхнув из волос листья, мне кое-как удалось подняться на четвереньки.

— Тока в полный не вставайте, Никита Иванович. — Наглый серый волк тут же улёгся рядом. — Вона и тын высокий, за ним терем тесовый, а вон там, ежели подумать, и конюшня ихняя располагается. А тока на этот раз я вас одного не отпущу, вдвоём на дело пойдём!

— Мить, тебе оно надо?

— Надо! Значит, вам можно развлекаться, в преступников играть, а меня, сироту, побоку?! Не лезь с немытым рылом в калашный ряд? Ну давайте хоть чё-нибудь вместе украдём служебного товарищества ради...

— Пошли, — махнул рукой я, поскольку Митя относился к тем людям, с которыми долго спорить невозможно, проще самому застрелиться.

Это было первое и, как оказалось, последнее уголовное дело, на которое мы пошли вместе. А собственно, чего я ещё ждал, верно?

В общем, мне, видимо, будет проще опуститься до краткого протокольного пересказа. Через забор мы перемахнули без проблем, я сначала подтолкнул Митю в пушистую задницу, потом более-менее элегантно перелез сам. Собаки на подворье нас, разумеется, увидели, но в присутствии матёрого волка ни одна шавка тявкнуть не посмела.

До конюшни тоже дошли спокойно, там у входа всего один сторож сидел, то есть дрых сидя. Златогривый конь так же был обнаружен практически сразу, это несложно, в прочих стойлах переминались с ноги на ногу всего четыре лошади. У высокого белого жеребца в дальнем углу грива и вправду казалась выкрашенной золотой краской. Может, феномен природы, может, волшебство — кто их разберёт, непарнокопытных...

— Милая коняшка, добрая коняшка, умная коняшка, ай-ай, ай-нэ-нэ, — заученно пропел я, абсолютно не надеясь на успех. Но, к моему изумлению, жеребец приветливо склонил голову и сам потянулся за мной из стойла. Ей-богу, мы бы так и ушли, если б не Митя...

— Ой, Никита Иванович, а как же вы его без уздечки-то поведёте? Вона в стойле висит, серебром да камнями самоцветными украшена. Ужо сниму...

— Митька-а, не сме-эть!

Поздно. Как помню по сказке, к уздечке должны были быть привязаны какие-то тонкие нити, активизирующие колокольчики, бубенчики, гусли и даже трубы.

В общем, меньше чем за минуту на конюшне такой оркестр загрохотал, что проснулась вся округа. Набежавшие мужики с вилами взяли меня в кольцо, а на прижавшего уши «пёсика» с бантом на шее даже не обратили внимания. Этот нахальный увалень, как всегда, выкрутился, мне же в одиночку пришлось держать ответ за всё...

О дальнейшем развитии событий вы вполне могли бы догадаться сами. По крайней мере, лично меня не покидало ощущение дежавю. Вот разве что царь Тимур был совсем не похож на царя Дормидонта. Этот венценосный государь был довольно моложавый человек, худой, как велосипед без рамы, лысеющий со лба, с длинной восточной бородкой и нервно дёргающимся веком.

— Вор? Конокрад? Казнить! Немедля! Тут же, при мне, самым жестоким образом, чтоб другим неповадно было, а чё?!

— Угу, — тупо согласился я, уже догадываясь, во что впрягся. — Может, договоримся?

— Может? Это как? Это вопрос был? Да непременно договоримся, ежели хочешь голову на плечах сохранить! А куда тебе без головы, вор конокрадский? Некуда! Договоримся-а...

Этот самодержец захотел в обмен на коня распрекрасную девицу Василису Прекрасную из соседнего царства. Родную дочь неуступчивого царя Никодима.

Не знаю, для каких целей, ну уж явно не баловства ради, в этом мире все подряд только и стремились к законному, а значит, материально выгодному браку. Подозреваю, что и царь Тимур был намерен таким образом оттяпать себе полцарства соседа.

Огромная территория — два гектара, полдеревни, один мосток через ручей и треть непроходимых болот с мухоморами. Ну, у богатых свои причуды...

— Чё молчите на меня, Никита Иванович? — первым полез мириться мой младший сотрудник, когда меня вытолкали за ворота.

— Я не молчу.

— Молчите.

— Митя, если я тебе отвечаю, то как же я молчу?!

— Обиженно, — пояснил он, приседая, чтоб мне было удобнее влезть на его спину. — Чё вы сразу, как этот...

— Как кто?

— Как не родной! Стока вместе пережили, стока соли съели, стока дел распутали, стока преступников повязали, а вы на меня дуетесь из-за одного косяка разъединственного...

Я прикусил нижнюю губу, чтоб не зарычать, и постарался мысленно досчитать до десяти. Обычно это помогает. Но в этом случае уже на цифре восемь в памяти поочерёдно всплыли сто двадцать шесть Митиных косяков только за последнее время. А если учесть общий стаж его службы, то счёт пойдёт на многие тысячи...

И это я не преувеличиваю! Наоборот, я просто не все его причуды записываю, иначе давно бы в психушку загремел...

— Давай не усугублять. Забудем всё и поехали. Нам ещё благодаря тебе придётся красавицу-невесту воровать.

— Почему нам? — искренне не понял Митя. — Не, мне невесту не надо, я вообще на такое не подписывался. Вы человек, вам и карты в руки, а я зверь лесной, безвинный, ни в чём предосудительном не помеченный.

— Поздно. Кто мне уздечку подсунил и сигнализацию врубил?! — пнув его пятками под бока, напомнил я. — Теперь мы с тобой кунаки влюблённого царя-джигита. Взамен получим коня, меняем его на птицу, а птицу на наших заложниц. Потом их домой, а сами ходим по лесу, аукаем царя Гороха. И лучше б мы его нашли...

— Дело ясное, — серьёзно согласился серый волк, вновь пускаясь вскачь вдоль забора. — А тока какие у нас есть гарантии, что этот Змей поганый сызнова на Лукошкино не пойдёт?

«Никаких», — подумал я, но вслух не произнёс ни слова.

Да он и сам догадался, не дурак всё-таки, общую психологию преступника сечёт на раз. Разговорились, уже когда выехали в чисто поле, и не очень далеко, на уже розовеющем горизонте увидели высокие крыши терема царя Никодима. Собственно, тема была той же самой, с минимальными поправками и вариациями. Сказки же, чтоб их...

— Мить, а у тебя нет информации, как в вашем сказочном мире девиц крадут?

— У меня такое впечатление складывается...

— Не умничай.

— ...что вы меня тут за криминального авторитета держите, — невозмутимо продолжил он. — То как курей красть, то как коней воровать, теперича и до живых людей похитительства добрались. Я так думаю, неспроста оно. Проверяете небось. А потом как турнёте взашей из милиции, чтоб я вам чистых рядов не позорил...

В чём-то он, конечно, был прав. Турнуть Митю из отделения — это круче, чем арестовать Памелу Андерсон на пляже и обыскать её в купальнике. Не, не я в купальнике, а... тьфу! Надо срочно вернуть любимую Олёну, а то уже фантазии разные появляются...

— Ладно, не хочешь — не говори.

— А вы меня потом к стенке за отказ сотрудничать с органами?

Я сделал вид, что задумался над таким заманчивым предложением. Митя всё понял и мгновенно включил задний ход.

— Эх, пропадай моя буйная головушка! Куда ни кинь, всё об пень лбом, на ёлку задом. Было дело у нас... Тока тсс! Маманя узнает, из-под земли меня достанет да и по ушам, по ушам! А ручища у неё, сами знаете...

Мы ещё пару минут пообсуждали его строгую маменьку, и лишь после этого разболтавшийся волк, не сбавляя хода и не сбивая дыхания, расписывал, как у их деревеньки остановились каторжники, идущие в Сибирь по этапу. И как там один особо упёртый дед, весь в наколках, с бородой ниже пояса и кандалами, начищенными до серебряного блеска, травил тюремные байки молодым первоходникам.

Так вот, кроме всего и всякого, рассказывал, каким образом они в персидском набеге баб воровали. Как я понимаю, дело это у них было поставлено на поток: утром украли, днем прислали счет, вечером вернули за деньги. И всё у них якобы прокатывало...

— Тут, главное дело, по затылку её правильно ошарашить! Слабо вдаришь, девица на визг изойдёт, а сильно — дык дурой слюнявой останется. Гармония нужна и опыт, конечно, без него никуды...

Нарвались похитители, когда попробовали тот же бизнес перенести на русскую землю. Высмотрели дочь одного боярина, влезли ночью в окошко и хрясь её по затылку стулом! А девка неслабая попалась, щепки с башки отряхнула да ответным махом — хлобысть самого похитителя лбом о стену! Тот временно лапты склеил, а очухался уже в тюремной камере. Эх, судьба арестантская...

— Хорошенький метод, — буркнул я себе под нос.

— Не в совершенстве, — легко согласился Митя. — Зато ж за разговором и дорогу скоротали! Вона уж царство Никодимово, и забор тесовый, и оконце девичье наверху распахнуто.

— Уверен? Может, там как раз её батюшка спит...

— Не! Запах чую девичий, приятственный!

Серый волк так похабно мне подмигнул, что пришлось дать ему кулаком по лбу за намёки. Всё равно что кирпичную стенку ударил, только руку отшиб, а этот мерзавец с хвостиком даже не поморщился...

— Хм, интересно, как же туда забраться-то? — задрав голову, сам себя спросил я. — Тут нигде приставной лестницы не видно.

— Давайте я вам помогу, Никита Иванович, — от всей души

предложил Митяй, виляя задом. — Ужо небось подкину до оконца-то?

И, прежде чем я хоть как-то успел ответить, здоровенная волчья морда сунулась мне сзади между ног (прошу простить за натурализм!) и одним движением мощной шеи так подбросила вверх, что только ветер в ушах свистнул.

— Мявк, — почему-то по-кошачьи выдавил я, всем телом влетев в бревенчатую стену на метр левее подоконника. Больно-о-о...

— Виноват, не рассчитал, сей же час переиграем с поправкой на ветер, — поспешно повинился наш младший сотрудник, ловя меня на передние лапы.

— Сволочь ты, — уныло пробормотал я, прекрасно понимая, что сейчас нахожусь не в том состоянии, чтобы с ним драться.

Серый волк одобрительно лизнул меня в нос и, не мешкая, отправил в полёт вторично. На этот раз я почти удачно попал куда надо. В смысле влетел в распахнутое окно, но чуточку зацепился каблуком за подоконник. Пришёл в себя, лёжа в кровати с незнакомой девицей, крепкой, объёмной, растрёпанной, неумело пытающейся стянуть с меня брюки.

— Вы кто? — Я лихорадочно вцепился в форменные штаны.

Девушка поджала губки.

— Знамо кто, Василиса, девушка-краса! А ты по какой причине до моей невинности домогаешься?

— Я?! По-моему, это вы меня раздеваете!

— И что ж? Пользуюсь случаем. Да разве ж вам, мужикам, всем не одного только надо?

— Мне не надо. То есть надо, конечно, но не сейчас, не тут и от другой. Я женат!

— А зачем же тогда в девичье оконце лез, кобель окольцованный? — без улыбки уточнила девушка, перегнувшись и доставая откуда-то из-под кровати впечатляющего вида дубинку.

Может, даже маленькую оглоблю. Обычно у нас с такими Митя на медведя зимой ходит. В смысле каждую зиму собирается пойти, но всё время как-то не с руки.

— Кстати, об искусстве, — зажмуриваясь, успел вставить я. — Как вы смотрите на короткую поездку в рассветную даль с целью заключения крепкого брака с одним моим знакомым царём?

Девушка остановила замах в считанных сантиметрах от моей головы. Дубина ещё угрожающе покачивалась, но народный гнев быстро сменился чисто женским интересом.

— А мне батюшка Никодим баял, будто, окромя него, нет других

царей...

— Ну, батюшки, они и не такое бают, — торопливо развенчивая отцовский авторитет, зачастил я. — Тут у вас на самом деле за одну ночь три царства обскакать можно. Лично мне уже с двумя царями соседними встретиться довелось. Первый характером не вышел и морда кривобокая, а второй ничего так, лысенький, авторитетный, золото любит, лошадей разводит, гуманитарный склад ума. Берёте?

— Посмотреть бы... — логично призадумалась Василиса (ох не сказал бы, что Прекрасная), потягиваясь с медвежьей грацией.

С другой стороны, если царю Тимуру такие нравятся. Его дело. Клиент всегда прав.

— Коли по сердцу окажется, отчего ж замуж не пойти. А если нет, не серчай, добрый молодец...

Уважаю. Не дешёвка, сразу к самодержцам в штаны не прыгает.

— Предлагаю обзорную экскурсию. Едем вместе, транспорт мой. Смотрите на жениха из-за забора. Понравится, он ваш. Не понравится, нет проблем! Вас вернут домой, а он пусть... как-нибудь сам... как-нибудь так...

Царевна посмотрела мне в глаза прокурорским взглядом.

— Даю честное милицейское, — не задумываясь, перекрестился я. — У вас две минуты на сборы.

Девушка уложилась в полторы. Чуть медленнее, чем в армии, но у неё и наряд посложнее, тут тоже не сравнишь. Ещё за полминуты она упаковала небольшой сундучок с ручкой.

Я, правда, так и не понял — это приданое или косметичка? Но, по сути, и не моё дело. Может, вообще оружие самообороны, и у неё там бомба с часовым механизмом...

— Митя? — высунулся я из окна почти по пояс.

Верный волк поднял голову и с готовностью кивнул.

— Лови царевну!

По счастливому стечению обстоятельств Митька просто не успел увернуться. Я подло подтолкнул Василису Прекрасную в широкую спину, и она кубарем рухнула вниз. Писк моего младшего сотрудника, придавленного ста тридцатью килограммами живого веса, по идее должен был разбудить всё так называемое государство...

— Да ладно тебе, чё я, такая толстая, что ли?!

— Ни-ни, — кое-как ответил Митя откуда-то из-под её левой ноги. — Лежите, лежите, мне удобно!

Я сам спрыгнул вниз, приземлился не очень удобно — щиколотку

ободрал, но это ерунда, мелочь в сравнении с мировой революцией.

— Повезёшь двоих.

— Никита Иванович, вы смерти моей хотите, что ли?!

— Иногда да! — честно признался я, массируя ногу. — Но не в данную минуту, сейчас ты мне нужнее живым для других целей.

— Боюсь представить...

— И не надейся, — сухо обрезал я. — Садитесь, Василиса, как вас там по батюшке, не важно, едем!

Митяй перестал валять дурака, встал на все четыре лапы и подставил спину. Царевна села первой, я сзади, и мы втроём слабенькой пародией на знаменитую картину Васнецова неспешно двинули вдоль забора.

Не буду врать, что серый волк пошёл с двойной ношей вприпрыжку и не кряхтя, но в целом как-то справлялся. Царевна мурлыкала себе под нос что-то блатное-хороводное типа:

— «Моя невеста, ты моя невеста! И если честно, мне с тобою так...»

Я обнимал её за талию, стараясь не особенно прижиматься, но, честно говоря, от неё было тепло, как от печки. С учётом предрассветного холода это даже приятно. Не поймите меня превратно.

Собственно, вокруг давно светло, хотя само солнце над горизонтом ещё не встало. За нашей спиной запели никодимовские петухи, им тут же ответили, словно на спор, те же крикливые пернатые будильники со двора царя Тимура. Это крепкое куриное братство всех времён и народов, и фиг его перешибёшь или поменяешь. Люди могут изменять друг другу, а петухи солнцу — нет...

Ночь прошла без сна, но, видимо, адреналин бил ключом, так что я не чувствовал ни усталости, ни желания спать. Только бьющий ток крови в висках. В конце концов, сегодня я впервые украл девушку. Такие поступки — большая редкость для скромного участкового из Лукошкина.

Но продолжать не будем, перейдём к товарообмену. Господи, чем мне вообще приходится заниматься...

Вернусь, уволю сам себя за действия, не соответствующие высокому званию сотрудника милиции! Честное слово! Хотя, возможно, я погорячился...

К моему немалому удивлению, нас никто не преследовал. То ли не проснулись ещё, то ли Василиса Прекрасная не так уж и была нужна своему драгоценному батюшке. Обсудить эту тему с самой царевной не получилось просто из-за нехватки времени. В том смысле, что времени на разговоры просто не было, мы прибыли...

— Привёз? Где? Вот эта? — с ходу приветствовал нас лысеющий царь

Тимур, высунувшийся из окна в ночном колпаке, но бодрый, как неврастеник.

— Нравится?

— Нравится! В моём вкусе! Ведите красавицу в терем, свадьбу обсуждать будем. Вам особое приглашение надо?

— Нет, — деликатно откашлялся я. — Нам нужно другое. Лошадь. Точнее, конь златогривый, как договаривались.

— Вывести им коня! А царевну мне! Сюда! Всю! Целоваться-миловаться! — упивался радостью тощий государь пяти дворов и одного терема.

Однако в презрительном взоре обширной Василисы Прекрасной ответного энтузиазма не наблюдалось. Ворота распахнулись, двое заспанных холопов вывели под уздцы того самого горделивого красавца с золотым отливом гривы.

— Ну, всем спасибо, — только и успел начать я. — Как говорится, совет вам да любовь и детишек побольше. В смысле количества, а не размера...

Прямо на наших глазах царевна легко вспрыгнула на спину коня, толкнула его пятками и унеслась в лазоревую даль без каких-либо объяснений.

— Это... чё такое значит? — осторожно уточнил лысеющий незадачливый жених. — Это вы меня обманули, что ли? Кинули? Ни невесты, ни коня?!

— Разберёмся, — неуверенно пообещал я, так как нам с Митей тоже по-любому пора было делать отсюда ноги. На раз-два!

Серый волк прыгнул в сторону, едва не сбросив меня со спины, и далёкие проклятия царя Тимура донеслись сквозь свист ветра в ушах уже плохо различаемыми обрывками:

— ...ады!...орьё!...аршивые!...уки!...ети...ать...ашу!...идерасты!...адомиты-ы!!!

Если мы что и поняли, то виду не подали и к себе примерять не стали.

В конце концов, мы с Митей были удивлены не меньше, подобное развитие сюжета никак не входило в наши планы. Благо конокрадку в юбке удалось догнать минут за пять-шесть, далеко она не ускакала. Конь устал, не першерон всё-таки...

— Гражданочка, — вежливо прокашлялся я, изо всех сил стараясь придать своему лицу суровое выражение. — Вы, собственно, куда втопили-то? Ни здрасте, ни до свиданья, плюнули в душу человеку, меня в неудобное положение поставили, чужую лошадь спёрли. У вас, вообще,

совесть есть?

Царевна уставилась на меня так, словно это слово было ей попросту незнакомо. Потом вздохнула всей грудью (бюст поднялся вверх сантиметров на пять, не вру!) и жалобно протянула:

— Не понравился он мне. Не лежит к нему сердечко девичье. Нешто неволить меня, бедную, станешь?

— Нет, разумеется. Однако...

Я призадумался. По идее Василису следовало бы вернуть домой.

Но тут возникает целый ряд вопросов. Во-первых, как? Златогривый конь едва на ногах держится, он её явно не довезёт. Мите тоже сегодня не слабо досталось, весь день в бегах туда-сюда, да и не попрёт он её хоть и под угрозой увольнения! Которая, кстати, не так уж на него и действует — по привычке, притерпелся, адаптировался, так сказать...

Ну и пешком девицу домой тоже не отправишь, не ближний свет, через целое царство-государство пешкодралом пилить надо...

— А ты меня с собой возьми, добрый молодец участковый, — прямолинейно попросила разборчивая невеста. — Я ж как-никак Василиса Премудрая, я тебе пригожусь.

— Секундочку, — замер я, потому что один эпитет не сочетался с другим. — Вы же вроде говорили, что вы Василиса Прекрасная?

— Когда энто я тебе такое сказала?!

— А-а-а... — Я почувствовал себя полным идиотом, так как слово «прекрасная» мне навязал царь Тимур, а сама Василиса действительно ни разу себя так не называла.

— Ты уж не серчай, добрый молодец, однако зеркало и у меня есть. Премудрая я. И далее без обсуждений...

— Митя, принимай на свой горб царевну, — тупо согласился я. — Премудрую. Не нам чета.

— Тока через мой труп, Никита Иванович, — тихо простонал серый волк. — Она мне и в прошлый раз за одну поездку так холку намозолила — месяц шерсть расти не будет!

Однако толстуха без предупреждения отвесила ему подзатыльник, и изумлённый Митя заткнулся на корню. Действительно, премудрая. И рука у неё тяжёлая. Ладно, берём.

Дальше двинулись уже без спешки, шагом. Василиса на моём младшем сотруднике, я пешком, держа златогривого коня под уздцы. И идти было не то чтобы так уж далеко, по пути разговорились, и она как-то незаметно, без предупреждения, вытянула из меня всю информацию, касающуюся событий последних дней...

— А зачем Змею Горынычу та птица понадобилась?

— Абсолютно не в курсе, — честно признался я. — Этот гад поставил заведомо невыполнимое условие в надежде, что нас просто поймают и казнят.

— Чужими руками решил от тебя избавиться?

— Вроде того.

— Нескладно выходит, — задумчиво теребя косу, нахмурила брови царевна. — Коли Змей могучий такую силушку имеет, что самого Кошца Бессмертного огнём спалил, так что ж ему перед тобой, человеком пленным, китайские церемонии разводить? Не смешно, да и неумно к тому же...

— Мить, притормози, — тут же попросил я. — Можешь связаться с Бабой-ягой? Её совет нужен.

— Навряд ли, Никита Иванович, — неуверенно откликнулся он, лапой проверяя наличие синей ленты на шее. — Она ить сама на разговор выходит, когда ей надобно. А как нам её кликать-выкликать, не сказала...

Я опустился на одно колено, повертел синий бант и потыкал в него пальцем, скороговоркой бормоча:

— Первый, первый! Я второй! Преступники уходят на юго-запад по шоссе, на старенькой иномарке «Запорожец». Как слышите меня, приём?!

— Ну? — подал голос Митя.

— Ну и... вот. Всё. Молчит, сам же слышал.

Мы все разочарованно вздохнули. Кроме златогривого коня, пожалуй. Ему-то точно всё происходящее было глубоко до...

— Никитушка?! Ты что ж с волшебной лентой балуешься? — неожиданно раздалось из банта. — В таком месте застал, за таким делом, что и ответить сразу неудобственно. Чего хотел-то, соколик?

— Нужна срочная информация о птице! — Я в две минуты уложил детальный рассказ обо всех наших при(зло)ключениях, и бабка взялась за дело.

Какая такая птица и с чего уж она настолько запонадобилась фон Дракхену, неизвестно, но ходили непроверенные слухи, что он всегда побаивался птиц. Что-то вроде невнятного, подсознательного комплекса. Вроде бы его в далёком детстве, маленьким змеёнышем, чуть не склевала легендарная птица Феникс. Как известно, крайне недолголюбивавшая змей...

Уж как логично (нелогично) переплетались в этом деле мифология, зоология, криптоистория и прочее, Яга не знала, просто предложила верить ей на слово. Да, собственно, у меня других вариантов и не было.

— Всё, что смогу, вызнаю! А ты сюда, на Стекланную гору, поспешай,

тут большие события надвигаются.

— Какие?

— Бабий бунт!

На этом страшном слове связь оборвалась так же резко, как и появилась.

Митя посмотрел на меня тоскливым взглядом волчьих глаз:

— Чё Бабуленька-ягуленька, раскрасавица наша, в виду имела? Бунт бабий али мне послышалось?

— Бунт, — со значением подтвердила царица Василиса. — Ох, мужики, а и страшное ж это дело... В бунте бабьем разума нет, требований и уговоров тоже, один размах, слёзы да эмоции! И уж ежели кого им накрыло, так уж всё — сам под иконы ложись в белой рубахе да Христа-Бога моли, чтоб смертушка была быстрой...

— И что, помогает? — сипло уточнили мы с Митей.

— Молитва-то? Не, не очень. Кто ж ему, негодяю, помереть даст, покуда всё, что накопело, не выслушает?!

Я сдвинул фуражку на нос, запрокинул голову и попробовал повыть. Сначала получалось как-то не очень, но серый волк поддержал, и какое-то время мы в две глотки старательно выли на солнце, потому что луны уже не было, а оторваться надо. Иначе лопну...

Глава нашего экспертного отдела совместно с моей молодой женой, супругой царя и безобидной деревенской девушкой вчетвером решили побунтовать в частном доме самого сильного и могущественного злодея из всех мне известных. Развлечение у них такое.

Покойный гражданин Бессмертный, как ни двусмысленно это звучит, легко расстался с пальмой первенства, с головой и короной короля преступного мира. А ведь мы и с ним далеко не всегда могли справиться. Если честно, то он всё равно регулярно ускользал от ареста. И отметьте, на открытый конфликт та же бабка с ним не шла, боялась. А что теперь?

Теперь всем заправляет Змей Горыныч, способный унести невысокое деревянное здание вместе с людьми, спалить, как во Вьетнаме, целый населённый пункт, выстроить себе замок в готическом стиле на вершине горы и оплавить землю в стекло, дабы желающие на него напасть поскользнулись и чувствовали себя круглыми идиотами. Победить его просто невозможно!

Только поэтому мы пошли на временные уступки и выполнение требований шантажиста, а четыре благоразумненькие красавицы в это время решили побунтовать?! То есть именно тогда, когда, согласно устной договорённости, мы освободили бы их и просто так...

— Хватит понапрасну глотку драть, добры молодцы, — равнодушно бросила Василиса Премудрая, когда мы окончательно выдохлись. — Поехали уже, надо с конём златогривым что-то решать.

— Что решать? — отвлёкся я, так что Митя ещё с полминуточки повыл. — Всё давно решено: передаём коня, получаем птицу, едем к Стеклойной горе, меняем птицу на пленных девушек и сваливаем оттуда побыстрее.

С каждым словом мне самому была всё отчётливей и отчётливей видна наивная глупость моих планов. Кто сказал, что Змей сдержит слово? С чего бы это ему вдруг отпускать не только пленниц, но и свидетелей? Когда и в каких сказках оно было?!

И потом, раз уж мы такие исполнительные, почему не погонять нас ещё пару-тройку-сотню раз туда-сюда за разными диковинками типа руки Голема, трёх орешков для Золушки, вставной челюсти Дракулы или золотого яблока Париса? Ему там, на Стеклойной горе, со скуки заняться нечем, а тут такое бесплатное развлечение — посылай себе участкового на сером волке, пока не наскучит... Анкор, ещё анкор?!

— Никитушка-а, приём, приём! Так, что ль, говорю али нет? Ежели чё не так, прости дуру старую!

— Всё в порядке, — поспешил ответить я. — Есть какая-то информация по птице?

— Нету. Два раза к нему подкатывалась, вопросы наводящие задавала, к теме подводила искусно, даже был грех — юбку почти до колен подняла. Не ведётся, гад!

— Ясно, — тяжело выдохнул я, хотя ясного ничего не было, скорее наоборот. — Что ж, держитесь, мы скоро.

— Да уж расстараемся, сокол ясный! А тока, ежели к вечеру не появиться, бунт ужo начнётся...

— Что начнётся?

— Дык бунт же! — с нездоровой лихостью выкрикнула бабка, как всегда без предупреждения обрывая сеанс связи.

— Хотелось бы ещё поинтересоваться судьбой дьяка и царя, — громко проорал я в бант, но никто не ответил. Всё, абзац, она своё сказала, а прочее ей как-то неинтересно.

В порыве раздражения я чуть было не придушил Митю той же синей ленточкой, но он вырвался и покрутил лапой у виска:

— Вы чё, Никита Иванович, белену с бузиной попутали? На своих кидаетесь...

Верно. Перебор. Надо собрать волю в кулак и решить, что делать

дальше. Каков план наших действий? Играем по правилам фон Дракхена или импровизируем? Эх, ну почему нас в милицейской школе не готовили к диверсионной деятельности?! Сейчас бы оно ох как пригодилось...

— Поехали, время не ждет.

Дорога до царя Дормидонта не заняла много времени, расстояния там были меньше, чем в лоскутной Европе. Митя с конём ушли вперед, а мне пришлось развлекать царевну светской беседой. Вернее, я надеялся, что она попросит отвезти её домой, но увы...

— У батюшки в царстве жизнь больно скучна. Приличной девушке и заняться нечем, разве что огурцы солить да мух полотенцем гонять. Женихов нормальных нет: либо юнцы прыщавые, либо мужланы перезрелые. И те и другие брагу хлещут вёдрами. Ни у нас, ни у соседей даже библиотеки нет. Постыло мне там всё, понимаешь ли, участковый...

— Вполне. А разрешите нескромный вопрос?

— Девица, — сразу ответила она.

— О?! — Я не сразу нашёлся, что сказать. Поздравить или посочувствовать? — Простите, но я не об этом хотел спросить. Вот ваше прозвище — это отчество, фамилия или...

— Или.

— В смысле?

— Премудрая я. Образованная, значит. Книг много читала, во всех вопросах разбираюсь. А Прекрасная... это так, женихов приманивать. «Илиаду» читал?

Читал, естественно. И если она имела в виду аналогию с Прекрасной Еленой, то не грех бы вспомнить судьбу красавицы-гречанки. К чему всё это привело, тоже весьма показательно. Короче, пусть лучше будет Премудрая. Меньше проблем огребем...

— Пришли, — констатировал Митяй, серой лапой указывая на деревянную крышу терема царя Дормидонта, возвышающуюся над мелколесьем.

— Угу, — кивком подтвердила царевна. — Стало быть, здесь коня на птицу менять станете?

— Да.

— Не продешевь, сыскной воевода.

— Думаете, златогривый конь стоит дороже одной такой птицы?

— Думаю, голова твоя уж точно и коня и птицы дороже, — многозначительно пояснила Василиса Премудрая.

Я хотел было ответить, что это вопрос решённый, торговаться никто не намерен и всех делов-то на две минуты — зашёл, отдал, получил, вышел. А

потом задумался...

Если птица не так уж важна Змею, зачем он меня за ней отправил? Не потому ли, что знал истинный характер своих соседей? Или всё-таки у этой птички есть какая-то тайна, в которую меня традиционно никто не посвятил? Преступники всегда играют краплёной колодой.

— Митя, подстрахуешь?

— Чегось? Вы б не выражались при девице-то, Никита Иванович.

— Прости, — не стал спорить я, себе дороже. — Просто прикроешь мне спину, если что?

— А-а, энто другое дело! Энто мы завсегда и со всем нашим удовольствием! Кого за филей куснуть прикажете?

Точного ответа пока не было, поэтому решили действовать сообразно обстановке. Может, и никого не придётся, а может, венценосную особу местного розлива. Толстая Василиса милостиво согласилась подождать нас на полянке, распевая русские народные песенки и собирая цветочки, из которых она будет плести венок. Надеюсь, не траурный и не нам...

— Митя, — начал я, когда мы прошли вперёд. — Значит, работаем по заранее утверждённому плану. Я — произвожу обмен из рук в руки, ты — следишь за тем, чтобы меня не кинули. Мы этих людей не знаем, оружия у нас нет, еремеевцев нет, колдовской поддержки Бабы-яги тоже. Выкрутимся?

— Как Бог даст...

— А поконкретнее?

— Никита Иванович, вы от меня чего хотите-то? Я энту птицу вашу в глаза не видел. Может, она попугай какой, павлин восточный али вообще страус! Если вам кого не того подсунут, я ж не при делах!

— Про страуса откуда знаешь? — зачем-то спросил я.

— В замке Кощеевом видел, забыли? Ну и ещё купцы тверские рассказывали. Вроде как один из них до самой Индии дошёл и чудес всяких навидался.

— Афанасий Никитин?

— Не припомню, — задумался серый волк. — Да что вам до него? Вы сами-то ту птицу в лицо видели? При встрече узнаете? С курицей не перепутаете?

— Нет.

— А вы сейчас на какой вопрос ответили?

— На первые два, — вынужденно признался я. — Честно говоря, птицу мне не показали, может, это и вправду редкий вид той же курицы. Но с другой стороны... Я ведь пришёл за ней так уверенно, что у этого царя

Дормидонта не возникло ни малейших сомнений. Он-то уверен, что я знаю! Поэтому и потребовал в обмен коня.

— Ох, сомнительно мне всё сие...

На этой глубокомысленной ноте мы и расстались. Я повёл коня под уздцы к тесовым воротам, а Митя быстренько упрыгал куда-то вбок. Бросить он меня, конечно, не бросит, случись что не так, прибежит без приглашения и всем плюшек навешает! Ну или чисто по-украински, кого не зьист, того понадкусает!!!

Я погладил золотую гриву белого скакуна, единственного благородного существа, молчавшего всю дорогу и не портившего мне нервы, а потом постучал в ворота. Открыли почти сразу: всё-таки в этом мире принято просыпаться на заре, с петухами. Двое мужиков, одобрительно косясь на коня, проводили меня во двор, а на крыльце своего терема уже стоял царь Дормидонт в домашней одежде и в окружении толпы зевающих домочадцев.

— Привёл-таки коня? Ай, молодец! Ай, удалец! Хвалю! Забирайте златогривого на мою конюшню! А тебе, добрый молодец, низкий поклон, и иди себе с миром!

— Вы мне птицу обещали, — напомнил я, не выпуская узду из рук.

— Птицу, говоришь? — насмешливо хмыкнул наглый царь. — Да на что она тебе? Птица энта не простая, у ней голос расчудесный, она боль-тоску разгоняет, добрым людям утешение приносит. А ты, конокрадишка, её забрать хочешь? Иди уже, покуда я на тебя собак цепных не спустил.

— Вы же обещали! Так не честно!

— Отчего ж? Ты ко мне в дом честь честью пришёл, я те птицу за коня пообещал. Как честному человеку! — завернул Дормидонт, являя свою казуистическую кулацкую сущность. — Думал, ты того коня купишь али выслужишь. Да тока денег у тебя не было, а за златогривого лет десять служить надобно. Стало быть, украл ты его! Верно?

— Вообще-то там имел место обме... — начал было я и заткнулся, прекрасно понимая, что по большому счёту коня мы именно украли.

Пусть не я лично, на нём Василиса Премудрая ускакала, но ведь я потом и не попытался вернуть его законному владельцу. Значит, как минимум соучаствовал в преступлении. Однако...

— Однако вы не ставили мне никаких условий относительно честной-нечестной доставки животного, — упёрся я, поскольку в юридических вопросах тоже был подкован, не чета всяким там. — Не хотите меняться, забираю его назад и возвращаю туда, откуда взял.

— Кто ж тебе позволит-то, мила-ай? — от души разулыбался

Дормидонт и все его приближённые. — Раз скотинка у меня на дворе, стало быть, моя она и есть. В шею гнать дурака!

Ко мне двинулись человек пять, засучивая рукава. Но, прежде чем хоть кто-то из них подошёл на расстояние удара кулака, огромная серая тень, метнувшись из-под крыльца, накрыла царя Дормидонта...

— Во-о-olk!!! — заорали все, бросаясь в разные стороны.

Митя фамильярно облизал бледного, как простокваша, царя Дормидонта.

— Штаны не обмочи, твоё величество. Значит, грубим участковому? Слово не держим, законопорядок не уважаем? Давно голову не откусывали, а? Отвечать младшему сотруднику Лукошкинского отделения милиции! Я — серый волк при исполнении!

— Чи... чи... чи...

— Стишок про обезьянку вспомнил, что ли? — уточнил Митя, оскалив страшную пасть, предмет зависти любого крокодила. — Ты меня народной поэзией не грузи, я и сам стока неприличных частушек знаю, заслушаешься...

— Чи... чиво изволите? — пролепетал вусмерть перепуганный Дормидонт.

— Клиент созрел, Никита Иванович! Спрашивает, чего мы изволим?

— Птицу, — потребовал я. — В клетке. Ну чтоб не в кармане её везти.

— Слыхал, задница бородастая? — жарко выдохнул мой напарник в лицо царя.

Тот радостно закивал, хлопнул в ладоши, и буквально через минуту тонкая женская рука выставила нам за дверь небольшую золотую клетку. Внутри вертела головой белая птичка неизвестного мне вида. Больше похожа на обычную канарейку, но с хохолком.

— Беру. — Я честно оставил коня посреди двора, подошёл к крыльцу и забрал клетку. — Надеюсь, теперь вы поймёте всю глубину своего нравственного падения и впредь будете более ответственно подходить к исполнению своих договорных обязанностей.

— Чегось? — осторожно переспросил присевший царь, но раскаяния в его голосе не было. — Ага, идите, счастливого вам пути. Бог даст, ещё встретимся на кривой дорожке, гражданин участковый! Дай бог тебе и волку твоему всяческого благополучия...

— Мить?

— Идите, идите, Никита Иванович, а я тут чуток задержусь. Кой с кем побеседую, оголодал уж очень, аж брюхо подвело.

— Догоняй быстрее, — попросил я, выходя за ворота. — И не

зверствуй чрезмерно.

— Как можно?! Честь мундира же! — нагло подмигнул серый волк, плотоядно лизнув теряющего сознание царя Дормидонта в хрящеватое ухо. — Чуток на зубок попробую, ежели невкусный, дык плюну и домой...

— Я не вкусы-ый! — долго доносилось из-за забора, когда мне пришлось почти бежать от негостеприимного двора с клеткой под мышкой.

Птичка раскачивалась на жердочке и радостно пищала от новизны впечатлений. Собственно, дальше метров ста мне отойти не удалось, позади раздался шум, крики, два-три выстрела из пищалей, а потом прямо через ворота перемахнул статный златогривый конь, на спине которого гордо восседал серый волк!

Да, Митя в своём репертуаре...

Они в полный карьер пронеслись мимо меня, хорошо ещё не сбили, низкий поклон, и исчезли в том самом перелеске, где мы оставили Василису Премудрую.

Я философски вздохнул, взглянул на небушко, покачал головой и поплёлся следом.

Мыслей в голове было немного, две-три, в диапазоне от классических «кто виноват и что делать?» до «мать вашу, ну почему ж это я всегда крайний?». А поскольку жалость к себе любимому хоть и приятна, но неконструктивна, естественно, главное внимание пришлось переключить на поиски выхода из сложившейся ситуации. Которая, кстати, уже сама так и просит назвать себя тупиковой...

— Фон Дракхен просил чудесную птицу в обмен на четырёх пленниц. Птица у меня. А куда деть златогривого коня с царевной Василисой? Ладно, жеребца берём в отделение, составит компанию Сивке-Бурке, может, даже жеребята появятся. Но гражданку Премудрую-то куда деть? Домой она возвращаться не хочет, я женат, на Митю не повелась. Что, сдать Змею как бесплатный бонус? А если она не захочет? А если, что ещё хуже, не захочет он?! И почему в сказках царевны, королевны и всякие прочие принцессы вечно вешают свои проблемы на чужие плечи? Это не вопрос, это крик души. Прости, птичка, ты тут ни при чём, можешь меня не слушать...

Из клетки раздалось сочувственное пощёлкивание клювом (по крайней мере, мне так показалось) и тихое пение. Я замер. Это было нечто вроде трелей соловья, весёлых переливов жаворонка и какого-то высокого тирольского йодля. То есть нечто совершенно невообразимое...

На какое-то мгновение из сердца ушла боль, все тяготы и горести показались надуманными, пустыми и даже ничтожными. Душа куда-то воспарила, задышалось легко и свободно, так что и самому вдруг

захотелось подпрыгнуть повыше и запеть! Каким-то чудом я удержал себя в руках...

— Спасибо! Не ожидал. А у тебя и вправду редкий дар, малышка.

Птица посмотрела на меня внимательными глазами-бусинками и подмигнула в ответ.

Что ж, зато теперь понятно, зачем она Змею. Просто для поднятия настроения! Тяжело ведь, наверное, ощущать себя одним из самых древних существ на планете. Пусто, скучно, одиноко, все развлечения приелись, как и красавицы. Последние в прямом смысле.

За столько-то лет что угодно осточертеет, хоть разрушение, хоть созидание, хоть ненависть, хоть любовь, хоть каннибализм, хоть вегетарианство. Ну, может, так уж прямо в каннибализме его не упрекнёшь, всё-таки он не совсем человек и жён своих ест, будучи в совсем другом, зверином обличье. Хотя с точки зрения законодательства это его совершенно не оправдывает...

— О, Никита Иванович пожаловал, — с широкой улыбкой приветствовала меня Василиса Премудрая. — Как ваш волчок тут появился, я сразу поняла, что дела не по маслу пошли. Что, царь Дормидонт не лучше своих соседей себя показал?

— Куда хуже! — честно признался я. — Нагло обвинил меня во всех грехах, попытался отжать коня, а потом и вовсе перешёл к угрозам физической расправы. Если б не Митя... Кстати, где он?

— Волк-то?

— Это временно. На самом деле он и не волк вовсе, а нормальный парень. Дмитрий Лобов, младший сотрудник Лукошкинского отделения милиции.

— А-а, — понятно протянула царевна. — В кустах лежит, о березу башкой треснулся, сломал бедную...

— Берёзу, — уверенно уточнил я чисто для себя.

Чтоб наш Митяй да башку себе сломал, такого в природе просто не может быть, она же у него чугунная и мозгом не перегруженная. Спутал лошадь с каруселью...

— Со златогривого навернулся, видимо?

— Ага, может, он и хороший сотрудник у вас, да только ездить совсем не умеет.

Ну, доказывать ей, что псовые в принципе не предназначены для верховой езды на непарнокопытных, было, наверное, бессмысленно и не ко времени. Я поставил клетку с белой птицей рядом с безмятежно щиплющим травку жеребцом и прошёл мимо сломанной берёзы в

ракиновые кусты. Там, разбросав в стороны лапы, на спине, глаза в кучку, язык наружу, наслаждался незатейливым отдыхом мой верный напарник...

— Жить будешь? — Я присел рядом на корточки и похлопал волка по щекам.

— Буду, — без удовольствия ответил он. — А вон та мымра бессердечная даже не спросила: «Больно ли тебе, добрый молодец — серый волк?»

— Не обращай внимания. Говорят, что шрамы украшают мужчин. Правда, если всё время бодать берёзы головой, то... хм...

— Я больше не буду. Случайно вышло, ить ни седла, ни стремян, тока зубами за гриву и держался. — Он демонстративно сплюнул несколько длинных золотых волосков. — Получается, что я коня украл?

— Не совсем.

— И я так думаю. Как слуги Дормидонтовы с ружьями да вилами набежали, я со страху великого вперёд прыгнул да к златогривой скотине случайно на спину и попал. Опомниться не успел, а уж мы с ним над воротами летим!

— Бывает.

— То исть могу сказать, что энто он меня похитил да увёз?

— Мить, давай без бросания в крайности, — попросил я. — Пока мы тут с тобой одни, скажи лучше, как ты себе представляешь наше возвращение на Стекланную гору?

— Ваше.

— В смысле?

— Ваше возвращение. А я там ничего не забыл. Оно мне и задаром нигде не упёрлось. Я к вашему Змею поганому второй раз нипочём не пойду, хоть увольняйте прям щас!

— И что, будешь вот так, серым волком от проблем бегать?

— Буду! Почему ж нет?! По мне, так и волком быть очень даже неплохо, особенно ежели живым!

Я встал и выпрямился. Гневные слова о предательстве, о чувстве долга, о праведном гневе товарищей и всё такое прочее вертелось на языке. Но совесть подсказывала, что наш младший сотрудник не так уж и не прав. Есть определённая граница человеческих возможностей, у каждого она индивидуальна, и то, что ты можешь требовать с себя, не всегда вправе даже просить у своих подчинённых.

В последние дни все мы работали на пределе, а Митя, наверное, вообще показывал ежедневные чудеса храбрости и самопожертвования. Так что если он твёрдо решил не совать голову в змеиную пасть, то не мне

упрекать парня в малодушии.

Я бы и сам, наверное, с превеликим удовольствием куда-нибудь сбежал и спрятался. Только от себя никуда не сбежишь, не получится...

— Ладно, раз решил, значит, решил. Заставлять не стану. Если что, не поминай лихом, и спасибо за службу.

— А вы куда? — Он чуть приподнял голову, продолжая валяться на земле в позе какой-нибудь кустодиевской купальщицы.

— На Стекланную гору. Надо вернуть наших. Всех. Даже дьяка Груздева — тоже наш человек, лукошкинский.

— Тьфу ты, чтоб его, противного... — Митяй мигом вскочил на все четыре лапы. — Вот умеете вы, Никита Иванович, правильные слова найти. Дьяк и мне нужен: ежели не укушу его от всей души за места костлявые филейные — считай и жизнь даром пролетела! Дозвольте поучаствовать?

Я улыбнулся и кивнул. Какие-то вещи всегда остаются неизменными, а если б ему ещё и про тётку Матрёну намекнул, он бы сам из звериной шкуры гольшом выпрыгнул. Это она, значит, будет по-прежнему на базаре торговать, а он ни разу качество продукции не проконтролирует? Да скорей глава боярской думы старик Бодров пол сменит, чем Митя Лобов от квашеной капусты откажется!

— Василиса, — начал я, когда мы вернулись на полянку, — боюсь, что дальше наши дороги расходятся. Вы можете взять этого прекрасного коня себе и вернуться домой.

— Гонишь, стало быть? — тяжело вздохнула она, села на траву и без предупреждения заголосила на одной ноте: — А-а-а-а-а-а-а-а-у-у-у-у-а-а-а-а!!!

Мы с волком заткнули уши. Златогривый жеребец попробовал повторить то же самое передними копытами, потерпел неудачу и просто сунул голову в кусты, забросавшись павшими листьями.

— Нет, нет, мы вас не гоним! Вы всё не так поняли, просто...

Царевна продолжала голосить, запрокинув голову и буквально заливаясь слезами.

— Я же говорю, нам нужно отнести эту птичку к Змею Горынычу! Вы что, хотите к нему на обед попасть? Он же девиц жрёт на раз, как профитроли!

Василиса нас слышала, но не слушала.

— Хорошо, не хотите домой, езжайте куда-нибудь к родственникам. У вас есть бабушка за границей? А с нами нельзя, потому что очень опасно, я вас уверяю...

Митя тронул меня лапой за плечо и покачал головой, показывая, что все уговоры бессмысленны. Пока сама не наревётся, всё равно никакого толку не будет. Пришлось скрестить руки на груди, молча впериться взглядом в чернеющие на горизонте башни замка фон Дракхена и тупо ждать. Хорошо ещё не очень долго.

Среднестатистический запас слёз у девушек заканчивается через шесть-семь минут непрерывного рёва. Потом начинаются сопли, слюни, кашель и попытки долгожданного примирения с реальностью.

— Бросать невинную девицу одну в чистом поле да тёмном лесу — это грех великий, — хлюпая носом, предупредила царевна. — Так что я с вами пойду. Небось сразу-то Змей меня и не съест, а там поглядим, чья возьмёт.

— Ух ты, — невольно восхитился Митя. — Вы что же, побить его собираетесь?

— Мозгами, — сказала, как отрезала, Василиса Премудрая.

Мы с напарником неуверенно переглянулись. Да почему бы и нет? В конце концов, терять нам уже нечего, а на войне никакие союзники лишними не бывают.

— Поехали, — предложил я, кладя руку на холку серого волка. — Очень надеюсь, что фон Дракхен сдержит своё слово.

Митя и царевна обменялись взглядами, говорившими, что уж они-то в это ни на грош не верят. Ну и ладно, будем считать меня упёртым оптимистом, не имеющим в запасе никакого плана «Б». Но у меня он был...

До подножия Стекло́нной горы добрались довольно быстро, часа за два. На этот раз Митя вёз на своём горбу Василису Премудрую, а я без седла прокатился на коне златогривом. Должен признать, что наездник из меня практически никакой, конь это знал, но в своих целях не пользовался. То есть скакал ровной рысью, резких прыжков не делал, на дыбы не вставал и сбросить меня не пытался ни разу. Только я всё равно изрядно отбил себе задницу, и ноги без стремян затекают.

— Митя, сможешь тайно проникнуть внутрь и найти наших? Надеюсь, их бунт закончится, не успев начаться.

— Попробовать можно, — задумчиво глядя на неровности и сколы стеклянного покрытия, буркнул себе под нос серый волк. — А ежели Змей возьмёт да и спросит, куды я делся?

— Скажу, в лес убежал, волчицам глазки строить.

— Энто по мне! А коли найду наших, чего передать-то?

— Чтобы свою бунтарско-диверсионную деятельность строили с учётом человеческо-змеиной природы нашего навязчивого хозяина.

— Туманно как-то...

— Ты, главное, Бабе-яге это скажи, она поймёт.

Митя пожал плечами и, отбежав в сторону, полез наверх, цепляясь мощными когтями за почти невидимые человеческому глазу трещинки и выступы.

— Ну а мы, соответственно, постучим и будем ждать.

Я кивнул златогривому коню, и тот, развернувшись, пару раз крепко ударил задними копытами по склону Стеклойной горы. От тяжёлого удара блестящие осколки так и брызнули во все стороны, трещины пошли наверх, а звон разбитого хрусталя был подхвачен эхом.

Я одобрительно похлопал коня по крутой шее. Браво, мой мальчик, теперь всё внимание охраны будет привлечено только к нам — волка-скалолаза скорее всего уже не заметят. Действительно, меньше чем через минуту откуда-то сверху упала верёвочная лестница.

— Ага, вот, значит, как. Нас приглашают подняться в номер, а вот лошадку придётся оставить здесь. Не заскучаешь?

Златогривый конь флегматично махнул хвостом, типа идите куда хотите, я и тут неплохо перетопчусь. Интуиция подсказывала мне, что мы расстаёмся ненадолго. Поэтому я жестом предложил царевне лезть первой.

— А ты снизу на ноги мои голые пялиться будешь?

— Не буду, — сразу вспомнив бабкины капризы, пообещал я. — Честное милицейское!

— Ну и как хочешь, — тоже с невнятной ноткой обиды фыркнула Василиса Премудрая и слегка поклонилась: — Тады ты первый лезь, мне ни интересу, ни резону...

Я мысленно сосчитал до десяти, но, поскольку Баба-яга давно приучила меня к тому, что любой спор с женщиной заведомо обречён на проигрыш, держа в левой руке клетку, молча полез вверх. Толстая царевна старательно пыхла следом.

Хотя вру, нам тогда и лезть-то особенно не пришлось: верёвочную лестницу стало подтягивать вверх, и вскорости мы прибыли на небольшой балкончик, куда цепной механизм посредством отвесов и шестерёнок поднимал гостей.

— О, явился, не запылелся! Скока ты ждать-то можно, сыскной воевода?! — ворчливо приветствовал нас знакомый дребезжащий голос.

— Гражданин Груздев? — не сразу поверил я, потому что узнать Филимона Митрофановича было ой как непросто.

Вы не поверите...

Новый парчовый кафтан с боярского плеча, отороченная соболиным мехом красная шапка, сапоги с загнутыми носами, все в узорах и бисере, а

в руках длинный посох с серебряными колокольчиками. Взгляд нового дьяка был по-прежнему наглым, а тон вызывающим. Хотя это сохранилось без изменений...

— Чего застыл, истукан милицейский? Али не признал старого знаконца?! Так вот, чтоб ты знал, ирод в погонах, нет больше старого дьяка Фильки! Был, да весь вышел! А ныне кланяйся наипервейшему маж... мажур... мажурику, что ли?!

— Мажордому, — подсказал я.

— Во-во, спасибо. Мажордому его злодейского величия богоравного государя фон Дракхена! — громко проорал дьяк и шёпотом уточнил: — Насчёт богоравного это я не слишком? Тока бы Господь не осерчал...

— Ну да, — сухо подтвердил я. — Есть вещи, которыми не шутят. Вы б перестраховались на всякий случай.

— Отмолю после обеда, — подумав, решил он и продолжил: — Доставил ли, чего тебе приказано?

Птица тихо чирикнула в клетке, словно бы предлагая разуть глаза и не задавать глупых вопросов.

— А энто чё за корова в кокошнике?!

Василиса Премудрая не была знакома с дьяком и его манерой выражаться, поэтому просто вlepила ему оплеуху. Ручка у царевны оказалась тяжёлая. Изменник родины покатился по коридору, скороговоркой матерясь на ходу и обещая всем нам казни египетские.

— Прости, Никита Иванович, не сдержалась...

— Ничего, мне было только приятно, — улыбнулся я.

Василиса чуть покраснела, и мы плечом к плечу пошли тем же коридором, ориентируясь на ругань и повизгивания дьяка Груздева.

Змей Горыныч, одетый так же на немецко-голландский манер, ждал нас в небольшом уютном тронном зале. Не уверен, может быть, это помещение как-то ещё иначе называлось. Почти пустая комната, остатки фресок на стенах, узкие окна-бойницы и высокий деревянный стул на постаменте у стены.

Больше всего похоже на трон, хотя как-то в кино я вроде видел, что вот таким образом в Средние века и туалеты делали. Для венценосных особ, чтоб они даже в этом процессе возвышались над подданными.

— О, любезный враг, сыскной воевода, — насмешливо склонил кудрявую голову хозяин замка. — Я хотел получить птицу, а ты привёз ещё и красну девицу. Надеюсь, это подарок? Могу делать, что хочу?

— Нет, — сразу решил я поставить точки над «i», — гражданка Премудрая свободный человек и являться предметом обмена, дарения или

торга не может.

— Тогда зачем пришла?

— Тебя посмотреть, себя показать, — гордо ответила царица, выгибая грудь колесом.

В глазах красавца Змея мелькнули искорки интереса.

— Птицу забирать будете или как?

— Буду, — опомнился фон Дракхен. — Передай её слуге моему верному.

Мрачный и суровый дьяк забрал у меня из рук золотую клетку. Я мысленно сделал себе пометку в уме расстрелять предателя перед воротами отделения милиции за двуличие и саботаж. Ну или за что-нибудь ещё в этом роде.

— Освободите девушек.

— Рад бы, да не могу...

— Почему вдруг?

— Разбежались они у меня, — лениво вытянув ноги в блестящих ботфортах, зевнул Змей Горыныч. — До твоего визита жили себе тихо-ладно, каждая в своей горнице. А вот вчера в ночь взяли да и сбежали все...

— Куда сбежали? Разве отсюда можно убежать?

— Со Стеклоной горы-то? Нельзя-а... Без моей воли тут и мышь не проскочит. А только замок у меня большой, комнат много, шесть этажей, да ещё подвальные помещения на четыре уровня вниз. Их тут искать ровно иголку в стоге сена. Проще поджечь...

— Слуги не справляются?

— Так у меня только двое и есть, — покривил губы злодей, не сводя глаз с пышных объёмов царицы Василисы. — Дьяк ваш бывший и этот... как его... Не справляются, короче. А змеёнышей я своей рукой в подвалы изгнал. Прав ты был, участковый, зачем мне конкуренция?

Мне хотелось всё же услышать имя второго слуги, но в этот момент в коридоре загрохотали шаги, и дверь распахнул царь Горох. Хотя сначала я подумал, что это, наверное, какой-нибудь его близнец...

— Чего изволит мой прекраснейший хозяин? — тонким фальцетом пропело «нечто», одетое в длинный персидский халат с кружевной тюрбеткой на голове и подкрашенными ресницами.

— Это кто?

— Мой внук, — пренебрежительно бросил фон Дракхен. — Ты вот в драку полез, с племянником моим четвероюродным поцапался, а эти двое умнее оказались — сами в ножки поклонились, умоляли к себе на службу взять. А ты их знаешь, что ли?

— Виделись, — кротко признал я. — Один скандалист отпетый, второй... И давно он евнух?

— Ты давно евнух?

— С того самого дня, как служу моему изумительному господину, — льстиво пропел наш надёжа-государь, подобострастно блестя глазками.

— Как он тебе? — спросил у меня Змей.

— Противный, — ответил я.

— Есть немного... Эй, противный, иди отсюда!

Горох ушёл с поклонами, пятясь задом.

— Но, понимаешь, его задача за девицами смотреть, а для этой цели лучше евнухов никого нет. Верно?

— Да, да, наш наимудрейший и всё про всех знающий Змей, как ты там по батюшке, — проснулся дьяк Груздев, опережая меня с ответом.

Царевна Василиса как замерла гаишником на трассе Воркута — Магадан в январе месяце, так и стояла отмороженная, не в силах произнести ни слова. Видимо, у себя дома она столько оригинальных мужчин сразу никогда не видела. А тут все трое — ходячая мечта психотерапевта!

Мне тоже всегда казалось, что по одному дьяку можно кандидатскую диссертацию защитить, а если они с Горохом в паре пляшут, так и на докторскую потянет...

— О чём это мы вообще? — картинно задумался Горыныч, подперев пальчиком щёку. — А, вспомнил! Девушек я тебе не отдам, пока не поймаю. А когда поймаю, то съем, это и вкусней, и интересней. Но за птицу спасибо. В печку её!

— А она-то вам чем не угодила?

— Песни поёт, — поморщился фон Дракхен. — Мне её даже через такое расстояние слышно было! Раздражает это, бесит, ненавижу оптимистов...

— Зато какие слова знаете, — поспешил подольститься дьяк.

— Латынь, Пражский университет, два высших образования, — небрежно отмахнулся Змей, но было видно, что ему приятно. — А ты, краса-девица...

Василиса очнулась от сна, вышла из ступора и, быстро шагнув к предателю Груздеву, одним движением пальца открыла дверцу клетки. Счастливая белая птичка выпорхнула наружу и, сделав круг под потолком, метко капнула на голову хозяина замка. Абзац!

Повисла неприятная тишина. Такое бывает, когда ваш лечащий стоматолог мысленно выбирает, за какие щипцы взяться, а вы твёрдо

знаете, что анестезия ещё не подействовала...

— Бегитя-а отсель, — тихо посоветовал Филимон Митрофанович, вжимаясь спиной в стену и становясь плоским, как коврик.

Фон Дракхен медленно потрогал макушку, вытер грязные пальцы о камзол и, запрокинув голову, открыл рот. В его глотке полыхало оранжевое пламя. Не помню, как я схватил царевну за руку, как побежал, как упал на пол в коридоре, увлекая её за собой, когда ревущая огненная струя пронеслась прямо над нами.

— Вперёд, пока второй раз не фуганул!

— Куда ж мы от него сбежим?

— Замок большой. Если он тут четырёх сбежавших девиц поймать не может, то, возможно, и нам повезёт. По крайней мере, очень на это надеюсь...

Мы встали и бросились в бега, петляя, как зайцы, по неизвестным коридорам, лестницам, анфиладам и этажам. Главное было найти наших, а уж все вместе мы придумаем, как дать отпор этому огнедышащему звероящеру.

— А ну вернись, участковый! Посмотри мне в глаза, хуже будет! — эхом отражалось от каменных стен.

— Зачем вам смотреть ему в глаза?

— Понятия не имею, — пожал плечами я. — Наверное, надеется увидеть там стыд и раскаяние за неумение вести себя в гостях.

— Да вы уж в трёх царствах нагостились и везде по себе такую добрую память оставили, что хозяева без вил встречать не выйдут! Птицу украл, коня украл, девицу сманил...

— Это не моя вина, — соврал я. — Просто роковое стечение обстоятельств!

Василиса с недоверием погрозила мне пальчиком, но переливать из пустого в порожнее не стала. И так ясно, что уже ничего не изменишь. Раздалось знакомое чириканье, и над нашими головами пролетела белая птичка.

Собственно, назвать её белой можно было лишь по старой памяти. Сейчас она скорее походила на маленькую зебру с крылышками в саже и копоти. Тем не менее распевала малышка весьма бодренько и, сделав над нами круг почёта, полетела в один из проходов.

— За ней? — предложил я.

Царевна повела круглым плечиком и пошла первой. Нам пришлось довольно долго пробираться разными залами, закоулками и переходами, когда вдруг впереди раздался истошный женский крик.

Мы, не сговариваясь, припустили изо всех сил. Я успел первым. Василиса, в тесном платье, бежала медленнее и едва не сбила меня с ног, когда я замер на пороге. Ого, да что же тут у вас творится-то, граждане?!

Представьте себе маленькую комнатку, более похожую на тюремную камеру. Решётка от пола до потолка, за ней благим матом на чистом немецком орёт наша матушка царица, в простом немецком платье с шнуровкой на груди, к ней через решётку лезет мелкий (относительно) змеёныш метров трёх в длину и толстый, как бревно. А у него на спине сидит наш царь Горох в пошлом костюме евнуха и гвоздит животное узорной восточной табуреткой по башке!

— Салам алейкум, эфенди, — вежливо поздоровался я. — Помочь?

— Сделай милость, мать твою прокуратуру, — прорычал государь совершенно нормальным голосом без всякого фальцета.

Я прицелился и с размаху врезал ногой в нижнюю челюсть очередного братца или племянника фон Дракхена. Надеюсь, попал в кадык или горло, потому что злобное чудовище резко захрипело, обмякло и неуклюже повалилось на бок. Ну, собственно, это и требовалось по ситуации.

— Забили ужика, — печально констатировала моя спутница.

— Чё за дура? — повернул голову Горох.

— Василиса Премудрая, — с лёгким поклоном представил я. — Наш человек, из тридесятого царства.

— О майн либер камерад, герр Ивашов, — приветливо помахав мне ручкой, вошла в разговор и Лидия Адольфина. — А зачем эта румяный девица ходиль сюда вместе с вами? У вас есть отношения? Вы есть... как это... шалун, проказник, изменщик коварный?!

— Нет. Потом всё про неё объясню, там долгая история. Вы-то как?

— Сидеть на цугундере...

Мы с царём осмотрели замок, не очень надёжный. После пяти ударов табуретка разлетелась на куски, но царица Лукошкина вышла на свободу. Муж и жена кинулись в объятия друг друга.

— Голубка моя...

— О мин херц...

— Любимая моя...

— О майн либен...

— Ненаглядная моя...

— О майн аугенлихт...

— Как давно они женаты? — шёпотом спросила меня Василиса, делая вид, что её тошнит от такой розовой сентиментальности.

— Скоро год, — с завистью ответил я. — Истинные чувства

проверяются в разлуке, любовь разгорается, как костёр на ветру. Но разве они не прекрасны?

— А так ли уж я хочу замуж?! — игнорируя мой вопрос, спросила царица саму себя и отошла в угол.

— Долго тебя не было, сыскай воеводу, — тихо обратился ко мне царь, крепко сжимая в объятиях верную супругу. — Меня в полон взяли, казнить хотели, да дьяк Филька спас — уговорил притвориться евнухом безобидным. Змей сначала потребовал штаны спустить, да потом сам засмутился, сказал, что на слово верит...

— Так дьяк Груздев не предатель?

— Этого я не говорил. Он у нас тёртый калач, крутится, как петушок на палочке, свою выгоду ищет. Однако ж покуда на нашей стороне...

Всё верно. Сколько знаю Филимона Митрофановича, он в любой дырке затычка, всегда на четыре лапы приземляется, и в воде не горит, и в огне не тонет. В вопросе выживаемости перед ним любой Джеймс Бонд словно слепой кутёнок. Будь я на месте фон Дракхена, так глаз бы не спускал с этого «слуги верного»...

— Кстати, нам не пора? — Мне показалось, что в коридоре нарастает какой-то подозрительный шум.

— И то верно, Никита Иванович, — сурово кивнул государь, смешной и страшный в потёках косметики. Всё-таки бородатым русским мужикам средних лет не очень идут эффектные стрелки на глазах.

— А дорогу покажете?

— О том царицу свою проси. Уж как светлая матушка государыня скажет-повелит...

— Может, вот хоть сейчас, перед лицом общей опасности, мы хоть на пару часов можем забыть обо всех этих ваших китайских церемониях?!

— Герр Ивашов, вы есть не смейте мне дерзить! — неожиданно быстро завелась и пошла пятнами трудновозмутимая Лидия Адольфина. — Вы забыть субординацию?!

— Нет, — в свою очередь начал закипать я. — Но мне бы хотелось знать, какого лешего...

— А мне бы хотеть, чтобы вы молча выполняли приказ своего государя и своей государыни! Ферштеен зи михь?! Это вы есть во всём ви-но-ва-а-ат!!!

Наверное, это был первый случай, когда царь Горох испуганно зажал ротик собственной супруге, а я добрых полторы-две минуты орал в потолок отборным русским матом.

Сейчас мне стыдно за те слова. Признаюсь. Но какое же невероятное

облегчение я испытал в тот момент, хоть раз высказав в лицо нашей милой матушке царице всё, что о ней думаю. О её Европе, о её тараканах, о её реформах, о вечном поиске крайних и о попытке переложить всё на свете на усталые плечи сотрудников милиции...

Пользуясь минутой затишья, примиряющий голос подала Василиса Премудрая:

— Вы уж простите меня, дуру грешную, необразованную, из дома отцовского замужества ради сбежавшую, а только из комнатки два коридора ведут. Так нам направо али налево?

— Налево, — переглянувшись с женой, признал размалеванный государь. Руку от её нежных губок он отнял далеко не сразу. — Там в третьем зале Баба-яга омолодившаяся сидит, а жена твоя Олёна при ней главной советницей.

— И там ещё где-то Маняша из деревни должна быть?

— Сам не видел, но, думаю, у них на побегушках.

— Найн, — вырвавшись, буркнула Лидия Адольфина и оправила платье. — Эта глупая девчонка не на побегушках, она сама побегушка!

— В смысле?

— Сбежать от нас! Ей очень-очень есть нравиться тот Змей фон Дракхен!

Видимо, у меня слишком вытянулось лицо, потому что царица победно продолжила:

— Я, я! Она есть изменница короне и фатерлянду! В просвещённой Европе мы таких немножко вешать, найн?

— Суд решит.

— Горошек, он есть опять меня оскорблять?!

Однако на этот раз государь безоговорочно встал на мою сторону.

— Про девку ту опосля думать будем. Сейчас наипервейшая задача не изменниц вешать, а из логова Змеева самим ноги унести. Вот и валим по хорошему. Налево!

— Хм, но птица свернула направо...

— Никита Иванович, но вот хоть сейчас-то скажи, у кого полезного мозгу больше — у меня али у птички твоей?!

Я задумался. Нет, честное слово, в сложившейся на данный момент ситуации ответ вовсе не был столь уж очевиден. Горох тоже ощутил, что выбрал не тот момент, чтобы ставить меня перед сложным выбором, и, молча махнув рукой, развернулся в сторону левого прохода. Царица, гордо вскинув арийский подбородок, последовала за ним.

— Вариантов у нас немного, — я улыбнулся Василисе, — в конце

концов, он мой главный работодатель.

— Да я и не спорю, участковый. Вам, мужчинам, видней.

В тот же миг из коридора раздался звук скрежещущего металла и унылый голос нашего надёжи-государя:

— Иди правым, участковый, никого не слушай. Мы тут, похоже, за решёткой посидим. Небось не соскучимся...

Дальше последовали плохо скрываемые упрёки и выяснение семейных отношений. Думаю, там обеим сторонам нужно было серьёзно выговориться, так что пусть, потом за ними вернёмся.

Да в общем-то и так было понятно, что замок злобного Змея Горыныча наверняка должен был быть буквально напичкан всякими ловушками и западнями. Чего ещё хорошего от него ждать...

— Я так поняла, что мы за птичкой?

— Верно.

Царевна Премудрая кивнула и первой бесстрашно пошла по правому коридору. Нам было необходимо экстренно найти Ягу, а уж там многоопытная глава нашего экспертного отдела помогла бы найти нужное решение, объединив наши силы в единый кулак!

Конечно, бывшая бесовка и сама не промах, но в определённых вещах с бабкой никто не сравнится...

— Странные у вас царь с царицей.

— Весёлые.

— Я бы не сказала.

— Ну уж какие есть. Их же не демократическим голосованием выбирали...

— Угу. А я чувю, из-за меня у вас тут проблемы.

— Это такая смена темы?

Василиса не ответила. Полагаю, просто потому что я задал неправильный вопрос. Наверное, мне бы стоило быть с ней чуточку помягче. Всё-таки... всё-таки... Да пёс её укуси, я же всё равно и близко не представляю, что нам делать с этой умненькой толстушкой из русских народных сказок.

Если уж даже Горох с царицей не поверили, что между нами ничего нет, то что скажет моя Олёнушка? Разбираться она не особо любит, да и не умеет, а вот ревности в ней на шестерых хватит! И как прикажете выкручиваться? Врать?

Вот именно, только врать, потому что правда выглядит слишком уж фантастически даже для меня. Ну то есть я бы сам себе не поверил, мысленно закончил я, и царевна понимающе вздохнула.

Значит, думали об одном и том же. А события меж тем развивались с кинематографической быстротой. Нам навстречу вылетел весёлый серый волк, который на ходу самым фамиллярнейшим образом лизнул меня в нос и тепло посоветовал:

— Вы бы к стеночке прижались, Никита Иванович. Авось и не заметят! — После чего обернулся назад, повыл и резко дал дёру.

Мы послушно вжались спинами в стену, а мимо нас в погоню за волком побежали четверо взмыленных стражей-скелетов на коротких лапках, с пеной у рта. Все с пиками, топорами, в азарте погони и, по-моему, не менее счастливые, чем наш Митька. Обычно это он в Лукошкине за всеми гоняется, а тут наоборот. Какое-никакое, а развлечение...

— Хорошие звери у вас в отделении служат.

— Это вы ещё нашу бабушку не видали, — не совсем так чтобы в тему откликнулся я, пропуская даму вперёд.

Должен признать, за мою спину она с самого начала особо не пряталась, и хоть такие приключения, по всей видимости, были ей в диковинку, пока ни разу ни на что не жаловалась. Даже поесть не просила, худеет, наверное. А вот у меня изрядно подвело живот...

Да уж, когда в последний раз удалось перекусить, уже и сам не помню. Голодный милиционер — существо раздражительное и недальновидное. Только этим я и могу хоть как-то оправдать своё бездарнейшее попадание в самую примитивную ловушку.

— Туда. — Мне ударило в голову резко повернуть налево в лабиринте ходов и коридоров.

— Почему туда?

— Там чем-то вкусным пахнет!

Впереди действительно оказалось что-то вроде небольшой кухни, где горел камин, из печи ароматно пахло свежим хлебом. Запах калачей сводил с ума...

— Может, не надо задерживаться, а? — только и успела спросить Василиса Премудрая, как сверху упала тонкая сеть, накрыв нас обоих с головой. Сработали рычаги, заскрипела лебёдка, и мы оба повисли в метре над полом, словно два кота в авоське!

Спрашивается, и кто виноват...

— Отбегались, — уныло констатировала царевна, вися ко мне широкой спиной.

Я стиснул зубы и напряг мышцы, пытаясь разорвать сеть. Увы, она была тонкой, но прочной, скорее пальцы разрежешь, чем порвёшь.

— Ножа али ножниц с собой нет?

— Нет, не ношу, — я попытался развернуться, — а у вас нет ничего острого? Ну там заколки какой-нибудь или расчёски металлической.

— Гребень есть черепаховый, подойдёт ли?

— Возможно.

— Тогда берите, не жалко. — Василиса Премудрая пошарила на затылке где-то под кокошником и вытащила чёрную гребёнку. Надеюсь, черепаший панцирь будет покрепче этой сети, можно попробовать перепилить зубьями.

— Давайте. — Я потянулся за гребнем, перевернулся в сетке, потерял равновесие и повалился на царевну, упираясь носом ей в спину меж лопаток. Положение приятное, хотя и не особо удачное, конечно...

— Мне неудобно говорить, но...

— Да бросьте, что уж тут, знаю я вас, мужиков!

— Нет, нет, я не в этом смысле.

— А с чего тогда навалились без предупреждения? Хоть бы поцеловали для начала в щёчку...

— Вы ошибаетесь, я не...

— Ой, а приятно, оказывается... И не тяжело ни капельки.

— Я просто не могу с вас встать!

— Ну-ну...

— Чего?! — резко дёрнулись мы оба, потому что многозначительное «ну-ну» раздалось из коридора.

Только бы не Олёна, запоздало взмолился я, и древние боги слышали мои молитвы...

— Никитушка, ты ли энто? — Стройная черноволосая красавица с выразительным орлиным носом и изящной родинкой на подбородке. Пройдёт мно-о-ого лет, прежде чем эта милая «мушка» превратится в большущую уродливую бородавку...

— Здравствуйте, бабушка.

— И тебе не хворать, сокол участковый, — вежливо поклонилась молоденькая Яга. — А ты, как я погляжу, не скучаешь, да?

— Попрошу без пошлых намёков. — Я попробовал перевернуться, но, оказывается, в сетке это не так легко. Одно неловкое движение, и теперь уже довольная царевна восседала на мне сверху в позе амазонки в кокошнике. Ну хоть застрелись, честное слово...

— Не знала тебя с энтой стороны, Никитушка, — холодно протянула Баба-яга. — А ты, оказывается, тот ещё кобель-то? С подружкой новой познакомишь али сам ещё её имени не спросил?

— Я не...

— Оно и верно, чё в имени тебе её...

— В каком вымени?! — дёрнулась Василиса. — Это... это грудь у меня девичья! Чё сразу обзывать-то...

— А ты вообще цыть! — рявкнула моя бывшая старушка. — Полезла на женатого мужика, ни стыда ни совести. Нешто на руке его кольца обручального не видела? У-у, коровища ты и есть...

— Вы всё не так поняли, — хором сказали мы с Василисой, дружно признавая про себя, что понять увиденное как-то иначе попросту невозможно.

Меж тем красавица из нашего экспертного отдела, качнув бёдрами, сделала два шага и полоснула маленьким ножиком по сетке. Сначала вниз рухнул я, потом сверху царевна. Так что меня нехило приложило спиной о каменный пол, а потом едва не добило всем весом Василисиной премудрости. Если так можно выразиться...

— Где царь с царицей?

— В плену, — с трудом выдавил я.

— А Митеньку куда дел? Загонял, поди, мальчонку-то...

— Да что ему сделается. — Я кое-как выбрался из-под надутой царевны. — Носится где-то как угорелый, с какими-то змеиными стражниками в догонялки играет. Набегается, сам придёт...

— Ладно, участковый. — Бабка подала мне маленькую сильную ручку и помогла встать. — А теперь растолкуй мне, старой...

— Вы же молодая, — чирикнула Василиса.

— Не лезь не в своё дело, дура, — не отрывая от меня взгляда, огрызнулась Яга. — Так вот скажи-ка мне, старой...

Царевна опять открыла ротик, чтобы влезть с уточнениями, но я жестом попросил её заткнуться ради всех святых.

— Ты ж задание Змеево исполнил?

— Вроде да.

— Чудесную птицу ему раздобыл?

— И не только! Мало того что я доставил ему прямо на дом эту канарейку, полную оптимизма, с клеткой вместе, так ещё там внизу конь златогривый!

— Так ить коня ж не просили.

— Ну, так вышло. Приятное дополнение. Его, кстати, и не я украл, а Митя.

— Который у нас всё ещё волк? — зачем-то уточнила моя домохозяйка. — Волки они, конечно, известные злодеи, но доселе ещё в конокрадстве замечены не были-и...

— Можно подумать, я вру?!

— Можно, можно...

— Не врёт он, — вступилась за меня Василиса Премудрая.

Я отвлёкся, уловив в коридоре какое-то лёгкое движение и, быть может, пропустил тот момент, когда мою «заступницу» следовало успеть придушить на месте...

— Зря вы на него наговариваете! Он, когда ко мне в спальню девичью через оконце залез, тоже сперва горячим да пылким показался. А потом уж вспомнил, что женат! Да и тут меня не бросил, слово сдержал, замуж выдавать повёз. Не его вина, что с замужеством энтим заминка вышла. У самого-то Никиты Ивановича сердце большое, доброе. Такого на всех хватает. А вы на него сразу с попрёками! Да и не влети он ко мне, так я, поди, до старости в девках бы сидела...

— Но он влетел?! — недобро сдвинув брови, уточнила Баба-яга.

Влетел, подумал я. Причём, похоже, по полной программе влетел.

Олёна, в свободном русском сарафане, стояла в коридоре, в тени, и не сводила с меня полных упрёка глаз. Она не сказала ни слова, даже не шагнула внутрь комнаты. Просто стояла и смотрела, как рушилось всё, что между нами было. Я же замер, словно чурбан, не в силах вымолвить и слова в своё оправдание. Да и что я мог сейчас ей сказать?

Василиса продолжала нести ещё какую-то чушь, и говорила-то вроде бы почти правду, но под таким хитро завёрнутым углом, что всё переворачивалось с ног на голову...

— Милый... — Олёна, не выдержав, порывисто бросилась ко мне, на секунду замерла и склонила голову мне на грудь.

Я осторожно обнял её за плечи:

— Ты в порядке, любимая?

— Теперь да. — Она крепко прижалась ко мне. — Только будь рядом, не уходи больше.

— Эй, подруга залётная, — праведно возмутилась стройная Яга, дважды громко хлопая в ладоши. — Ты что, не слыхала ничего? Твой-то супругник, оказывается, чужих дев невинных со дворов родительских сманивает...

Олёна устало покачала головой.

— И впрямь, чего энтю я повелась, как сорока глупая? — С тем же пылом бабка развернулась теперь уже к царевне. — От ведь заболтала бабушку, язык без костей, дык и мелет бездоказательно! Факты где? Свидетели? Улики? Документы какие ни есть? Ох, с огнём играешь, красна девица...

— Она не девица, — тихо произнесла моя жена и пристально посмотрела на смутившуюся Василису. — Да и не человек давно, верно?

— Рыбак рыбака видит издалека, — туманно ответила толстушка, отступая к печи.

— Сама за тобой увязалась, всё время рядом была да всю дорогу не пила, не ела, советы раздавала щедро, а ты, участковый мой, так и не догадался, зачем девушке молодой в дальний путь в кокошнике пускаться?

Я непонимающе уставился на Олёну: о чём это она? Меж тем Баба-яга быстро сложила в уме два плюс два, на два разделила и, получив результат, гулко стукнула себя кулаком по лбу:

— Игра энтó, Никитушка, сокол ясный! От первого до последнего стежка белыми нитками, сплошной обман да пересмешничество!

— Кто-нибудь может внятно объяснить мне, что происходит-то?! — взмолился я, а Василиса Премудрая вдруг резко отодвинула заслонку у печи. На мгновение все замерли...

В чёрном зеве блеснули оранжевые отсветы огня, и вежливый, чуть ироничный голос фон Дракхена спокойно предложил:

— А хотите, я объясню?

— Сделайте милость...

— Охотно. — В тоне Змея прорезались нотки снисходительности. — Мне было скучно. Я позволил всем слегка меня развеселить. Девушки устроили бунт. О-о, как это ново и неожиданно! За столько-то сотен лет, а? Впрочем, в любом заговоре всегда найдётся хоть один человек, непременно желающий всё о нём рассказать...

— Маняша, — тихо догадался я.

Олёна и Яга обменялись тревожными взглядами.

— Да, да, милые дамы, разумеется, я знаю, что вы связали длинную верёвку из простыней и попытались спустить милую крестьянскую простушку через окно. Дабы она сбежала и привела сюда военную помощь. Я лично встретил её внизу, на твёрдой земле, и она слёзно умоляла меня вас спасти! Правда, тогда я был в ином обличье, а принцу на белом коне всегда верят...

Господи, как же всё легко... Неужели мы действительно надеялись побороться с существом, за плечами которого тысячелетний опыт войн, интриг и обмана? Наивно до глупости...

— Надеюсь, никто из вас всерьёз не думал, что я знаю свой замок хуже, чем вы? Но бунт, неповиновение, погони, охота за человеком... что, как не это, делает нашу жизнь ярче и интереснее! Соппротивление всегда будоражит кровь, а сожрать всех вас я могу в любую минуту. Но вернёмся к

нашему главному герою, к так называемому участковому или сыскному воеводе. Именно ради него всё и начиналось...

Вот тут я наострил уши. Специально или случайно, но звероящер сболтнул больше, чем следовало. Возможно, я действительно многого не заметил, все мы крепки задним умом, но и фон Дракхен оказался в этом смысле не исключением. Я имею в виду идиотскую привычку всех преступников высказаться и похвалиться!

— Ну а предупредить всех этих жалких, высокомерных болванов, именующих себя царьками, было несложно. Вы ведь не первый, кого я туда посылал. Но так чтоб всех трёх пройти, все призы собрать и живым назад вернуться — это победа! Хвалю! Я доволен! И, пожалуй, это единственная причина, по которой сегодня вы всё ещё будете жить.

Красавица Баба-яга бочком-бочком пододвигалась всё ближе и ближе к печке и, неожиданно развернувшись, ударила толстую бесовку ногой в живот! Жёстко так, без малейшей жалости и женской солидарности. Она умеет...

Василиса Премудрая (или как там её звали на самом деле) согнулась пополам, вытаращила глаза, хватая ротиком воздух, как рыбка на суше. Вторым заходом моя тихая старушка профессионально сунула «царевну» головой в печь и, удерживая её, крикнула нам:

— Чего встали, молодёжь? Беги, участковый, спасай свою Олёнушку! Небось Змей поганый всех сразу-то не заграбастает!

— Я вас не брошу.

— Беги, Никитка, не беси бабушку-у!!!

Нас так снесло с места воздушной волной, что в себя я пришёл уже в другой комнате. Моя умница-жена, проявив куда больше мудрости, чем моя бывшая спутница, отложила разборки и сцены ревности на потом. Это было видно по глазам...

— Но не думай, что я хоть что-нибудь забуду, — твёрдо пообещала она, крепко поцеловала меня в губы и первой бросилась бежать.

Мне оставалось лишь догонять и верить, что она знает дорогу. О судьбе остальных членов нашей команды даже думать не хотелось. Горох и Лидия Адольфина в плену, Яга прикрывает наш отход, дьяк Груздев неизвестно чего мутит, держа нос по ветру, а где черти носят нашего серого волка по кличке Митя Лобов — вообще загадка похлеще поиска жизни на Марсе и тайн растворения государственного бюджета в бездонных карманах боярской думы.

Фон Дракхен перехитрил сам себя, он запустил слишком сложную многоходовку без учёта упёртой непредсказуемости некоторых

персонажей. Кто бы что о себе ни думал, но Митьку просчитать нельзя. Именно по причине его врождённого простодушия. Но самое опасное, что у него безбашенная фантазия и по-детски трогательное чувство юмора...

— Стой, — моя бывшая бесовка предупреждающе подняла руку, — по-моему, мы пришли.

— Куда?

— Главное, помни, что я тебя люблю. Меня Змей не тронет, да и всех нас. — Она улыбнулась, обняла меня и жарко зашептала на ухо: — Найди на этого мерзкого гада управу! Ты ж у меня не абы кто, а сам сыскной воевода!

Я не видел, что она сделала. Кажется, потянула какую-то ручку или рычаг. Пол под ногами качнулся, краем глаза я успел увидеть набегающих скелетов с алебардами, а потом был очередной перелёт в чёрной трубе. Немного похоже на аквапарк, только там всё шумно и весело, а тут не очень...

В общем, после пары минут меня выбросило пахнуть носом еловые иголки у подножия Стекло́нной горы! Кругом ночь, не видать ни зги, плана действий никакого, полезных мыслей в голове тоже ни одной. Это временно, я сейчас где-нибудь присяду, обдумаю всё и всех спасу.

— Ау-у-у-у-у...

Не стройте иллюзий, это не ауканье грибников в лесу, это волчий вой. Ну вот почему проблемы не ходят поодиночке, за одной всегда спешит другая и валятся они уже косяком? Ведь по большому счёту мне требовалось посидеть немножко в тишине и подумать.

— Ау-у-у-у-у...

Да, подумать надо, но в тишине уже вряд ли получится, голодный волчий вой раздавался уже с двух сторон. Вот какого неопознанного лешего Олёна меня сюда выкинула?!

— Если, конечно, таким оригинальным образом она не решила стать вдовой, — горько пробормотал я, ища, куда бы срочно спрятаться. — А ведь у нас ещё толком медовый месяц не кончился. Эх, женщины...

Безуспешно покружив в темноте у подножия Стекло́нной горы, я понял, что вернуться обратно в тёплое помещение уже не получится. Меня просто не пустят. Люк трубы задраивался автоматически, и даже если его каким-то чудом оторвать, внутрь по полированной поверхности ни один акробат не залезет, будь он хоть Джеки Чаном...

Из-за тучи высунулся тусклый обрубок луны, более напоминавший половину серебряной монеты, чем изящный полумесяц, и в холодном свете тускло блеснули чьи-то глаза.

— Мить, Мить, Мить, — призывно поманил я в слабой надежде, что на всю округу есть только один нужный мне серый волк, и именно он сюда пришёл. Надежды не оправдались.

Из темноты вышли сразу три тощих лесных хищника с высунутыми языками и неласковыми взглядами. Не очень крупные, размером со среднюю овчарку, но их трое, а я один.

— А ну пошли отсюда вон, псы блохастые! — как можно громче рывкнул я, помня, что зверю всегда надо показывать, кто здесь главный. По крайней мере, я такое где-то слышал или читал.

Волки не ускорили и не замедлили шаг. По-моему, они даже не восприняли мои слова как оскорбление.

— Ах так... — Я храбро шагнул вперёд и уставился в глаза самого крупного волка.

Ни одно животное не выдерживает прямого взгляда человека! Об этом ещё Редьярд Киплинг писал, я смотрел мультфильм «Маугли» в детстве. А вот волки, видимо, нет...

Вожак зарычал, его товарищи подхватили, дружно завыв, и, наверное, не меньше сотни волчьих голосов ответило им со всех концов леса.

— Я буду драться! — подхватив какой-то валявшийся на земле сук, честно предупредил я.

Три волка спокойно брали меня в клещи, не вступая ни в диалог, ни в переговоры.

Когда стало ясно, что сейчас тот, что слева, кинется, то я недолго думая запустил ему палку в лоб. Сильно, но не очень метко. Этот санитар леса легко пригнулся, а мне, пользуясь мгновением заминки, удалось в длинном кошащем прыжке взлететь на близстоящее дерево. Але-оп!

Если бы здесь был бабкин любимец, он бы поаплодировал — даже ему не каждый раз доводилось столь элегантно уходить заборами от уличных собак.

— Вот фигу вам, агрессоры. — Я вовремя подтянул ноги, так что страшные волчьи зубы клацнули десятью сантиметрами ниже. — Не одному мне сегодня оставаться без ужина. Я голодный и злой, меня обманули и выперли, мне и так очень хреново — куда вы-то ещё лезете?!

Три хищника внизу грозно заворчали, давая понять, что если у меня всё не сложилось, то это ещё не повод портить им аппетит. А если моя жизнь настолько полна разочарований, то они даже готовы мне помочь! По-своему, но радикально и от души!

— Не греет, — честно признался я, стараясь обращаться ко всем волкам сразу. — Мне тут удобно, не дует, белки с жилплощади не

выталкивают, а утром поглядим, кто кого. Может, тут в лесу охотники ходят или какие-нибудь добрые дровосеки?

Волки недоуменно переглянулись, со всей откровенностью удивляясь уж не знаю чему больше, моей наивности или моему оптимизму. Потом спокойненько уселись под деревом на хвосты, задрали морды вверх и стали ждать. Видимо, пока я созрею и упаду.

В течение получаса к ним присоединилось ещё штук пять-шесть серых собратьев. То ли всех зайцев в лесу переловили, то ли лоси бодливые попадались, то ли они просто милиционеров раньше на вкус не пробовали и я был для них редким экзотическим блюдом. Не знаю.

Честно говоря, всё это, наверное, уже чистой воды мои домыслы и фантазии. Потому что на самом деле я элементарно устал, забегался, умотался и жутко хотел спать...

— Даже на минуточку глаза закрывать не вздумай, — сам себя вслух строго предупредил я. — Уснёшь вмиг, а проснёшься уже в волчьих желудках по частям, кому что досталось. Даже по очереди глаза не закрывать! Не на лекции по баллистике сидишь, а ты и там умудрялся не спать, когда почти весь курс храпел вповалку... Не спать! Петь! Читать стихи! Загадывать загадки и разгадывать кроссворды, но держать глаза открытыми! «Врагу не сдаётся наш гордый „Варя-аг“!»

Как вы, наверное, догадались, дальнейшее времяпровождение необразованных волков было информационно и культурно насыщенным. Они узнали многое из школьной программы, советской эстрады, бардовской песни, анекдотов про Гитлера, Петьку и Василия Ивановича, песенку «В лесу родилась ёлочка», не отгадали ни одной загадки, зато высоко повысили уровень знаний о патрульно-постовой службе в городских условиях, о профилактике преступлений на бытовой почве и даже выслушали мои последние сбивчивые признания в любви Олёне.

Собственно, вот на этом я, кажется, всё-таки чуть-чуть уснул, рухнув вниз с милым именем на губах... Волки, не сговариваясь, бросились вперёд, но...

— Не смей мне тут есть Никиту Ивановича! — грозно зарычал самый большой зверь, внезапно выросший позади остальных, как могучий сенбернар на выставке такс или миттельшнауцеров. Ну наконец-то, явился на сцену шекспироненавистник...

— Ить он не только мой непосредственный начальник (я через него жалованье получаю, чин в отделении имею, крышу над головой, работу перспективную), но ещё и друг сердешный! В хорошем смысле! А подумаете чего плохое, всем ноги повывёртываю!

— Митя? — потирая ушибленную поясницу, кое-как встал я.

Он лапой подтолкнул мне укатившуюся фуражку, встал рядом и ещё раз свысока уточнил:

— Ну, кто на нас с участковым?!

Вопрос оказался отнюдь не праздным. Обалдевшие от неожиданности волки быстро пришли в себя, решив сурово покарать чужака-предателя. Митя, разумеется, был не из их леса, по-волчьи не говорил, звериного языка не знал, а поэтому мигом настроил против нас всё местное население.

И напади они одновременно со всех сторон, исход драки был бы очевиден — моего младшего сотрудника изрядно покусали бы, а меня всё равно загрызли бы. Но судьбе было угодно попробовать избавиться от нас иначе...

— Я голоден, расступитесь, — тихо пророкотало за волчьими спинами, и хищники, вздыбив шерсть на загривках, тем не менее послушно шагнули в стороны.

Перед нами стоял тот самый младший Змей, на котором я устроил родео во дворце фон Дракхена. Вроде ведь получил уже люлей и от меня, и от Горыныча, а всё равно продолжает нарываться, препоганейшая морда...

— Торо, торо! Йи-ха-а!

— Тебя спасли, — старательно игнорируя мой незатейливый юмор, фыркнул Змей. — Дядя забрал мою игрушку, но не доел. Теперь ты снова мой...

— А у вас с ним раньше чё-то было? — ревниво уточнил Митя.

Я отрицательно помотал головой и неопределённо передёрнул плечами. Типа плюнь и забудь, у болтливой рептилии какие-то странные фантазии, не ищи в них смысла и подтекста.

— Умри, человечиска!

Змей бросился на меня с грацией коровы на роликовых коньках. Ещё по прошлой драке я отметил, что двигается он по-немецки — напористо, прямолинейно, тараном, а что такое манёвр или финт, ему в башку не вложили. Да и смысл? Бронетанковая техника в танцах не нуждается.

Так что мне не составило труда отшагнуть влево, крутануться на пятке и второй раз оседлать недалёкого, но мстительного гада. Звероящер возмущённо взревел, извергая из пасти струю пламени!

Не очень сильную, не очень толстую, метра на полтора, не более, однако волкам и этого вполне хватило. Они поджали хвосты, прижали уши и едва ли не уползли на брюхе от применения нами живой огневой мощи!

— Здорово, Никита Иванович, — восхищённо выдохнул мой

четвероногий напарник. — А можно мне тоже так покататься?

— Валяй, — разрешил я, боковым кувырком падая в траву.

Змей было расценил это как факт собственной победы, но в тот же миг был осёдлан Митей. Весёлая парочка доставила мне несколько приятных минут здорового смеха. Может, конечно, во всём виновата усталость, недосып, голод и переутомление, но зрелище серого волка, гоняющего по поляне на вздыбленном родственничке Змея Горыныча, выглядело невероятно забавным.

— От я тебя, скотина непослушная! — Митяй умудрился подхватить волчьей лапой какой-то прут и яростно охаживал своего скакуна по длинным филейным частям. — Будешь знать, как круп подбрасывать! Будешь у меня на дыбки вставать! А как у него огонь стреляет?!

— Промеж ушей ему дай, — наугад посоветовал я и едва не был спалён вторым огненным залпом. — Ты поосторожней там! Спалишь же весь лес к едрене фене...

— Слыхал, змеюка подколодная?! Ты мне тут зазря боеприпас не переводи, лес беречь надо! Никита Иванович говорил, в нём потом партизаны водиться будут.

Младший Змей, по-моему, уже вообще обалдел от нашей наглости. Ярость застила ему мозг, который, как вы поняли, и без того был не больше спичечного коробка. Он рычал, шипел, плевался, пыхал огнём, пытался стряхнуть с себя волка и в конце концов совершил непростительную ошибку.

Подпрыгнул аж на три метра в высоту и вертикально пошёл носом вниз, надеясь, что Митька свалится. Но наш доблестный младший сотрудник (временно по совместительству серый волк) лишь крепче сжал бока гаду. В результате — произвольный выстрел в землю и, по законам физики, короткий перелёт на собственной взрывной волне куда-то далеко за деревья...

— А я спрыгнуть успел, — похвастался довольный напарник, чуть пошатываясь на всех четырёх лапах, прежде чем рухнуть носом в траву. — Всё, накатался, накаруселился-а...

Я затоптал искры и пару-тройку маленьких костерков, потом пообмахивал товарища еловой веткой, убедился, что дышит, и присел отдохнуть на свободный пенёк.

Что же мы имеем в сложившейся ситуации? Каков может быть план наших совместных действий? Что в приоритете — спасение всех пленников или арест с последующим тюремным заключением этого самого фон Драххена? Ну в смысле рейтинга самоубийственности.

Само дело уже давно вышло за рамки обычного милицейского расследования, но обратиться за помощью мне было абсолютно не к кому. Времени на объявление мобилизации нет, да никто в здравом уме и не пойдёт биться с огромным летающим звероящером. Знакомых Никит Кожемяк у меня в Лукошкине не было, а верные еремеевцы с пищалями сейчас далеко-далёко...

Отравить его по примеру пастушка из польской сказки про краковского дракона тоже не получится. Дохлую овцу, начинённую всякой дрянью, наш уважающий себя Змей Горыныч есть не станет, да и пребывает он сейчас в человеческом образе. Сидит себе, греется у камина, попивая виски или коньяк, а мы мёрзнем в холодном осеннем лесу, размышляя о... о... о?!

— Почему у него во всех комнатах так натоплено? — пробормотал я, кусая нижнюю губу. — И одет он всегда в камзол из хорошей толстой ткани. Ни сквозняков, ни вытяжек, ни вентиляторов. Неужели мёрзнет всё время?

Точно! Ведь змеи очень теплолюбивые существа. В холодное время они ленивы и медлительны, а зимой даже впадают в спячку...

— Так вот почему во всех легендах и мифах о Змее Горыныче он всегда нападает летом или ранней осенью. Сжигает города, палит урожай, запасается девицами на зиму. В морозы они греют его в постели, а по весне он съедает несчастных, чтобы вновь заняться разбоем и любовными приключениями!

Я встал, выпрямил спину и посмотрел на высящийся за деревьями замок. Чёрная громада выделялась на фоне звёздного неба, как силуэт космического корабля каких-нибудь злобных инопланетных завоевателей....

— Так вот чего вы боитесь, гражданин фон Дракхен. Ну-ну, а ведь, помнится, было у меня в своё время одно небесполезное знакомство. И дед тогда прямым текстом сказал, что всегда будет рад помочь милиции. Время пришло, дедушка...

Я забыл о том, что голоден, что давно не спал, что получил кучу синяков и меня чуть не съели. Холодный расчёт и трезвая логика — вот главное оружие милиционера.

— Опергруппа, на выезд!

Угу, как же...

Младший сотрудник нашего отделения категорически отказывался просыпаться. Конечно, он сегодня набегался, наигрался на свежем воздухе, устал, естественно. Хотя если подумать...

— Митя, вставай, обедать пора, — тихо прошептал я в пушистое ухо волка.

Один миг, и включенная серая зверюга уже стояла на ногах, вертя хвостом, как пропеллером, и жадно принимаясь.

— Ась? Что? Дык я завсегда готов, Никита Иванович, отец родной!

Я ободряюще улыбнулся ему и потрепал по холке.

— Тык вы энто чё? Шутить изволили?! А ежели я вас за таковые безобразия возьму да и съем?

Он грозно раскрыл пасть, а я вдруг вспомнил одну чудесную статью и, протянув руку, храбро схватил его за язык. Митя опал с морды лица...

Серый волк смотрел на меня выпученными, как у дальневосточного краба, глазами, лапы задрожали, уши поднялись домиком, а в уголках губ появилась белая пена.

— Не психуй, — предупредил я. — Бешеных собак отстреливают.

— Зя сто вы так сё мной?!

— Чего? Ты нормально говори, без сюсюканья.

— Фот фас би зя язык дейзяли, я б посмотъель, как фы букфы пофыговаивали...

— Ах, ты об этом... — Я разжал пальцы.

Волчий язык, как в мультике, скатался дорожкой и скрылся за звонко лязгнувшими зубами.

— Просто не пытайся впредь угрожать своему прямому начальству. Митя, ты мне друг, напарник и, наверное, самый преданный сотрудник нашего отделения. Поэтому держи марку!

Серый волк послушно закивал, не разжимая зубов. Похоже, он у меня так перепуган, что теперь до вечера рта не раскроет. А может, оно и к лучшему?

— Кстати, ты случайно не в курсе, где у вас Дед Мороз живёт?

Он отрицательно помотал головой.

— Плохо. Честно говоря, я надеялся заручиться его поддержкой в окопной войне с фон Дракхеном. Там, между прочим, твоя подружка из деревни в плену томится!

Митяй сел на хвост, изо всех мимических сил яростно демонстрируя, как глубоко фиолетова ему судьба дочки кузнеца. Ладно, зайдем с другого конца...

— Вот сколько помню своё время, у нас Дед Мороз жил где-то на севере, ближе к Архангельску, Камчатке или даже Северному полюсу. Ты мультфильм «Дед Мороз и лето» помнишь?

Волк свёл глаза к носу и на всякий случай перекрестился.

— Ах да, извини... Просто подумал... — вздохнув, сдался я и вдруг заметил, что на могучей шее зверя по-прежнему держится завязанная рукой Бабы-яги синяя ленточка. Может, сработает?

— Алло! Алло, приём! Говорит лейтенант милиции Ивашов! Приём?!

— Ни... Никитушка? — не сразу откликнулась бабка, чей молодой голосок всё так же ставил меня в тупик. — Ты ещё живой, что ли?

— Живой, не волнуйтесь. Как вы?

— Бывало и получше...

— Но живы ведь? Это главное! — едва не срываясь на крик, зачастил я. — Бабуль, срочно нужен адрес Деда Мороза! Ну помните, был такой, когда вы меня на кладбище за Сивкой-Буркой отправляли? Где он живёт? Очень, очень надо!

— Ох ты и догада, участковый, — спустя мгновение завистливо протянула Яга.

— Бабушка, не надо комплиментов! Просто скажите адрес.

— На север держи путь, сыскной воевода! Да тока ехать тебе туда три дня и три года...

— Я верхом на Мите.

— А-а, ну тады и в три часа обернётесь, — успокоила глава нашего экспертного отдела. — Тока ты поспешай, Никитушка! Маняшка глупая уж почти вся власти Горыныча отдалася. Её счастье, что он, гад, девкой крестьянской покуда брезгует, шибко лёгкая добыча. А сам изо всех сил клинья к Олёнушке твоей подбивает. Ежели б не дьяк...

— С этого момента поподробнее...

— Филимон Митрофанович по самому краю ходит, убеждает Змея поганого, что, покуда Олёнка твоя жена замужняя, к ней лезть грешно. Надо, стало быть, доказательства смерти твоей предоставить. А там уж соблазней честную вдовицу, как хочешь...

— При случае передайте дьяку, что с меня пол-литра, — честно пообещал я. — А где вы? Что с этой мерзавкой Василисой?

Увы, но ответа не последовало. Связь оборвалась.

Ничего, главное, она успела сказать мне самое важное. Движемся по направлению на север, а то, как серый волк в русских сказках «вёрсты хвостом замечает, царства меж лап пропускает», известно всем. Всем читающим!

Мы должны успеть. Просто обязаны, другого решения нет и выхода другого тоже.

Это в нашем мире я мог бы, например, уволиться из органов, найти себе другую работу, переквалифицироваться в управдомы, в конце концов.

И никто не обратит на это внимания, Москва — огромный мегаполис, там такие мелкие пертурбации вообще всем пофиг. Но не здесь...

А в этом мире русских сказок всё на виду, каждый открыт, и, один раз совершив подлость, наивно верить, что жизнь как-нибудь сама собой наладится. Нет уж, гражданин начальник, либо — либо! Дьяку Груздеву или боярину Бодрову это разрешается, а тебе нет...

И самое удивительное, что меня оно вполне устраивает. Я принял Лукошкино как свой дом. Здесь моя любовь, моя работа, мои друзья. И поэтому фон Дракхен совершил большую ошибку, избрав новой мишенью для игр именно этот город...

— Поехали. — Я вспрыгнул Мите на спину.

Он, всё ещё не рискуя раскрывать пасть, вопросительно повернул ко мне большую лобастую голову. Типа и что дальше, ковбой?

— Ты же всё слышал. Баба-яга сказала: по прямой на север. В сторонах света разбираешься? Если нет, то посмотри, с какой стороны на деревьях растёт мох.

Митяй на миг задумался, потом повернул голову направо и сдвинул брови.

Сейчас рванёт на третьей космической, только и успел подумать я, когда серый волк так рванулся вперёд, распластавшись в прыжке, что я чудом удержался на его спине.

Это даже не было похоже на авиаперелёт. Там ты плавно плывёшь над облаками под мерный рокот моторов, а тут... ох!

Наверное, это было больше похоже на какое-то погружение в компьютерную игру. Я не видел ничего, кроме мельтешения искр и сливающихся в одно пятно пейзажей. Мы летели (иначе это не назовёшь) с какой-то нереальной сказочной скоростью, словно бы проникая сквозь время, пространство и миры...

Я никогда не предполагал, что перемещение с такой быстротой может быть одновременно столь же комфортным. Меня не трясло, а лишь мерно покачивало, сидеть на волке было столь же удобно, как на хорошем японском мотоцикле, фуражку не сдувало, воздушных ям не было, и в какой-то момент я даже поймал себя на ощущении, что меня клонит в сон.

Честное слово, я действительно опустил голову на руки, поудобнее улёгся на Митиной широкой спине, взбил шерсть, как подушку, и задремал...

— Устал? — спросил меня бабкин кот, впервые обращаясь ко мне на нормальном русском языке.

— Немного, — согласился я, уже ничему не удивляясь.

— Есть хочешь?

— Да.

— А нету, — широко развёл лапами Васька и показал мне язык.

Я логично обиделся на такое глупое детсадовское разводилово, решительно пнув его ногой под хвост. Попал! Потому что чёрный кот фыркнул и почему-то уже по-волчьи прорычал:

— Чё пинаетесь-то, Никита Иванович? Прибыли мы...

— А?!! — Я мгновенно подскочил, продираясь сквозь сон. — Извини, разморило, даже сон какой-то сниться начал...

— Уж не знаю, какие вам там сны снятся, а только дерётесь вы с них больно! — надулся Митяй, потирая лапой бок. — Хорошо ещё, язык отпустило. Неприлично серому волку моей комплекции шепелявить как не знаю кто... Вспомнить стыдно.

— Извини.

— За что именно?

— За всё оптом, и давай к этой теме возвращаться не будем, — предложил я тоном, исключаящим всякие дебаты. — Ну, показывай, куда прибыли?

Мы стояли в густом лесу, в окружении вековых дубов и сосен, солнце играло где-то над головой. Пели птицы, и в осеннем воздухе чувствовалось мягкое предвкушение приближающейся зимы. Это трудно объяснить, ведь зима, в отличие от прочих времён года, вроде бы ничем конкретным не пахнет. И всё-таки...

— Вона тропиночка малая меж ёлок вихляется, — мотнул мордой Митька. — Вам туда идти, а я вас тут подожду.

— Почему не со мной?

— Собак чую. А у Деда Мороза, как говорят, псы лютые да кусачие! Мне, как честному волку, туда дороги нет, порвут же, шкуру жалко...

— Ладно, схожу сам, разберусь. Если что, свистну. Услышишь?

— А то! — нагло зевнул он во всю пасть и, не спрашивая ничего разрешения, тут же повалился на бок, захрапев, как пять азербайджанских домовых одновременно.

Свисти ему, как же! Хоть из пушки пали над ухом, и то не факт, что разбудишь. Я не стал делать из этого трагедию, в конце концов, парень реально умаялся. К тому же время не ждёт.

— «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» — Вполголоса напевая себе под нос, я храбро пошёл вперёд по указанной тропинке. Ноги слегка одеревенели со сна, но это быстро пройдёт.

Буквально через пять-шесть минут стена деревьев кончилась, как

будто бы её обрезали. Тропинка вывела меня на косогор, где высился классический терем Деда Мороза. Высокий, крепкий, резной, очень похожий на тот, что наши кинематографисты построили для знаменитой сказки Роу.

Тот терем, конечно, был весь белый, в снегу и сосульках, но этот тоже впечатлял. Из сосновых цельных брёвен, без единого гвоздя собран как конструктор.

— Очень надеюсь, что дед меня вспомнит, — решил я, ускоряя шаг, и даже почти дошёл до первой ступеньки крыльца. Почти.

Потому что откуда ни возмись, словно из-под земли, возникли два лохматых пса, похожие на знаменитых кавказских овчарок. Улыбки до ушей, огромные клыки и неизменное дружелюбие во взгляде. Уверен, что на хорошую мозговую косточку они смотрят так же ласково...

— Собачки? Хорошие собачки, добрые собачки, — чуть заискивая, предположил я. — А погавкайте, пожалуйста, чтоб хозяин вышел.

Увы, унижать своё достоинство дворовым лаем псы не стали, они профессионально взяли меня в кольцо и, кажется, собирались пообедать молча. Меня это, естественным образом, не устраивало...

— Дедушка-а Мо-ро-оз!!! — не хуже хора детского сада проорал я, надеясь, что меня услышат.

Псы укоризненно сдвинули брови, дескать, чего шумишь, пожилой человек спит, ему отдыхать надо, зимой-то столько дел, что и присесть некогда.

— Ах так... — Я вспомнил коллег-милиционеров, работавших с розыскными собаками. — А ну место! Сидеть! Лежать! Апорт!

Кавказцы переглянулись, послушно выполнили все команды по порядку, а потом одним массированным ударом свалили меня с ног. Я был готов дорого продать свою жизнь, но бороться с этими медведями в собачьих шкурах было попросту нереально.

Я мысленно простился с Олёной, припомнил всю свою жизнь, почувствовал горячее дыхание на щеке и... не сразу осознал, что мне самым беспардонным образом вылизывали лицо. Да, да, они умывали меня в два языка сразу! Это было слюняво, мокро, тепло и ни капельки не страшно...

— Эх вы, барбосы плюшевые. — Кое-как сев, я обнял обоих псов за могучие шеи. — Всё, всё, вылизали, расцеловали, спасибо, хватит! Ведите меня к своему хозяину.

Овчарки пожали плечами и обернулись к дому. Когда мы дошли до крыльца, один пёс предупредительно поднял лапу, прежде чем я ступил

ногой на первую ступеньку. А второй набрал в грудь воздуха и как-то особенно, наверняка заранее оговоренным способом, гавкнул три раза с равными промежутками.

— Гав. Гав... Гав!

Почти азбука Морзе, только по-собачьему.

Должен признать, что менее чем через минуту дверь скрипнула, и на пороге показался тот самый здоровенный старик, с которым мы познакомились прошлой зимой на кладбище. Только на этот раз он был не в шубе, а в простой домотканой рубахе без пояса, полосатых штанах, заправленных в шерстяные носки, и растоптанных домашних тапках. Увидев меня, синие глаза деда радостно заискрились.

— О-го-го, кого я вижу? Да никак сам сыскной воевода из Лукошкина ко мне не ждан, не зван в гости пожаловал?!

— Здравия желаю, — козырнул я. — Вы уж извините, что я действительно вот так, без приглашения припёрся, но служба не ждёт, и...

— Так ты по службе? — удивился он. — Нешто меня подозревают в чём? Тогда повестку давай, в отделение приглашай, я законы знаю...

— Нет-нет! Просто нужен ваш совет и помощь.

— А-а, — чуть разочарованно вздохнул дед. — Ну заходи, раз так, побалакаем. Чаю-то будешь с пирогами, плюшками да баранками?

— Вы святой, — тихо всхлипнул я, признавая, что моя вынужденная диета доведёт меня же до голодного обморока.

Мороз всё понял правильно, и вскоре я сидел за широким столом, спиной к окну, а передо мной громоздились горы горячих блинов, пышущие жаром оладьи, пироги с капустой и грибами, кулебяки с курицей, ватрушки с творогом, баранки, бублики, сушки, большие печатные пряники, мёд сотовый и всяческое варенье. Жизнь удалась! Ура-а!

Пока я не наелся до тишком расстёгнутого ремня на брюках, Мороз Иванович ни о чём не спрашивал, не задавал ни одного вопроса, а только душевно потчевал в лучших традициях русского гостеприимства.

— А вот плюшечек откушай! И пироги удались на славу! А чего ж блинчиками брезгуешь? Ты в сметанку их да лопай! Чайком запивай, чай у меня хороший, из самой Индии шлют, а я в него бергамот с чабрецом добавляю — бодри-и-ит!

Я благодарил молча, кивая с набитым ртом, и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Да, кстати, не забыть бы попросить пару пирожков для Митьки. Он как проснётся, ещё более голодным будет, лучше не рисковать и поделиться.

— Чего покрепче чаю в доме не держу, — виновато развёл руками мой

гостеприимный хозяин, неправильно истолковав мой отказ от четвёртой кружки чаю. — И рад бы предложить, да нечего. Возраст уже, годы не те, печень беречь надобно, так что извиняй, милиция...

— Спасибо, я и не хотел.

— Хм, а мне говорили, будто в отделении все горькую пьют. Коли ты каждый день с преступным элементом, не щадя жизни, борешься, дык чем же тогда нервы успокаивать?

— У кота Васьки валерьянку ворую, — зачем-то соврал я, с сожалением (хотя только глаза и несытые) отодвинулся от стола, вытер губы полотенцем и напрямую спросил: — А вы такого Змея Горыныча фон Дракхена знаете?

Мгновенно побагровевший Дед Мороз так грохнул кулаком по столу, что едва не свалил на пол трёхведёрный тульский самовар в гербах и печатях.

— Знаю ли гада этого перелётного?! Ещё б мне его не знать! Пять лет назад внучку мою Снегурочку по поздней осени едва к себе на Стекланную гору не уволок. Благо он к зиме силу теряет, дак она от него лаптем отбилась! Нахлестала по щекам, а тут и псы мои верные Буян да Полкан подоспели, задали трёпку охальнику. С тех пор он мой терем за тридевять земель облетает...

— Значит, и у вас с ним личные счёты.

— Есть такое дело. А ты-то как Змею поперёк пути стать осмелился? Ну-ка, коли поел-попил, дак и давай рассказывать, друг-участковый...

Ну, здесь меня долго уговаривать не пришлось. В течение, наверное, целого получаса, если не больше, я обстоятельно расписывал хозяину всё, что произошло у нас в Лукошкине, начиная со дня кражи бани, в которой парились три красавицы-девицы. Хотя если цепляться к словам, то девица была лишь одна, две другие — замужние женщины, но ведь суть не в этом.

Я рассказывал всё по порядку, не опуская деталей, стараясь просто поделиться информацией, а не своими выводами или теориями. В конце концов, высказать собственное мнение я могу в любое время, сейчас мне был куда более важен непредвзятый взгляд со стороны.

Наш поход к Стекланной горе, приём в команду дьяка и царя, смерть Кощея Бессмертного (глупо звучит, да?) с полным разрушением его палат, плен, омоложение Бабы-яги, отправка меня с Митей-волком за чудесной птицей, предательство, бесовка Василиса, находящаяся на службе у фон Дракхена, два поединка с его же двоюродным или каким там ещё по счёту младшим родственничком, а в конце — моя запоздалая мысль о том, что змеи боятся холода.

Вот это и есть истинная причина, по которой два сотрудника милиции искали терем Деда Мороза. Уф, вроде бы всё...

— Ну что ж, участковый, — герой русских сказок хлопнул себя ладонями по коленям, — выслушал я тебя. Теперича и ты меня послушай.

Я честно приготовился к долгому ответному рассказу, но дед неожиданно передумал:

— Хотя чего ж мне, седому дурню, на старости лет языком молоть? Ты ж не за-ради разговоров душевных сюда заявился, тебе, поди, делом помочь надобно?

— Очень надобно. Я вам потом почётную грамоту «за содействие правоохранительным органам» оформлю.

— Ну, раз так, тем паче помогу!

Мороз Иванович встал, прошёлся по горнице и решительно взял из дальнего угла красивый старинный посох. Дерево было богато изукрашено резьбой, какими-то незнакомыми мне рунами, клинописью, изображением фантастических зверей и птиц. Антикварная вещица, явно ещё с языческих дохристианских времён...

— Вот, держи посох морозильный! — Дед сурово посмотрел мне в глаза. — Да не бойсь, пальцев не отморозишь. Вещица это древняя, непростая...

— Я в курсе. Фильм смотрел, сказку помню. «Кто посоха моего коснётся, тот вовек не проснётся!» — наизусть процитировал я, осторожно сдвигаясь по лавке к выходу.

— Хм... А что, идея хорошая. Надо будет записать где-нибудь на входе, — деловито призадумался хозяин терема. — Тока подправить чуток. «Кто добра моего коснётся, тот вовек не проснётся!» Ну чтоб людишки лихие не только посоха боялись...

— Ладно, — сдался я. — То есть вы уверены, что этой штукой можно чего-нибудь обморозить Змею Горынычу?

— О-хо, да не только ему! Посох бери. На изготовку! Как копье держи али рогатину медвежью.

— Так? — Я не без опаски взял старинный посох в руки. Ледяной холод мгновенно уколол пальцы, но вроде бы больше ничего такого уж страшного.

— Пойдёт, — учил меня дед Мороз. — Навершием вон хоть в... вон в ту крынку сметанную целься!

— Есть.

— А теперича чуть ладонь правую сожми.

Я осторожно сжал посох, и в тот же миг сверкнула серебряная

вспышка, а обречённая крынка сметаны покрылась сантиметровым слоем льда.

— Круто-о...

— Чегось?

— Работает, говорю.

— Да уж, умели делать. Не чета нынешним мастерам, — безадресно посокрушался Мороз Иванович и продолжил: — А теперича целься в неё же, да только сильнее левой жми, а правую расслабь. Она те тока для прицела и нужна будет...

Я повторил упражнение, аккуратно выполняя все указания, — лёд исчез столь же быстро, как и появился. Заморозил — разморозил! До меня начало доходить, оружие какой мощности попало в арсенал милиции...

— Расстояние убойной силы?

— С полверсты бей смело. Ежели не промажешь, дак и птицу на лету заморозишь в сосульку с перьями.

— А система предохранения от случайного выстрела?

— Руками не жмакай зазря, и всех делов. Чай, волшебный предмет держишь, а не девку красную тискаешь.

— Тоже понял. Что насчёт перезарядки или времени работы в режиме максимальной мощности?

— Про то не ведаю, — почесал затылок Дед Мороз. — Сколько этот посох помню, сила завсегда в нём была серьёзная. Не раз к воротам с ним ходил, когда гости незваные докучать решались.

— Ясно. Вполне себе оружие, — кивнул я. — Проблем с милицией не возникало?

— Да мне до тебя, участковый, за сотни лет ни один милиционер не попадался...

— Тоже верно. О чём это я вообще? Извините, задумался о своём. Устав, служба, бессонные ночи по охране правопорядка. Уже ко всему цепляться начинаешь...

— Это да, это я понимаю, — чуть напряжённо ответил Мороз и деликатно прокашлялся в кулак: — Так тебе ещё чего, Никита Иванович, чаю налить али дела срочные в путь-дорогу зовут?

— Как я понял, этот посох у вас не единственный? — вдруг дошло до меня. — И возможно, те, что остаются в тереме, обладают ещё более страшной мощностью. И ведь наверняка не зарегистрирован ни один, верно? Морозите без лицензии?!

— Я собирался, — уверенно соврал дед и, уже ни капли не стесняясь, собственными руками развернул меня за плечи к выходу. — Как ты с

обидчиком своим разберёшься, посох мой сам обратно возвратится. Чтоб всё по порядку и при учёте состояло. А зимой в гости жди. Зайду на огонёк, заодно и лицензию твою мне подпишешь. Официально, с печатью милицейскою! Договорились?

— Спасибо вам, Мороз Иванович. — Я козырнул, а потом ещё на всякий случай поклонился старику в пояс: — От лица всего отделения спасибо!

— Ну беги уж, тебе ещё на Стекланную гору лезть!

— Бегу. — Я козырнул ещё раз.

Без разрешения, но с самым умоляющим взглядом сунул два пирожка в карманы кителя и вышел из дому. У крыльца меня встретили приветливым вилянием хвостов два кавказских богатыря, как я теперь знаю, Полкан и Буян. Не забыв потрепать каждого по холке, я быстрым шагом пошёл было к лесу, но...

— Эй, погодь-ка, участковый! — раздалось сзади. Дед Мороз, едва ли не по пояс высунувшись из окна, помахал мне рукой. — Я спросить забыл, а ты на чём на гору Стекланную влезать-то вознамерился?

— Э-э... ну... — Я прикусил губу.

Чтоб его, этого фон Дракхена, с его оборонительными сооружениями! Действительно, все попытки попасть во дворец на вершине горы были заранее обречены на неудачу. Во всех случаях меня туда доставляли. Правда, серый волк Митя один раз как-то забрался сам, но не факт, что он сумеет повторить этот подвиг со мной на спине. Тогда как быть?

— А я те подскажу, — хитро подмигивая, улыбнулся Мороз Иванович. — Ты отселя вдоль лесу на закат иди, встретишь деревеньку малую, два забора, три двора, четыре тына. В той деревне старика Емельяна спроси, он те поможет!

— Ещё раз спасибо, дедушка! — крикнул я, чувствуя, как за спиной вырастают крылья. — Непременно жду вас в январе в отделении! Не зайдёте, обижусь!

— Куды от вас денешься? — добродушно хмыкнул бородатый любимец всех детей и скрылся за ситцевыми занавесочками.

— Ну, что стоим, кого ждём? — сам себя спросил я. — Шагом марш направо, в деревню, к старине Емельяну, хрен его знает как по фамилии и отчеству, но на месте разберёмся. Митьку будить смысла нет, пусть выпится парень, назад дорога долгая...

На самом-то деле мои причины пойти одному были куда более прозаичными. Наш младший сотрудник в деревне голову терял от ощущения «малой родины». Вспомните, какие весёленькие каникулы мы

провели у него в Подберёзовке. До сих пор мороз по коже, как в памяти всплывают самогонные посиделки, драки, стрельба, частушки матерные и завоораживающие глаза жены Кощея, страшной Карги-Гордыни...

Нет, с Митькой в русскую деревню я больше ни ногой! Ну и вторая причина, может быть даже более весомая, чем первая. Он же у нас сейчас в образе серого волка. Вот и представьте: вхожу я в деревеньку из — как там было сказано? — трёх дворов, с живым волком на поводке, к дикой радости всех собак и местных жителей с вилами.

Как говорит в таких случаях незабвенный гробовщик и портной Шмулинсон? «А оно таки мне надо?» Так вот, мне оно точно не надо. Я уж лучше как-нибудь сам...

Дед Мороз не соврал: наверное, уже через полчаса хорошей пешей прогулки вдоль леса за холмом показались покосившиеся крыши стареньких избёнок. Над одной курился дымок. Когда я подошёл поближе, меня вполне предсказуемо облаяла тройка-четвёрка низкорослых дворняжек.

Впрочем, из-за заборов и плетней они высовываться не рисковали, но охотно высказывали всё, что обо мне думают, издалека. В принципе можно было бы и взять с собой Митю. Что-то часто я стал перестраховываться...

— Ау! Э-ге-гей! Граждане-крестьяне, есть кто дома? — громко прокричал я, обращаясь ко всем трём избушкам сразу.

В одном домишке промолчали, но на всякий случай захлопнули ставни. Не очень вежливо, но что поделать, неожиданных гостей нигде не любят. Ладно, попробуем по-другому...

— Милиция разыскивает гражданина Емельяна! Гражданину Емельяну просьба откликнуться и вступить в диалог с представителем органов!

После такого заявления окна захлопнулись ещё в двух избах.

Либо о милиции здесь ничего не знают, либо... и знать не хотят! Я не поленился перелезть через чей-то забор и, невзирая на брехливый лай собачонок, храбро постучал в двери. Никто даже не отозвался. Я обстучал все три избушки, результат одинаковый — нулевой.

Со мной элементарно не хотели разговаривать, ни в какую, ни на каких условиях, просто жёсткий игнор, и всё. Господи, как же, оказывается, легко и просто работать в Лукошкине! Все тебя знают, стараются помочь, поучаствовать, посочувствовать в крайнем случае...

— Эх, добрый молодец, тебе чего надоть?

Я резко обернулся на голос. Позади меня из-за плетня высовывался старый, как Фидель Кастро, дедок с такой же революционной внешностью.

Только что без сигары в зубах, а так очень похоже.

— Я ищу деда Емельяна, — привычно козырнул я. — Мне к нему Дед Мороз рекомендовал обратиться.

— Емельян, говоришь? — призадумался старичок. — Не знаю такого. Не слыхал даже. А чё ж ты от него хочешь?

— Э-э... — Честно говоря, я уже не раз проклял себя за собственную глупость, потому что элементарно не уточнил у Мороза Ивановича, чем конкретно мне может помочь этот самый Емельян.

Кстати, не Пугачёв ли его фамилия? Очень надеюсь, что нет. Мне вот тут только бунтов с мятежами в сказочном царстве и не хватало. Я уже не раз видел так называемые народные волнения в Лукошкине, а перехода на пожары и топоры даже врагу не пожелаю.

— Вона в том доме вдова Степана-гончара живёт. А в этой избе Николай-лекарь, хороший человек, задушевный. Тама вон Гришка-пропойца, по соседям вечно побирušничает. Ну ещё бабы да детишки ихние, — пустился загибать пальцы старичок. — Однако ж Емельянов среди них нетути...

— Ясно. — Я сел на какую-то старую колоду, обхватив голову руками. — Простите, а вы сами откуда будете?

— Я-то? А вон с того подворья. — Он неопределённо махнул рукой влево. Там виднелись остатки поваленного тына и труба сто лет не чищенной печи.

— Понятно. Значит, Емельяна здесь нет. Неужели я ошибся направлением? Не мог же Дед Мороз меня обмануть...

— Эх, добрый молодец, да жизнь, она, ежели вдуматься, вся обманом полна... — сокрушённо помотал седой бородой словоохотливый старичок. — Вот, помнится, по молодости было дело, послали меня жены братьевы за водой. А зима стояла злющая-а...

Мне пришлось зажать уши ладонями, чтоб его не слушать. Что же, пень горелый, тут происходит? Либо мне указали не ту дорогу, либо я как последний дурак, без карты и компаса, свернул не на ту звезду. А тогда куда ту?

Возможность заканчивать предложения в рифму не радовала. Хотелось большего. Если точнее, то хоть какой-то информации о разыскиваемом мною объекте, понимаете?

— А тут щука и говорит мне человеческим голосом...

Рассказ старика раздражал и убаюкивал одновременно, как бы это ни казалось парадоксальным. Мне совершенно не было интересно, чего он там бормочет себе под нос.

Увы, умение выслушивать всех подряд относится к прямым обязанностям любого сотрудника милиции. Иногда и рад бы послать старого болтуна дальним лесом, столетним мухоморам свои байки рассказывать, но куда денешься, положение обязывает, вариантов нет...

— А она мне: отпусти, мол, Емелюшка-а...

Стоп, что-то крайне вовремя щёлкнуло у меня в голове. Какой такой Емелюшка? Это случайно не тот самый Емеля-дурак из сказки «По щучьему велению»?

— Минуточку. — Я уверенно зажал ладонью рот фиделеобразного старичка. — Вы хотите сказать, что вся эта история реальна? То есть Емеля — это вы?

Бородатый пенсионер старательно закивал.

— Так. Не вырываться. Молчать. Говорить пока буду я. Если вы Емеля, то ваше полное имя Емельян, так?

Старичок так удивлённо округлил глаза, словно бы эта простенькая мысль ему раньше и в голову не приходила.

— Значит, я всё-таки попал по адресу, Емельян — это вы!

— Я?!

— Вы!

— Не, я-то Емелька... — упёрся было дедок, но я поймал его за грудки.

— Даже не спорьте с представителем органов. Скажите лучше, почему Дед Мороз направил меня именно к вам, а не куда-нибудь ещё?

— Мне-то откуда знать?! Я того Морозу отродясь в лицо не видал, мне и на печи тепло...

— Печь... — прозрел я. — Минуточку, гражданин. Как помнится, вы на этой печи из деревни прямо в царский терем проехали. С нарушением всех мыслимых правил дорожного движения, но это пока опустим...

— А чё? А нельзя было? А я мужик тёмный, мне и не сказал никто...

— Дурочку-то не надо включать! — строго напомнил я. — Вам, кажется, ещё у царя предъявили не одно обвинение в наездах на пешеходов и создании аварийных ситуаций. Было такое?

— Ну... может, и было. Дык ведь дело-то прошлое...

— Простое, но не настолько. Срок давности по жалобам граждан насчёт ДТП ещё не истёк, — на ходу придумывал я, уже прекрасно понимая, кто передо мной стоит и ЧТО он может.

— Слышь, энто, представитель органов, — опустив глаза и ковыряя лаптем землю, пробормотал старичок Емеля, — так, может, договоримся как-нибудь?

— Что? Взятка? Я вам не какая-нибудь ГАИ, я... Можем и договориться, короче.

— Вот энто по-нашенски, энто по совести, энто по-людски! Чего тебе надоть, добрый человек?

— Совет и помощь.

Дед посерьёзnel и оттопырил пальцем хрящеватое розовое ухо. Я быстро, без лишней детализации, рассказал ему обо всех своих бедах и попросил решающего аргумента в борьбе со Змеем Горынычем. Ну типа не может ли он как-нибудь такое пожелать «по щучьему велению», чтоб у этого фон Драххена весь его двор медным тазом накрылся, но пленники не пострадали.

— Трудную службу ты мне задал, добрый молодец участковый...

— А в чём проблема? Вы же тот самый Емеля, кто поймал ведром щуку и отпустил её к малым щурятам в обмен на волшебное слово, исполняющее все ваши желания!

— Так-то оно так, — взгрустнул старичок, садясь прямо на землю у плетня. — Да тока щука энта сукой оказалась! Воспитывать меня решила, волшебный дар дала, а тока затем, чтоб я понял, что своей головой думать надо и своими руками счастье строить.

— Минуточку, вы же там вроде по сюжету... — я попытался вспомнить все версии популярной русской сказки, — вы же получили царскую дочь в жёны, поселились во дворце, стали раскрасавцем и даже попросили себе ума-разума. Нет?

— Э-эх, молодёжь...

Старый Емельян пустил скупую слезу. В общем, если не вдаваться в подробности, ум не принёс ему счастья. Он мигом понял, каких средств требует содержание дворца, поставленного, по сути, на чужой территории. Также осознал всю аморальность своего поведения, прекратил все братоубийственные войны, отказался вести политические игры и снял требование любви с царевны.

Она тут же сбежала к другому, вернуть её удалось, а вот заставить любить себя — только под воздействием щучьих чар. То есть на деле мужик быстро осознал, что сам собой представляет лентяя, дурака и полное ничтожество.

Ни любить, ни уважать его не за что, а принимать таким, каков есть, никому не надо. Результат печален, но закономерен — нищее одиночество...

— И знаешь, в чём главная беда? — заключил герой народных сказок, глядя на меня так, словно бы сообщал самую главную тайну

мироздания. — Я ж ни разу ничего для людей не сделал. Всё себе, тока себе! Печь — себе, а избу развалил, а людей подавил, а соседские заборы порушил. Царскую дочку — себе, дворец — себе, ум-разум — себе, а хоть одно доброе дело кому — так нет! Обрадовался чародейскому слову, свою волю выше всех поставил, а ежели кто против, так тех взашей!

— Нехорошо, — признал я.

— Нехорошо, — со вздохом поддержал он. — Так что словом щучьим я за тебя твоих друзей спасать не стану. И Змея того казнить тоже не буду. Сам в своих бедах разбирайся, сам свои награды выслуживай.

— Понятно. — Я встал, яростно матеря в мыслях этого старого философа-пацифиста. — Спасибо. Пойду, пора.

— Погодь уже, — раздалось за моей спиной. — Чего разобиделся-то так, ажно из ушей пар валит, а по спине искры бегают, как по шерсти кошачьей. Куды пойдёшь-то?

— На Стекланную гору.

— Шиш ты на неё влезешь!

— Сам знаю! Вам-то что?!

— А не ори на старых людей. — Старик Емельян наставительно покачал пальцем у меня перед носом. — Гора, она скользкая, самому на неё нипочём не подняться, но я те помогу. Забирай печь!

— Как это?

— Да так, садись, езжай, она с вечеру топлена, до сих пор угли горячие. Печь — вещь древняя, великой силой наделённая, её в доме первой ставят, от неё пляшут, первый шаг в детстве делают, в ней еду готовят да вместо бани парятся, она и лечит, и усталость снимает, и до дому зовёт. А энта ещё и вездеходная!

Я не сразу въехал в то, что мне предлагалось. Неужели именно за этим меня отправил сюда Дед Мороз? Не за волшебным оружием, не за чародейным словом, не за сильным союзником, а за обычной печью? Непонятно как-то...

Меж тем воодушевлённый собственной идеей старичок крепко схватил меня за рукав и потащил куда-то вбок, вдоль плетня. Там, посреди жалких остатков некогда шикарного яблоневого сада, стояла большущая русская печка. Когда-то белёная, а сейчас грязная и неухоженная, с почерневшей трубой, закопчённым зевом и шатающимися кирпичами. Но старик бросился к ней, обнимая, как любимую супругу...

— Вот она, моя красавица, спасительница моя, охранительница и кормилица! Никакого добра я не скопил, все богатства как вода сквозь пальцы утекли, только печка старая и осталась. Забирай, её добрый

молодец! Выручай свою любушку да друзей верных из плена вражьего! Небось и меня когда-нибудь добрым словом помянешь...

Я обошёл легендарное средство передвижения, сравнимое по известности, быть может, разве что с ковром-самолётом или летучим кораблём. Но если последний мне довелось видеть в действии, то печь...

— Как управляется?

— Голосом. Скажи громко: поверни, печь, направо, поверни, печь, налево, иди, печь, прямо! Всё так и исполнится.

— Думаете, вверх на стенку тоже пойдёт?

— А то нет?! Она ж печка сказочная, вездеходная!

На минуточку я представил себя сидящим на печи с морозильным посохом наперевес и улыбнулся. Не очень похоже на рыцаря на белом коне, прискакавшего спасать прекрасную принцессу из лап злобного дракона. Но у нас ведь и без того всё наперекосяк, все сказки в жизни перемешались, другим боком вылезли, и если исключительно одного классического сюжета держаться, то так и с ума сойти недолго...

— А вы как без печи?

— Я-то проживу, — щербато усмехнулся старичок. — Ты уж только, когда все дела закончишь, прикажи ей: ступай, мол, печь, домой! Она сама своим ходом ко мне и доберётся.

— Но... — Я разрывался между благодарностью и опасением, что Емеля просто замёрзнет этой же ночью.

— За меня не бойсь, — совершенно правильно трактуя мои сомнения, подмигнул он. — Я ж тут и не ночую, я вона у вдовицы Пантелеймоновны харчуюсь. Да с ней и теплее, чем на печи.

— Понимаю, — покраснел я. — Действительно, о чём речь, дело-то молодое, какие ваши годы?!

— Стало быть, снимешь с меня обвинение в этих ДТП твоих, язвы их в душу мать...

Я молча пожал ему руку. Старик облегчённо выдохнул и помог мне влезть на печь.

— Ну, поехали? — осторожно попросил я.

Ничего не произошло.

— Ах, забыл! — Емельян стукнул себя сухоньким кулачком по лбу. — По щучьему велению, по моему хотению, служи ты, печь, новому хозяину верой и правдой, покуда он тебя домой не отправит!

В воздухе на миг вспыхнуло лёгкое сияние, волнообразная дрожь пронзила печку, она вздрогнула, как живое существо, покачнулась, похрустела кирпичиками и чуть склонила в мою сторону почерневшую

трубу.

— Ну вот и ладушки-оладушки. Теперь уж и поехали!

— Поехали, — повторил я.

Печь безоговорочно подчинилась, взяв с места с плавностью хорошей иномарки. Я помахал старику Емеле и, заломив фуражку, направил транспорт на выезд из деревеньки, а там вдоль леса, до той тропинки, где в глубине на опушке мной был оставлен дрыхнувший напарник.

Посох Деда Мороза положил справа, чтоб был под рукой. Старая печь шла просто запредельно быстро, мягко, едва ли не самостоятельно выбирая наиболее оптимальный маршрут в объезд луж и кочек. Да если б у нас в стране её взяли за модель для всего отечественного автопрома, на всякие зарубежные «мерседесы» российский народ просто плевал бы с высокой колокольни!

Снизу греет, в поясницу не поддувает, полный обзор на все четыре стороны, и прямо-таки нереальная, сказочная проходимость! Мороз Иванович был тысячу раз прав, отправляя меня к старому Емеле, — теперь я эту Стекланную гору просто штурмом возьму, и никуда этот фон Дракхен от меня не денется, гад ползучий...

На повороте к лесу я было притормозил, но печь, оказывается, способна ехать в глухом бору, узенькими тропинками, не хуже избушки на курьих ножках. Та, если вдуматься, по площади ещё больше, но ведь как-то умудрялась протискиваться меж деревьев. Емелино транспортное средство справлялось с этой задачей даже лучше...

— Митя, подъём! Я вернулся.

Серый волк сонно поднял уши, развернул их, как локаторы, в мою сторону, убедился, что я это я, и только после этого уныло приоткрыл глаз.

— Чё ж так орёте-то, Никита Иванович? Мне, может, сон приятственный снился, а тут вы, и все мечтания вдребезги...

— Подъём, младший сотрудник Лобов! Нас ждут великие дела.

— Драться небось надо?

— Надо, куда же без этого. Будем производить задержание Змея Горыныча, он наверняка окажет сопротивление, слово за слово, и без применения силы не обойтись.

— Тады не пойду. Мне со Змеем драться не резон. На нитки распустит да в клубки перемотает!

— А я тебе пирожки привёз...

— Дык это же совсем другое дело. — Митяй мигом вскочил на ноги и кинулся ко мне. — За пирожки я вам любого звероящера пархатого на лоскутки порву, пойдут гулять клочки по закоулочкам!

— Угощайся.

— А чего так мало-то? Тока два...

— Один тебе, один мне, — начал было загибать пальцы я, и оба пирожка исчезли в Митиной пасти до окончания моего предложения.

Только после этого он соизволил обратить внимание на печь. Обошёл её по кругу, оглядел со всех сторон, обнюхал, царапнул когтем, даже лизнул разок, а потом примерился и поднял заднюю лапу...

— Не смей! — заорал я, замахиваясь на обнаглевшего волчару посохом.

Митяй догадливо шарахнулся в сторону, пометив какую-то одинокую берёзку, но, слава богу, не чужое имущество, данное мне в безвозмездную аренду. Пока он, насупившись, смотрел на большую палку в моих руках, я как можно короче объяснил младшему сотруднику происхождение самоходной печки и принцип действия посоха Деда Мороза.

— Ух ты, а пальнуть дадите?

— Митя, ты волк, у тебя лапы для прицельной стрельбы не предназначены.

— От так, как всё самое интересное, так сирота вечно в пролёте, — попытался всплакнуть он, убедился, что давлением на жалость меня не возьмёшь, и продолжил уже по делу: — А хоть на печке прокатиться можно? Или опять вы ехать будете, а я пешкодралом, язык на плече, позади вас пыль глотать?..

— Залезай, — широким жестом предложил я, места хватало.

— Благодать, — едва не замурлыкал Митя, запрыгивая ко мне и грея волчье пузо о ещё тёплые кирпичи. — Никита Иванович, вы б дровишек подбросили, а то угли прогорают. Самому же с комфортом ехать приятственней...

Разумно. Я слез с печи, поломал о колено пять-шесть павших веток потолще, сунув их в зев печки. Сухая древесина занялась быстро. Подкинув ещё на всякий случай (дорога длинная), я забрался к Мите, подвинул его с командирского места управления и скомандовал:

— На Стекланную гору! Печка, вперёд! Надеюсь, маршрут знаем?

Печь пыхнула трубой, словно бы подтверждая заданный курс, и чухнула белым крейсером с места. Митяй радостно завыл, подняв морду к небу, по всему лесу тут же раздалось ответное волчье пение. Красиво, слаженно, с переливами, но, знаете ли...

Надо побыстрее возвращать парня в человеческий облик, а то его уже, кажется, своим считать начинают. И самое опасное, что натура у него увлекающаяся, решит побегать с волками до зимы, а потом мы его в

отделении вообще не дождёмся. Хотя, быть может, так и зародились страшные сказки о милицейских оборотнях в погонах...

Поездка на Емелиной печи оказалась даже более комфортной, чем на сером волке.

В том плане, что развалиться можно было как угодно, места хватало, спину грело, и двигалась печь не в пример ровнее, иногда мне казалось, что мы просто парим над землёй. Не знаю, как там всё было устроено, может, на воздушной подушке, может, на гусеничном ходу, но скорости мы давали едва ли не вдвое быстрее.

Митяй, распахнув пасть и вывалив язык, счастливо пялился вдаль, а мелькающие пейзажи практически сливались в одно полуразмытое акварельное пятно. На сытый желудок меня разморило, я попробовал вздремнуть, но сон получился каким-то очень уж скомканным и бессмысленным.

Вроде как бабка даёт мне полотенце и чистое бельё, отправляя в баню, я захожу, а там на полке Кощей. Чёрный, обугленный, практически скелет, пытается отмыть свою лысую черепушку в отдельном тазике. Намыливает, трёт, ополаскивает, вода уже бурая от копоты и сажи, а череп просто разваливается у него в руках, словно сделанный из речного ила.

Поскольку лично я в снах не разбираюсь, то что бы это значило, даже предполагать не берусь. Печь плавно сбавила ход и остановилась. В мою щёку ткнулся холодный волчий нос, и остатки сна мгновенно разлетелись в стороны, как украинские девицы с Тверской при виде милицкого патруля.

— Приплыли, Никита Иванович, — почему-то предупредил меня Митя.

Хотя ведь вроде бы правильнее было сказать «приехали». Однако, открыв глаза...

— Приплыли, — тупо повторил я.

Печь остановилась, наверное, в ста метрах от Стеклойной горы. А вся дорога от подножия шагов эдак на пятьдесят-шестьдесят буквально шевелится от огромного количества змеёнышей. Разные — от метра до трёх, чёрные, коричневые, серые, пятнистые, полосатые, чешуйчатые, с шипастыми гребнями, уродливыми мордами и злющими глазками! Скрежеща зубами и шипя, змеиное войско словно бы только и ждало сигнала боевой трубы к атаке...

Но самое трогательное, что за ними на каком-то балкончике стоял дьяк Филимон Митрофанович Груздев, разодетый на европейский манер. Только не немецкого покроя, как у того же Кнута Гамсуновича, а скорее даже

испанского. По крайней мере, на мой взгляд, выглядел он настоящим конкистадором.

— Стопорись, Никитка-участковый! — грозным, но по-бабьи тонким голосом начал петушиться дьяк, опуская подзорную трубу. — Пришла твоя смерть страшная, лютая, безвременная! Вот уж и отольются тебе все мои слёзы, все обиды горькие, побои нещадные, аресты несправедливые, поклёпы бесстыдные, враньё бессовестное, наезды беспонтовые, допросы бесстыжие...

Я подождал, пока он окончательно не выдохнется, и только тогда позволил себе спросить:

— Вам хоть платят за это?

— Чё? А-а, не... Энтотак, для души, — честно признался гражданин Груздев. — Тут за ругань не прибавляют ни копеечки, а вот за службу платят. Отчего ж не заплатить слуге верному за старание...

— И сколько получаете?

— Да уж поболее твоего!

— А точнее нельзя?

— Жизнь, — одними губами прошептал дьяк, но тут же опомнился и вновь повысил тон: — Хозяин мой и господин, великий царь и Змей фон Дракхен, через меня тебе, ничтожному, новый приказ передаёт. Всех его змеёнышей прям сей же час накормить досыта!

— Бизнес-ланч?

— Не понял?

— Не важно, — прокашлялся я, переглянувшись с Митей и, чётко разделяя слова, потребовал: — Передайте Змею, что у него десять минут на капитуляцию.

— Чегось?!

— Белый флаг, возвращение пленников, явка с повинной, и тогда я гарантирую ему смягчение приговора.

Груздев поправил сползающий на нос кастрюлеобразный шлем, мазнул кружевным рукавом под носом и неуверенно сощурился, вздёргивая редкую бородёнку:

— Так и передать, чё ли?

— Так и передайте.

— Хорошо. А мне-то чё ж, жалко, что ли? — Он суетливо покивал и куда-то заторопился. — Ты уж тут не скучай, сыскной воевода, змеёныши больно голодные...

После чего нырнул в дверь, и это послужило сигналом к массовой атаке. Серо-буро-малиновое море злобных тварей в едином

порыве поползло, побежало и запрыгало в нашу сторону. Митяй яростно зарычал, скаля белоснежные клыки...

— Никита Иванович, пустите, Христа ради! Дайте же душу отвести, так подраться охота, аж хвост судорогою винтом сводит!

— Пять минут, и назад, — строго предупредил я.

Серый волк счастливо завертелся на месте, а потом, распластавшись в длинном прыжке, обрушился на первые ряды противника. Собственно, назад на печь он приземлился ещё быстрее...

— Мать их, поганицу, за ногу да на каторгу! Кусаются же... больно-то как, а?!

Я усмехнулся. Если Змей Горыныч надеялся на лёгкую победу, то он круто ошибся в выборе армии. Да и нас не стоило так уж явно недооценивать...

— Думаете, раз вы самый сильный, то, значит, и самый умный? — адресуясь куда-то к самым высоким башням чёрного замка, тихо спросил я. — Печка, вперёд! «Гремя огнём, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин...»!

— А энто кто?

— Митя, не мешай!

Емелина печь грозно пыхнула густым дымом из трубы и всей мощью пошла в бой. Первые ряды змеев просто смело, как вафельные стаканчики из-под мороженого. Так же легко и с таким же весёлым хрустом!

— Ура-а, — крича уже на два голоса, едва ли не в обнимку отплясывали мы, серый волк и добрый молодец милиционер.

А русская печь, будто застоявшийся богатырский конь, утюжила змеиное войско. Она шла напролом, крутилась на месте, сдавала задом, и злобные пресмыкающиеся ничего не могли с ней поделать. Дети, братья, племянники, внуки и кем бы ещё они там ни приходились фон Дракхену гибли десятками, но змеи любят тепло, и горячая печь опасно манила их.

Через несколько минут всё было закончено. Нескольких особо шустрых тварей, запрыгивавших к нам, Митяй просто сбивал вниз тяжёлыми оплеухами. Лапы у него о-го-го какие, а звериная ловкость добавляла ему дополнительных бонусов в ближнем бою. Один раз он даже перехватил двухметрового гада буквально в считанных сантиметрах от моего горла. Раскрутил за хвост и отправил в полёт аж до Стеклойной горы! Недокинул, конечно, зато старался.

Я тоже не оставался в долгу, орудуя посохом Деда Мороза, как простой дубиной. Его ледяную мощь следовало приберечь на потом. Но физическая разрядка привела нервы в порядок...

— Всем отбой! Мы справились, старушка. — Я похлопал печь по трубе, словно по броне проверенного бэтэра.

— Что теперь? Кого ещё бить будем? — радостно вертелся вокруг меня мой напарник, подпрыгивая козлом на всех четырёх лапах. — Можно Горыныча? Ну пожалуйста, пожалуйста-а!

— Да легко, сам только об этом и мечтаю. — Я заломил фуражку на затылок, как пьяный курсант мореходного училища. Победа же!

Грудь дышала каким-то пьяным азартом, а голова была свободна от всех мыслей.

Инстинкт самосохранения отключился в первую очередь. Я почувствовал себя легендарным Добрыней Никитичем, который на Пучай-реке практически безоружным набил морду тогдашнему Змею Горынычу, насыпав «земли греческой» то ли в колпак, то ли в носок.

Правда, вроде бы у того Змея было несколько голов, а у фон Дракхена... Хм, ну если судить по человеческому облику, то, естественно, одна. А так кто его знает, какой он на самом деле, когда принимает в родное змеиное обличье? Свидетели утверждали, что трёхголовый.

Но вполне может оказаться, и четырёх, и шести, и восьми! Мутант же, если смотреть с научной точки зрения, так чего от него ждать, такой на всё способен...

— С другой стороны, чего ждать от нас, он теперь тоже не знает, — сам себе ответил я. — Рассчитывали справиться с тихим участковым? А вот получите — милицейский спецназ быстрого реагирования. Да ещё и на самоходной печи, с новым оружием массового отморожения!

Где-то на задворках сознания мелькнула трезвая мысль, что, пожалуй, первые отмороженные здесь именно мы. Посмотрев краем глаза на помятое, поверженное и спешно расползающееся по кустам уцелевшее змеиное войско, я почувствовал жгучее желание сказать что-нибудь эдакое, патетическое, типа «Ребята, не Москва ль за нами?» или «Своих не бросаем!», но не определился с цитатой и передумал. Просто перехватил посох поудобнее, негромко попросив:

— Печка, вперёд...

Она пыхнула дымом и сажей, скрипнула всеми кирпичиками, словно бы пожалала плечами, собираясь с силой, и тяжело начала карабкаться по стеклянному склону вверх. Крутизна под сорок пять градусов! Не спрашивайте меня, как это возможно технически, но печь ползла.

Мы держались, как могли! Я зажал посох в руке и обнял печную трубу, а Митька вцепился зубами в мой ремень и скрёб когтями по нагретым кирпичам. Если б сверху хоть кто-то догадался обороняться (облить нас

горячей смолой, кидаться камешками, стрелять из пушек, материться, в конце концов), мы были бы самой лёгкой мишенью на свете. Воплощённая мечта любого косорукого снайпера!

Но по невероятному стечению обстоятельств никто ни разу не попытался нас задержать. Может, Змей Горыныч был чем-то очень занят, а дьяк на оборону не подписывался, не знаю.

Нас двоих занимали на тот момент совсем другие проблемы. Первая — как не упасть. И вторая — что с нами будет, если мы всё-таки упадём? Высота-то уже довольно приличная, третий-четвёртый этаж, лететь вниз по стеклянному склону — больно, он твёрдый и местами очень острый.

Будем потом валяться внизу на сосновых иголках без медицинской помощи, а единственные, кто услышат твой крик о помощи, это либо волки, либо недобитые змеёныши. Хотя назвать полутораметровую хищную чёрную тварь, бодро бегущую на четырёх лапах, с полной пастью острых зубов, ласковым словом «змеёныш» тоже, знаете ли, перебор...

— Фу-ух, — дружно выдохнули мы с Митей, когда печь вдруг свернула налево, вырулила на какую-то широкую горизонтальную площадку и встала у закрытых дверей.

— Да тут входов-выходов больше, чем дырок в швейцарском сыре, — признал я, с трудом освобождая свой ремень из Митькиных зубов, на нервах у него крепко заклинило челюсти.

— Пойдём-ка, напарник, пора тут кое-кому предъявить ордер на арест. Серый волк послушно толкнул чугунную дверь лапой и вопросительно обернулся ко мне:

— Заперта надёжно.

— Ещё в школе нас учили, что от больших морозов чугун может просто лопаться. Демонстрирую.

Я навёл посох в середину двери, сжал, как учил Дед Мороз, и в мгновение ока та превратилась из чёрной в бледно-серую с морозными узорами.

— Не лопнула, — глянув мне через плечо, констатировал Митя.

— А так? — Я ткнул дверь посохом, и та рассыпалась на мелкие осколки, как резная хрустальная ваза. — Впечатляет?

— Не то слово, — завистливо замотал хвостом наш младший сотрудник. — Как мне Бабуленька-ягуленька человеческий облик вернёт, тады хоть дадите стрельнуть?

— Дам, — пообещал я, поскольку планировалось это в самом необозримом будущем.

По крайней мере, вряд ли раньше, чем мы вернёмся в Лукошкино. Яга же говорила, что у неё здесь волшебной силы нет, колдовать не может, а значит, и расколдовывать тоже. А то знаю я нашего Митю, ему только дай в руки оружие точечной заморозки, он такого наворотит — у чертей в аду хвосты к задницам примёрзнут...

— Тебе придётся подождать нас здесь. — Я похлопал печку, погладил её по боку и поправил заслонку. — Думаю, мы ненадолго. Пара часов, туда и обратно.

— Никита Иванович, вы с кем сейчас разговаривали? — первым сунувшись в дверной проём, хихикнул серый волк. — Это ж печь, её из кирпичей складывают, глиной мажут, известью красят, она существо как есть неодушевлённое!

— Сам ты... — вяло огрызнулся я и ещё раз погладил Емелину печь. — Не слушай его, милая, это он по глупости, не со зла...

Серый волк покрутил лапой у виска, но в диспут не полез, видел, что у меня посох. Я последовал за ним, перешагнув через гору начинающих оттаивать чугунных осколков. Впереди ждал чёрный коридор, ступени уводили куда-то вверх, в опасную неизвестность.

Ни факелов, ни свечей, ни окон не было, но в данном случае мы могли положиться на звериную способность Мити видеть в темноте и его неподражаемый волчий нос. То есть не сказать, чтоб он им так уж активно пользовался, но я просто знаю, что у волков тонкий нюх порой заменяет все остальные органы восприятия мира. Значит, справимся.

Однако через пять — десять минут я признал, что идти в полной темноте всё-таки страшновато...

— Мить, тебе всё видно?

— Так точно, Никита Иванович.

— А ты ещё принюхиваться не забывай, мало ли чего...

— Да нюхаю я, нюхаю! Вот тока аромат от пирожков из карманов ваших все иные запахи отбивает. Чё ж вы их так мало взяли-то? Али в пути поскупердяйничали да остальные сорок штук сами на пеньке съели?

— Митя, не беси!

— Стараюсь...

Некоторое время мы шли молча. Потом я обратил внимание, что к привычной уже духоте и спёртому воздуху примешиваются какие-то новые запахи, пахло фиалками или ещё чем-то подобным.

Цветочный аромат то ускользал, то появлялся, пока ступени не вывели нас к неплотно закрытым дверям. Оттуда пробивалась оранжевая полоска света и слышались голоса.

Первый я узнал сразу. Второй чуть позже. Попались...

— Чё делать-то, чё делать-то теперича будем? Спаси, сохрани, Матерь Божья, царица Небесная, благословенно чрево твоё, аки... тьфу! Да ить, ежели милиция сюда ворвётся, мы все в кандалах по этапу в Сибирь пойдём, лес валить, с белками из-за шишек цапаться, медведям в берлоге подушки взбивать!

— Да помолчите вы уже...

— А с какого-то рожна?! Я и в Лукошкине отродясь не молчал, и здесь не буду! Позабыл мя твой господин, наш хозяин, мать его за ногу да в варенье, фон Трахен...

— Дракхен!

— Да не одно ли мочало? Как ни жуй, а вкуснее не становится, — окончательно взвинтился перепуганный дьяк, меряя комнату шагами.

Сидящая в углу у камина на расписной лавочке, отмытая после сования личиком в печь Василиса Премудрая чистила ногти маленьким ножичком. В отличие от гражданина Груздева, вечного перебежчика, она всё так же носила русское платье. За моей спиной, где-то на уровне подмышки, раздалось сдержанное рычание...

— Никита Иванович, а я не сказал вам, что энта стерва пухлая на самом деле Змея Горыныча наипервейшая шпионка будет?

— Митя, я в курсе. Ты сам когда узнал?

— Да уж слышал их разговор, когда по коридорам с высунутым языком бегал. Ох щас я её...

— Нет.

— Дозвольте хотя бы...

— Не дозволю.

— Один раз?

— Ни разу.

— Ну хоть чуть-чуть за задницу её тяпну и сразу назад...

— Младший сотрудник Лобов, — официальным тоном прошипел я, — приказываю прекратить интимные фантазии, затаиться и слушать! Сейчас для нас самое главное узнать, где находятся пленницы и куда исчез фон Дракхен!

— Нешто он так уж и исчез? — не поверил серый волк, но поубавил тон. — Сидит, поди, у себя в тронном зале, коньяк жрёт да нас дожидается.

— Непохоже. Будь он дома, мы бы так легко сюда не попали, да и дьяк слишком нервничает...

Нашего мятежного буревестника лукошкинского разлива действительно неслабо колбасило, и значить это могло только одно —

Груздев лихорадочно ищет пути отступления.

Разумеется, он пять тысяч раз подлец и приспособленец, но обладает редким даром держать нос по ветру, вовремя перебегая на нужную сторону. Вот и сейчас, когда раздражённая его паникёрством толстая бесовка встала и вышла, дьяк Филька во весь голос, не скрываясь, орал ей вслед:

— А я, промежду прочим, законопослушный гражданин и есть! Ещё и верноподданный в придачу! Вот уж узнает царь-батюшка про шалости ваши, поймёт, кто его в ловушку подлую приманил, тогда-то всем короткий разговор будет! Горох-то у нас на справедливый суд ох как крут! Записать бы, не забыть. Прочту потом надёже-государю. Уж больно складно получилось, ась?

— Руки вверх, — вежливо попросил я, входя в комнату. — Не шевелиться. У меня бешеный волк на боевом взводе, замучаетесь уколы в пупок делать.

Не знаю, чего именно из вышеперечисленного испугался тощий дьяк, но он, не оборачиваясь, подогнул колени и попытался уйти в обморок.

— Митя, освежи задержанного.

Волк послушно облизал небритую физиономию Филимона Митрофановича, и тот резво пришёл в себя, отплёвываясь и вытираясь рукавами.

— Гражданин Груздев, вы задержаны за государственную измену.

— Фигушки, — ни капли не испугавшись, объявил дьяк. — Энто не измена была, а втирание в доверие. Шпион я. Во! То исть храбрый разведчик на задании в тылу врага!

— Ну врёте же...

— А ты докажи!

Доказательств у меня была куча, воз и маленькая тележка, но в принципе все они косвенные и могли успешно трактоваться в обе стороны. Ладно, пойдём другим путём...

— Вы готовы оказывать содействие следствию с целью искупления вины?

— Да какой вины-то?! Чего ты мне дело шьёшь, участковый?! — начал было задираться думский прихвостень, но тут вмешался Митя, один раз сомкнув страшные челюсти на ноге Филимона Митрофановича.

Тот тут же дал задний ход.

— Милиции родной завсегда помочь рад! За честь почту! Счастье-то какое, а? Сам сыскной воевода Никита Иванович с пёсиком своим пушистеньким возвернулись. Ну, теперь будя! Будя! Теперь всем врагам укорот, да?! Храни, Господь, твою милицию...

Далее, не вдаваясь в протокольные подробности, могу лишь сообщить следующее.

Змея Горыныча во дворце не было. Он, перекинувшись из облика человеческого в драконий, куда-то улетел по собственным преступным делам. Куда — не сказал, когда ждать обратно — тоже.

Царь Горох и его ненаглядная супруга Лидия Адольфина по-прежнему находятся в плену, недалеко, в левом крыле. Их найти легко. А вот Ягу — нет. После того как наша бабуля храбро повозила бесовкой Василисой в печи, её скрутили скелеты и заперли неизвестно где от греха подальше.

Маняша, юная дочь кузнеца, якобы по уши втрескалась в доброго молодца фон Дракхена и только ждала батюшкиного благословения на свадьбу. О судьбе мой Олёны бывший думский писарь ничего не знал. Но предполагал худшее...

— Комната её ныне пустой стоит. Либо сбежала, стало быть, либо Змей её... того... и косточек не оставил.

Как вы понимаете, меня подобная двойственность мало устраивала. Мне нужна была правда.

— Ведите нас.

— Куда?

— На Кудыкину гору, к неопишуемому забору, — рыкнул Митяй, за что тут же получил от дьяка Груздева подзатыльник.

— А тебе, собачья морда, при людях никто слова не давал! Цыть у меня, блохастый!

Дальше, как вы понимаете, мне пришлось вытаскивать истощенно вопящего Филимона Митрофановича из волчьей пасти. И, помедли я хоть полминуточки, мой младший сотрудник точно бы его съел. Достало, допекло, последняя капля, соломинка, сломавшая горб верблюда, — дьяк такое умеет.

Да что там, именно в умении довести любого человека до белого каления и есть его главный талант, равных ему в этом подлом искусстве просто нет!

— Значит, так, гражданин Груздев, — поставив на ноги обслюнявленного и практически простившегося с жизнью дьяка, решительно заявил я, — сию же минуту вы ведёте нас по всем камерам и тюрьмам, где есть пленники. Ясно?

— Да я и сам собирался! Угрожают тут ещё...

— Митя, если этот... этот... нехороший человек захочет нас предать, кинуть, обмануть, нахамить или ещё что-то подобное, то официально разрешаю тебе откусить ему... Чего бы ты хотел?

Дьяк Филька мгновенно принял позу футболиста в стенке при штрафном. Митяя передернуло от таких перспектив, но он заставил себя плотоядно облизнуться.

— Отлично. Надеюсь, мы все правильно поняли друг друга. А теперь вперёд!

Бывший думский подголосок бросился к вторым дверям с такой верноподданнической прытью, словно намеревался первым припасть к стопам Гороха с поцелуями. Кстати, стопроцентно уверен, что, как только мы освободим царя, он так и сделает. Жульё бесстыжее, что с него взять...

— А я государю нашему сразу так и сказал: Бог терпел и нам велел! Соберись, дескать, поклонись злодею змеиному, да не взаправду, а так, военной хитрости ради, — не затыкаясь, трещал предатель в испанском платье, мельтеша впереди облегающими штанами с буфами. — Сюда пожалте. Вот по этому коридору до конца и налево. Так про что речь-то? Ага! Вот я, говорю, покорился, мол, а сам? Сам тока и ждал милицию любимую, с Никитой Ивановичем драгоценным да Митенькой Лобовым, дай им Господь на двоих всяческого счастья и благополучия!

В так называемую тюрьму мы пришли довольно скоро. Благодаря службе в царских палатах наш ушлый проводник прекрасно ориентировался в любом дворцовом помещении.

Благо, как я понял, в те дремучие времена что восточные дворцы, что европейские замки, что русские терема строились по большому счёту в едином стиле и направлении. Тюрьмы и камеры внизу, кухни и складские помещения на одном этаже, большие залы, гостиные, приёмные и обеденные на другом, спальни слева, комнаты для прислуги справа, а высокие башни чаще всего отдавались под алхимические лаборатории или библиотеки.

Дьяк прожил на службе у фон Дракхена совсем немного времени, но что где находится, выучил в первую очередь.

— А как же иначе-то? А иначе никак нельзя! Вдруг пошлют куды в задн... в заднем дворе калитку проверить, а я и не знаю! Тут мне и леща! Не-э, в нашем деле знание — первой всего! Вот я у вас в отделении вроде бы и мимоходом был, а точно знаю, в какой комнате, в каком шкафу, на какой полке Яга-экспертизница безакцизную водку держит. А?!

Дьяк изобразил лёгкий французский поклон и кивком головы указал мне на прочную дубовую дверь в стене. Я подмигнул Мите, типа подстрахуй, если что, и осторожно отодвинул засов.

Заглянув внутрь, едва не отшатнулся. Это была пыточная. Настоящая!

В подземельях у Гороха тоже был свой штатный палач с кнутом и

дыбой, выбивающий любые признательные показания. Причем на моей памяти никого он ни разу не порол, но должность была.

Но то, что мы увидели здесь, напоминало скорее самые мрачные фильмы ужасов, где технически оснащённые маньяки измываются над несчастными пленниками, замучивая их до смерти.

Всё помещение было под завязку набито какими-то шипастыми бочками, свисающими цепями, скамейками с ремнями, стульями без сидушек, железными кроватями с иглами, шкафами, похожими на гроб, и прочей неопределённо пугающей мебелью...

— Чё встал, сыскной воевода? Али досель пыточных не видел?

Митя злобно зарычал на дьяка, и тот прекратил кудахтающее хихиканье.

— А, Никита Иванович, друг сердешный, — глухо раздалось откуда-то сверху. — Заходи, гостем будешь. Хоть палаты не мои, да и гостей здесь не жалуют...

Я бросился вперёд, не выпуская из рук морозильного посоха, протолкался между стальных кресел, обошёл стол с кучей ремней и выдвижных пил, даже разодрал рукав о выпирающий стальной шип на кожаном подобии хомута и увидел царя. Зрелище было настолько... не знаю даже, как сказать... я чуть ли не до крови закусил губу, чтоб не заржать прямо тут в полный голос.

В дальнем углу, почти под потолком, на чёрной табуретке, прибитой к стене, сидел наш надёжа-государь. Из всей одежды на нём были короткие кожаные шорты с ляжками, как у мюнхенских пивоваров, кожаный ошейник с шипами, такие же браслеты, а на голове обтягивающая кожаная маска с прорезями для глаз и рта. Торчащая из-под маски рыжая борода добавляла зрелищу то ли трагизма, то ли комизма...

— Слов нет, — искренне признал я.

— Ты ещё царицу не видел, — по самую шею заливаясь пунцовой краской, буркнул он.

— А где она у нас?

— Гутен абен, майн камерад полицай, — вежливо раздалось из деревянного шкафа в противоположном углу. — Я есть вас видеть в щёлка? В щель? В расщелина?! Ферштейн зи михь?

— Ферштейн, разумеется, — кивнул я, направляясь сначала к ней.

Женщин спасают в первую очередь, а на полуголого царя мне всё равно было трудно смотреть без смеха. Надо привыкнуть, а то обидится ещё...

— Митя, прикрой дверь с обратной стороны и будь начеку. Если что —

лай! В смысле дай знак.

— Понял, батюшка участковый.

— И с дьяка глаз не спускай!

— А энто с чего вдруг? Нешто я доверия в чём лишился? Да я на вас за таковые подозрения знаете кому жаловаться буду-у...

Серый волк за штаны вытянул из пыточной разбушевавшегося скандалиста, перебежчика, функционера и конформиста. Мягко стукнула тяжёлая дверь. Я прислонил посох к стене, прошёл к шкафу и внимательно оглядел его со всех сторон. Ага, похоже, при простом открытии створок внутрь вползали два шпажных лезвия. Примитивная механика, я отогнул два рычажка сбоку и убрал клинки.

— Выходите, ваше царское величество!

— Найд, — твёрдо отказалась Лидия Адольфина, не давая мне распахнуть дверцы шкафа.

— Не одета государыня, — проворчал Горох со своей табуретки. — Так что не лезь к ней, вишь, стесняется женщина. Меня лучше сними.

— В каком смысле?

— Не понял.

— Просто вы сейчас так выглядите. Новый имидж в стиле жёсткого...

— Дас ист фанташиш? — осторожно уточнила царица Лидия из шкафа.

— О, я, я! Натюрлих! — громко подтвердил я, потому что именно кадры из запрещённых фильмов лучше всего сейчас обрисовывали облик нашего доброго государя.

— Казнить велю, — сопя носом, пообещал Горох, и я даже не стал уточнять — меня, царицу или тех самых «дастишей-фантастишей». То есть лучше не перегибать...

Подтянув тяжёлое кресло с удушающей испанской гарротой на спинке, положил на него сверху доску для фиксации мучимых вверх ногами и, осторожно балансируя на этом сооружении, сумел расстегнуть поясные ремни, удерживающие Гороха. Наш надёжа-государь едва не плюхнулся прямо на меня, но удержал равновесие и сумел спрыгнуть вниз, чудом ни обо что не оцарапавшись.

— Где Змей поганый? — даже не сказав мне «спасибо», начал царь, обеими руками стягивая кожаную маску.

— Точно неизвестно. Но в замке его нет. Возможно, где-то на прогулке.

— Ты же милиция! Наверняка знать должен!

— Угу, вы ещё скажите, что это территория подчинённого мне

участка, — слегка обиделся я. — Между прочим, спасение заложников и пленников тоже не входит в обязанности участкового.

— А за что ж я тебе тогда деньги плачу?!

— Майн гот! — закричала царица и раскрыла шкаф. — Ви есть как два петуха с куриным мозгом! Может, ви ещё прямо есть тут и подериться?!

— Чего поделать? — хором спросили мы с царём, выпучив глаза, поскольку Лидия Адольфина, как вы понимаете, была не совсем одета. То есть, если точнее сказать, совсем НЕ одета.

— Смотреть в глаза прямо своей царице!

— Можно, я просто отвернусь?

— Да, конечно, разумеется, — на автомате одобрил мою идею государь. — Лидушка, солнышко моё... восхитительное-э... А ты бы прикрылась чем, что ли?

— И чем же мне прикажет прикрыться мой царь и супруг Горошек? Эта комната не есть гардероб. Тут нет совсем одежда.

— Ну, вот... маска есть, — не придумал ничего лучше надёжа-государь.

— Яволь, — без размышлений повиновалась царица. — Так есть лучше? Я не есть уже вся голая?

— Никита Иванович, — подталкивая меня в спину, горячо зашептал Горох. — Ты бы подождал за дверью, а? Тут такое дело наклёвывается, короче...

— Нам бежать надо, — не оборачиваясь, напомнил я. — Фон Дракхен может заявиться в любую минуту. В замке ещё остались его слуги, та же бесовка Василиса.

— И чего?! Ну надо мне, пойми! Такой расклад пропадает...

— А может, вы как-нибудь потом в свои ролевые садомазо поиграете? Вот сейчас, честное слово, очень не вовремя!

Мягкие женские пальцы, похлопав меня по плечу сзади, уверенно сняли с меня китель.

— Вы не есть против?

— Что вы, ваше величество. В подмышках не жмёт?

— Вы есть шутник, герр Ивашов, — улыбнулась Лидия Адольфина, застёгивая все пуговицы и протягивая мне снятую маску. — Прошу вас сохранить этот предмет как сувенир. Надеюсь, вы не понять меня превратно. Горошек, мы уходить отсюда!

— Эх, Никита Иванович, а ещё друг называется... — пробормотал Горох, но послушно взял жену под локоток, и сладкая парочка направились на выход.

Я вздохнул, догнал их и отдал государыне ещё и фуражку. Когда экипированная таким образом царица Лидушка (в моём кителе на голое тело и фуражке набекрень) вышла из пыточной, серый волк и дьяк, не сговариваясь, рухнули в обморок.

Государь удовлетворённо подмигнул мне, типа какова моя-то, а?! Я одобрительно поднял вверх большой палец.

— Митя, подъём! — Мне удалось растормошить нашего младшего сотрудника, хлопая его по морде и дуя в нос. — Вставай, не позорь милицию. И на царицу не пялься, неприлично.

Он возвёл глаза к потолку и распахнул пасть в улыбке, блаженно свесив красный язык набок. Пришлось показать ему кулак и напомнить, что тут рядом, между прочим, ещё и царь стоит. А Горох у нас шутить не любит и на расправу порой бывает действительно крут...

— Чего прикажете, батюшка сыскной воевода?

— Веди всех к печке. Если до неё далеко, поищи запасной выход. Помнишь, как нас с тобой через трубу в лес выкидывало?

— Помню, как не помнить. Мне понравилось!

— В общем, попадёте в лес, попробуй найти нашу избушку. Перекантуетесь там. Мне надо отыскать Олёну, Ягу и твою Маняшу.

— Не моя она, — уверенно сдвинул брови серый волк. — Ей вона Змей Горыныч, говорят, понравился. У-у, изменница коварная...

— Между вами что-то было?

— Не-э, энто я так, из чисто мужского шовинизму!

Ясно, бабкино выражение, она у нас много иностранных слов знает. Вроде бы старушка дремучая, а образованием любого европейского профессора за пояс заткнёт.

Гражданин Груздев под шумок тоже пришёл в сознание, начав, как водится, с покаяний, молитв, целования стоп царственной четы и тихих тухлых пробросов по поводу того, что без его помощи милиция бы отродясь ни с чем не справилась, а уж он-то, по сути, всей операцией и руководил. Мягко, ненавязчиво, исподтишка, но он — дьяк Филимон Митрофанович Груздев, а не какой-то там участковый с взлохмаченной псиной.

Мой младший сотрудник ничего и никого не оспаривал, он всё ещё не мог отвести ословелых глаз от нового костюмчика бывшей австрийской принцессы. Если хоть когда-то, хоть где-то, хоть как-то, хоть на ком-то обычная милицейская форма могла выглядеть сексуально, то вот это было именно оно! Момент истины! То, ради чего стоило жить и служить в органах — увидеть такую царицу и умереть...

Разумеется, у Мити и в мыслях не было что-то там такое фривольное себе позволить, но...!

В тот день государыня Лидия Адольфина приобрела себе самого верного, самого преданного, самого платонического обожателя из всех возможных паладинов. Теперь о них с Горохом можно было не беспокоиться, супруги под надёжной охраной. Серый волк сделает всё, чтобы в целости и сохранности доставить их в родное Лукошкино...

Я улыбнулся про себя, тихо прошептал имя своей любимой и, забрав оставленный посох, наугад пошёл бродить по пустым коридорам змеино-го замка. Страх не было. Понятно, что за любым поворотом может таиться опасность, что ожившие скелеты-стражники могут выскочить из-за любого угла, что какие-нибудь змеёныши вполне могли спрятаться в тёмных переходах, а прилёт-отлёт Змея Горыныча не контролируется нашими «авиадиспетчерами».

То есть попросту о его возвращении никто не знает, а когда узнают, может быть поздно. Не говоря уж о том, что где-то тут бродит бесовка Василиса Премудрая. Крепко сбитая, полненькая девица, получившая свое прозвище отнюдь не за красивые глаза и осиную талию.

Судя по тому, что я собственными глазами видел её вместе с дьяком, она либо вышла победительницей из драки с Бабой-ягой, либо сумела вырваться. Скорее второе — всем известно, как умеет драться глава нашего экспертного отдела, если ей оно очень надо.

Итак, повторим, на сегодня у меня три цели: Олёна, Яга и Маняша. Плюс одна побочная, но важная задачка — не получить пулю или нож в спину от толстой бесовки, способной прятаться практически где угодно...

— Что же мы упустили? — бормотал я, пытаюсь сложить все детали запутанной мозаики воедино. — Если кража девушек случайна, то зачем Змею все эти игры с птицей, конём и второй бесовкой? Неужели не было бы проще, видя наше приближение, захватить избушку так же, как баню, вытряхнуть всех нас и съесть?! Зачем придумывать такие сложные ходы, как превращение Мити в волка, дарование Яге молодости, перевод насквозь продажного дьяка в личные слуги и совершенно здорового царя в евнухи? У фон Дракхена глаз нет?! Очень сомневаюсь. Мозги усохли? Возможно, но не до такой же степени. Впечатление такое, что ему кто-то действительно даёт «мудрые» советы по поводу того, как ещё можно повеселиться...

Я шёл по переходам весь в своих мыслях, но тем не менее бдительно оглядываясь по сторонам. Пару раз в коридорах и залах мелькали неясные тени, словно кто-то пытался обойти меня с флангов или ударить в тыл. Раза

три-четыре, не задумываясь, я пальнул из ледяного посоха. Попал!

Из-за угла выполз недозамороженный змей почти метра три длиной. На хвосте у него висела глыба льда килограмм под пятьдесят, не меньше. Он кусал её, шипел, плевался, но гнаться за мной с такой «гирей» уже не мог...

— К вечеру растает, — успокоил я, пожелал всего наилучшего и продолжил ход своих размышлений: — Но тогда кто это может быть? Кощей мёртв. Бодров из боярской думы хоть и продажная скотина, но дурак и таких затей не придумает. Австрийский шпион Борр? Этот может. Тем более что он у нас дважды огрѐб полной лопатой. Но если этот гад жив, нашѐл себе нового хозяина, сумел с его помощью избавиться от старого, то какая выгода Алексу Борру каждый раз оставлять меня в живых? Не может же он не понимать, как это опасно для того же Горыныча. Или он это как раз таки прекрасно понимает и намерен сам править в замке фон Драхена на Стекланной горе!

Кажется, ситуация начала проясняться. Появившееся звено связывало многие картинки пазла воедино. Алекс Борр отлично знал всех нас, включая мою Олёну, и если играл на опережение, то никогда бы не допустил моего союза с Кощеем. Даже временного...

И вот теперь я брожу один в полупустом замке, в любой момент рискуя нарваться на пулю, нож или попасть в чьи-то зубы, а австрийский кукловод по-прежнему ставит фишки в непонятной мне игре...

— Никитушка? — Слева от меня открылось небольшое оконце в серой двери. — Живой? Ох ты ж сокол наш участковый!

Я кинулся навстречу Яге и отодвинул засов. Её комнатка (камера?) была вполне себе прилично обставлена, даже, может быть, кое-где роскошно: ковры, серебряная посуда, высокая кровать под красным балдахином. Обычно простых пленниц так не содержат...

— Заходи, сыскной воевода! — Красавица-бабка обняла меня за шею и расцеловала в обе щеки. — Стало быть, сумел-таки все приказы исполнить и живым возвратиться. Гордюсь! А мы тут с Маняшею общаемся о своём, о девичьем...

Я не сразу увидел сидящую в углу на табуреточке дочь кузнеца. Руки её были связаны за спиной, а во рту торчал кляпом синий платочек. В смысле это что?!

— Дура-девка! — охотно пояснила разговорчивая красotka с изящно кривым носом. — Лезет во все дыры, куда не просят. Вбила, вишь, себе в голову, что Змей на ней жениться хочет и будут они жить-поживать да добра наживать.

— Дура, — совершенно искренне согласился я. — Бабуль, нам надо уходить отсюда, пока фон Дракхен где-то летает. Дьяк на нашей стороне.

— Опять переметнулся, инцидент бородатый!

— Естественно. В общем, он с царём, царицей и Митей сейчас на пути к вашей избушке. Надо успеть вывести всех, а в лесу, я думаю, оторвёмся...

— Верно мыслишь, Никитушка! Забирай поскорее овцу эту деревенскую да из замка прочь волок. Олёнушку твою (прости господи меня, грешную, что думала о ней плохо!) искать поздно, её стражи Змеевы увели. Куды? Неведомо. Но хоть Маньку кузнецову спасёшь...

— А вы?

— А я? — Бабка недоуменно посмотрела на меня и игриво сощурилась. — А я-то, свет мой участковый, замуж выхожу!

— ...?!...?! За кого? — наконец сумел выговорить я.

— Да за фон Дракхена же, глупая твоя голова! Энто для всех он Змей поганый, а я его Дракошей милым кликать буду, — мечтательно закатила глаза Баба-яга, хлопая длинными ресницами и театрально прижимая руки к сердцу.

Примерно минуту мы молча смотрели друг на друга.

— Вы шутите! — наконец догадался я.

— Ничего я не шучу, — вполне серьёзно ответила красавица. — Забирай мелочь эту надоедливую и дуй в родное отделение. Поревёт-поревёт да и утешится. Вона хоть с Митенькой шуры-муры замутит...

— А вы?!

— Я ж тебе сказала русским языком: я замуж выхожу! Чего тебе непонятного?

— Всё, — подумав, решил я.

Земля уходила из-под ног и, образно выражаясь, так меня ещё никогда не кидали через бедро, с размаху, спиной об каменную стену Московского Кремля. Причём так, что на верхушке башен красные звёзды закачались...

— Ой, чё ж я делаю, чё ж творю-то, аж самой страшно, — на миг опомнилась глава нашего экспертного отдела, вовремя ловя меня под мышки. — Ты присядь, присядь, Никитушка! Ничё ить такого-то не произошло, верно? Да и тебе самому без меня, старой, лучше будет, а?!

— Вы не старая.

— Это только телом, а душой да разумом — ох, прошлые года не замажешь, не сотрёшь...

— Я против.

— Чего против, участковый?

— Против того, чтоб вы выходили замуж за Змея Горыныча, — по-

детски упёрся я.

— Значит, как тебе по первой любви жениться, так за-ради бога! А как мне, одинокой женщине, свою жизнь устраивать, так и хрена лысого?!

— Не выражайтесь.

— А с чегой-то?! — удивилась Баба-яга. — Пятнадцать суток мне выпишешь?

— Просто вам не идёт. Всё-таки сотрудница милиции, глава экспертного отдела.

— А-а, энто правильно. Вот сёдня ж те заявление об уходе подам и выражаться буду-у... как тока душа пожелает! — удовлетворённо улыбнулась молоденькая бабка, упирая руки в бока. — А чего? Ежели не в общественном месте да не при детях, так имею право! Али думаешь, я с ума сошла?!

Я дождался, пока она отвернётся, и молча врезал бывшей своей домохозяйке ребром ладони в основание черепа. Чернокудрая красотка рухнула как подкошенная, кривым красивым носиком в персидский ковёр.

— Да, вы сошли с ума, — несколько запоздало, но спокойно ответил я, связывая ей руки за спиной какой-то подходящей тряпкой. Потом обернулся и направился к подпрыгивающей на табуретке Маняше.

— Тьфу... ой! Я не в вас! — затараторила кузнецова дочь, как только я вытащил у неё кляп. — Спасибо вам! Правильно вы её приложили, потому как Змей Горыныч меня одну любит! Меня! Я за него замуж пойду, а не энта Яга-разлучница! Ишь чего удумала, на чужого жениха глаз положила, а? Да у нас на деревне за такие-то вещи все волосья повьдёр... упс?!

— Всё ясно. — Я вновь затолкал синий платочек в распахнутый ротик Маняши. — Это уже групповое помешательство. Что ж, будем лечить на месте. Холодный душ, обильное теплое питьё, а если надо — красивые смирительные рубашки с длинными рукавами.

Вопрос, конечно, как мне теперь их двоих на своём горбу из замка вытаскивать? Понятно, что по одной, что не обеих сразу, но всё равно — как? Дороги я не знаю, посох не брошу, а оставить их тут даже в связанном виде — это начинай всё с начала. Они сговорятся и выберутся, а мне ещё и засаду устроят за то, что я их замуж не пускаю.

— Ну ладно Маняша, девушка простая, вниманием не избалованная, ей голову задурить — плёвое дело, — продолжал рассуждать я, маршируя по комнате от одной пленницы к другой. — Но Яга-то! Эффектная женщина, умная, образованная, с огромным жизненным опытом, и вот так поддаться на дешёвые чары фон Дракхена?! Ладно бы она не знала, какой это гад! Так ведь вместе против него пошли, и она сама... сама...

Я замер, уставившись на дуло европейского мушкета, смотревшее на меня из дверного проёма. Сам мушкет, как вы уже поняли, держала в полных ручках личная бесовка Змея Горыныча. Василиса дунула себе под нос, сдувая свесившуюся прядку волос, и холодно попросила:

— Руки вверх!

— И вам здравствуйте, Василиса, как вас там по батюшке, Никодимовна? — устало выдохнул я. — Не могли бы вы зайти попозже? У меня тут пока куча дел.

— Верю, — ни капли не удивилась она. — А в чём именно проблема?

— Весеннее обострение.

— Так ведь осень на дворе.

— А этим двум белкам-невестам всё равно! Да опустите вы это дурацкое ружьё! Хотели бы выстрелить, так давно бы пальнули.

— И то верно. — Василиса опустила тяжело стукнувший прикладом об пол мушкет и прислонила его к стене. — Опять нас кривая дорожка свела, Никита Иванович...

— Можно сразу к делу?

— К какому? — чуть покраснела она. — Ты ж вроде женат ещё, да и я не из тех, кого только пальчиком помани...

— Вот упала шишка прямо мишке в лоб, — чтобы не выругаться матом при трёх девушках сразу, чётко продекламировал я. — Стишок. Помогает переключиться. А то нервы, стресс, нагрузка на сердце и всё такое... Какого хренодёра ростовского вы все тут только об этом и думаете?!

— Ты ж сам намекнул — сразу к делу...

— Нет, мать вашу, милую проказницу, я имел в виду другое дело! Не моё, а ваше! Что вы от меня хотите? Зачем сюда пришли? Почему не стреляли? Отвечайте быстро и по существу!

Василиса Премудрая попятилась под моим напором и опустила глаза. Её нижняя губа выпятилась, как у обиженной первоклашки...

— Чё орать-то сразу? Я уж часа два за вами слежу. Как дьяка встретили, как чету царскую освободили, как их с волком Митей домой отправили. Не волнуйтесь, уже внизу они, по трубе скатились, пошли избушку искать.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Толстая царевна хлюпнула носиком. — Горыныч супругу вашу в небеса кататься повёз. Слетают галопом по Европам, покажет ей там всякое, города заморские, диковинки чудесные, а уж как вернутся, так она ему сама на шею вешаться станет. Дело знакомое...

— С вами он поступил так же?

Василиса молча кивнула.

— Понятно.

— Шесть лет назад меня из родного дома украл, жениться обещался, а сам бесовкой обернул да и бросил. Сожрать хотел, потом передумал. Сказал, что, покуда я в нём научный интерес вызываю и приказам не противлюсь, жить буду...

— Что ещё за научный интерес? — почему-то зацепился я.

— Кормит он меня, — шёпотом призналась красная, как кетчуп, девушка и, плюхнувшись задом на пол, разревелась: — Таблетки пить заставляет! Хочет, чтоб я ещё толще стала-а! А я ж как тростиночка была, стройней вашей Олёны, а он... а ему... Говорит, к зиме жирной пищи прикопить надо. Теперь девиц сразу жрать не станет, а раскормит, как меня, таблетками, и уж тогда... Не хочу толсте-э-эть!!!

Честно говоря, вот такого психологического разворота я никак не ожидал. Баба-яга ещё не пришла в себя, неугомонная Маняша елозила на табурете так, словно хотела выйти в туалет, но по глазам было видно, что мечтает она лишь об одном — задушить предательницу Василису! Ну и нас с бабкой, как свидетеля и конкурентку, до кучи. Семь бед — один ответ!

А мои мысли были заняты попыткой осознания того страшного факта, что моя нежно любимая жена находится сейчас в зарубежном круизе с самым мерзким Змеем-людоедом на свете! Чтоб он сдох в муках от жирной пищи и повышенного холестерина!

— Давно они улетели?

— На зорьке, — кивнула чуть подуспокоившаяся бесовка.

— Когда вернутся?

— Не знаю. Да в любой момент заявятся.

— Хорошо, — злорадно оскалился я и по-разбойничьи подмигнул. — Дорогая Василиса, могу ли я рассчитывать на ваши оскорблённые чувства обманутой женщины, строя свои личные планы холодной мести?

Гражданка Премудрая деловито вытерла рукавом слёзы и серьёзно кивнула.

— Как отапливается замок?

— Печами огромными, что в подвалах стоят. В каждой такой печи дуб в три обхвата поместится. А топить их Змей никому не доверяет, сам, своею рукою каждые три дня брёвна могучие в топку кидает.

— И работа по хозяйству, и физическая форма поддерживается до зимней спячки, — сдержанно похвалил я. — Значит, сейчас у печей никого?

— Ни одной живой души!

— Тогда вперёд. Будем мстить гаду за скормленные вам таблетки для ожире... Прошу простить, для приближения к рубенсовскому типу.

Василиса, кажется, даже улыбнулась.

Ну вот, а я всегда думал, что не умею делать комплименты дамам. Получается, что на самом-то деле ничего такого уж сложного здесь нет. Надо будет теперь ещё Митьку научить...

Быстро перепроверив узлы на бабке и юной селянке (а также навязав пару новых, покрепче, для гарантии), мы быстрым шагом направились через два коридора и далее по винтовой лестнице вниз. Спускались довольно долго, и с каждым десятком ступеней жар всё усиливался и усиливался.

Откуда-то снизу раздавался рёв пламени, видимо, вышеуказанные печи были размером с челябинские домны. Становилось немного жутковато, к тому же по большому счёту не было ни малейшей гарантии, что посох Деда Мороза способен их остудить. В идеале, конечно, было бы даже заморозить, но, когда мы вышли к печам, я сразу понял бессмысленность этой затеи...

— Это не котельная, это какой-то сталеплавильный завод.

У меня мгновенно взмокла спина, хотя китель я отдал царице. Здесь и в одной рубашке было легко свариться вкрутую. Толстая бесовка тоже дышала так, словно трактор «Беларусь» из чернозёма вытаскивала.

Перед нами лежал завал брёвен или даже, скорее, грубо вырванных с корнем деревьев. За ними полыхали три печи, в зев каждой из которых я бы мог войти, не пригибая голову, сидя на плечах у Митьки.

В двух пламени практически не было, только оранжевые угли и лютый жар! Третья печка, в центре, выглядела самой страшной, в ней бушевал такой огонь, что невольно хотелось спрятаться обратно за дверь.

— И зачем мы сюда припёрлись? — перекрикивая пламя, спросила царевна.

— Хочу убавить общую температуру в замке до уличной.

— Фон Дракхен такого не потерпит, он эти печи пуще глаза своего бережёт!

— Тем более. — Решительно сдвинув брови, я взялся за посох. — Выйдите за дверь, но не закрывайте её. Поднимитесь ступенек на десять, а то мало ли, если рванёт...

— Да с чего ж рванёт-то? — было заартачилась она, но, подумав, быстренько сменила взгляд на проблему: — А и верно, чего это я? Мне оно так уж шибко интересно? Нет, я жить хочу. Я вас подальше подожду, Никита Иванович, начинайте без меня!

Василиса быстренько пожала мне руку и бодро дёрнула по ступенькам вверх. Лестница не винтовая, но поворотов на ней хватает, так что переждёт в уголке, заткнув уши. Ну а мы — имея в виду себя и, как мне казалось, законы физики — попробуем тут что-нибудь взорвать. Как там произносится последнее слово учёного? Кажется, «упс»...

Я сжал посох изо всех сил и отправил прямо в среднюю печь такую сосульку, что она более походила на средних размеров боевую ракету наших доблестных войск ПВО. Кусок белоснежного, чистейшего и твёрдого, как алмаз, льда скрылся в огненной стене. Мгновением позже...

— Мама, — понял я, — ни «упс», ни «какого хрена», ни «а что будет, если...»!

За секунду до взрыва мы все, оказывается, говорим «мама-а!».

Последний слог я произнёс, вылетев вместе с неплотно прикрытой дверью в клубах горячего пара! Затормозил, по счастливому стечению обстоятельств врезавшись во что-то мягкое.

— Не то чтоб я была совсем уж против, — простонала лежащая подо мной Василиса Премудрая. — Но хотелось бы сперва хоть букетик ромашек да пару красивых слов о любви...

— Извините, — пробормотал я, стараясь побыстрее встать на ноги.

Задней мыслью отметил, что у толстых девушек тоже есть свои несомненные плюсы. Так же мысленно дал себе пощёчину за подобные вольности и помог спутнице подняться. Внизу слышался треск. Надеюсь, это ломались развороченные печи. Каменную лестницу неслабо трясло, поэтому уходить надо было в темпе.

— Неужели удалось пламя сбить?

— Не знаю. Хотелось бы думать, что да...

Откуда-то издалека донёсся раздражённый рёв доисторического чудовища.

— Змей Горыныч возвернулся, участковый!

— Спасибо, я так же подумал.

— В замке много укромных мест есть, но надолго нигде не спрячешься, — серьёзно задумалась царица Василиса. — Далеко и в лесу не убежим, фон Дракхен что днём, что ночью отлично видит. А уж как человечину чувствует...

— Выведите меня к нему. Я попробую склонить его к миру и переговорам.

Бесовка молча покрутила пальцем у виска. Получилось убедительно. Митя тоже не раз мне такое показывал, в нарушение всяческой субординации, разумеется. Ох, как же сейчас мне не хватало всей нашей

слаженной опергруппы...

— Вас Змей не тронет, вы ему нужны. Просто укажите мне направление и идите к нашим пленницам. И да, по пути откройте пару окон, пустите сюда свежий воздух.

— Поняла.

— Если через пару часов я не вернусь...

— Убить обеих?

— Нет, что вы.

— А, развязать и отпустить?

— Тоже нет, они же наперегонки к Горынычу побегут!

— Хм... и чего тогда? — резонно пожала плечами бесовка.

— Не знаю! — огрызнулся я. — Не решил ещё. В общем, ждите меня два часа, и я по-любому за вами приду.

— Ой ли?

— Без вариантов! Мне же ещё Емелину печь с балкона забирать. Честное милицейское.

Василиса Премудрая поджала губки и так важно покачала головой, словно два последних слова действительно имели эквивалент в чистом золоте и могли использоваться как вексель в банке.

Приятно, когда люди вот так безоговорочно тебе доверяют, это окрыляет и дисциплинирует одновременно. Я же и понятия не имел, как, о чём и каким образом буду договариваться с грозным хозяином чёрного замка, но разве отсутствие чётко проработанного плана хоть когда-нибудь было для нас препятствием? По-моему, ни разу.

Бесовка с заметным уважением поклонилась мне в пояс, молча указала рукой налево, направо, снова налево и прямо. Надеюсь, разберусь. После чего, не оборачиваясь, ушла по какому-то боковому коридорчику. Вот так из недавних врагов получают неожиданные союзники.

Я поудобнее перехватил посох и тоже ускорил шаг, временами просто срываясь на бег. Почему? Потому что где-то там, рядом с разъярённым звероящером, находилась моя жена, и плевал я на этом фоне на все возможные опасности!

Рёв фон Дракхена, явно пребывающего не в человеческом облике, становился всё громче. У меня появились некоторые сомнения по поводу нашего поединка. То есть в книжках, на картинках, вполне себе ясно изображалось, как русские богатыри верхом на верном коне отважно рубят трёхбашенному змею все головы одним ударом. В теории это несложно. На практике...

— Эй, Змей Горыныч, выходи на честный бой! — дождавшись

секундной тишины, быстро прокричал я.

В ответ из соседнего коридора меня шуганула длинная струя пламени.

Я кувырком ушёл вбок и в свою очередь отправил туда длинную сосульку, острую, как копье. Возможно, даже попал, поскольку рёв дракона перешёл в недоумевающее поскуливание. Однако стоило мне высунуться снова, как этот гад опять плюнул пламенем. Играем не по правилам?

— Ага, значит, артиллерийская дуэль?! Желаете помериться, у чьей гаубицы ствол длиннее? Получи, нетопырь-переросток с газовой горелкой!

Думаю, добрых минут десять — пятнадцать мы обменивались короткими выстрелами почти наугад и в общем-то не причиняя вреда ничему, кроме окончательно обуглившегося коридора.

Интересно, а кто вообще у него тут наводит порядок? Наверное, всё основное время уже соблазнённые им жёны и невесты просто всем коллективом дружно драят помещение...

— Предлагаю выйти и сдаться! — вновь прокричал я, пользуясь повисшей паузой. — Гарантирую вам честный суд, беспристрастное расследование дела, учёт явки с повинной, дачи добровольных показаний и содействия следствию!

— Хорошо, участковый, давай сначала поговорим как цивилизованные люди, — после недолгого молчания ответил Змей нормальным человеческим голосом. — Выходи, не бойся.

— Нет уж, сначала вы.

— Я хоть раз подал тебе ничтожный повод не доверять мне, человек?!

— Да! И не один раз. Мне перечислить?

— Жду в тронном зале, — бросил хозяин замка, не ответив на моё предложение. — Захочешь увидеть жену, сам придёшь.

Это, кстати, верно. Куда я денусь, так и так сам приду. И чем скорее, тем лучше. Хотя бы потому, что так у него будет меньше времени подготовиться.

Я взял посох на изготовку, как трёхлинейную винтовку Мосина с примкнутым штыком, и быстрыми шагами бросился вперёд по коридору. Чуть-чуть поплутал, конечно, потом вышел к знакомой комнате, а дальше уже сориентировался, где находится тронный зал.

Там было ещё жарче, чем в других помещениях, потому что горел камин и пылали факелы. На простом резном деревянном стуле с высокой спинкой восседал фон Дракхен, в немецком камзоле из чёрной ткани с серебряным шитьём и перламутровыми пуговицами. На голове длинный парик, как у Кнута Гамсуновича, на перевязи изящная шпага то ли итальянского, то ли испанского образца.

А у его блестящих ботфорт на маленькой дубовой табуреточке притулилась нежной кошечкой моя Олёна. Её глаза, некогда живые и яркие, теперь, казалось, потускнели и, не отрываясь, смотрели в одну точку. Господи, неужели... всё? Совсем всё?!

— Ты опоздал, сыскной воевода из Лукошкина, — без тени улыбки или самодовольства констатировал Змей. — Твоя женщина стала моей. Она отдала мне свой разум и душу, отдаст и тело...

Я засучил рукава, стараясь не позволить ярости затуманить себе голову. Если палить из посоха прямо сейчас, со всей злобы и дури, под удар попадёт и прижавшаяся к этому мерзавцу Олёнушка...

— Милая, ты не могла бы отойти в сторону? — вежливо попросил я.

Моя нежная жена подняла взгляд на Горыныча, тот милостиво кивнул:

— Ответь ему, девочка.

— Я никуда не уйду от моего возлюбленного владыки и господина, — мелодично произнесла Олёна, и каждое её слово царапало мне сердце. — Прощай, Никита Ивашов. Всё прошлое было ошибкой. Здесь я нашла свою истинную любовь и судьбу...

— Да он же сожрёт тебя за милую душу, как наиграется! — не выдержал я.

— Что может быть прекрасней, чем своей смертью продлить жизнь любимому?

Я не нашёлся, что ответить. Руки опускались, и всё было напрасно. Я потерял Олёну, не спас от вожделенческих чар Ягу и Маняшу, отправил на свой страх и риск всех наших в лес, в избушку, где их ещё по дороге в Лукошкино накроет сверху пролетающий Змей Горыныч.

А если они даже и доберутся, то кто даст гарантии, что город оставят в покое? Я уж молчу про то, что Митьке до конца жизни придётся бегать в волчьей шкуре...

— Надо уметь проигрывать с достойным лицом, — зевая, заявил фон Дракхен и зябко повёл плечами. — Что-то здесь сквозит, не находите? Надо бы подкинуть дровишек в печь.

— В какую печь? — тупо глядя в пол, брякнул я. — Нет там больше никаких печей. Одна рванула от резкой перемены температур, а две другие тоже не факт, что не треснули...

— Чего?!!

— Думаю, на восстановление недели две уйдёт, не меньше. А чего вы нервничаете? Говорят, что закалка холодом полезна для организма.

— Ах ты... ты... — Вскочивший с трона фон Дракхен закусил край собственного парика, не находя нужных слов.

Это понятно, есть ситуации, когда не до парламентских выражений. Мат в некоторых случаях реально спасает от нервного перенапряжения...

— Я тебя убью, — наконец-то определился он, хватаясь за рукоять шпаги. — На колени, мерзкий ты милиционер!

В ответ я изобразил церемонный поклон в стиле Джеки Чана и перехватил посох Деда Мороза на манер мастера кунг-фу. Не думаю, что это так уж напугало хозяина чёрного замка, он грязно выругался по-немецки и, выхватив клинок, встал напротив меня в правосторонней стойке.

— Я обучался благородному искусству фехтования у лучших мастеров Европы! У тех, чьи имена навеки выгравированы в памяти поколений! Они научили меня убивать так, как умеют только бессмертные гении и в... У-уй?!!

Пока он хвастался, я просто саданул ему концом посоха между ног. Фон Дракхен выпучил глаза, задохнулся, но устоял.

— Подлый удар... достойный грязной уличной драки. Я убью тебя иначе, ты умрёшь...

Моя жена, с тем же отсутствующим взглядом, легко подняла тяжёленькую резную табуретку и врезала ею по затылку Змея Горыныча. Не ожидавший такого подарка от «очарованной» пленницы, бедный знаток женских душ и спец в делах сердечных пропахал носом по полу аж до противоположной стены, чудом не вписавшись лбом в косяк!

— Измена? — гнусаво прошипел он, пытаясь встать на четвереньки. Из его рта начали пробиваться первые струйки пламени...

— Чего встал, любимый? Бежать надо! — схватила меня под руку вышедшая из образа Олёна.

— Никуда я не пойду! Скажи сначала, у вас... вы... это... между вами что-нибудь... было, короче?!

— Короче, участковый, ты сейчас будешь ровно на голову! — зарычала моя пылкая жена и крепко поцеловала меня в губы. — И за что я тебя только люблю, дурачка такого...

— За красоту, — предположил я. — Ну и, может быть, тебе просто нравятся мужчины в форме...

— Кстати, а где твоя?

— Отдал царице, она совсем голая была.

— Ого?! Хочу знать все подробности, детали и прочее, — грозно заявила бывшая бесовка, когда мы отважно улепётывали по длинному коридору.

Вслед нам летел грозный рёв вусмерть обиженного фон Дракхена:

— Стой, Ивашов! Всё равно тебе никуда от меня не деться! Я спалю вас обоих... кх...

Этот кашель, пока ещё лёгкий, сразу переломил ситуацию. Печи прогорели: судя по всему, Василиса умудрилась открыть все возможные ходы и двери. В замке действительно стало заметно прохладнее. Это был наш единственный шанс...

— Любимая, мне нужно с ним разобраться.

— Ты больной? — заботливо спросила Олёна, пытаясь утянуть меня подальше от приближающегося Змея.

— Если ты в плане адекватности моих действий, то не уверен... может, и больной. Но это временно.

— Он убьёт нас, — серьёзно предупредила меня верная жена. — После того, что мы тут устроили, я бы сама нас убила. Медленно, со вкусом и расстановкой...

— Змеи не любят холод. Он дико раздражён и лишь поэтому не замечает очевидного — его движения замедленны и предсказуемы. Иначе нам бы никогда не удалось так легко отпинать этого древнего ящера.

— Допустим. И что ты... то есть мы намерены делать дальше?

— Добить гада.

— Вот этой палкой?!

Я широко улыбнулся и обнял свою нежную супругу. Посмотрел ей в глаза, погладил волосы на затылке, мягко поцеловал в губы. Мягко, не потому что на прощанье, а просто боялся увлечься. Ничего, наверстаем потом, обещаю...

— Я быстро, любимая.

— Нет, куда иголка, туда и нитка, — так же тихо произнесла она, прижавшись к моей груди. — Не знаю, как в твоём мире, а у нас жена за мужем идёт.

— Уверена?

— Да. И в конце концов, этот похабник приставал ко мне с непристойными предложениями!

Вот так, плечом к плечу, мы и встали в широком коридоре, ожидая пыхтящего, как паровоз, фон Дракхена. И то, в каком виде он вышел к нам навстречу, заставило меня пожалеть, что я вооружился у Деда Мороза, а не у какого-нибудь бен Ладена. В том смысле, что хороший гранатомёт был бы сейчас куда более к месту...

Тяжёлыми шагами к нам двигалось человекоподобное чудовище. Тело Змея ещё выглядело вполне мужским, но лицо на глазах превращалось в морду ужасной рептилии. Преображение началось за тридцать — сорок

— Думаю, он даже дорогу на Русь забудет, — уверенно ответил я, поигрывая грозным посохом. — Зато вполне может устроиться петь фальцетом где-нибудь в ватиканском хоре.

— Ты мой герой, участковый. — Олёна вновь потянулась ко мне с поцелуем, и на добрых пару минут весь окружающий мир перестал для меня существовать. Самое важное в нём сошлось в тепле любимых губ, а всё прочее пусть подождёт...

— П...пощадите, сво...сволочи-и...

Мы недоуменно обернулись. Змей не мог изменить своё тело, но в его глазах по-прежнему плескалась такая неистребимая злоба, что всё моё чисто мужское сочувствие испарилось, не успев толком сформироваться.

— Пойдём домой, милая?

— Пойдём, — кивнула она. — И то верно, загостились мы здесь. Хоть и не по своей воле. Дать бы тебе ещё раз по замёрзшим пельменям, хозяин навязчивый, но уж ладно... Подожду, пока ты второй раз в наше Лукошкино сунешься...

Фон Дракхен мгновенно прикусил язык и попытался спрятать морду под левым крылом, пока и впрямь не побили. А волшебный посох в моих руках вдруг сам собой начал уменьшаться, пока не превратился в одну лёгкую снежинку, которую я просто сдул с ладони.

— Всё. Дед Мороз предупредил, что, когда мы победим, посох сам к нему вернётся. Видимо, мы победили, да?

Олёнушка, тряхнув чёрными косами, церемонно подцепила меня под локоток и повела к правому коридору. За нашей спиной то тише, то громче раздавались плохо скрываемые всхлипы, угрозы, проклятия, перемежаемые однообразными обещаниями «я больше не буду» и «я вас всё равно всех убью». Лично мне больше было неинтересно всё это слушать...

— Надо прихватить наших. — Я попытался объяснить любимой, где оставил рвущихся замуж Бабу-ягу и девицу Маняшу. — Они, конечно, никуда не сбегут, поскольку связанные, да и Василиса за ними присматривает.

— Бесовка которая?! Ах она дрянь эдакая...

— Да, — чуть удивился я такой реакции. — Но не волнуйся, она на нашей стороне.

— Что бы ты знал о нас, женщинах! — постучала мне пальцем по лбу жена и бросилась вперёд со всех ног.

Я последовал за ней, искренне не понимая: в чём, собственно, дело?!

— Милая, между нами ничего не было.

— А ей это и не нужно!

— Но она сама вывела меня на Змея и помогла в...

— Потому что не он её хозяин! — жёстко обрезала Олёна, и я перестал спорить.

В конце концов, моя жена сама из бывших бесовок, а значит, в определённых вещах разбирается лучше меня. Правда, в голове занозой засела неприятная мысль о том, где же я допустил ошибку. И неужели меня, опытного милиционера со стажем, так легко обвести любой девчонке?

Особенно если она специализирующаяся на обмане и мошенничестве...

— Здесь?

— Здесь, — уныло признал я, беглым взглядом окидывая пустую комнату.

Нет, мебель, ковры, подушки, картины и всё такое прочее было на месте. Вот на этом табурете сидела связанная Маняша. А вот тут, у камина, я прислонил к стене надёжно зафиксированную бабку. Тут вот, на пороге, толстушка Василиса улыбнулась мне, направляя на сражение со Змеем Горынычем...

Никого из этих трёх девушек на данный момент в комнате не было.

— Что теперь скажешь, участковый?

— Ну, при поверхностном осмотре помещения, — я быстро взял себя в руки, — можно предположить примерно следующее. Верёвок нет, как целых, так и разрезанных. Значит, пленницы покинули комнату так же связанными. Следов борьбы тоже не видно. Крови нет. Учитывая, что и у Яги, и у Маняши были связаны ноги, обеих девушек (или девушку с бабушкой) просто вынесли отсюда.

Олёна задумчиво кивнула, продолжай, сыскной воевода.

— Вопрос, могла ли это сделать одна Василиса? В принципе да. Полная женщина совсем не значит рыхлая или слабая. Но и поверить в то, что она тащила на своём горбу двух пленниц сразу, тоже трудно. Она спешила, не знала, сколько у неё времени, ей было нужно что-то вроде тележки или санок... Ага, вот!

Моя жена изящно подняла левую бровку вверх в вопросительном молчании.

— На столе нет скатерти, — победно пояснил я. — Но сам стол чистый, ни пылинки, а вся посуда с него убрана аккуратной женской рукой. Полагаю, что Василиса расстелила скатерть в коридоре, перенесла туда пленниц и по одной, быстренько уволакивала по гладкому полу...

Я вышел из комнаты, встав на четвереньки, посмотрел в коридор и заключил:

— Вон туда, налево.

— Идём? — Моя красавица-жена, поискав взглядом, выбрала себе небольшую кочергу у камина, взвесила её в руке и предупредила: — Только я первой. Ты — на шаг за мной.

— Милая, нас в школе милиции учили боевому самбо и дзюдо. Я умею драться.

— Но не так, как бесовки...

И было на тот момент в её глазах что-то такое, что умоляло не спорить, не экспериментировать, не проверять, а просто поверить на слово. Хорошо, я опять согласился.

В конце концов, она же не мешала мне во время сражения со Змеем. Мы направились по широкому коридору туда, куда предположительно были унесены наши девушки. Ну, наши не в том смысле, что мои и Олёнины, а в том, что наши — русские, лукошкинские, родные. Прошу прощения, если выражаюсь косноязычно и не всегда нахожу нужные слова.

Но это издержки профессии, вы ещё обычных милицейских протоколов не читали. А там такая жесть бывает, что моя писанина в сравнении кажется просто перепиской Достоевского с Ремарком...

— Мы на месте, — остановилась Олёна, делая мне рукой предупреждающий знак: замри.

Едва различимые следы волочения довольно быстро привели нас к простой металлической двери в стене. За дверью оказался люк. Понятно.

— Там большая труба, мы Митькой по такой уже катались.

— И как?

— Весело, на аквапарк похоже.

— А что это такое, милый?

— Мм... хотел бы обещать, что непременно свожу тебя туда при случае, но это вряд ли, — закусив губу, вздохнул я. — В общем, ничего не бойся, спускайся как с горки. Встретимся внизу.

— А ты куда? — не поняла она.

— У меня этажом выше, на балконе, печка припаркована. Не оставлять же её в замке, транспорт не мой, я её ещё старику Емеле вернуть обещался.

— К лешему твой аквапарк, — загорелись глаза у моей супруги. — Покататься на знаменитой Емилиной печке из сказки «По щучьему велению» — это же самая заветная мечта любой девушки!

— Что ж, милая, для тебя я готов на всё! Встретимся внизу, и лезь ко мне на печь. Я тебе даже порулить дам.

— Ты чудо, любимый!

Она расцеловала меня в обе щеки, смело распахнула люк, подобрав

подол, села на металлический жёлоб и с весёлым визгом исчезла в темноте.

— Удачи, милая! — прокричал я ей вслед, и эхо из трубы поддержало меня согласным гулом.

Что ж, теперь можно идти за Василисой. Да, я не оговорился.

Олёна не заметила её следы, просто потому что моей милой всё было ясно и она всё для себя решила. А вот я, когда ползал на четвереньках, видел, что «груз» волокли в одну сторону, к трубе, но и на противоположной стороне, у самой стены, тоже были аккуратные следы женских башмачков...

Она знала, что, сбросив пленниц в люк, ничем не рискует. Более того, наверняка внизу их взяли сообщники и побыстрее увели от Стекло́нной горы. Возможно, Василиса и собиралась уйти вместе с остальными, но она знала от меня про Емелину печь. Оставить такой трофей было бы выше всяких сил. Девушки во все времена равнодушны к мужчинам с личным транспортом...

Мне пришлось идти в обход, чтобы сразу выбраться к месту парковки, минуя тот широкий проход, где мы заморозили Змея Горыныча. Кстати, он давно перестал ругаться, и если какие звуки с той стороны и доносились, то скорее это было тихое сонное похрапывание.

— Не спи, замёрзнешь однако, — по-чукотски качая головой, предупредил я, но будить никого не собирался.

Добить спящего фон Дракхена мне не позволяла элементарная совесть. Пусть этот гад и заслужил за свои преступления — похищение людей, каннибализм и прочее — двадцать шесть расстрелов подряд, но марать руки убийством беспомощного существа я не стану.

— Будем считать, что ты получил пожизненное заключение. Не нравится, пиши апелляцию в Европейский суд по правам человека! Ну и в общество защиты животных до кучи...

— Пошла! Поехала, кому говорю, дура кирпичная! — Девичью ругань, переходящую в всхлипы отчаяния, было слышно ещё издали.

Как и предполагалось, Василиса Премудрая безуспешно старалась сдвинуть с места не принадлежащее ей транспортное средство. Увы, противоугонную систему обеспечивало «щучье веление» старика Емельяна, а значит, пока управлять печкой могу только я.

— Какие-то проблемы, гражданочка? — развязным тоном прожжённого гибэдэдэшника спросил я, выйдя к балконной двери. — Пытаемся управлять в нетрезвом виде? Попрошу предъявить права и документы на машину.

— Иди ты знаешь куда?! — взвыла бесовка, подпрыгивая на печи,

словно разъярённая кошка. — Убью, убью, давно хотела!

Я сделал вид, что демонстративно не замечаю маленький немецкий пистолет у неё в руках. Не выстрелит, ей важнее понять, как управлять печкой.

— Как она двигается? Почему стоит? Какое заветное слово надо произнести, чтобы печь поехала? Говори-и!

— Хм... столько вопросов, и ни одного о господине фон Дракхене. Вассальная преданность нынче не в моде?

— Да плевать я хотела, что ты там сделал с этой самодовольной ящерицей! Ну заморозил, мне-то что?! Так ему и надо, пошляку! Я мимо проходила, ещё плюнула на хвост, — резко оборвала меня Василиса. — Не зли меня, участковый, говори, как печь заставить вперёд идти? Пристрелю же!

— Ой боюсь, боюсь, — зевнул я. — Громко сказать не могу — услышит, сама пойдёт вниз без рулевого управления. На ухо шепнуть?

— Шепни. — Моя бывшая союзница легко спрыгнула с печи и шагнула ко мне навстречу. — Но если ты со мной шутки шутить вздумал, то я...

— Какие уж тут шутки? Надо всего лишь сказать: вперёд!

Василиса едва успела обернуться, как огромная печь Емели надвинулась на неё всей массой. Если бы в доли секунды толстая бесовка не успела сдвинуть заслонку и ввинтиться в печной зев — её бы просто размазало о стену. Я похлопал остановившуюся русскую кормилицу по лежанке:

— Спасибо, родная, выручила. Сейчас вниз пойдём, погоди, пока я сяду.

Потом осталось подобрать выпавший из рук Василисы пистолет, сунуть за пояс, втиснуть заслонку на место и уточнить:

— Ау, у вас там всё в порядке?

Из печки раздались приглушённые ругательства, суть которых сводилась к следующему: платье испорчено напрочь, жизнь испоганена, день не задался, а если кто в чём и виноват, то, разумеется, это только я! Я, и никто больше! За что мне при первом же случае страшно отомстят всеми египетскими казнями и смертью безвременной.

— Понятно. То есть в принципе вы готовы на сотрудничество с органами? Чистосердечное признание смягчает наказание — это аксиома!

Изнутри раздался долгий стон и звуки ударов головой, да так, что с печки посыпалась побелка.

— Внимание, внимание, — я занял своё привычное место, — граждане

пассажиры, попрошу не высовываться, печь идёт вниз под опасным углом. Поехали-и!

Емелина любимица виртуозно развернулась на маленькой площадке, разворотив боком остатки перил, и, выпустив из трубы клуб копоти, осторожно заскользила по склону Стекло́нной горы. Очень надеюсь, что впредь никогда больше не увижу чёрный замок фон Дракхена — слишком много нервных клеток мне здесь загубили.

Всё, хочу домой, в Лукошкино! Правда, у меня и там дел выше крыши, если вспомнить расформированное отделение и почти полную анархию в городе. Уж чего и как там науправляла боярская дума, даже представлять не хочется, страшно, аж жуть.

— Ничего, вот вернёмся с тяжёлой кавалерией, посадим царя-батюшку на трон, а там уж он пусть сам порядок наводит!

Я вспомнил Гороха в коротком кожаном белье, ошейнике и чёрной маске. Помотал головой. Видение исчезло, но на его месте появилась киношная рожа бородатого боярина с криком: «Царь-то не настоящий!»

— И ведь если мы где-нибудь по пути его не переоденем, то так и будет. Про матушку царицу вообще молчу. Стоит ей появиться в Лукошкине в моём кителе и фуражке, так сплетни о шашнях милиции и австрийской принцессы никаким репрессиями не остановишь. В стране бунт будет! — бормотал я на ходу, крепко держась обеими руками за трубу. — Единственный вариант успокоения народных масс — это меня на плаху, царицу в монастырь, царя в запой! Тогда посочувствуют и поймут...

Вот почему в нашей жизни так много зависит от внешнего вида? Ведь животные нисколько не заморачиваются вопросами моды и смены платьев, а живут себе преспокойненько.

Кстати, китель у царицы всё равно надо бы не забыть забрать. Ну, пусть не сразу, пусть я в одной рубашке похожу, пока мы не встретим по дороге какой-нибудь супермаркет, бутик европейского платья или хотя бы скромную швейную мастерскую.

На ум тут же пришёл наш лукошкинский портной-гробовщик Абрам Моисеевич. Этот всегда был готов пойти навстречу властям во всех вопросах. И если кто бы и мог за одну ночь пошить новое платье короля (шучу!), то только этот еврейский кутюрье. Кстати, пошил бы даже в долг, платить нам сейчас нечем.

— По идее надо было потребовать с гражданина фон Дракхена хоть какую-то компенсацию за потерянное время, моральный и физический ущерб, репатриации для еремеевцев, ещё чего-нибудь...

Наверняка злодей жил на широкую ногу, а при его теперешнем

домашнем аресте деньги ему тратить особо не на что. А впрочем, на эту тему лучше с дьяком побеседовать. Ни за что не поверю, что Филимон Митрофанович трудился на Змея безвозмездно, из чистой любви к рептилиям. Наверняка натырил золотишка по карманам, сколько успел.

Мне даже вспомнилось, будто в нашу последнюю встречу гражданин Груздев заметно позвякивал на ходу. Будь он робот какой-нибудь, я бы не удивился, а так...

Печь, резким поворотом едва не скинув меня в орешник, махнула по самому крутому склону Стеклойной горы и красивым прыжком с пригорка притормозила ровно за три шага до моей обалдевшей Олёнушки.

— Обалдеть и не встать, — с придыханием выдала она. — Любимый, ты умеешь произвести впечатление на девушку.

— Да ну? — гордо улыбнулся я, не сразу спохватившись. — Девушку-у... упс! У меня же там в печке бесовка была! Снимай заслонку, тащи её наружу, пока она нам...

Поздно, заслонка отлетела от тупого удара головой изнутри. Потом наружу высунулась грязная, как гоголевская свинья, Василиса Премудрая, перегнувшись через край и долго тошнилась в осенние листья.

— Ук... укачало... Извини-те-э...

— Милый, она у тебя хоть арестована? — на всякий случай спросила Олёна.

— Не успел, — признался я, почесав в затылке. — Хочешь, сама арестуй. Можешь даже права ей зачитать, на американский манер.

— Я ей сейчас такого зачитаю за всё, по-всякому и чем под руку попадётся. — Моя нежная жена засучила рукава и мощным рывком за шиворот извлекла толстую бесовку из печки. — Стоять, корова! Дай-кась я с тебя хоть сажу выбью...

Я не стал вмешиваться. Ну их, дела женские, тайные, личные. Разберутся, в конце концов, не поубивают же друг дружку. А у меня и своих проблем полно. Я поставил печь на законный отдых и пешком прошёл шагов десять до того места, где был выход (вылет?) из металлической трубы.

По логике вещей сегодня он был очень популярен — кто только им не воспользовался. Следы тяжёлых волчьих лап нашёл сразу. В двух местах на чёрно-рыжей земле Митя отпечатался, как на банкнотах. Узкие сапоги сорок второго — сорок третьего размера с каблуком — это дьяк. Два вида отпечатков босых ног, побольше и поменьше, — царь и царица. Так, должны быть ещё...

— Странно, — пробормотал я, поднимая валяющуюся под кустом

грязную скатерть. — Где же следы Бабы-яги и Маняши? По идее они должны были вылететь сюда же. Допустим, что их даже ждали какие-нибудь тайные сообщники Василисы. Но кто они? Зачем им пленницы? Какой смысл дать уйти царю, царице, дьяку и Мите (пусть пока волку), но унести в неизвестном направлении двух девушек? Неужели они важнее?!

Я прошёлся ещё вглубь леса и не так далеко за кустами обнаружил следы лошадиных копыт с шипастыми подковами. Всадники. Судя по всему, не менее десятка, а это уже вполне себе мобильный диверсионный отряд. Предположить, что и это слуги фон Дракхена, я не мог.

Просто потому, что тогда бы пришлось признать, что Змей умнее всех на свете в миллион раз и не лежит сейчас с отмороженной задницей у себя в замке...

— Видимо, гражданке Премудрой придётся задать ещё пару неприятных вопросов, — решил я, отряхивая колени после ползания по кустам. — Девочки, вы там все живы?

В ответ — плохо скрываемые всхлипы. Ну вот, ни на минуту никого без охраны оставить нельзя, детский сад какой-то! Обе бесовки (и бывшая, и ныне служащая) сидели плечом к плечу у тёплого бока печки, хлюпая носами и вытирая слёзы друг у друга.

Ну а чему я, собственно, удивляюсь? Было бы лучше, если бы одна редела над трупом другой? Ох, как же я устал от всего этого женского сериала...

— Рад, что ты её не убила, — сообщил я, прислоняясь спиной к печке со стороны Олёны.

— Она такая несчастная, — с укором обернулась ко мне моя жена. — Ею все помыкают, все используют, а годы-то идут, и она толстая-а... Ох, мамочки-и...

— Понятно. Хочешь взять её к нам жить?

— А? Э-э... нет. Ну не домой точно. И не в отделение. И даже не в Лукошкино. Может, куда в деревню, на свежий воздух, к гусям и коровам?

После слов «к коровам» Василиса Премудрая разределась ещё громче.

Лично я запутался окончательно, потому что слезорозлив никак не давал возможности определить — кто она для нас. Жертва обстоятельств или закоренелая преступница? Хитрющая бесовка или раскаявшаяся девушка? Арестовывать мне её уже наконец или, наоборот, брать в программу защиты свидетелей?!

Правда, саму программу мы ещё не разработали, да и возможности для её осуществления на данный момент у меня были весьма ограничены. Но по-любому хоть что-то решать со всем этим бардаком надо.

— Василиса, у меня к вам ряд вопросов. — Я обернулся к бесовке, игнорируя попытки Олёны меня остановить, дёргая за штанину. — Это важно! Кому вы намеревались передать Бабу-ягу и Маняшу из Подберёзовки? Её, между прочим, в отделении корова дожидается...

На слове «корова» доселе серьёзно кивавшая Василиса разревелась вновь. Моя жена тихо рыкнула на меня сквозь зубы, но поздно, я тоже уже закусил удила и втопил педаль.

— Повторяю свой вопрос: кто должен был ждать внизу, в засаде у Стеклойной горы? Какие всадники забрали пленниц и куда они их увезли? Как бы чисто по-человечески я ни сочувствовал вам, но как сотрудник органов я также не имею права оставлять без внимания совершённые вами правонарушения. Милая, ты с меня сейчас брюки стянешь!

Олёна мгновенно прекратила дёргать, а толстая бесовка обиженно обернулась к ней за помощью и поддержкой. Увы, на этот раз офицерское братство и женская солидарность не сработали. Моя красавица вытерла остатки слёз и встала рядом со мной, сурово уперев руки в бока. Василисе не оставалось другого выхода, кроме как признаваться...

Бежать некуда, надежды на спасение никакой. Должен признать, что она поступила как высокопрофессиональный цэрэушник, то есть без пыток сдала всех!

— Это всё Кощей Бессмертный!

— Стоп! Как Кощей? А не Алекс Борр?!

— Не... а это кто?

— Не важно, лопнувшая версия, — повинился я. — Продолжайте, пожалуйста.

— Это Кощей меня бесовкой обернул, себе служить заставил, за Змеем поганым шпионить приказал да про вас новости ему докладывать. А сама бы я не стала. Я... хорошая!

Мне захотелось выматериться на весь лес от такого бессмысленного вранья, потому что я своими глазами видел, как знаменитый своими преступными деяниями гражданин Бессмертный сгорел в пламени и... Своими глазами? Ой ли...

— Посмотри за ней, я отойду на минутку.

— Кусты вон там, милый.

— Я не за этим делом. Мне подумать надо.

— Тогда вон туда сходи, видишь сосну сухую? Говорят, об такую лбом биться полезно — и ума прибавляет, и смолой не испачкаешься...

Я чмокнул Олёну в щёчку за последний совет и действительно отошёл к сосне. По идее за всю мою глупость мне следовало бы боднуть вековой

ствол с разбегу. Морально полегчало бы, но физически мог и убиться на фиг, а мне оно сейчас не очень надо...

— Ты же не видел, как погиб Кощей! Тебе лишь показали косвенные улики его смерти! Неизвестно чей череп, над которым Яга даже коротенькой экспертизы провести не успела. Раз оплавленная корона есть, значит, вот он, Кощей! Конечно-о!!! А то, что по идее корона могла так оплавиться, только будучи надетой именно на голый череп без малейших признаков плоти, тебе в голову не приходило?!

Я ходил кругами вокруг сосны, чувствуя всё нарастающее раздражение. Такое бывает, когда вдруг понимаешь, каким идиотом ты был и какого дурачка из тебя делают. А уж где разгуливали мои мозги, опыт и логика во время всего этого дела, остаётся только гадать...

— Ты же Митьку учишь: факты, факты и ничего, кроме фактов, а сам? Ломаешь себе голову, как это фон Дракхен всё о нас знает, всегда во всеоружии, играет нами, как куклами, а нет чтоб вспомнить, какого размера мозг у ящериц, змей и динозавров! Кощею своего дворца не жалко, ему наверняка в тот же день пятьдесят тысяч узбекских шамаханов заново весь евроремонт навели. Представляю, как он веселился, глядя на наши тараканьи бега с препятствиями...

Крыть было нечем. Каждый человек сам себе судья и прокурор, у нас, милиционеров, плюс ко всему добавляется ещё и отсутствие нормального адвоката. То есть глупость, совершённая при исполнении, становится таковой вдвойне! А если начинаешь оправдываться перед самим собой, значит, признаёшь как минимум половину вины...

— Он же просто заключил договор со Змеем, настроил его против Лукошкина и решил в кои-то веки избавиться от меня чужими руками. Даже свою смерть ради этого разыграл как по нотам, лысый хрен Сальери! И сейчас сидит где-нибудь, хлещет какой-нибудь алкоголь и хихикает, наблюдая за нашей беготнёй через своё волшебное зеркало. Пусть оно и не столь совершенно, как прошлое, Кощей сам жаловался. Но мы-то, но я... Как бы мне стоило дать такого пинка, чтобы летел я отсюда до Чаринг-Кросса!

Решив этой знаменитой фразой великого сыщика закончить обряд самобичевания и самокритики, я оправил форменную рубашку и вернулся к девушкам. Там ничего не изменилось, разве что плакать перестали, носики вытерли, и единственное, что я успел услышать до того, как обе бесовки с улыбками обернулись ко мне навстречу, было:

— ...и на Никиту не засматривайся, глазки выцарапаю, поняла? Вот и умничка...

Сейчас ещё и поцелуются, подумал я про себя, но вслух с таким предложением лезть не стал. С меня на сегодня было более чем достаточно. А ведь требовалось срочно придумать какой-то рабочий план на противодействие козням Кощея и спасение Яги.

Да, да, и милой девочки Маняши тоже: если я не говорю о ней каждый раз, это не значит, что про неё забыли или что она мне менее важна, чем старейшая сотрудница нашего отделения. Не сомневайтесь, спасать будем всех.

— Прошу всех на борт, занимайте места согласно купленным билетам. Печь отправляется по маршруту гора Стеклянная — Лысая гора. Остановок в пути не будет. Пристегнитесь и наслаждайтесь поездкой!

Мои спутницы хихикнули и полезли на печь. Пистолет, отобранный у Василисы, я хотел передать своей жене. Но она сказала, что лучше управляется с ножом, чем с этими кремнёвыми пугачами. Лично у меня тоже как-то руки не доходили поучиться у того же Фомы Еремеева управляться хоть с обычной стрелецкой пищалью. Но не Василисе же возвращать оружие?

Пистолеты немецкой или итальянской работы у нас в Лукошкине редкость. Царь в своём арсенале имеет с десятков подарочных, но всё же в основном это зарубежная игрушка. Тот же Кнут Гамсунович предпочитает обычную золингеновскую шпагу, а пистолеты у него висят на стене для крайних случаев. Ну вроде заговора Чёрной Мессы...

В общем, я сунул его за пояс на пиратский манер и, прислонясь спиной к печи, тихо прошептал:

— А мы немного изменим маршрут. Ты не в курсе, где у нас хранится смерть Кощеева?

Печка встрепенулась, неуверенно качнула трубой, но пошла вперёд. Я запрыгивал уже на ходу. Будем считать, что хоть приблизительно, но знает. И сыграем теперь по моим правилам...

Мы проехали не более получаса, когда узкая лесная тропа вывела нас на широкую дорогу, местами заросшую репейником и лопухами, а посередине стоял замшелый валун с плохо читаемой кириллицей. От него дорога разветвлялась на три тоненькие тропинки. Всё традиционно, всё как в сказке. Я остановил печь и спрыгнул вниз.

— Это, так сказать, прообраз стойки информации. Видимо, стоит здесь уже давно, надпись вырублена грубым металлическим инструментом типа зубила. Кстати, с ошибками: слово «налево» пишется слитно, а в слове «потеряешь» при переносе на новую строку нельзя переносить «шь». Школьная программа, второй класс.

— Милый, ты у меня такой умный! — Олёна с печки послала мне воздушный поцелуй. Это она у Лидии Адольфины научилась, но мне приятно...

— Итак, текст традиционный: «Направо пойдёшь — женатому быть. Налево пойдёшь — коня потеряешь. Прямо пойдёшь — голову сложишь». У кого какие предложения?

— Ну, с женитьбой ты уже опоздал, а многократно только язычники да басурмане женятся. Коня у нас нет, терять нечего. Голову сложить я тебе не позволю, мы только-только семейно жить начали. Поворачивай налево!

— А я думаю, — в свою очередь подала голос толстая бесовка, — что мы вообще не туда попали. Вы же ехать на Лысую гору хотели? Так она в другой стороне, перепутала всё печка...

Печь равнодушно стояла в ожидании нашего решения. Спрыгнув вниз, я быстрым шагом прошёл туда-сюда на несколько шагов от камня. Ага, да тут стоит подумать...

— Налево так налево. Да, коня у нас нет, но вот что интересно...

— Чего ж интересного?! — вытянули шеи мои спутницы.

— Просто вон там, шагах в пяти-шести вперёд, кучка конского навоза. А Бабу-ягу и Маняшу забрали именно всадники. По логике вещей они первыми потеряют коней. Проверим?

Ответом мне послужило громогласное карканье, и на серый камень сел здоровенный чёрный ворон размером с хорошую курицу. Он вперил в меня взгляд горящих жёлтых глаз, мне на секундочку показалось, что мы уже где-то виделись.

— Кыш? — неуверенно предложил я, но наглая птица даже не пошевелилась.

— Милый, плюнь на него, и поехали!

— Тока рискни, участковый, я те плюну, — покачивая солидным клювом, предупредил ворон.

И тут я его вспомнил. Крылатый посыльный Кощея! Это именно он прилетал за нами, передавая требования своего хозяина «заглянуть к нему с повинной на переговоры». Даже вроде бы безопасность гарантировал, но Кощей, естественно, сразу же попытался нас за горло взять, и если б не Митя, который на тот момент был петухом... То есть обычной домашней птицей, и кукарекнул там от всей души, чего, как известно, любая нечисть на дух не переносит. Не помните, перечитайте!

— С чем пожаловали? — Я жестом призвал обеих девушек к спокойствию и продолжил: — Чего от меня хочет Кощей?

— Мой господин повелел тебе, дурачку слабоумному, передать, что...

Пиу-у!..

Прилетевший со стороны Олёны тяжёлый костяной гребень врезал птице ровнёхонько в лоб, и место на вершукке камня сразу освободилось.

— Я же просил, милая...

— А чего он обзывается?!

— Традиция такая. Ты сама, когда на Бессмертного работала, очень вежливая была?

Мне пришлось обходить валун, искать в траве гребёнку и возвращать надутую Олёне. Не менее обиженный ворон на прежнее место возвращаться отказался, продолжая хамить нам снизу, из-за укрытия.

— Ты тут не балуй, участковый! Угомони девок, ишь... Посол — лицо неприкосновенное!

— Да у тебя и лица-то нет, морда уголовная, — заступилась за мою жену толстая бесовка. — Гоните в шею собаку эту пернатую, Никита Иванович! Нам ещё прямо ехать надо.

— Зачем? — любопытствовал ворон.

— Участковый сказал — за навозом.

— Ничего подобного я не говорил!

— Ну, может, не слово в слово, однако ж...

Олёна вступилась за меня, предлагая тем не менее выслушать и Василису. В том плане, что ворону, какой бы он ни был говорящий, даже полезно время от времени получать чем-нибудь тяжёлым поперёк клюва.

Сама птица (мужского рода), разумеется, подобный подход категорически отрицала, справедливо находя его феминистическим и ксенофобским. Василиса хоть и премудрая, но однозначно перевела эти слова с латыни (греческого) как — «подруга, да он же тебя прямым текстом на растение из четырёх букв послал!».

Моя жена, не задумываясь, сдвинула заслонку и выудила из печи тяжёлый чугунок. Ворон только и успел удивиться, что у нас всяким чучелам, в саже перемазанным, слово дают, как...

Бабах!!!

Выстрел грохнул так громко, что все на миг присели.

Я опустил ещё дымящийся ствол кремнёвого пистолета, чуть морщась от неприятного ощущения ватной пробки в правом ухе.

— А теперь слушаем меня. Все на печь. Едем по левой дороге. Вопросы?

— Ну а чегой-то я, скажем... — начал было ворон. Я поднял руку с пистолетом, он посмотрел брусничным глазом в дуло и закончил фразу: — Чегой-то я, скажем, так ерепенюсь-то? Мне что, больше всех надо?!! Нет.

Налево так налево. Могу даже вперёд полететь, дорогу указывать.

Я вхолостую взвёл курок.

— А нет так нет! Просто предложил. — Посланец Кощея примиряюще поднял крылья вверх и пешком запрыгал к печке.

Когда все расселись, я занял своё командирское место, передав разряженный пистолет Олёне. Всё равно ни пороха, ни свинца, ни даже как перезарядить эту штукину, непонятно. То есть в целом я, конечно, представляю, книжки про мушкетёров читал, но сколько конкретно надо отмерить пороха, чтоб ствол не разорвало, а пулю вытолкнуло, там не пишут.

Дорожка заметно расширилась, кусты разбегались по сторонам, печь послушно, как бронетранспортёр, несла всех нас вдоль опушки леса. Я поманил пальцем ворона, и говорящая птица, вспорхнув, уселась рядом.

— Ты там от Кощея хотел что-то передать?

— Угу, я скажу, а твоя мне опять чем-нибудь по башке шарахнет? Спасибо, голова не казнённая...

— Готов принести извинения от лица всего отделения милиции. Устроит?

— Вполне. Приноси.

— Извини. Всё. Принёс.

— Хотелось бы больше раскаяния в голосе, но... извинения приняты, — важно согласился чёрный ворон, не став лезть в бутылку. — Тебе коротко али как положено, с расстановкой, в деталях, с описательностью?

— Давай демоверсию.

— Будь по-твоему, участковый. К господину моему слуги его верные двух девиц со Стеклоной горы доставили. Так что для базару тема есть.

— Яга и Маняша?

— Они самые.

— Подонок...

— Эй?! Чё ты сразу в обидки, посол лицо подневольное...

— Я не о тебе. — Мне стоило больших трудов сохранять ровное выражение лица и не сжимать кулаки. — Чего он от меня хочет?

— Ясно чего. Твою голову в обмен на их жизни.

Собственно, на этом содержательная часть нашего диалога была исчерпана.

Я обладал всей полнотой информации о планах своего противника, но пока даже близко себе не представлял, чем могу на это ответить. В обычной школе милиции не учат профессиональному освобождению заложников,

кажется, мы об этом уже говорили. Тем не менее в случае со Змеем Горынычем такие мелочи, как отсутствие опыта, войска и оружия, меня не остановили.

Сейчас ситуация была похожей, но не совсем. Вместо надёжного друга — серого волка у меня под рукой лишь нежно любимая жена и толстая бесовка, которая вообще непонятно на кого работает. Выбить из неё правду можно только в царской пыточной, и тоже далеко не факт.

Вместо серьёзного посоха Деда Мороза на троих один разряженный пистолет. В принципе можно было бы вообще его выбросить, но мало ли? Вдруг хоть как-то пригодится, вон ворон-то даже на разряженный ствол повёлся...

Из положительного только Емелина печь. Очень хороший транспорт, удобный, тёплый, с высокой проходимостью. Правда, чем конкретно она может помочь в деле спасения бабки и Митькиной односельчанки? Ну разве что максимально быстро доставить меня к Кощею, где я сам сдамся на обмен. А вот будет ли он?

— В целом я глубоко сомневаюсь, что, получив меня, гражданин Бессмертный благородно отпустит двух милых девушек, — сам себе заявил я. — Это не в его стиле, он же спать спокойно не сможет, пока не изведёт всю нашу опергруппу. А тут такой чудесный случай подвернулся.

Ворон вежливо кашлянул в крылышко и молча подмигнул. Как я понимаю, это было некое одобрение моим выводам. Значит, всё верно, Кощей никого живым не отпустит и не собирался даже.

Внезапно печь резко встала, так что толстая бесовка, не удержавшись, полетела кубарем вниз нюхать придорожную пыль.

— Есть причина? — резонно уточнил я.

Печь чуть развернулась корпусом влево. А там, на лужайке, спокойно пасся тот самый златогривый конь, на которого по идее мы с Митей и должны были обменивать Василису Премудрую. Если мы ещё где-нибудь на ветке и ту самую белую птичку увидим, я точно начну в сказки верить.

При виде нас конь призывно заржал и сам побежал к печке.

— Так вот чей свежий навоз мы скорее всего видели у камня. — Мне пришлось признать собственную ошибку. — Разворачиваемся назад! Тут нам больше ловить нечего.

Дождавшись, пока грязная, отплёвывающаяся песком бесовка влезет обратно, мы развернулись на тропе и с удвоенной скоростью вернулись к валуну. Златогривый конь легко бежал рядом, не отставая ни на шаг.

— А ты хитёр, участковый, — едва не касаясь клювом моего уха, пробормотал ворон. — В самое сердце Кощеево решил удар нанести.

— Вы имеете в виду «прямо пойдёшь, голову сложишь»?

— А то ты не знал! Умён да догадлив, уважаю, а только всё ли продумал?

Я промолчал, просто потому что ответа у меня не было. Слишком много вопросов...

Во-первых, я, конечно, мог догадываться, что кроется на той дороге, где «убитому быть». Допустим, там как раз и расположен тот легендарный дуб, на котором висит сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце иголка, в иголке — смерть гражданина Бессмертного.

Уже противоречие, не находите? Если уж действительно бессмертный, то какая, на фиг, иголка?! А если смерть для него всё-таки есть, то тогда его крутая бандитская кличка не более чем дешёвые понты, рассчитанные на доверчивую публику.

Что тем не менее не снимает вопрос номер два: допустим, что там и впрямь висит сундук на дубе, что мы с ним делать-то будем? В сказках Ивану-царевичу за красоту и доброту помогали разные звери: медведь, волчица, птица сокол и рыба щука. У меня таковых нет, хотя, конечно, сейчас на печке тоже собран тот ещё зоопарк.

— Баба-яга как-то обмолвилась, что смерть свою Кощей пуще глаза бережёт. Это как? — Я обернулся к ворону.

Тот, видимо, был не прочь поболтать, поэтому с комплексами преданности господину особо не заморачивался.

— Раньше берёг, было дело. Охрану шамаханскую полками ставил, со Змеем договаривался, сам каждый день от зеркала волшебного не отлипал. Потом подустал и...

— Привык?

— Да, скучно ему стало, — откровенно зевнул мой пернатый собеседник. — Ну, понаедут туда от валуна-камня один-два богатыря в год, кто посмелее да поглупее будут. Разберётся с ними Кощей, а дальше чем руки занять? Ить злые дела немало времени требуют, да ещё и самоотдачи полнейшей. А тут сиди день за днём и в зеркало пялься. И придумал он тогда хитрость иезуитскую...

— Прошу прощения, ты где учился?

— Э-э, во Фрайбурге, в Сорбонне, в Стамбуле тоже, ну и много лет практики с якутами на русском Севере, — чуть смутился ворон. — А что, так заметно, да?

— Хорошее образование не скроешь.

— Кощею не говори, он такого не любит. Я для него тварь перелётная, разговор у обученная, от его воли во всём зависящая.

— Не напрягает?

— Нормальная работа, бывает хуже...

Мы помолчали. Иногда обычный душевный разговор с глазу на глаз, без наездов и угроз, решает очень многое в вопросах профилактики преступлений. Разумеется, ворон не станет нам другом, не бросит прежнего хозяина и не перебежит на работу внештатным сотрудником в отделение, но всё-таки...

— Приехали, — крикнула говорящая птица, топорща перья. — Вот он, камень придорожный, на нём сама судьба три дороги выбила. Куда свернёшь, сыскной воевода?

— Прямо, туда, где нас обещают грохнуть, — уверенно указал я.

Олёна и Василиса обернулись ко мне за объяснением.

— Милая, ну какие ещё варианты? Налево сходили. Не то чтоб коня потеряли, а даже наоборот, нашли! Направо — женатому быть. Я направо, ты мне по шее, а сдались нам лишние скандалы в доме? Пошли туда, где убивают. Хоть посмотрим, что и как... Кто со мной?

— Вы и мёртвого уговорите, Никита Иванович, — широко улыбнулась толстая бесовка, но моя жена ткнула её локтем в бок. После чего нежно улыбнулась мне, изображая стрельбу по несуществующим врагам из незаряженного пистолета. Бесовкой она была более собрана, а тут расслабилась, конечно...

Печь легко обогнула валун и, словно бы набравшись новых сил, резво двинулась вперёд. Златогривый конь на этот раз за нами не пошёл. Он увлёкся аппетитной травкой у камня, а ловить его или ждать, пока наестся, времени не было.

Мы махнули рукой: честно говоря, ни мне, ни кому-то из нас эта домашняя скотина не была интересна. Развитием коневодства я заниматься не собираюсь, а судя по тому, что он провёл в лесу у Стеклойной горы столько времени и волки его не съели, этот гламурный красавец вполне способен за себя постоять. В конце концов, захочет домой, сам добежит, тут недалеко, не заблудится, не маленький.

Должен отметить, кстати (или некстати, без разницы), что путешествия на волшебных средствах передвижения очень удобны в плане экономии времени. Если подходить к русским народным сказкам с точки зрения формальной логики и хронометража, так там любой чёрт ногу сломит. Прикиньте сами, попробуйте...

Тот же Емеля, к примеру, из своей деревни ехал в столицу от силы час-полтора. А царь в результате его шашней с царевной не придумал ничего умнее, как законопатить обоих в бочку и кинуть в море-океан. Да, именно

так, через «я». И много вы «морей-океянов» найдёте на территории средней полосы России? Всё сказочно, всё условно.

А под Верхним миром есть Нижний, кроме этого света есть тот, всё, что далеко — то же и близко, можно стоптать шесть пар железных башмаков, пока дойдёшь, а можно и на печке в полчаса доехать. Не спрашивайте меня, как и почему, не отвечу.

Я не специалист по древнерусскому фольклору, у меня куда более приземлённая профессия. И в данный момент только милицейская реакция и спасла всех нас от аварии на трассе. Печь вырулила за поворот и едва не влетела в зад невесты откуда взявшейся избе!

— Влево! — заорал я.

Печка практически легла набок и лишь каким-то божественным чудом избежала столкновения. Влети мы в багажник впереди идущего транспорта, так любой гаишник был бы обязан лишить меня прав минимум на год!

— Мать твою... — дружно мяукнули Олёна и Василиса, одновременно вылетая в кусты.

Я удержался только благодаря долгим тренировкам езды в милицейском уазике по колдобинам строящихся окраин Москвы.

— Это... это что ещё за чудо чудное, диво дивное с окорочками искушающими? — слегка клацая клювом от стресса, спросил ворон, высовываясь почему-то из трубы.

— Жертва генной мутации, — туманно объяснил я, кивая на присевшую от страха избушку на курьих ножках. — Господи, их-то за каким пьяным лешим сюда занесло? Эй, есть внутри кто живой?!

— А чего надоть? — не сразу откликнулся козлиный голосок дьяка.

— Открывайте, милиция!

В оконце тут же высунулась счастливая морда серого волка. В глазах Мити блестели слёзы счастья...

— Никита Иванович, отец родной! За Христа ради, избавьте меня от дьяковой болтовни, всю плешь мне Филимон Митрофанович проел! Мало того что нервы задарма треплет по любому поводу, дык ещё со скуки с блохами моими разговоры ведёт. К монашеству и покаянию их склоняет. А мне уже кажется, что они ему и отвечают по-всякому! Заберите от психа домой, в отделение, век за вас Бога молить буду-у-у!!!

Я устало покачал головой. Похоже, всё опять пошло наперекосяк. Хотя когда было иначе, напомним? Вот и я не помню...

Сначала я помог вылезти из кустов Олёне. Она изрядно расцарапала руку, но в целом очень легко отделалась. Василисе пришлось хуже. Мало

того что она пролетела через колючие заросли лесной малины с остатками ягод, так потом ещё и приземлилась всем могучим задом на высокий муравейник.

Естественно, насекомые бросились мстить за разрушенный дом! Но когда муравьи-воины по ходу ответной атаки обнаружили следы от раздавленной малины, то кликнули туда же ещё и муравьёв-тружеников. Толстая бесовка не успевала стряхивать с себя чёрных мстителей и носилась взад-вперёд, как перепуганная курица, матерясь при этом не хуже члена боярской думы.

Подобное зрелище в иной ситуации наверняка бы выглядело комично, но сейчас вызывало скорее сочувствие с нотками раздражения.

— Я в избушку. Присмотри, чтоб ворон не смылся.

— Конечно, милый. — Олёна чмокнула меня в щёку и, сделав страшные глаза, поманила к себе пальчиком Кощеева посланника.

Тот сокрушённо вздохнул, словно сражённый в самое сердце нашим недоверием, но послушно слетел вниз, усевшись на плечо моей жены, как попугай одноногого Джона Сильвера.

— Митя, открывай.

Сверху упала лесенка, и я вошёл в передвижную избушку Бабы-яги.

— А где царь с царицей?

Дьяк и серый волк широко улыбнулись. Я понял, что дело опять плохо или даже хуже некуда...

— Здрав буди, сыскной воевода! Челом те бью, ибо, как говаривали святые отцы в Писании, всякая власть от Бога. Тем паче власть законопорядковая, то бишь милицейская...

— Где Горох с супругой?!

— Тут такое дело, Никита Иванович, — виновато поджал хвост Митя, и эти два «Твикса» пустились плести самую нелепую историю из всех, что мне доводилось слышать. Ну да, может, и не самую, но в первую пятёрку входящую точно.

Короче, с их слов выходило следующее. Царь пропал, они тут ни при чём, а повинную голову по-любому меч не сечёт! Это если в целом, но я, как вы понимаете, потребовал подробностей и фактов. Что и было от всей души щедро предоставлено мне сразу в двух версиях.

Во-первых, избушка подчинялась своим собственным представлениям о конечной цели маршрута пассажиров. Бабка каким-то образом ею управляла, но как именно, не объяснила никому.

В общем, бежала наша избушка на курьих ножках туда, куда хотела, а наши герои перекатывались внутри от стенки к стенке. Остановка была где-

то в глуши, но сквозь плотные ряды деревьев просвечивала поляна, на которой размещался то ли постоялый двор, то ли трактир, то ли оба заведения под одной крышей, в одном флаконе.

Горох сразу начал орать, что именно здесь его раздели и ограбили, а потому он сей же час туда пойдёт и всех проучит! Ну, если и не всех, то через одного как пить дать. В результате Митю оставили сторожить избушку, поскольку говорящему волку в доме делать нечего, а все остальные пошли чинить крутые разборки.

Дьяк уверял, что хозяин принял гостей ласково, просил не скандалить, но от всех обвинений в ограблении государя отмазался напрочь, целуя крест перед иконами и провалиться ему на этом же месте, если врёт. Поскольку небесный гром не грянул и тесовый пол под мужиком не проломился, Горох невольно впал в сомнение, а Лидия Адольфина (добрейшая душа) даже принесла извинения за излишнюю горячность супруга. Дальше классика!

Гостей напоили, накормили, предоставив комнаты наверху, и всё вроде бы было расчудесно. Но Филимон Митрофанович, встав наутро с трещащей после вчерашнего головой, царя с царицей в их горнице не обнаружил. Сам хозяин заведения на голубом глазу уверял, что семейная парочка, приодевшись у него в долг, ушла по тропиночке в ближайшее село, где намеревалась взять лошадь с телегой до Лукошкина. Почему дьяка будить не стали, он знать не знает, ведать не ведаёт...

Не будем врать, что ушлый гражданин Груздев так сразу во всё и поверил. Однако в присутствии хозяина и двух его холопов самого разбойничьего вида лапшу с ушей стряхивать не стал. Тихо распрощался и тихо отчалил в своей манере.

Найдя в лесу Митю, мирно дрыхнувшего в избушке, он рассказал обо всём младшему сотруднику нашего отделения. Серый волк хоть и не поверил ароматизирующему перегаром дьяку, однако всё равно решил принять заявление к сведению и пробежаться с осмотром предполагаемого места преступления. Но, не дойдя даже до забора, был облаян бдительными кобелями, а уж когда выскочили мужики с дрекольем, разумно произвёл тактическое отступление в лес.

Причём избушку на месте уже не застал, она рысью несла вопящего дьяка Фильку в неизвестном направлении. Внутрь Митяй запрыгивал уже на ходу. Собственно, наши герои только-только закончили собачиться, выясняя, кто же из них виноватее другого, как на повороте в зад избушки почти что врезалась самоходная белёная печь...

— Суду всё ясно, — констатировал я, заткнув обоим рты. — Сейчас

по-быстрому разберёмся с иглой для Кощея и едем на постоянный двор искать царя. Уверен, что хозяин вам всё безбожно наврал и сейчас Горох с супругой сидят где-нибудь в сыром подвале. За венценосную пару можно получить неплохой выкуп, а потом припеваючи скрываться на Канарах.

— Э-э, не понял... чё ты, участковый, насчёт Кощея-то говорил?

— Я хочу найти его смерть. Да, да, ту самую, что на конце иглы.

— Зачем? Рази ж мы своими глазами не видели, как он помер?!

— Он жив. Объяснять долго. Просто поверьте на слово.

— Ух ты, чудеса в решете, — вывалил язык набок верный Митя. — А чего ж, я верю!

— А я нет! И вообще, вы энто без меня! — упёрся рогом дьяк, пятясь на выход. — Мы люди маленькие, политикой не интересуемся, нам с самим Бессмертным воевать не с руки...

— Филимон Митрофанович...

— Не пойду! Не заставишь, мурло милицейское! Ишь чё выдумал, ирод, меня с Кошеем Бессмертным стравливать?! Коли своей головы не жалко, так ты её хоть на блюде Кощею неси, а я на такие риски отродясь не подписывался-а-а!!!

От его визга у меня просто заложило уши. Ладно, ладно, разумнее оставить этого паникёра здесь, чем тащить его за шиворот на опасную операцию. Реально опасную в самом-то деле.

Я высунулся в окно и помахал рукой Олёне. Она спрыгнула с печи и бодренько подбежала ко мне.

— Милая, переводи Василису в избу и сама переселяйся сюда же. Дальше на печи поедом мы с Митей. Ворон покажет дорогу.

— Я тебя одного не отпущу!

— Так надо, поверь.

— И думать не смей!

— Мне с Митькой привычнее, мы быстренько справимся, и назад. — Я спустился по лесенке из избушки и обнял жену. — Подстрахуй меня. Дьяк и эта бесовка уже работали в паре. Одних их оставить нельзя, серого волка они в два счёта вокруг пальца обведут. Я могу надеяться только на тебя!

— Ох и хитёр ты, сыскной воевода...

— Мне говорили, — подтвердил я, целуя её на прощанье. — Ждите нас здесь. Но, если изба куда-то и уйдёт, не волнуйся, Митя легко отыщет её по запаху куриных ножек. Он давно на них в гастрономическом плане облизывается...

— Береги себя. Я без тебя жить не буду, — серьёзно сказала Олёна, нежно глядя мне в глаза. — И возвращайся побыстрей.

— Как только, любимая...

После горячего, кружащего голову поцелуя я вызвал к себе своего младшего сотрудника. Василиса Премудрая с радостью поменяла печь на избу. Как помню, там вроде и рукомойник был, и муравьи не кусали. Мнения дьяка о двух новых соседках никто не спрашивал.

Чёрный ворон громко каркнул, словно бы давая сигнал к отплытию, мы с Митей подбросили дровишек и заняли свои места на печи. Старая труженица тяжело вздохнула, но безропотно понесла нас дальше и дальше, пока избушка на курьих ножках не скрылась за горизонтом...

— Куды едем-то, Никита Иванович? — первым нарушил молчание мой напарник.

— Не твоё собачье дело, волчара позорный, — презрительно бросил ворон, топорща перья.

— А-а, я ж тебя знаю, — чуть щуря круглые жёлтые глаза, опознал мой напарник. — Это ж с тобой мы в царство Кощеево на ступе летали!

— Тока ты тогда петухом был, вертухай!

— А тебя потом твой же хозяин об дерево с размаху приложил — крылья врозь, клюв набекрень!

— Врёшь, пёс подзаборный!

— Сам врёшь, карга драная!

— Приятно, что вы нашли друг друга, — сухо пробормотал я, занятый своими мыслями, а потому не особо обращая внимание на их перепалку.

Митя по природе своей с преступниками особо не церемонится, да и у Кощеева посланника характер тоже не чупа-чупс. Но оба подустали, обоим нужна разрядка, пусть лучше сейчас выскажутся, чем потом накипит не вовремя, шарахнет и всех забрызгает.

Это мне хорошо, у меня Олёнушка есть — пара поцелуев с намёком на большее, и накопившейся усталости как не бывало. Ваш верный рыцарь без страха и упрёка вновь готов вскочить на белого коня, опустить забрало и воевать за справедливый мир со всеми мельницами сразу. Мужчины вообще легко устроены, а милиционеры и того проще...

— Мы направляемся к тому самому дубу, где висит сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла, а на её конце смерть Кощея, — не оглядываясь, бросил я. — Кстати, вы чего примолкли-то?

— Ась? — Серый волк и чёрный ворон, оказывается, давно прекратили собачиться и теперь играли на щелчки в популярную японскую игру «камень, ножницы, бумага».

В своё время у нас государь неслабо объяпонился на всю голову, так что игру Митя знал, приятеля выучил быстро. Но выигрывал чаще ворон,

несмотря на то что ему приходилось стоять на одной ноге, резко выбрасывая другую лапку с нужной комбинацией пальцев.

Гулкие удары клювом в проигравший Митин лоб на какое-то время отвлекли меня от созерцания дороги. Возможно, поэтому, когда печь вдруг резко встала, я не сразу осознал, что мы таки прибыли на «конечную станцию»...

— Он что, издевается?!

Перед нами открылась довольно приличная дубовая роща, общим размером примерно эдак гектара три-четыре в ширину. И это только при беглом взгляде направо-налево! Какие там были реальные площади посадки, боюсь даже гадать. Но самое поганое, что на каждом дубе, высоко в ветвях, висел кованый железный сундук! Это был самый большой облом, который я только мог себе представить...

— Держитесь, Никита Иванович. — Шершавый волчий язык сочувственно лизнул мою руку.

— Я его убью, Мить!

— Давно пора. Такие вещи творит, гад, измывается над людьми...

— А вы что ж думали, сотруди́чки мили́цейские? — сочувственно проворчал ворон, бочком-бочком протискиваясь между нами. — Придѣте сюда, а тут вам всё в единым миг и откроется? Кощей, он ить не первый век на земле живѣт, знает, как иголку в стоге сена прятать...

Я уныло признал его правоту. Надежды отыскать нужный сундук не было. Никакой. То есть абсолютно. Митя спрыгнул с печи и пошёл исследовать лес.

— Не возражаете, ежели я тут... — Он вопросительно поднял заднюю лапу.

— Сколько угодно. — Я раскинул руки. — Только не убегай далеко, исходи из своих реальных потребностей и возможностей. Помечать каждое дерево нет необходимости. Как я понимаю, у тебя чисто спортивный интерес?

Волк рассеянно покивал и приступил к делу. Я же немного прошѣлся вглубь рощи. Логично было бы предположить, что вначале тут был один дуб, на котором Кощей и устроил главное хранилище. А потом просто обсадил его по кругу сотней-другой деревьев, приблизительно подходящих по возрасту. Следовательно, нужный дуб мог находиться где-нибудь в середине. А может, и не мог — кто мешал гражданину Бессмертному преспокойно оставить его в любой точке этой лесопосадки? Кощей Кирдыкбабаевич, конечно, не чужд логике, но она у него хромая и специфичная, нормальным людям не понять.

— Вот сейчас мне бы очень-очень пригодился совет Бабы-яги, — бормотал я, гуляя узкими тропками между вековых зелёных великанов.

Пару раз натолкнулся на остатки разбитых сундуков. Разумеется, ничего в них не было. Куда делся заяц с уткой внутри и как ему вообще живётся на свете, неизвестно. Если там и были какие-то следы, то их давно смыло дождями и засыпало листьями. Похоже, мой авантюрный поход за смертью Кощея обернулся полным пшиком...

— Вы где, Никита Иванович?

— Тут, Митя.

— Ага, я успел, чё хотел, — отчитался серый волк, подбегая ко мне и подняв уши домиком. — Тут тихо, вроде никто не подслушивает. У меня идея есть полезная. Разрешите изложить?

— Валяй.

— Думаю, нам ворона энтого хорошенько допросить надобно. Может, ежели прижать его как следует, он и расколется!

— Митя, он сам не знает. Если бы знал, то Кощей давно бы отвинтил ему башку. А так ворон просто внаглую водит сюда каких-нибудь богатырей, витязей и народных героев, а потом вместе со своим хозяином хохочет, глядя, как они все бегают по лесу в поисках нужного сундука. И ведь заметь, ещё и зайца нужно поймать, и утку из него вытащить, а из той яйцо, и только после этого ломать иглу.

— С ума сойдёшь...

— На третьем-пятом дубе точно. Кстати, видишь обломки? А прямо над ними на дереве висит точно такой же сундук. Значит, хотя бы раз в году они их меняют. И этот квест становится вечным...

Я сел на землю, прислонившись спиной к ближайшему дубу, и, как принято, «повесил буйну голову ниже плеч». Это, наверное, раз плюнуть для любого индийского йога или какого-нибудь Ивана-царевича, но для меня оказалось очень непросто, пришлось постараться.

Серый волк плюхнулся брюхом рядом, положив морду на лапы и сочувственно поскуливая. Кажется, и до Мити дошла полная безнадёга нашего предприятия...

— Что ж, теперича нечем нам злодея живучего прищучить?

— Нечем.

— Это, стало быть, Бабуленька-ягуленька и Маняшка, кузнецова дочь, у него в подвалах каменных, в темницах сырых, томиться будут?

— Судя по всему, будут.

— А я, значит, до самой смерти в шкуре волка бегать обречён, так, что ли?

— Так, Митя, так. — На секунду я задумался. — Вообще-то с того момента, как мы разобрались с фон Дракхеном, по идее чары должны были бы с тебя спастись.

— Чё-то не заметно...

— Ну да. Получается, что Змей Горыныч мог и не обладать необходимыми магическими способностями для подобных превращений. Всё это сделал Кощей. И пока он не снимет заклятие, вы с Ягой по-прежнему останетесь вот такими...

— Бабуленьке-то что?! — мечтательно вздохнул мой напарник. — Она теперь молодушка — белая лебедушка, девица-раскрасавица, коса до пояса, губами червлёна, бровями союза, и чего вы там ещё рассказывали?

— Не важно, всё это теперь не важно. — Я потёр ладонями виски и решительно встал. — Поехали.

— Куды? — поднял он левое ухо.

— На Лысую гору. Я принимаю его предложение об обмене. Заберёшь Ягу, Маню и проводишь всех домой. Если Кощей сдержит слово, то...

— А когда он его держал?

— Резонный вопрос. Практически никогда. Ну уж в ущерб собственным шкурным интересам точно ни разу. Всё равно нам пора, детали обсудим по дороге.

— Как прикажете, Никита Иванович. — Волк лениво поднялся, потянулся и вдруг уставился на что-то за моей спиной. Я проследил его взгляд.

— Не может быть...

В двух шагах от меня валялось яйцо. Размером с гусиное, но насыщенно-золотистого цвета в зеленоватую крапинку. Митяй плотоядно облизнулся.

— Не смей! — успел рявкнуть я, когда он пулей метнулся вперёд и раскрыл пасть. — Вдруг там иголка?! Проглотишь, а потом знаешь как мучиться будешь...

Серый волк недоверчиво обнюхал яйцо, взвесил риски и осторожно катнул его мне передней лапой.

— Правильно.

— А ежели оно не...

— Помолчи, пожалуйста. Даже не дыши. — Я взял яйцо и потряс им возле уха. Раздался лёгкий характерный звон. Внутри, за крепкой скорлупой, явно находился небольшой металлический предмет.

— Думаете, оно?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Скорее всего нет. Да,

игла там имеется, но та или не та, кто знает...

— Кощей!

— Стоп! Кощей-то как раз и не знает, — вдруг осенило меня. — Но, пожалуй, мы повременим с обменом наших пленниц на мою голову. Теперь нам есть что предложить гражданину Бессмертному. Нечто куда более интересное...

Митя хищно оскалил зубы и утробно зарычал. Надеюсь, это обозначало у него грозный смех и готовность драться до последнего. Хотя до какого последнего, если нас с ним раз-два, и обчёлся? Не важно, важно на данный момент совсем другое.

— Поехали, — повторил я, аккуратно засовывая яйцо в карман форменных милицейских брюк.

Можно было, конечно, побегать меж дубов ещё часок-другой в поиске других брошенных яиц, но смысл? Очень маловероятно, что по лесу их целая куча разбросана.

Те добры молодцы, которым каким-то чудом удавалось снять сундук, поймать зайца и не упустить утку, наверняка потрошили несчастную или просто по-богатырски выжимали из неё яйцо. А получив требуемое, ехали показывать кузькину мать Кощею Бессмертному! Где-то в районе Лысой горы, полагаю, их и хоронили. Если было что. Старина Кирдыкбабаевич, по общему мнению, страдал каннибализмом. Или, правильнее, наслаждался им. Меня, по крайней мере, он всё время обещался предать смерти лютой и непременно съесть!

— Не обязательно, что всё это правда. Бабу-ягу тоже в чём только голословно не обвиняли.

— Брехня! Бабуленька у нас святая просто, — неожиданно поддержал серый волк. — Когда не голодная, конечно...

— Я опять говорю сам с собой вслух, Мить?

— Да уж, частенько у вас энтó дело, — подтвердил он. — Вам бы отдых нужен, Никита Иванович. Съездить куда-нибудь, вона Кнут Гамсунович как-то говорил, что у них за границею лечебные грязи джоче полезные. Лежишь в них, стало быть, свинья свиньёй, а здоровье-то так и прёт, так и прёт отовсюду!

— Спасибо, дружище, как только выдастся свободная минутка, оформлю загранпаспорт и свалю на воды. Напомни мне, как покончим с этим делом: посадим Кощея, найдём царя с царицей, вернёмся в Лукошкино, спасём всех, разберёмся с боярской думой и, наконец, сходим в баню!

— Всенепременно напомню, — серьёзно пообещал он и, пользуясь

моим настроением, на всякий случай уточнил: — А можно я сразу на Маняше жениться не буду? Надо ить сперва присмотреться друг к дружке толком, чувства проверить, венки цветочные сплести, ответного петушка на палочке подарить...

— Хочешь продлить конфетно-букетный период?

— Агась...

— Ну, если у вас дальше поцелуев ничего никуда не заходило...

— Ни-ни! — широко перекрестился волк правой лапой. — Я ж не кобель бесчувственный, понимание имею. Да и Манька девица порядочная с рукой тяжёлою!

Мне сразу вспомнилось, что примерно недельку назад он заявился под вечер в отделение с весомым фонарём под левым глазом. Сказал, что споткнулся в темноте. Значит, врал, Митька всегда врёт, но по большей части безобидно...

Ладно, пока не прижали к стенке окончательно, чего раньше времени запугивать парня женитьбой. Чего-чего, а этого ему не миновать, такова русская народная литературная традиция: в конце любой сказки герой непременно должен жениться, жить долго и счастливо и умереть со своей супругой в один день. Так что просто тупо ждём-с...

Мы вышли из дубово-сундучного леса, наполненного копиями зайцев, уток и игл. Печь терпеливо ждала нас там же, где мы её оставили. Тихая, спокойная и верная, как крестьянская савраска. Ворон по-прежнему сидел на трубе, чистя клювом перья.

— Мить, — тихо попросил я, — сделай уставшую морду. Ну, словно ты весь лес обегал, пока мы нужное дерево нашли.

— Намёк понял, — подтвердил он, выкатил язык наружу, свёл глаза в кучку, повесил хвост и пошёл дальше на полусогнутых. Видуха — словно он в одиночку Китайскую стену строил, ему недоплатили юаней и выгнали пешком из страны по личному указу Мао Цзэдуна.

Ворон купился и встретил нас злорадным хриплым хихиканьем...

— Нешто устали, люди милицейские? А я-то, грешным делом, думал, что вас из железа куют, в ледяной воде закаляют, ни мечом, ни пулей таких не возьмёшь! Поняли теперича, недалёкие, с кем связались-то, а?

Мы молча вернулись на печь.

Посланник Кощея продолжил, как ему казалось, изгаляться над очередными неудачниками:

— Поди, со всех дубов сундуки посшибали? На башку ни одного не упало? А жаль, говорят, некоторые с того резко умнеют. Ну настока, чтоб понять — на Кощея пасть раскрывать не стоило, не по масти он вам,

борзота зелёная! Вы ещё под стол пешком ходили, половины букв не выговаривали, а он уже любого врага не силой, так хитростью на корню изводил! А? Ну? И? Чё скажешь-то, участковый?

— Какой матёрый человечище, — согласился я, доставая из кармана найденное яйцо.

Ворон спал с лица... с морды... с физиономии... Ну, в общем, с чего ему там положено спасть!

— Энто чё... это твоё?

— Нет, не моё, — чуть не покраснел я. — В лесу добыли. Оказывается, идти надо было не с медведем или соколом, а с обычной служебно-розыскной собакой. Митя в полчаса нашёл дуб, который ещё пах Кощеём.

— Не может того быть... ик?!

— Может, ибо, — серый волк весомо поднял вверх лапу, отогнув указательный палец, — господину твоему мыться почаще не мешало бы. А то разит кислым потом да запущенным алкоголизмом...

Говорящая птица переводила безумный взгляд с меня на Митю, с Мити на лес, с леса на золотистое яйцо в крапинку и никак не могла определиться с ответом. Ступор полный.

Я его не виню. Мы в милиции просто обязаны по службе уметь врать с каменным лицом. Больше трети преступников попадают в подобные ловушки и, махнув на всё рукой, сдаются под «неумолимым» напором самых слабеньких косвенных улик...

— Я всё про вас расскажу, — наконец всхлипнул Ворон, резко взмыл вверх и, хлопая крыльями, взял курс к солнышку.

— Догонять будем?

— Нет, — улыбнулся я, покусывая нижнюю губу. — Мы и так знаем, куда он полетел, нас будут ждать на Лысой горе. Но, как ты только что убедился, теперь у нас есть козырь в переговорах.

— Думаете, ежели ворон поверил, что яйцо настоящее, то и Кощей заботится?

— Понимаешь, ведь по большому счёту совершенно не важно, поверит Кощей в то, что это яйцо именно то самое, или не поверит. Главное, что он не будет знать наверняка. А вот захочет ли рисковать с таким раскладом...

Митяй многозначительно хмыкнул, а я спрятал яйцо в старый чугунок, прикрыв заслонкой.

Кощей был серьёзным противником, но предпочитал игру по своим правилам, никогда никуда не бросаясь очертя голову. Возможно, и свою легендарную кличку он получил не за то, что действительно обладал бессмертием как таковым, а за вековое умение выживать в любой ситуации.

Печь бодро несла нас назад к придорожному валуну, туда, где в избушке Бабы-яги осталась моя Олёнушка. От бесовки Василисы я особых сюрпризов не ждал, хотя бы потому, что сейчас мы и без того действовали согласно утверждённому Кощеем закулисному плану.

Он хотел, чтобы милиция разобралась с его старым конкурентом? Мы это сделали. Он хотел поржать над нами в своём однообразном Диснейленде? Мы съездили в его лес, посмотрели аттракцион с сундуками, вернулись. Он потребовал, чтоб я лично предстал перед ним с повинной головой, петлёй на шее и на коленях умолял отпустить двух пленниц? Ну всё, нарвался, мы идём!

Нас с Митей долго уговаривать не надо, лукошкинская опергруппа всегда была легка на подъём. Очень надеюсь, что ворон долетит первым, и до нашего приезда его подлейшество гражданин Бессмертный проведёт некоторое время как на иголках, лихорадочно вспоминая: а где, его в душу мать, точно стоит тот самый, подлинный дуб? Столько лет прошло, память-то не компьютерная...

— Никита Иванович, а вона и наши, — радостно взвыл Митяй, вставая на задние лапы и махая высунувшемся из окна дьяку.

Филимон Митрофанович делал страшное лицо, что-то кричал, ставил руки крестом и в общем-то именно своим неадекватным поведением спас нас от верной гибели.

— Поворачива-ай! Засада-а-а! Ша-ма-ха-ны-ы!!!

Ох, а вот о таком повороте сюжетной линии мы не договаривались.

Нам навстречу, уже не скрываясь, выскакивая из перелеска, несло не меньше сотни грозных азиатских всадников на низеньких степных лошадях. Свернуть по бездорожью значило бы раздолбать печь к чертям собачьим или застрять в каком-нибудь буераке.

Но и ударить по врагу всей массой, как по змеёнышам, тоже было невозможно: опытные в военном деле шамахань просто обошли бы нас со всех сторон и расстреляли из луков. Осталась бы посреди чиста поля брошенная Емелина печка, а на ней два «ёжика», утыканные стрелами.

Положение спас Митя. И не потому, что такой уж сообразительный, а просто инстинкты звериного тела взяли верх. Серый волк запрокинул голову к уходящему солнышку и протяжно завёл прощальную песню...

Не знаю, так или не так пел вожак Акела у Киплинга, но душераздирающие нотки волчьих переливов мгновенно отозвались генетическим сигналом опасности в лошадиных мозгах. Мите ответили ещё два, три, шесть волков со всей округи, и уже под их дружным хором шамаханские кони встали на дыбы, поскидывали на фиг верещащих

всадников и бросились наутёк во все стороны!

— Кавалерии можно не опасаться, — вытирая со лба холодный пот, пробормотал я. — Идём на избушку. Если кто пойдёт на abordаж, кусай его за нос без жалости!

— Яволь, герр полицай, — бодро рыкнул Митяй.

Вот научился же исполнять, а не обсуждать, удовлетворённо подумал я. Надо почаще его в Немецкую слободу отправлять, результат налицо.

Я встал у трубы, как на капитанском мостике, и минут через десять мы уже затормозили у избушки. По ходу движения в нас шесть или семь раз стреляли, но впопыхах и неудачно. На печь полез всего один безумный шамаханец, решивший поизображать легендарного героя.

Митяй цапнул его за руку с копьём, поймал, стянул штаны, отшлёпал тяжёлой волчьей лапой и в таком виде пустил мельтешить голым задом на природе. Если остальные это видели, то, разумеется, решили не лезть, а осуществить тактическое «выравнивание линии фронта». То есть просто позорное отступление.

Правда, ещё парочка шамаханских разведчиков спрыгнула с крыльца, сразу после чего на пороге возник грозный мститель думского приказа, размахивающий ногами, как лось копытами.

— Пошли вон, собаки! Вон из чужой хаты, прислужники фараоновы, Навуходоносоры косоглазые, Рамзесы отпирамиденные, Нероны филистимлянские, гусли вам под копчик!

Потом дьяк обернулся, сделал вид, будто только увидел нас, и демонстративно выпятил петушиную грудь, словно только что в одиночку выиграл Куликовскую битву.

— Ох ты ж, вот и милиция родная подросла. Когда надо, так нет её, не дождёшься! А стоит честному гражданину самому с преступными злодеями разобраться, дык они сразу тут как тут, набежали на готовенькое! Где ты опять шляешься-то, сыскной воевода?

— Куси, Мить.

— Эй, эй, эй, вы чего?! — Дьяк мгновенно сменил тон. — Совсем шуток не понимаете, что ли? Угрожают ещё... А я тут... может... живота не жалеючи...

— Олёна! — позвал я. Сердце замерло... — Где она?

— Увели, поганцы, — сквозь зубы бросил дьяк Груздев. — И чтоб ты знал, сыскной воевода, не особо-то она и сопротивлялась. Василиска толстая и то громче орала да брыкалась. А твоя сама пошла!

Я поднялся в избу, бегло осмотрел помещение и почувствовал, что земля вновь уплывает из-под ног. Мне слишком хорошо был известен

авантюрный характер моей милой супруги, чтобы поверить в тот наивный факт, будто бы она безропотно пошла, как овечка, куда повели.

Если уж она сама отправилась с шамаханами, значит, это могло быть только одно — Олёна решила лично разобраться с Кощеем. Глаза в глаза, один на один, лицо в лицо, просто подобравшись поближе, на расстояние прямого удара ножом...

— Дура, — тихо выругался я.

Конечно, она у меня очень храбрая, обучена драться, не боится получить пару синяков и умеет настоять на своём. Но даже приблизительно поверить в то, что ей удастся причинить сколько-нибудь серьёзный вред Кощею, ох...

Олёна у меня девушка горячая, импульсивная, но своего бывшего хозяина она знает как облупленного. Нет, не будет никто бросаться на Кощея с целью задушить его, зарезать или выцарапать глаза. Он слишком опасен и убьёт, не задумываясь ни на миг!

И я точно знал, что ему доставит удовольствие любая попытка нападения, лишь бы сломать тонкую шейку бывшей бесовке в порядке законной «самообороны». Просто из банальной мести за то, что она ушла от него и вернулась к людям. Олёна не может этого не понимать. Тогда почему же?!

— Да просто потому, что любит тебя, — сам себе сказал я, наконец-то признавая очевидное.

Она элементарно боялась, что если останется здесь, то её жизнь могут использовать для того, чтобы убедить меня сдаться шамаханам. Предпочла рискнуть собой, но не ставить под удар меня.

Моя жена знает, как играть с Кощеем Кирдыкбабаевичем на его же поле, а значит, и он не станет сразу её убивать, дожждётся меня, усилив свои позиции на переговорах. Если теперь у него в плену Баба-яга, Маняша и Олёна, у меня нет другого выхода, кроме как приползти к нему на коленях с поднятыми руками...

— Ну это его мнение, — на миг призадумался я, поскрёбывая отросшую щетину на подбородке. — Время к ночи. Мы не пойдём по темноте на Кощея, пусть подождёт, понервничает, плохо поспит. Утром пообщаемся на свежую голову. А сейчас...

Дьяк и Митя сидели рядышком на печке, любясь закатом. Мирно, лирично, пасторально, но, думаю, у нас на сегодня другие планы. По крайней мере, на сегодняшний вечер.

— Общий сбор, — скомандовал я, выходя на крыльцо. — Филимон Митрофанович, сможете оказать помощь милиции?

— Дык энто смотря чё делать, чё мне за это будет и как уговаривать станешь...

— Нужно просто посидеть в бабкиной избушке, посторожить помещение. Не очень трудно?

— А энто уже как поглядеть, — начал выкобениваться дьяк. — С каким коленкором подойти, с какого боку под подол заглянуть. Вот ежели, к примеру, вдруг...

— Влеплю пятнадцать суток. Будете с утра до вечера в Лукошкине улицы подметать. И жалуйтесь хоть в Брюссель, хоть в Гаагу!

— Вот есть же в тебе дар красноречия, участковый, когда надо, ты и покойника уболтаешь, — изо всех сил щербато улыбнулся гражданин Груздев. — А мы милиции любимой завсегда помочь готовы! Нас и просить не надо, мы сами со всей энтой... душой... до полной готовности!

— Так, спасибо, всё. Митя? Собирайся, едем.

— Куда прикажете? — с готовностью подорвался он, изображая служебную овчарку.

— На тот самый постоянный двор, где вы потеряли царя с царицей.

— Так ночь на носу.

— Некоторые дела лучше делать в темноте. Например, диверсии...

— А это вроде как гадить под дверью в тапки? — догадался Митяй.

Он знает, о чём говорит, ему бабкин кот не один раз такие диверсии устраивал. Крику потом было-о, ору-у, воплей и игры в догонялки с веником...

Но в принципе если в нашу задачу входит тихий несанкционированный обыск постоянного двора, то лучшего помощника, чем серый хищник, трудно себе представить. Он и вынюхает, и раскопает, а если надо, и на своём горбу двоих сразу унесёт.

Митя, как человек, был парень очень не слабый, кирпичи на спор о колено ломал, оглоблей вензеля выписывал, пятаки на спор гнул. Правда, спорили с ним немногие, поскольку гнутый пятак этот хитрец забирал себе, но на ярмарках или больших праздниках всегда находилась парочка лохов, желающих «сыграть с деревенщиной». Местные-то быстро учились, и в этом плане стабильного левого заработка у нашего сотрудника не было...

— Дорогу помнишь?

— А то! — Он гордо постучал лапой по пушистой груди и чихнул. — Ой, кажись, линять начал...

Я знал, что у меня нет аллергии на шерсть животных, но всё равно пересел подальше.

Печь выслушала предложенный Митей маршрут, дождалась, пока мы

покидаем в неё весь небольшой запас дров, найденных в избушке, отдышалась и с весёлым огоньком пошла вперёд.

Не буду отвлекаться на описание нашей дороги, думаю, это вряд ли кому-то так уж всерьёз интересно. Лес как лес, смешанный. Где-то густой, где-то не очень. Прохладно. В лесу вообще температура ниже, чем в поле, но, пока печка грела, всё в порядке, надеюсь, не простужусь.

Ночь наступила довольно быстро. Не успели мы доехать, а кругом уже темно. Ворота, естественно, закрыты.

На самом постоялом дворе (один большой дом и три хозяйственные постройки) не светилось ни одного окна. За забором сонно погавкали сторожевые псы. По лаю и запаху Митя насчитал трёх. Не какие-нибудь безобидные дворняжки, а волкодавы со стажем. Небось ещё и на людей науськаны.

Те, кто живёт вдали от больших городов и в непосредственной близости к купеческим трактам, на собственной безопасности не экономят. По лесам да полям у нас шляется немало лихих людишек. Так что, если хочешь держать в таком месте постоянный двор, образно выражаясь, «учись по-волчьи выть». Без этого никуда.

— Тормозим здесь, — тихо приказал я.

Печь послушно встала в десяти шагах от ворот за придорожными кустами, прячась в орешнике, как большой белый слон в индийских джунглях.

— Я отвлеку собак и хозяев. А ты обойди территорию по кругу и, если убедишься, что царь с царицей за периметр не выходили, дай мне знать.

— Повыть? — сообразил он.

— Да, один раз, длинно и протяжно, — прикинул я. — Буду в курсе — они всё ещё где-то там. В этом случае сигаай через забор и ищи. Я постучу в ворота, попрошусь как будто бы в туалет, и попробуем вместе их вытащить. Вопросы есть?

— Один.

— По существу или на отвлечённую тему?

— Не знаю. Ежели спросить, скока вы меня, сироту недокормленную, ещё мучить будете, энто какой вопрос?

— Это риторический.

— Стало быть, без ответа.

— Иди уже, выполняя задание. — Я подпихнул волка коленом под хвост.

Что тут попишешь, понимаю, что нельзя столько времени держать парня на голодном пайке, но помочь пока ничем не могу. Разрешить ему

жрать сырое мясо, как волку, по этическим причинам невозможно. Кормить человеческой едой также невозможно, хотя причина куда прозаичнее. Её нет.

— Если на постоялом дворе будет открыта кухня, обещаю стянуть для тебя горбушку хлеба. Ну или что там получится...

— Храни вас Господь за душу вашу светлую и доброту безразмерную, — едва не прослезился Митя и бодрой волчьей трусцой пустился вдоль забора.

Ну а я, не тратя лишнего времени, подошёл к воротам и крепко саданул по ним ногой. Сторожевые собаки честно показали, что не зря едят свой «Педигри» или что там рекламировали на нашем телевидении в далёком будущем. Короче, они подняли такой лай, будто на постоянный двор сам хан Батый с баскаками из Золотой Орды за данью приехал!

Меньше чем через пару минут в доме загорелись огни, по территории забегали люди, и встречали меня уже как положено — с вилами, факелами, дрекольем, старенькими ружьями и медвежьими рогатинами. Значит, уважают. Это правильно.

— Добрый вечер, граждане, — громко начал я, потому что есть ситуации, когда лучше говорить первым. — Вы будете смеяться, но я глава Лукошкинского отделения милиции.

— Ага-а. — Мужики дружно выдохнули и замахнулись.

— Нет! Никого арестовывать я не буду. Просто зашёл переночевать. Вы не против?

Мужики переглянулись, вилы не опустили, но выражение лиц (бандитских рож) сменилось с решительного на растерянное. Потом самый бородастый выдвинулся вперёд, прокашлялся в кулак и кивнул:

— Мы милицию уважаем. Свободную горницу найдём. Чай, ночлега-то с собой никто не возит, верно?

Я не очень понял, что он имел в виду. Главным было другое — меня пропустили в дом.

Из-за забора раздался тоскливый волчий вой. Спасибо, Мить. Значит, они всё-таки здесь, и очень надеюсь, что живы. Потому что если нет... Я просто включу механизм какого-нибудь Рембо, взорву здесь всё и уйду по кромке дымящегося котлована!

А пока я позволил отвести себя (ну то есть был под охраной доставлен) в гостевую комнату с одной кроватью, одним табуретом, без окон, с одной чадающей лампадкой в углу под столь закопчённой иконой, что уже было невозможно разобрать, кто на ней изображён. Не гостиничный номер, а какая-то грязная келья. Антисанитария ужасающая...

— Отдыхай, сыскной воевода, — глухо пробасил хозяин, тот самый бородатый тип. — Чаю перед сном не желаешь ли откушать?

— Отчего ж? Откушаю всенепременно, — в столь же вежливой манере ответил я, изо всех сил стараясь казаться беззаботным.

Буквально по щелчку пальцев прямо из-под земли возник расторопный половой (это официант, не подумайте ничего такого), поставив передо мной на табурет дымящуюся кружку чая и два жёлтых кусочка сахара. Буквально бьющий по ноздрям запах дурман-травы с валерьяной и пустырником не узнать было невозможно.

— Доброй ночи, участковый...

Дверь за моей спиной захлопнулась.

Я обратил внимание, что изнутри никаких запоров не было — ни замка, ни крючка, ни засова. Очень удобно. Я одним махом вылил так называемый чай под кровать и выставил пустую кружку за порог. Пусть знают, что она опустела, и думают, что всё идёт по плану. По их плану, разумеется.

Ну а мы с Митей внесём кое-какие коррективы. Для начала я уложил тот же табурет на кровать и накрыл его лоскутным одеялом. Обмануться можно было лишь в полной темноте или с большого бодуна, но это лучше, чем совсем ничего.

Мне оставалось лишь потушить свечку, вооружиться старой иконой и ждать. Кстати, не очень долго. Возможно, в чае был убойный запас снотворного или же исполнителю просто хотелось побыстрее со всем покончить и самому лечь спать, но буквально минут через десять — пятнадцать раздались мягкие, чуть слышные шаги по скрипучему полу.

Дверь бесшумно приоткрылась, в комнату скользнул силуэт высокого мужчины с бородкой клинышком. Некто шагнул к кровати, на ходу вытаскивая из рукава узкий длинный нож. Удар в табурет пришёлся со всего маху...

— Это чёй-то? — неуверенно спросил нападающий скорее у самого себя.

— Это тебя Бог наказал, — весомо ответил я, опуская иконную доску на затылок убийцы.

Икона устояла, человек с ножом нет. Осмотрев негодяя, я убедился, что хозяин постоянного двора не гнушается грязной работой и готов всё делать сам, своими руками. Похвальное качество, но, увы, и ответственность за любой косяк переложить на кого-либо уже не получится.

— Полежи тут на моём месте, — вежливо предложил я, закатывая тяжёлого мужика под кровать и ставя табурет на место. — А мы пока

немножко подышим воздухом, ну и чуть-чуть, без ордера на обыск, осмотрим помещение. Вы не против? Молчание — знак согласия.

Мне удалось очень осторожно покинуть комнату, пройти коридором и спуститься вниз. Пара домочадцев или слуг (не знаю, не уверен) дрыхла внизу, в большой зале, на лавках. Разумеется, их я трогать не стал. Нашёл висящую на гвоздике связку ключей и прихватил её с собой на всякий случай.

Никакого подходящего оружия, кроме ножей и топоров, видно не было. Да, собственно, мне оно и не нужно, не за тем пришёл. Я пробрался в сени, чудом ничего не свалил и, отодвинув засов, вышел во двор. Никого. Ну разве что кроме...

Один из цепных псов поднял голову, одарив меня сонным взглядом, что-то тихо твякнул для порядка, а остальные даже не проснулись. Самый бдительный тоже счёл свой долг исполненным, типа раз я вышел из дома и хожу по двору, значит, мне можно. Положил морду на лапы и захрапел так, что луна над теремом закачалась.

Я тихо прошёл за дом, где был остановлен едва слышным свистом сквозь зубы.

— Митя?

— Я, Никита Иванович, — шёпотом откликнулся он, даже носа не высовывая из-под какого-то заборчика. — Тут они! И царь и царица, оба живы-здоровы, только ровно опоенные чем-то. Сидят рядком, гугукают, слюну пускают...

— Показывай, — приказал я. Серый волк мигом сопровождал меня к крохотному сарайчику в самом дальнем углу. — А замок-то новый. Интересно, что же там хранят? Ну, кроме двух монарших особ, не в курсе?

— Я в щёлочку глядел, темно, но кой-чего видно.

— И что?

— Лопаты, вилы, грабли, инструмент мелкий да мусор всякий. Ничё полезного!

— Думаешь, это они специально новый замок с петлями поставили? — призадумался я, перебирая ключи. — Вот поймали двух болтунов в коронах и только ради них сарай благоустроили?

Замок мягко щёлкнул после третьего поворота ключа.

Я осторожно протиснулся внутрь сарайчика. Митя не соврал, Горох с Лидией Адольфиной действительно были здесь, правда, толку от них обоих было не больше, чем от перезрелой тыквы на грядке. Натуральные овощи, а не люди...

— Скорее всего мне предлагалось то же самое лекарство,

успокоительное, для хорошего сна. Так, выводил их по одному.

— А вы?

— А я ещё осмотрюсь...

Пока Митяй, как мог, возился с нашим царём, я попытался бегло осмотреть помещение. Скрытый люк в полу был обнаружен на второй минуте под пыльной мешковиной, свежими досками и полуразвалившимися детскими санками. Внизу, в подполе, было темно, как у дядюшки Римуса в... прошу простить за некорректность.

Я рискнул прыгнуть вниз. Под моими ногами зазвенели монеты...

— Разбойничий схрон, — пробормотал я, шаря руками.

Кроме россыпи денег здесь была ещё куча мехов, дорогих (полагаю) одежд, какие-то ювелирные украшения, обувь, то есть всё то, что можно было снять с трупов.

Вполне достаточно для любого суда. В Лукошкине с такими разбойниками не церемонятся — либо плаха, либо каторга. И ещё неизвестно, что милосерднее...

— Всё, Мить, уходим, — тихо прошептал я, вылезая из подпола и выходя во двор. — Мы сюда попозже с еремеевцами вернёмся — и весь этот змеиный клубок по этапу в Магадан!

— Вы чё шепчетесь, Никита Иванович? — спокойно обернулся ко мне серый волк. — Говорите нормально, чего уж там...

Я не сразу осознал, что вокруг сарая толпой стоят те же мужики-разбойники с вилами в руках, а их предводитель держится за голову, покачиваясь из стороны в сторону, как нетрезвый гаишник за МКАДом на Новый год.

Получается, я слабо его приложил, таких надо бить чем-нибудь вроде телеграфного столба или хотя бы наковальни. Ладно, в следующий раз так и поступлю.

— Куда собрался, участковый? — прорычал хозяин постоянного двора. — Кладбище у нас вон в той стороне.

— Спасибо, учту, — поблагодарил я, сжимая кулаки.

— Лучше сам сдайся, нас вона сколько, а ты один!

— Это кто-то тут на нас с Никитой Ивановичем тявкает?! — Грозно вздыбив шерсть, рядом со мной встал серый волк с праздничным оскалом зубов от уха до уха.

— Куси его, — приказал бородатый гад, и по его кивку трое цепных псов, ворча, вышли вперёд, поигрывая мускулами. Митя недолго думая укрылся за моей спиной. — А теперича чё, а?

Я молчал, не веря своим глазам. Собственно, если бы эта банда хоть на

миг додумалась обернуться и посмотреть, что происходит у них в тылу...

— Побойтесь гнева божьего, содомиты! — громогласным фальцетом, срывающимся на ультразвук, взвыл дьяк Груздев, высовываясь из окна избушки с бабкиной метлой. — Кто тут на милицию любимую зубом цыкает, ась?!

Грозно пыхтящая избушка Бабы-яги, видимо, просто по-цыплячьи перепрыгнула забор и теперь рыла землю левой куриной лапой. Не хватало только искры зажигания...

— Вот эти все плохие, — тихо, по-подлому, сдал всех Митя. — А мы хорошие, вы же нас знаете, Филимон Митрофанович?! Мы без повода никого не заарестовываем.

Ошарашенные мужики-разбойники дружно перекрестились. На мгновение мне даже показалось, что избушка качнула крышей. Ну а потом началось то, что в Библии традиционно принято называть избиением младенцев.

Готов поверить, что на постоялом дворе хозяйничали не самые трусливые дядьки, да и в целом лиходейское дело на Руси во все времена требовало немалой отваги, силы и удалства. Без этого на наших широких и многонациональных просторах иначе просто не получится. Конкуренция велика, и вообще бандитизм требует самоотдачи...

Короче, драться эти типы умели, и в открытом бою при сложившихся пропорциях сил я бы на всю нашу команду и ломаного гроша не поставил. Даже при условии, что серый волк дрался за троих, нас бы гарантированно размазали вдоль забора и запретили соскабливать в назидание следующим поколениям. Но драться против избы на курьих ногах — это сродни самоубийству.

— Дави их, курица легавая! — вопил гражданин Груздев, возмнив себя то ли адмиралом Нельсоном, то ли маршалом Жуковым. — Ногой его бей, ногой! Ага-а! Улетел к звёздам неведомым внеземную жизнь искать?! Да чтоб ты, харя бандитская, там лбом о престол Господень треснулся и на пажити отчие за покаянием возвернулся с вот такенной-то высоты с обосрамлёнными штанами да в осиное гнездо! Я ить не посмотрю, что энто частная территория, за царя любимого да матушку царицу симпатичную таких кренделей навешаю! Чужой ногой-то жалко, что ль?!

Избушка Бабы-яги дралась так, словно лет пятнадцать монашествовала где-нибудь в Северном Шаолине. На ответные удары по корпусу лопатой или вилами не реагировала, но за случайное попадание топором по куриному пальцу практически закопала одного храбреца по пояс.

Хозяин постоянного двора был выкинут за забор и, судя по рёву, упал на любопытствующего (а чей-то вы тут, люди добрые, делаете?) медведя. По крайней мере, судя по царапинам на роже, явно медвежьи лапы перекинули нам его назад, помятого, как банка из-под пива.

После чего оставшиеся шестеро холопов дружно прекратили сопротивление и сдались на милость властям. Не подумайте, что без боя! На своих ногах, покачиваясь, держались лишь двое, остальные умоляли отпустить их в тюрьму, лёжа в разных позах сложной йоги. Очень сложной...

Тащить их в город не было ни времени, ни желания, поэтому всю банду, кроме куда-то уползшего хозяина, пришлось отправить под арест в тот же подвал. Их это устраивало, нас тоже, ключи всё равно были у меня. Когда вернусь, выпущу. То есть если вернусь...

Щёлкнув замком, я обернулся к дьяку, который уже добрых пять минут пытался утихомирить разбушевавшуюся избушку. Пришлось вмешаться и повысить голос:

— А ну, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом! И... спасибо за службу!

Бабкина изба замерла. Потом неуверенно шагнула ко мне, словно бы для того, чтобы лучше слышать. Похоже, похвал в свой адрес она достаивалась нечасто.

— Равняйся! Смир-на!

Избушка подчинялась моим приказам с похвальной армейской выправкой выпускника Суворовского училища. Видимо, в своё время у Бабы-яги был роман с каким-нибудь прапорщиком, который в промежутках между поестъ — попить — попариться в баньке скуки ради выдрессировал конкретную жилплощадь.

— Принять на борт царя с царицей!

— Слушаюсь, ваш... сыскн... мент... благомордие! — браво отрапортовал дьяк, появляясь на крыльце и протягивая руку государыне.

Лидия Адольфина, всё ещё покачиваясь от отравления, тем не менее сама взошла по крыльцу:

— Ты есть очень подозрительный мне тип. Ты служить и нашим, и вашим, и своим, и их, и всем. Я на тебя — бдить...

— Без ножа режешь слугу верного, — сокрушённо покачал головой гражданин Груздев, ни капельки не испугавшись.

Горох тоскливо посмотрел мне в глаза:

— Сам-то куда, Никита Иванович?

— С ответным визитом на Лысую гору. Один проживающий там

гражданин действительно оказался Бессмертным.

— Понятно, справишься ли без войска?

— Справлюсь. В конце концов, мы уже не раз сыпали Кощею пестицидов в малиновое варенье.

— С тобой на битву хочу, — пробормотал он, пошатываясь. — Чем же меня опоили тут, сукины дети? Голова трещит, как с недельной похмелюги, и ноги не держат...

— Езжайте, не волнуйтесь за нас. Вам Лукошкино поднимать надо. Боюсь, что за время нашего отсутствия бояре совсем запустили город.

— Да уж, ни царя, ни тебя, ни Яги, ни даже твоих еремеевцев. — Горох по-братски обнял меня за плечи. — Выручай, сыскной воевода. Но, главное дело, живым вернись, куда ж нам без твоей милиции...

Я помог ему подняться по ступенькам, дал отмашку дьяку поднять лестницу и вновь обратился к избушке:

— В Лукошкино, на территорию вверенного мне милицейского отделения, шагом марш!

Дверь захлопнулась. Изба повернулась на пятках и, высоко поднимая ногу, как солдаты почётного караула, пошла к воротам. Правда, перепрыгнула она их по-куриному нескладно, после чего скрылась в ночном лесу. Но ей можно доверять, доставит кого следует и куда следует точно в срок, с максимальным комфортом и безопасностью. Так, ну что ж, нам тоже пора...

— Мить? Митя-а!

Тишина. И никакого серого волка за моей спиной нет, хотя, кажется, вот только-только здесь вертелся. Ладно, пусть догоняет, ещё б я за ним бегал. И действительно, стоило мне дойти до ворот, как сзади раздался топот и тяжёлое дыхание.

Мой хитромордый напарник прыгал за мной на задних лапах, как австралийский кенгуру, а в передних сжимал здоровенную корзину, набитую колбасой, хлебом, окороками и чем-то ещё вкусно пахнущим с Черкизовского мясокомбината.

— Простите великодушно! Я тут подумал какую-никакую провизию в дорогу у хозяев прикупить али выпросить за Христа ради.

— Но не нашёл у кого?

— Отчего ж, очень даже нашёл! — праведно возмутился он, делая самые невинные глаза. — Самого хозяина поймал, к стенке прижал, за бороду взял, спросил вежливенько. Он мне и говорит: да не проблема, берите, что хотите, для вас ничего не жалко! Рубаху последнюю отдать обещался, не верите?

— Верю, Мить, верю, — согласился я.

Ему и в человеческом образе редко кто в просьбе отказывал, а уж в волчьем облике он вообще неотразимо убедителен. А вы сами пытались хоть когда-нибудь спорить нос к носу с говорящим волком полтора метра в холке? Вот именно, дураков нет.

— Надеюсь, ты не обещал ему крышевание, льготы в налогообложении и спускание на тормозах судебного преследования за воровство, грабёж и попытки сопротивления милиции?

— Ни боже мой, Никита Иванович! Наоборот, всё, что вы сейчас тут мне научно изложили, я ему доходчиво, самыми простыми словами, без грубостей на ушко объяснил.

— Точно без грубостей?

— Точно! Правда, матом.

Я пожал плечами. Содержательная часть истории на этом всё равно заканчивается, возвращаться и извиняться за поведение своего младшего сотрудника мне лень. И, честно говоря, я очень сомневаюсь, что в наш следующий визит на этот постоянный двор мы хоть кого-нибудь здесь застанем. Разве что разруху и запустение...

Поели мы уже на печи. Митька быстренько притащил в зубах пару сухих берёзок, длинных, как крысиный хвост. Я поломал их о колено, забросил в печь, и через полчаса мы вовсю трескали разогретый окорок, печёные яйца и тёплый хлеб. Лепота-а!

Серый волк набрал всего с запасом, говорит, даже бутыль самогона из негосударственной винокурни собирался захватить, но побоялся, что заругаю.

— И правильно сделал. Пока мы на задании, ни капли алкоголя. Вот разберёмся с Кощеем, вернёмся с победой в родное Лукошкино, сядем всей опергруппой за стол в отделении и уж тогда...

— Отведём душу?

— Обязательно. Сам налью.

— А медаль? Не славы ради, не для себя ж, тока для...

— Я помню, Мить, для маменьки, чтоб перед соседками гордиться. Один ты у неё, а вон каким человеком стал. Договорились, выпрошу для тебя медаль. Какую-нибудь посолиднее, типа «За заслуги перед Отечеством». Пойдёт?

— А можно две?

— Хоть три! Кстати, а что ты всё-таки решил насчёт Маняши с коровой? Девушки любят героев с блестяшками на груди.

— Не надо медали. — Митя решительно дал задний ход и,

свернувшись калачиком на тёплой печи, демонстративно захрапел.

Я тоже, честно говоря, за сегодня намотался, а вставать уже часа через три-четыре. Попросил печь взять курс на Лысую гору, привалился спиной к тёплому волчьему боку и уснул так, словно меня бейсбольной битой по затылку вырубил. Во сне меня поцеловала Олёна, и я проснулся.

Извините, больше рассказать нечего. Казалось, меня разбудили практически в ту же минуту, что я и уснул. Вот только-только прилёт — и сразу нате вам, рота, подъём, труба зовёт, на плац, генерал с проверкой приехал, а у нас трава не покрашена!

Уже вовсю рассвело, часов шесть или семь утра. Довольно прохладно, кстати, если б не волчий мех, мог бы замёрзнуть. Да, кстати, нос и замёрз. Так ещё чуть-чуть, и рассопливиться недолго. А что? Пойду к Кощею, обчихаю ему весь дом и до икоты напугаю вирусами!

Митя тоже встал, хоть и зевал так, словно в цирке выступать собрался дублёром льва. Ну помните, когда дрессировщик суёт ему свою лысую голову в пасть, а бедный лев аж жмурится от брезгливости...

Я с огромным трудом удержался от ответного зевания, как вы знаете, это заразно.

— Мить, а чего тишина такая?

— Ну... рассвет. Кому орать-то?

— Я имею в виду, что даже птицы не поют. Это подозрительно, не находишь?

— Ох, Никита Иванович, всё-то у вас подозрительно, — сокрушённо помотал башкой серый волк. — А вот я так слышу шум всякий!

— Где?

— Да у нас за спиною, — не оборачиваясь, подтвердил он. — Вроде как железо бряцает, зубы скрипят и вполголоса раздаётся что-то на шамаханском.

— Ты уверен? — вздрогнул я.

Митяй покосился на меня, стряхнул последние остатки сна и осторожно кивнул. Мы, не сговариваясь, обернулись. Мама родная...

Во-первых, печка уже привезла нас на Лысую гору. Во-вторых, даже не подумала предупредить, что мы прибыли и нас встречают. Но хуже всего, что буквально в трёх шагах от нас тихо рычала от ярости свора шамаханцев.

Оказывается, Емелина печка не просто привезла нас на Лысую гору, но ещё и встала лоб в лоб с новыми чугунными воротами с кованым готическим узором, напрочь закупорив как нам вход, так и им выход.

— И чё теперь? — философски спросил серый волк, покачивая

хвостом направо-налево. — Ежели вперёд пойдём, сами к шамаханам въедем, ежели назад сдадим, они на нас толпой навалятся. Как это бишь называется-то? Патовая ситуация?

— Как-то так, — зевая, согласился я. — Но знаешь, по-моему, на данный момент это не наша проблема. Подождём, что скажет хозяин дома.

В тот же момент мимо моего уха просвистела стрела. Мы оба, не дожидаясь худшего, прыгнули вниз, прячась за печку.

— Через решётку стрелять наострились, суслики узкоглазые, — прорычал Митяй, возбуждённо потирая лапы. — Ну всё, вы нарвались, не говорите потом, что это я первым начал...

Прямо на моих глазах он сунул лапу куда-то вниз, под печку, выдвинул шатающийся кирпич и достал из-под него спрятанную бутылку самогона.

— Прощения просим, Никита Иванович, отец родной, а тока коли б я вам всегда всю правду рассказывал, то и двух денёчков отделение наше не простояло бы. А ежели где и соврал, так за-ради блага дела! Вот как и сейчас...

Он обернул бутылку какой-то грязной тряпицей, выскочил вперёд, сунул её в печь и, как только тряпка вспыхнула с краю, храбро зашвырнул бутылку прямо под ворота. Семидесятиградусный сельский самогон с постоянного двора взорвался противотанковой гранатой!

Пол за воротами вспыхнул весёлым синим пламенем, а шамаханы во всём своём живописно-меховом тряпье в считанные секунды превратились в хаотично бегающие факелы. И им нескучно, и нам можно вздохнуть посвободнее. Примерно через пару минуту всё, естественно, выгорело, но шамаханской стражи у ворот больше не было. Резко поумнели...

— Эй, участковый! Ты, что ль? Выходи пред очи мои грозные, трус несчастный!

— Знакомый голос, — подмигнул мне Митя. — Идите, что ж, раз так зовут. А Кощею Кирдыкбабаевичу от меня привет и низкий поклон. Тока на узкой дорожке пущай более не попадается. Чую, что как волк я очень кости погрызть люблю!

Ободряюще похлопав нашего младшего сотрудника по загривку, я выпрямился и вышел из-за печки. За слегка подкоптелыми воротами стоял Кощей Бессмертный, живой-здоровый, даже с лёгким румянцем на впалых щёчках. На голове золочёная корона, на поясе меч, одет в воронёные доспехи то ли германского, то ли английского образца, не очень в этом разбираюсь.

Очень похожи на те, в которых он был у речки Смородины, когда пытался шантажом вернуть нам двоюродную сестру государя, а взамен

получить ржавый меч Бовы-королевича. Что из этого вышло, надеюсь, никому повторять не надо.

За спиной Кощея стояло с десятков мертвецов в почти таких же чёрных доспехах. Нечто среднее между ходячим скелетом и молчаливым зомби, но мы таких уже видели и даже били не раз. Так что психологического давления не получилось, не стоило и пытаться...

— Какая встреча, — широко улыбнулся гражданин Бессмертный, распахивая дружеские объятия. — Давай, что ль, обнимемся на прощанье, враг закадычный! Только печку в сторону отгони.

— Зачем? — не вдаваясь в лишние суесловия, спросил я.

— Так ворота же открыть надобно.

— А мы тут при чём? Ваши ворота, вы и открывайте.

— Не могу, — скрипнул зубом главный преступник современности, стараясь по-прежнему держать улыбку западного образца. — Ремонт сделал, вход новый, коридорчик под ключ. Для экономии пригласил бригаду тружеников из Средней Азии, а они, шайтановы дети, ворота установили с открытием наружу, а не вовнутрь.

— О, гастарбайтеры, понимаю, где-то даже чуть-чуть сочувствую.

— Ну так говорю же, чурбан милицейский, сдвинь печку, выйти невозможно.

— А зачем вам сюда выходить?

— Башку тебе свернуть, идиоту! — не выдержал Кощей, он вообще страдает нервными срывами. — Да чего я тя уговариваю?! Щас как колдану разок, и полетишь ты со своей печкой аж до Индийского океану! Будешь там раджам на слонах правила дорожного движения регулировать. А ну?!

Гражданин Бессмертный пробормотал себе под нос два произносимых слова (две гласных на восемь согласных без мягкого знака) и резко выбросил руки вперёд. С кончиков его пальцев сорвалась здоровенная шаровая молния и всей мощью ударила в ворота!

Я толком даже зажмуриться не успел. От жуткого грохота уши заложило, но, когда дым и гарь рассеялись, оказалось, что ворота ни на сантиметр не прогнулись. Зато вся Кощеева гвардия лежала вверх ногами, да и сам он, похоже, изрядно словил рикошетом.

— Забыл совсем, — осторожно щупая помятую корону на голове, выдохнул гражданин Бессмертный. — Я ж сам поставил заклятие от всех заклятий! Ну чтоб враги тайные да явные ворота мои чародейством супротивным не открыли.

— Ясно.

— Чего те ясно, злыдень милицейский?! Печь свою дурацкую убери,

кому говорят! Ить ни войти, ни выйти!

— Вы, пожалуйста, на нашу чудесную печку-матушку не наезжайте, — тоном кота Матроскина, говорящего о любимой корове, протянул я. — Она у нас хоть и добрая, но не так давно целое змеиное войско под асфальт закатала. Рекомендую не провоцировать.

— Ах так? Ах вот ты, значит, как?! — не на шутку обиделся Кощей Бессмертный. — Да знаешь ли ты, смерд на гособеспечении, какая мне сила дадена? Я ж одним щелчком печь твою по кирпичикам разбросаю!

Ну-ну... как говорится, кто я такой, чтоб с ним спорить? Пусть попробует, мне не жалко, печке не больно, всем интересно. Наш главный преступник осторожно просунул правую руку через решётку по самый локоть, дотянулся до печи и изо всех сил отвесил ей звонкий щелбан! Вверх взлетело облачко побелки...

— Ай-я-а!.. Больно-то как, сволочь твердолобая-а... Сука ты, а не участковый!

— Хм, я-то тут при чём? Это вы грозились щелчком печку разнести по кирпичику.

— А чё ты мне не сказал, что она твёрдая?!

— А вы не знали? — не поверил я, и Кощей понял, что выглядит идиотом.

— Ну всё, кирдык тебе, сыскной воевода. Я её просто сдвину, ворота открою, а тебя... Не знаю, чё с тобой сделаю...

— Мне подождать, пока придумаете, или вам посоветоваться надо?

— Э-ге-гей! — как-то очень двусмысленно крикнул гражданин Бессмертный, изображая былинного богатыря и упираясь в печь обеими руками. — Я еду-еду, не свищу, а как наеду — не спущу!

Он так напрягался минут пять. Менял позы, скользил ногами по полу, падал, поднимался, толкал печь с упором на коленях и в конце концов рухнул чёрной грудой металлолома.

— Ну что, спустили?

— Чего?

— Не знаю, пар, наверное. Вы же обещали: «Как наеду — не спущу». Наехали?

— Говорю ж, сука ты...

— Повыражайтесь мне тут! — рявкнул я и, невольно почувствовав спиртной запах, дёрнулся. — Да вы что, ещё и пили?!

— Врёшь, собака милицейская, совсем нюх потерял, — устало огрызнулся Кощей, даже не делая попыток подняться. — С твоей стороны самогонкой тянет! Уже и на службе пьёшь, а? Ни стыда, ни совести у

людей...

Я уже открыл рот для гневной отповеди, призывая хоть того же Митьку в свидетели, и...

И, собственно, впервые за всё это время задался вопросом: а где у меня тут вообще Митя? Он же с момента появления гражданина Бессмертного вообще ни разу не проявился, голоса не подал, не очень на него похоже, верно?

— Твою же дивизию...

Я забежал за Емелину печь и ахнул — на песке валялась пустая бутылка, один в один единоутробная сестра той, что геройски погибла, разбившись о пол под ногами шамаханов. То есть этот прощелыга спёр не одну бутылку, а две, после чего нагло врал мне в лицо! Пристрелю...

— Ах ты, псина нетрезвая, — хрипло прорычал я. — До пенсии у меня будешь в трубочку дышать по утрам и вечерам, даже во сне, я тебе её знаешь куда вставлю?! Угадай с одного раза!

На песке за печкой была чётко видна вихляющая цепочка следов, уходящая от Лысой горы к ближайшему перелеску. Догонять его не было ни смысла, ни толку, ни желания.

Правду Яга говорила: если у Митьки есть слабое место, то это нездоровая тяга к выпивке. Причём он ведь у нас не алкоголик какой, мы его контролируем, но... Вот так бывает, дорвётся на халяву, и всё, и только клади его, никакушного, в поруб до утреннего протрезвления, а сейчас с воспитательными речами под руку лучше не лезть. Тем более если он уже не первый день в волчьей шкуре, на нервах и практически предоставлен сам себе.

— Убедился? — мрачно, но без злорадства встретил меня Кощей, уже вставший на ноги и даже принявший, насколько возможно, горделивую позу.

— Да. Приношу свои извинения за... — Я вовремя остановился. — А, собственно, за что мне извиняться-то? За то, что вы с дружкой вашим, змееголовым, моего младшего сотрудника в серого волка превратили?! За то, что теперь он где-то по лесу в пьяном виде медведицам подол задирает? Да я вам за такие вещи...

— Пятнадцать суток впаяешь? Хи-хи!

— Я вам яйцо разобью.

— Лицо? — переспросил Кощей.

— Хуже, — честно предупредил я.

— Ой-ой, спасите, меня дяденька-милиционер сейчас заберёт... бу-га-га!

Я мысленно сосчитал до десяти, унял бушующую в груди праведную ярость и спокойно спросил:

— К вам сюда случайно ворон не залетал?

— Случайно? Нет, — с непередаваемым сарказмом в голосе откликнулся Кощей Бессмертный. — Он же ко мне специально прилетел, сволоочь пернатая, чтоб сказать, что ты там какое-то яйцо непонятное нашёл.

— Не какое-то, а...

— Врёшь!

— Проверим? — Я сдвинул заслонку и достал из чугунка припрятанное яйцо.

То самое, что было нами найдено. Положил его на печку, взял тот же чугунок, размахнулся и...

Кощей с таким воплем кинулся на ворота, что у меня сердце дрогнуло.

— Помилуй, участковый! Не губи! Отпусти душу на покаяние! Всё, что хочешь, для тебя сделаю! Только по яйцу не бей!

На мгновение я почувствовал себя очень испорченным мальчишкой, потому что у мужика тут горе и он не вполне свои слова контролирует. Тем более что, по сути-то, говорит всё правильно, не придерёшься, но...

— Хорошо, пока ни по чему бить не буду, — неуверенно пообещал я. — Мои условия. Пункт первый: освобождение всех пленниц.

— Освобожу, лично до дверей провожу, в ножки поклонюсь, прощеньица попрошу прилюдно! Слезу пустить?

— Не надо, обойдёмся без театра театровича, — поморщился я. Страсть этого махрового прохиндея к мелодраматическим эффектам давно вошла в поговорку. — Пункт второй: возвращение Бабе-яге и Мите Лобову их истинного облика.

— Исполню в лучшем виде! А тока... ежели Яга-предательница не захочет с молодостью расставаться?

— Ну, это будет её осознанное решение, и мы, как взрослые люди, всё поймём, — вздохнул я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Неужели я больше никогда не увижу ту прежнюю, старую бабку, с которой я познакомился, у которой жил, с которой расследовал столько запутанных дел, которую любил, как самую родную бабушку на свете? То есть совсем никогда. Потому что теперь я старше, чем она... Трудно поверить и принять, что отныне она будет жить своей жизнью, бегать по модным магазинам, тусить с юными подружками, сводить с ума мужчин десятками на день и всё такое разное, молодёжное.

Не знаю. Но пусть делает так, как сочтёт для себя лучшим. В конце

концов...

— Энто всё али ещё чего пожелаешь, мил-друг участковый? — Елейный голос коленопреклонённого Кощея не дал мне додумать мысль до конца.

Хотя чего там думать-то, это ж Баба-яга, и она поступит так, как на данный момент ей втемяшится в башку. Уговаривать, убеждать, лезть с советами — самому себе карму портить...

— Пункт третий: отпустите Василису Премудрую. Да, я в курсе, что она бесовка, но тем не менее.

— Зачем тебе эта стерва замудрёная? — искренне удивился преступный авторитет. — Василиска мне по своей воле служит, тебя сто раз предала и продала. Думаешь, кто сюда Олёнку обманом заманил?

— Я думаю, моя жена сознательно позволила себя обмануть, чтобы попасть сюда и дать мне время разобраться с ситуацией. Пусть Василиса тоже сама решит свою судьбу. Без давления и нажима.

— Всё, всё, как можно, упаси господь! Перекреститься?

— А вам можно?

— Я ж злодей, — гордо хмыкнул он, широко осеняя себя крестным знамением. — Мне всё можно, я, знаешь ли...

С потолка неожиданно выпал кирпич, в пыль разбившись о маковку Кощея. Золотые зубья короны всмятку, а гражданин Бессмертный без писка рухнул мордой в пол.

— Это вас Бог наказал, — подумав, сообщил я, хотя не мог быть в этом стопроцентно уверен.

Пользуясь коротким моментом, пока хозяин Лысой горы валяется в отключке, мне в голову начали заползать нехорошие мысли. Их ещё называют умными, потому что они реально отражают действительность, показывая всё как есть, а не так, как нам хочется.

А в реальности, если Кощей опомнится и одумается, то некролог обо мне будет очень коротким: «Пришёл ниоткуда, служил закону, ушёл в никуда». Даже про землю пухом упоминать не станут, поскольку отдельные молекулы хоронить особо не принято...

— Ох и крепко же меня вштырило, — тихо донеслось с пола. — Раньше как-то послабее было. Всё, пора завязывать с крещением, годы не те, рубит на всю башку! — Преступный гений встал, кое-как выпрямил погнутую корону и обернулся ко мне. — Ну, всё так всё, договорились, — он протянул ладонь через решётку для рукопожатия, — отгоняй печку, отдавай яйцо!

— С чего бы? — удивлённо спросил я, даже не рискуя сунуть ладонь в

его стальную хватку. — Какие у меня гарантии?

— Как?! Мы же ДОГОВОРИЛИСЬ! Я те слово дал!

— Вы и десять дадите, — напомнил я ему, вновь засовывая его «смерть» в карман брюк. — Вы не забыли, кто из нас двоих олицетворяет силы зла?

— Я, что ль?! — наигранно ужаснулся Кощей Бессмертный, и я понял, что с этим отпетым уголовником можно разговаривать только с пистолетом в руке.

— Значит, так, шутки кончились, не КВН, в конце концов. Моё последнее предложение: я забираю пленниц, ухожу отсюда своим ходом, вы даёте мне заклятие для снятия чар с моих друзей — и яйцо ваше!

— А где мне гарантии, что ты энто яйцо с собой не увезёшь?!

— Моё честное слово.

— Ага, — сделав вид, что задумался на минуточку, оскалился Кощей. — Стало быть, моему слову ты не веришь, а я, выходит, твоему верить обязан? Ох как складно у тебя нескладушки-то складываются, гражданин начальник...

— Хорошо. Напоминаю ещё раз: кто у нас тут силы зла, а?! Не слышу? Кощей Кирдыкбабаевич зарычал, потряс ворота, но сдался.

Путём коротких, но эмоциональных переговоров мы в конце концов пришли к моему плану мирного урегулирования ситуации. В конце концов, управлять печью мог только я, и это был мой единственный козырь на тот момент, поскольку про Митину помощь пришлось просто забыть.

Я попросил печку чуток подвинуться, ровно настолько, чтоб у меня была возможность протиснуться через ворота. Кощей, хоть и тощий, но не пролез бы, в этом и состоял весь мой хитрый план. Угрожай он мне один на один, так и навеки остался бы запертым в своем же дворце. Печь без моего слова и на сантиметр не сдвинешь.

Ему пришлось в свою очередь убрать куда подальше и плохोуправляемых шамаханцев, и рыцарей-зомби. После чего мы, практически плечом к плечу, пошли за пленницами.

— Вот, забирай кого хочешь, не жалко! — Кощей Бессмертный открыл железную дверь, приглашая меня войти внутрь.

Я вежливо отказался. Мне ни на грош не улыбалось услышать лязг запоров за спиной.

Мой «гостеприимный» хозяин пожал плечами, словно бы сетуя на незаслуженное недоверие, и сам выкатил из низенькой полуподвальной комнатки четырёх девиц на одной тележке.

— Олёна, Маняша, Яга, Василиса, — по головам пересчитал я. — Всё

верно, все четверо, по списку. Что с ними?

— Спят. Орали шибко, выражались даже. Особливо Баба-яга, ох уж и знатная матерщинница! Даже шамахань краснели...

— На службе она себе такого не позволяет, — холодно отметил я. — Они у вас заколдованные или просто под влиянием снотворного?

— Ясное дело, заколдованы! — даже обиделся гражданин Бессмертный. — Я ж не маньяк какой — девиц чаем поить да им же туда всякую химию бесстыжую сыпать.

— Как расколдовать?

— Поехали, заклятие в книгах записано. Где прочтёшь, там они и в чувство возвратятся. Али не веришь?

Я кивнул. Не верю.

Абсолютно не верю, просто не знаю, что делать-то. Бить по яйцу? В смысле по его яйцу. В смысле по тому его яйцу, что он в сундучном лесу оставил. Простите, запутался, но вы поняли...

А если вдруг окажется, что это не оно, не то, фальшивка, дубликат, дурилка картонная, так ведь тогда Кощей от меня мокрого места не оставит! Нет уж. Блефуем дальше, главное — сохранять непроницаемое выражение лица, холодный взгляд и не потеть, когда он облизывается.

Мы в четыре руки покатали тележку с девушками по коридору в рабочий кабинет. Туда я дорогу знал, всё-таки не один раз там отметился. Правда, больше как диверсант-самоучка с товарищами, но смысл сейчас вспоминать старое, рискуя глазом?

У Кощей вообще рыльце в пушку по любому поводу. Что бы ни случилось в Лукошкине и окрестностях — начинай копать, рано или поздно всё равно нарвёшься на козни этого бессмертного преступного типа. Да вот хоть и сейчас! Думали, во всём виноват фон Дракхен, да? А фигу!

— На! — Покопавшись в хаотичной куче бумаг на столе, хозяин Лысой горы вытащил обрывок какого-то жёлтого пергамента с красивой готической надписью на незнакомом мне языке.

— И что это?

— На старославянском скажи «взбудит»! Просыпайся, значит. Произнесёшь вслух, щёлкнешь каждую по носу, она и пробудится.

— А щёлкать зачем?

— Да смеху ради! По сути, оно и необязательно. С одних слов сработает.

— В каком порядке будить, значения не имеет?

— Лучше по старшинству, — подумав, прикинул Кощей. — Мата, конечно, больше, зато слёз да истерик меньше.

Вот тут он прав. Глава нашего экспертного отдела ни за что меня не простит, если её расколдуют не самой первой.

— Что у нас по поводу снятия чар?

— Баня. Как баньку истопишь, Ягу туда сводишь да в трёх водах искупаешь, так в сей же миг тело её молодое, весёлой силой налитое, очи смелые, груди спелые... Эй, ты чего покраснел-то, сыскной воевода?

— На себя посмотрите, — буркнул я. — Вы сценарии для немецких киностудий писать не пробовали?

— Не, — покачал головой лысый лиходей, прекрасно понимая, о чём речь. — Это у нас фон Дракхен на такие штуки мастер был. Любил, старый Змей, развратничать со всякими играми неприличными. Европа-с, культура-с, поверь моему слову, они ещё и не до такого дойдут...

Я вспомнил специфично одетого Гороха и предпочёл промолчать. Очень надеюсь, что к тому времени, когда вековой лёд всё-таки растает, этот гад безнадёжно отморозит себе всё хозяйство и девушек впредь красть не будет. Как говорится, кастрированный кот и мышей не ловит...

— А если бабка не захочет в прежний вид? — вовремя вспомнил я.

— Тады пуцай месяц не моется! Заклятие моё в полную силу войдёт, и уж ничем его потом не одолеть. Ни твоей милиции, ни даже мне самому, — самодовольно ухмыльнулся Кощей, задирая нос наподобие великого Сальвадора Дали. — Я своё слово сдержал, все обещания исполнил. Теперича совсем всё? Яйцо-то когда отдашь?

— Отдам на выходе.

— Ну-ну, смотри, участковый, будешь выходить, не запнись на пороге. А то вдруг да ненароком шейку себе свернёшь! Так я ж тебя провожу, поддержку за ручку...

Опять двадцать пять!

Я закатил глаза, ведь любому Ивану-дурачку ясно, что, как только Кощей получит своё яйцо, он меня тут же убьёт на месте. Неужели он всерьёз думает, что я этого не понимаю? Однако выкручиваться как-то надо, потому что жить очень хочется...

— Я должен убедиться в том, что все пленницы будут далеко и в безопасности.

Гражданин Бессмертный с пониманием покивал и даже активно помог мне дотолкать тачку с четырьмя спящими девицами до выхода. Я на секунду расслабился, задумавшись о том, как мне на своём горбу тащить их всех на печку, и в этот момент кто-то навалился мне на плечи.

Короче, и охнуть не успел, как уже был прижат к полу с заломленными за спину руками, а сильные пальцы Кощея хищно обыскивали мои

карманы...

— Не серчай, сыскной воевода, но тока полный идиот поверит, будто бы я тебе без сопротивлений сдамся. Сам во всём виноват, думать надо было, к кому спиной поворачиваешься. А вот хочешь знать, в чём твоя главная ошибка, Никитка-дурачок?

Мне это было не очень интересно. Я знал, в чём его главная ошибка — взялся душить, души, а не болтай зря! Мне удалось кое-как выпрямить спину и максимально чётко произнести:

— Возбудит!

— А-а-ах! — четырёхкратно раздалось в коридоре, и четыре красавицы одновременно открыли глазки. Давление на мои плечи заметно ослабло...

— Кощеюшка-а, любимы-ый!

Кощей рывком поставил меня на ноги:

— Ты какую хрень прочёл, участковый?! Там ить совсем другой текст был, «взбудит» же! От чтоб тебя, зараза ментовская, на Луну закинуло, кратеры дырявые патрулировать...

А поздно. Баба-яга, Василиса, Маняша и даже моя Олёна (ладно, это временно) кинулись с поцелуями на гражданина Бессмертного, буквально завалив его любящими телами.

— Чмок! Чмок! Чмок! Чмоки-чмоки-чмоки-и!

Я с трудом выбрался из-под этой куча-малы и на глазах перепуганного Кощея достал из кармана золотое в крапинку яйцо.

— Тока попробуй, гад... мы ж... договорились-а?!

— Угу, и кто нарушил договор? — глухо напомнил я, изо всех сил саданув яйцом об пол.

Осколки скорлупы так и брызнули во все стороны! Я наклонился и поднял небольшую стальную иглу...

— Всё, без базару, — мигом сменил тон величайший злодей современности. Он быстро произнёс нужное заклинание, и ко всем девушкам мгновенно вернулся разум.

— Никитушка, сокол ясный! Любимый мой! Никита Иванович, вы ли?! — В ту же минуту трое красавиц повисли уже на мне. Как я только удержался на ногах, ума не приложу...

Олёну прижал к груди, Баба-яга и Маняша удовлетворились левым и правым плечом. Рядом с Кошеем осталась лишь его верная бесовка Василиса Премудрая. И хотя он сам, собственной рукой, грубо оттолкнул её, в глазах толстухи светилась самая искренняя женская преданность из серии «бьёт — значит любит!».

Мне, как сотруднику милиции, такого никогда не понять. Но если вспомнить, сколько у нас было вызовов в той же Москве: «Приезжайте срочно, он меня бьёт! Ой, не трогайте его, я его люблю!» Женская душа — терра инкогнита...

— Милая, нам надо уходить, — с трудом прерывая поцелуй, сказал я. — Забирай всех наших, печь в конце коридора, уезжайте в Лукошкино!

— А ты? Я тебя не оставлю!

— Мы с Митей справимся, — попытался соврать я, но под строгим взглядом Олёны признался: — Главное, спасти всех наших. Я выберусь, у меня смерть Кощея на конце иглы.

— Та самая?! — не удержавшись, влезла Баба-яга. — Никитушка, отдай её мне, Христом-Богом молю! Хочу сама с энтим лысым хреном за всё поквитаться! Я ж его энттой иголкой зашпыняю во все места, он у меня месяц сесть не сможет, я ж ему...

— Ни фига себе наезды-то?! — не удержавшись, возмутился Кощей Бессмертный. — Стало быть, как всей толпою бабской меня поцелуями слюнявить — так пожалуйста! А как смерть мою...

— Стоп. — Бабка гулко ударила себя кулачком по розовому лбу. — Так мне не привиделось оно. Девоньки, мы и впрямь энту морду лысую, энто колено безволосое, энтот мухомор несвежий... целовали-и?!

— Бей его, — тихо предложила моя скромная жена.

Я даже слова вставить не успел, как ситуация вновь вильнула хвостом не в ту сторону. Минут пять все три взбешённые красавицы лупили бедного Кощея всем, что под руку попадётся.

Бедная Василиса Премудрая подпрыгивала рядом, умоляя и шепча:

— Ой, ну не надо! Ну хватит! Он больше не будет! Ему же больно-о...

Не дожидаясь, пока наш злодей опомнится и не глядя нараздаёт всем им сдачи, я поспешил решительно вмешаться в это дело. Пару оплеух получил сам, попав под горячую руку, но всё-таки как-то сумел растащить всех в стороны.

— Всё! Пожалуйста! Выдохнули и успокоились! Дракой мы ничего не решим, в конце концов, есть какие-то договорённости, и давайте мы все будем их соблюдать.

Ко мне прислушались. Конечно, не сразу. Та же Баба-яга дольше всех ворчала, что все договорённости с Кощеем надо совать трубочкой псу под хвост, там им самое место! Это, как вы понимаете, мой отредактированный перевод, на деле бабка-красавица выражалась куда крепче.

Оказывается, заколдованный человек не всегда является исполнителем чужой воли, в смысле действует неосознанно, как под влиянием наркотика.

Бывает, что как раз наоборот — умом и сердцем прекрасно понимает, что творит, а вот остановиться не можешь. И это был тот самый случай.

А заставить чародейским заклинанием главу нашего экспертного отдела целовать Кощея Бессмертного в дёсны — да ещё и по мордасам ему потом дать не смей?! Короче, я её понимаю. Это всё равно будет временное перемирие, потом он отвернётся, и она его сзади, в прыжке, костяной ногой по кумполу одним ударом за всё...

— Итак, прошу всего минуту тишины. Я уложусь, обещаю. Дорогие девушки, не надо больше никого бить. Ваш транспорт ждёт у входа. Садимся, греемся, отправляемся в родное Лукошкино. Я буду следом. Не волнуйтесь, обязательно буду! — Мне удалось погасить маленький бунт в лице моей жены и Яги. — Любимая, не переживай. Я хоть раз тебя обманывал?

— А если тебя убьют?..

— Не надо слёз! Ставлю вопрос иначе, я хоть раз говорил тебе: не волнуйся, меня не убьют, а на самом деле меня убивали?

— Нет, — путаясь в моей простенькой казуистике, признала Олёна. — Милый, вот ты когда говоришь такое, вроде бы всё верно, но теперь мне самой хочется тебя убить.

— Давай ты сделаешь это дома, наедине, под одеялом, — тихо предложил я, и она радостно закивала.

Отлично, теперь Яга.

— Бабуль, а вы чего упёрлись? Вам-то какой смысл тут торчать? У вас по лесу избушка бесхозная бродит, кот столько дней не кормленный. Похудеет же!

— Делов-то, — фыркнула Баба-яга, пытаясь просверлить взглядом в лысом интригане две пылающие дырки. — Съезжу, поймаю, покормлю и рысью сюда за праведной мстью!

— Договорились.

— Ой ли?! А ты, часом, не дуришь меня, старую?

— Нарывается на комплимент? — догадался я. — Какая ж вы старая, теперь вы вон какая молоденькая краса-девица! Как там гражданин Бессмертный говорил про очи, тело и груди... кхм. В общем, хотите мстить — приезжайте с утра и мстите себе на здоровье! Я не буду стоять на пути вашего счастья...

— А мой суженый где? — вдруг подала голосок доселе молчавшая Маняша.

— По лесу в облике волка территорию метит, пьянучи-ий... — вынужденно признался я. — Если, конечно, вы о Мите Лобове спрашивали.

— Уже не уверена, — крепко задумалась кузнецова дочь.

— Ну, раз вопросов больше ни у кого нет, встаём, строимся и друженько, походкой от бедра, дефилируем по коридору на Емелину печь.

— Погодь, милый, ты же вроде говорил, что вы с Митей тут останетесь, — шепнула на ухо моя Олёна. — А теперь говоришь, что он по лесу бегают?

— Это только для Маняши.

— А-а, понятно. Мужские секреты?

— Именно.

Она коснулась губами моей щеки и, развернувшись, подмигнула остальным. К моему (да и Кощееву) удивлению, ей подчинились все (даже Василиса), без споров, выкриков и слёз направившись на выход.

— Ушли девки? — зачем-то переспросил гражданин Бессмертный, пальцами выпрямляя погнутый стальной нагрудник и пытаясь покрасивее надеть корону. — Отдавай иголку, участковый, я своё слово сдержал!

— Вы пытались меня задушить.

— Ну и что с того? Я ить злодей как-никак, мне гадости да измены творить по чину положено. А тебе ни-зя-а-а!

— Зачем вам вообще всё это понадобилось? — спросил я, пока мы мирно шли тем же коридором на выход. — Вы ведь куда умней и опасней Змея. Ну, возможно, в плане грубой силы в честном бою он бы и имел шансы, но в плане мозгов...

— Змей мне и друг, и враг давний, — не спеша начал Кощей. — Было времечко, мы с ним такие дела проворачивали, любо-дорого вспомнить...

— Да неужели?

— О пожаре в Александрийской библиотеке слыхал? — пустился загибать пальцы хозяин Лысой горы. — Энтó мы с фон Дракхеном крепко напились тогда, решили книжки почитать, интеллектуальной пищи захотелось, ну у него отрыжка и пошла. А как Рим сгорел, знаешь? Людишки учёные до сих пор царя ихнего подозревают, Нерона. Так на деле это просто Змей Горыныч пиццу с морской солью винищем местным запивал, да и не сдержался. Хе-хе, про всякие городки европейские вообще молчу, мы ж гуляли в те годы от Праги до Парижу, от Вены до Мадрида, и везде, везде после нас картины появлялись — рыцарь и дракон!

— Угу, вы ещё скажите, что икона святого Георгия со змеем с вашей парочки писалась.

— Не совсем так, — не стал завираться Кощей. — Однако ж аналогии имеются...

— Ну хорошо, что ещё в пожаре Москвы тысяча восемьсот

двенадцатого года не вы виноваты.

— Покуда не я. А когда, говоришь, энто дело будет? — живо заинтересовался наш злодей. — Ежели не помру, дак, может, и поучаствую!

Я мысленно проклял себя за то, что подсунул ему эту идею. Очень надеюсь, что российские историки не ввали, и в сожжении Москвы виноват всё-таки Наполеон и наши патриоты, поджигавшие собственные дома, лишь бы они не достались французам. Рассматривать в этом контексте версию мести «отмороженного» Змея фон Дракхена было бы как-то совсем ненаучно...

— То есть вы всё-таки дружили. И что же послужило причиной разлада?

— Да как всегда, погорели на бабах. Ягу молодую поделить не смогли...

— Ого?!

— Ты её сейчас видел? — кривя губы, уточнил Кощей. — Так вот, в те годы она такой же красавицей была. Тока мозгов поменьше. Вот фон Дракхен к ней и подкатывал. То принцем обернётся, то царевичем, а требовал всегда одного: накорми, напои, в баньке выпари да спать уложи. Ну там одеяло подоткни, спокойной ночи пожелай, поцелуй перед сном... Сам понимаешь.

— Понимаю.

— А Яга не далась. Ни мне, ни ему! — до хруста сжал зубы Кощей Бессмертный. — Я, может, от её отказу и баловать начал. До того просто удаль показывал, а потом уж... понеслось под горку, не остановишь, головушка моя бедовая, судьба каторжная...

Мы некоторое время помолчали, думая каждый о своём.

В конце коридора, за забором, показалась печь, на которой расселись все четыре красавицы. Я мысленно попросил доставить их всех в Лукошкино и, к моему шоку, это сработало. Емелина печка пустила лёгкий дымок из трубы, дрогнула, сдала назад и, развернувшись на песке, пошла прямым ходом на нашу столицу.

— Вот и всё, участковый...

— В каком смысле?

— Да в прямом, разве сам не знаешь? — Голос гражданина Бессмертного звучал даже как-то сочувственно. — Время настало, я все твои указания выполнил. Теперича и ты мне иглу отдать должен. Ежели, конечно, совесть есть.

— Ага, я вам её отдам, а вы меня убьёте?

— Убью, естественно, я ж злодей, а не абы кто! — Он виновато пожал

плечами. — А не убью, дак ты же первый меня уважать перестанешь. Разве нет?

— Каждый имеет шанс исправиться. Так сказать, на свободу с чистой совестью.

В ответ Кощей так нехорошо улыбнулся, что я невольно отшатнулся к стене, сжимая иголку в пальцах. Мне нечего было терять. Кроме жизни, конечно...

— Ещё только шаг, и я...

— Эх, участковый, — с каким-то непонятым сочувствием пробормотал злодей, — ты, видать, сказки-то читал, а вот думать над прочитанным — не думал. Никитка-сыскарь, дурачок ты и есть! Даю тебе минуту. Попробуй-ка у иглы кончик обломить...

— Да легко! — с ходу завёлся я. — Но если у меня получится, вы же умрёте, да?

— Да, да, а как же. Умру прямо тут, на месте, а то чего ж! Нехорошо получится, не как в сказках. Кстати, кто эту бредятину писал-то, ты не догадываешься, участковый?

Я похолодел (внутренне), но тем не менее храбро попытался отломить у иглы кончик. Вы хоть когда-нибудь пробовали? Вот именно, что нет. Так я вам скажу: кончик иглы не отламывается! Просто раздаётся лёгкий звон, и эта гадина-иглолка ломается пополам!

— Не то, не катит, — спокойно резюмировал гражданин Бессмертный. — Надо ить кончик у иглы отломить, а не серёдку порушить.

Мои попытки отломить кончик у половинки иглы вообще привели к тому, что я в кровь исковырял пальцы, но теперь даже пополам не смог переломить эту дрянь.

— И что делать?

— Энто ты у меня спрашиваешь, сыскной воевода? — громогласно захохотал преступный гений и торжественным шагом двинулся к стене, увешанной всяким оружием.

Я не стал дожидаться, какой именно меч, топор или что там ещё есть он выберет, и со всех ног бросился к воротам. Которые, как вы уже догадались, захлопнулись так резко, что чуть не прищемили мне нос! Да что ж за невезение-то...

— Вот он, меч мой чёрный. — Кощей не спеша снял длинный прямой меч с узорной гардой в виде сплетающихся драконов. — Колдовское оружие, старой магии полное, из древних элементов ковано. Ежели его в руку взять, так он сам тебя нипочём не отпустит, покуда живой крови не отведаёт! Молиться будешь али так помрёшь?

— Не спешите, — огрызнулся я и недрогнувшей рукой вдавил кончик иголки в каменную стену. — Вот вам, получите от всей лукошкинской опергруппы!

Кончик иглы на секунду замер, а потом...

— Ну и?

— Он согнулся, — не веря своим глазам, пробормотал я. — Что же за хрень такая... Получается, врут сказки, да?

— А ты, конечно, умишком своим махоньким думал, что я таких мелочей не предусмотрел, — раздражённо пожал плечами Кощей, берясь за рукоять волшебного меча.

Гарда словно бы ожила, и металлические драконы плотно обвили хвостами запястье хозяина. Такой меч никогда не выскользнет из рук, и выбить его тоже невозможно...

— Думаешь, ты первый, кто мою иголку ломает? Да я уж со счёта сбился, скока их там было, от Иванов-дураков до Иванов-царевичей. А сейчас взгляни в лицо своей смерти, Никитка-участковый, мент поганый, волчара позорный...

— Ты к-кого энто т-тут в-лчарой об-звл? — грозно, с пьяным спотыканием донеслось из-за моей спины.

Митя? Как всегда, вовремя. Но не в таком же виде...

— Фсё, хана те, злыд-нь кост-тлявый, — уверенно объявил серый волк, и я услышал дробный стук копыт.

Обернулся и замер — прямо на ворота, словно сказочный рыцарь на белом коне, нёсся мой рыцарь с длинной сухой ёлкой под мышкой, восседая на златогривом жеребце. Волк верхом на лошади — это круто!

И не как в прошлый раз, а в самой героической проекции. Не пытайтесь это повторить в домашних условиях, посадив свою чихуа-хуа на пони и дав ей зонтик, просто поверьте на слово...

— При-ши-бу-у-у!!!

Кощей не поверил и только поэтому даже не попытался увернуться. А зря! Еловый ствол легко пролетел сквозь узорные ворота и попал нашему общему врагу точнёхонько в солнечное сплетение. Гражданина Бессмертного снесло вглубь коридора шагов на пять, а я, чувствуя себя спасённой принцессой, принялся орать:

— Митя, ворота открой! Заклинило, сам не справлюсь!

— Сей м-момент, Н-кта Иваныч, от-тец род-дной... Посп-соб-ствуем!

Серый волк мешком сполз с чудесного коня, плюхнулся носом в песок, отчихался, прикрывая морду лапами, и бочком потрохал ко мне. Естественно, не успел.

— Да будьте вы прокляты, ментовское племя, — обиженно раздалось сзади. — Убью обоих, и рука не дрогнет!

Я едва успел присесть, когда длинный меч пролетел над моей головой и, пройдя сквозь ворота, остановился в считаных сантиметрах от Митькиного пуза. Серый волк зарычал и... навалившись всем весом на клинок, загнул его буквой «г». Силы у него всегда хватало.

А потом мы вместе упёрлись в левую створку ворот, отжали её в четыре руки (две руки, две лапы!), и я ценой порванной рубашки и трёх длинных ссадин протиснулся наружу.

— Спасибо, напарник. С меня причитается.

— А, бросьте, Н-кита Ив-ванович, к-кие между своими сч-счёты? Медальку бы, к-нешна...

Кощей, похоже, так и не осознал до конца, что произошло. Волшебный меч, требующий крови, всё так же мёртвой хваткой сжимал его руку, а извлечь загнутый клинок из ворот было попросту невозможно. Самый главный преступник современности смотрел на нас тупым взглядом, как обезьяна с бананом в руке...

— Вы куды, участковый?

— Мы домой. Извините, что не приглашаем с собой в Лукошкино. Там у нас отец Кондрат, а вы с ним не особо ладите.

— Но...

— Но если что, пишите письма, мы ответим, — твёрдо пообещал я. — Адрес прежний: Лукошкино, отделение милиции, лейтенанту Ивашову Н. И.

— Козлы вы милицейские, — чуть не всхлипнул Кощей, бессильно дёргая рукой с волшебным мечом.

— Попр-шу без оскорблений. — Мой напарник поднял заднюю лапу и нагло окропил ворота. — Ну, от слов нет, как-ой нев-вежливый преступный э-лмент пошёл, а?!

— И не говори, — согласился я, подошёл к златогривому коню, примерился и первым же прыжком вскочил ему на спину. Серый волк нацелился следом.

— Нет, Мить, даже не думай. Мы с тобой не братья тамплиеры. Ножками побегаешь, заодно и хмель выветрится. Появление в городе пьяного волка — это, знаешь ли, чревато...

— Слышь, участковый, а разве тебе не положено было меня ну там умом-разумом, хитростью, дедукцией победить?

— Вообще-то положено.

— Так чё, разогнуть? — спросил Митя.

— Да, — попросил Кощей.

— Нет! — заорал я.

— Как скажете, Никита Иванович.

— Вы куда? Вы чего?! Мы меня тут бросите, что ли? — возопил гражданин Бессмертный, изо всех сил дёргая меч, но заколдованные им же ворота держались надёжно. — Сволочи, гады, негодяи нехорошие, выпустите меня-а!!! Убью-у!!!

— Выпустим — убьёт, — правильно уловил главную мысль наш младший сотрудник и первым пустился наутёк, показывая мне дорогу.

Я слегка толкнул златогривого коня пятками, и тот послушно порысил за Митькой. Вопли и проклятия Кощея Кирдыкбабаевича постепенно стихали за спиной. Мы вырвались, мы живы, а это уже победа. Да что там, нереальная победа-а-а!

А как именно, по правилам детектива или по законам приключенческого жанра, — не важно! Сказка есть сказка...

...К ночи я постучал в крепкие ворота Лукошкина. Всё, мы дома...

Стрельцы у ворот, не наши, не еремеевцы, но тем не менее безропотно пропустившие меня, крестились при виде здоровущего болтливого волка, однако никаких препон не чинили.

Оказывается, избушка с царём, царицей и дьяком прибыла в город ещё вчера, и Горох с ходу навёл тут шороху! Явление полуголого царя с царицей в милицейском кителе и фуражке ещё на подходе к Лукошкину произвело такое впечатление, что за ними целый крестный ход пошёл!

Половина боярской думы уже сидела, как мышки, под домашним арестом, горожане встречали возвращение государя цветами и овацией, кто-то даже пару сараев подпалил в честь праздника. Боярских, естественно. Звон колокольный до утра стоял! Ну и гудёж тоже...

Еремеевцев вернули, но, пока гонец догонит их на границе и наши ребята появятся в городе, пройдёт дня три-четыре, это дело не быстрое. Ничего, справимся своими силами.

Мы с Митей тихо ехали сонными улочками родной столицы, словно два бойца, возвратившихся с далёкого фронта к отчему порогу. Говорить не хотелось, хотелось надышаться тишиной. У ворот отделения никого не было, но в окне терема Бабы-яги горел одинокий свет.

Мы постучали.

— Никитушка! — Молодая черноокая красавица бросилась мне на шею, открыв калитку.

Я крепко обнял бабу. Грудь переполняла тысяча разных чувств...

— Как вы?

— Добрались без проблем, — моя домохозяйка кивнула на стоящую в углу двора Емелину печь, — всех девок спать уложила. С твоей Олёной, правда, цапнуться пришлось — всё рвалась тебя спасать, дурочка влюблённая. Ну, пошли в дом, напарнички, там всё и расскажете!

— Иду. Вот только Митю баню топить отправлю. И конь ещё этот увязался же...

Пока мы с бабкой тихо сели внизу за стол с чаем и плюшками, а кот Васька, исхудавший, но по-прежнему важный, как английский мажордом, подавал нам кизилевое варенье, серый волк препроводил златогривого коня в нашу конюшню, представил его Сивке-Бурке и пошёл за дровами.

Красавица Яга села напротив меня, подперев подбородок ручками, и внимательно слушала мой рассказ о нашем спасении с Лысой горы. Долго, терпеливо, не перебивая.

— Энто правильно, что ты Кощеюшку жизни лишать не стал, — после минутной задумчивости кивнула она. — Мало ли чё произойти могло? Вдруг бы да весь его дворец подземный с того рухнул и вас с Митенькой живьём завалило. А теперича пущай с мечом своим волшебным да воротами чародейными возится хоть до морковкина заговенья!

— Теперь ваша очередь.

— Ты про что, участковый?

— Про всё!

Яга вздохнула, всплеснула ручками, потом плюнула и пустилась во все тяжкие. Мы довольно долго говорили о её бурной молодости, знакомстве с Кощеём, фон Дракхеном (тогда он представлялся другим именем), её жизни в лесу, переезде по разным городам, трёх дочерях от разных отцов, сложностях и скандалах с зятьями, о том, что где-то у неё ещё и куча внуков гуляет, которых она сама никогда не видела, да и те знать не знают, какая у них известная бабушка.

Потом ещё о моих приключениях, о всех наших превращениях, чародействах, погонях, дорогах, битвах, победах и всём прочем, что свалилось на плечи всего нашего отделения за последнюю неделю. Через час-полтора красавица-бабка достала из шкафчика свою знаменитую малиновую настойку, и словно на запах в дверях появился Митя. Не серый волк...

— Никита Иванович, — низко поклонился он, сияя вымытой головой и расчёсанными кудрями, — всё исполнил, как вы велели, в трёх водах окатился и облик прежний возвернул! Банька ждёт...

— Об чём энто он, Никитушка?

— Э-э, понимаете, Кощей рассказал, как снять заклятие, — почему-то замялся я. — Вот Митя был волком, а искупался в трёх водах — холодной, тёплой и горячей — и вновь стал человеком. Ну и...

— И чего?

— И... ничего, — окончательно запутался я, не смея смотреть ей в глаза. — Просто если бы вы захотели...

— Снова стать старой развалиной, никому не нужной, с радикулитом, горбом на спине, зубом наружу, так пойти помыться, что ль?!

Я опустил голову. Баба-яга разревелась и бросилась вон из горницы. Кот Васька скользнул мне под руку, требуя несмотря ни на что почесать ему за ухом.

— Митя, иди спать, поздно уже. Завтра куча дел: доклад Гороху, возвращение еремеевцев, отправление обратно Емелиной печки и что у нас там ещё по заявлениям граждан? Много чего, да?

— Слушаюсь, Никита Иванович, — послушно вздохнул он. — А только Бабуленьку-ягуленьку жалко...

— Это её решение, Мить. Хочет остаться молодой по Кощееву заклятию — мы спорить не будем. Её жизнь, её решение. Хотя, конечно...

— Что? — вскинулся он.

— Будет очень непросто привыкать друг к другу вновь.

— Это да, — согласился Митяй. — А мне молоденькая красавица больше нравится!

— Ты поэт, — улыбнулся я. — Иди спать, завтра нас петух разбудит.

Мне оставалось подняться наверх, в свою комнату. Олёны там не было, значит, бабка целомудренно расположила девушек в другой комнате. Возможно, даже предоставила им свою.

Ну и ладно, утро вечера мудренее, как здесь выражаются. До обещанного петушиного пения оставалось часа четыре, не более, потом этот пернатый будильник начнёт орать так, что хоть святых выноси!

Иногда мне кажется, что он делает это исключительно ради меня, для него же просто праздник — поднять на рассвете невыспавшегося милиционера...

P.S.

...Я ошибся. Наутро меня разбудила Яга.

— Вставай, участковый, Василиса-бесовка сбежала!

Я с трудом продрал глаза и вздрогнул, это было не самое сладкое пробуждение в моей жизни. Сейчас расскажу...